

Валентин АГЕЕВ

**ПСИХОЛОГИЯ
ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ**

(введение в проблему)

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. АЛЬ-ФАРАБИ

Валентин Агеев

ПСИХОЛОГИЯ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ (введение в проблему)

Учебное пособие

Алматы
«Казак университеті»
2002

ББК 88 я 7
А 23

*Рекомендовано к изданию Ученым советом факультета
Философии и политологии и РИСО КазНУ им. аль-Фараби*

Рецензенты:

*доктор психологических наук, профессор Х.Т.Шерьязданова;
доктор психологических наук, профессор В.И.Кабрин;
кандидат психологических наук, доцент И.А.Сапарова;
кандидат философских наук, доцент А.А.Швыдко*

Агеев В.В.

А 23 Психология трансцендирования (введение в проблему): Учебное
пособие. - Алматы: Казак университеті, 2002. – 376 с.
ISBN 9965-12-154-0

Пособие преследует цель расширения и дополнения имеющейся учебной литературы по общей, возрастной и педагогической психологии. В нем впервые в психологической литературе проведен критический анализ классических концепций индивидуально-го развития.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что современный кризис психологии имеет глубокие философско-методологические корни. Конструктивное разрешение кризиса видится в смене психологической парадигмы за счет отказа от социально-культурной природы человека и признания человека в качестве универсального существа.

Адресовано студентам старших курсов психологических отделений и факультетов университетов, аспирантам, а также психологам, педагогам и работникам образования, стремящимся найти свое решение современных психологических проблем.

А 0303010000-119 75-01
460(05)-02

ББК 88 я 7

ISBN 9965-12-154-0

© КазНУ им.аль-Фараби, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Современная психология находится в состоянии сразу нескольких кризисов: мировоззренческом, методологическом и методическом. Но к этому факту разные психологи относятся по-разному. Для одних – это теоретическая и практическая катастрофа, для других – рядовая ситуация. Третьи, вообще, склонны считать, что никакого кризиса нет.

Такие полярные оценки возникают потому, что различные исследователи ориентируются на различные ценности.

Те, для кого состояние в психологии – катастрофа, считают, что проблема заключается в необходимости переосмысления сущности человека, его отношения к Миру и другим людям. С их точки зрения, пришла пора понять человека как онтологический центр мира, как универсальное существо, как рефлексию самой природы.

Те, кто считает, что в современной психологии имеют место рядовые теоретические трудности, уверены в незыблемости традиций и абсолютной правильности раз и навсегда открытых истин. С их точки зрения, необходима простая корректировка классических концепций с учётом современных условий. Вследствие отсутствия у таких учёных мировоззренческой, методологической и теоретической рефлексии, у них нет и не может быть теоретических средств анализа современной психологической ситуации. Поэтому, хотя они и чувствуют проблему, но не способны предложить её современные решения.

Психологи, которые даже не ощущают кризиса, склонны рассматривать психологию как прагматическую эмпирику. Для них в психологии вообще не существует никаких проблем, в том числе мировоззренческих, методологических и методических.

Настоящее учебное пособие, в первую очередь, ставит перед собой задачу побудить Вас к раздумьям о том, а что же такое человек с точки зрения современной психологии? Во-вторых, учебное пособие пытается пробудить в Вас сомнение в абсолютности современного психологического знания. В-третьих, я надеюсь, что, по мере прочтения книги, в Вас будет укрепляться способность сомневаться, которая способствует развитию методологической рефлексии как одного из важнейших качеств современного психолога.

Но самое главное, для чего написано учебное пособие, - это заставить Вас поверить в свои силы и побудить к концептуальному и теоретическому творчеству.

Все эти задачи могут быть решены только при Вашем личном, непосредственном и настойчивом участии. Поэтому я желаю Вам не растерять на многотрудном пути познания самого себя и сделать собственное образование не «путём от себя», «а путём к себе».

Глава I.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- 1.1. Развивающийся мир и человек в нём.
- 1.2. Предметная культура как среда жизнедеятельности человека.
- 1.3. Человек как универсальный субъект.
- 1.4. Психология современного образования.
- 1.5. Некоторые выводы.

Предмет и цель данной работы — понять психологию человека как универсального (предметного) существа, как универсального субъекта, как субъекта трансцендирования. В наши дни порой трудно отделаться от острого чувства неудовлетворённости имеющимися психологическими моделями человека, которые, по нашему мнению, так и не смогли выразить универсальную сущность человека и описать процесс его онтогенетического становления в терминах, адекватно отображающих действие психических механизмов.

Именно в том, что психологическая наука до сих пор не справилась с этой задачей, мы видим одну из причин глобального кризиса современного образования как системы психологических практик, который уже сегодня принял общечеловеческие масштабы.

Мы уверены, что психологическое решение проблемы универсального человека может быть найдено с позиций предметно-деятельностного подхода. В связи с этим, стратегической категорией, позволяющей моделировать универсального человека и его онтогенез, для нас является марксистская категория “предметная деятельность”. Поэтому в работе главное внимание уделено этой категории и в основном анализируются деятельностные концепции онтогенетического развития. Вся другая информация используется нами в качестве вспомогательной, служащей (в той или иной степени) задаче построения предметно-деятельностной концепции онтогенетического развития человека как универсального субъекта.

Для того, чтобы понять характер современного кризиса образования как системы психологических практик и, соответственно, характер кризиса современной психологии развития, на концепциях которой строится (или должно строиться) образование, мы считаем необходимым начать работу с конструирования идеальной модели человека как универсального субъекта, его психологической сущности и необходимых критериев, имея которые мы сможем сделать заключение о конкретном характере этих кризисов.

Если кризиса нет, то нет и методологических проблем, и все наши действия должны быть сведены к стараниям “совершенствовать”. Если кризис есть, то “совершенствованием” мы ничего не добъёмся, поскольку необходима смена образовательных и психологических парадигм, смена базовых принципов, смена философских и методологических оснований.

1.1. Развивающийся мир и человек в нём

Ни одно конкретное исследование в психологии развития человека, преследующее цель изучения его универсальной сущности, сегодня не сможет обойтись без анализа глобальной модели Мира и места человека в нем. Это необходимо потому, что системный характер современных проблем психологии, так же как образования и социума в целом, требует системных решений. Поэтому искать эти системные решения необходимо на фоне ясного понимания того, в рамках какой модели мира и человека ищется это решение. Хочет того исследователь или нет, философская модель объективного мира, имеющаяся у каждого человека, в той или иной степени детерминирует его собственную стратегию исследования, соответственно, — и сам результат исследования, даже если это и не осознается самим исследователем.

Это означает, что решение проблемы связано с преодолением внутренних (парадигмальных) ограничений, а эти ограничения могут быть преодолены только тогда, когда в каждом конкретном психологическом исследовании его непосредственным предметом становится глобальная картина развивающегося объективного мира. Поэтому решение любой современной (системной) психологической проблемы, с нашей точки зрения, напрямую связано с необходимостью конструирования глобальной картины мира и человека в нем. Эта картина мира и должна стать главным средством любого конкретно-психологического исследования. Если этого не происходит, то исследователь всегда будет находиться в пространстве методологических границ, которые он сам не рефлексирует.

Проблема онтогенеза универсального человека, кроме важнейшего, на наш взгляд, ее аспекта — механизмов индивидуального развития — напрямую связана и с другими аспектами целостной картины развивающегося мира: с приоритетной моделью развития, с решением проблемы соотношения онтогенеза и исторического развития, с моделью соотношения человека, социума и объективного мира и т. д.

Одной из главных задач при решении психологической проблемы универсального человека, с нашей точки зрения, является задача понимания сущности объективного мира (природы), задача принятия в качестве базовой самую глобальную его характеристику. Определение сущностной характеристики имеет для нас решающее значение, она является той отправной точкой, той исходной исследовательской позицией, которая задаёт весь характер последующего исследования психологии универсального человека.

Чрезвычайная важность процедуры определения сущности объективного мира заключается в том, что она полностью определяет успешность всей последующей работы по изучению психологии универсального человека. Избранная сущностная характеристика природы непосредственно и полностью задаёт результат нашего исследования, который может быть достигнут только путём выведения (синтезирования) универсальной сущности человека, его собственной внутренней “природы” из “природы” объективного мира, из сущностной характеристики объективного мира (собственно природы).

В связи с этим, неадекватное определение сущности объективного мира приведет к неизбежной неадекватности в формулировании сущности универ-

сального человека. В этом случае исследование потеряет всякий смысл, по крайней мере, вряд ли приведет к желаемому решению фундаментальной проблемы универсального человека.

В этом смысле, категория “развитие” является, с нашей точки зрения, такой категорией, которая выражает глубинную сущность объективного мира (природы). С нашей точки зрения, именно эта категория выражает общий способ существования природы: “... Категория развития выражает не просто изменение вообще, т. е. движение (в онтологическом или гносеологическом аспектах), и не просто факт обновления, возникновения новых формообразований, т.е. становление, а применительно к материи вообще — “способ её осуществления как деятельной субстанции, творящей свои конкретные формы по объективным законам”. Категория развития выражает логику формирования, логику порождения универсальной субстанцией (взятой в подлинно философском, Спинозовском смысле как *natura naturans*) своих формообразований-модусов, а также логику практического и духовного исследования и продолжения этой логики продуцирования общественно-историческим субъектом, логику субъективного бытия в мире” [1, с. 498].

Можно утверждать, что для диалектической традиции предпочтительной моделью объективного мира (природы; Вселенной), является объективный мир как система процессов развития: “... Вселенная существует как бесконечное множество систем и их структур, образуя собой бесконечную совокупность процессов развития. Мы можем говорить о системно-структурном характере всей материи” [2, с.144].

Более того, развитие, с нашей точки зрения, есть именно та категория, на основании которой только и возможно построить целостную модель объективного мира, поскольку он есть открытая система, а развитие является её способом существования.

Отсюда следует, что вопрос о “статусе развития” мы намерены обсуждать со следующей позиции: 1. исходить из того, что категория развитие есть категория онтологическая, что материальность развития означает, в первую очередь, онтологический (бытийный) характер развития; 2. исходить из фундаментального положения об онтологическом статусе человека как предметного существа.

В дополнение к этим исходным моментам мы можем указать следующие. Во-первых, одним из аспектов рассмотрения развития является понимание его как самообновления. Причём самообновление есть атрибут самой материальности, есть онтологическая категория, в которой выражена атрибутивная характеристика материи. Во-вторых, исходя из известного диалектического положения о том, что развитие должно пониматься как саморазвитие (самодвижение), следует также принять и то, что развитие как самодвижение, то есть как процесс самодетерминированных изменений, осуществляется только и исключительно в реальном пространстве, в онтологическом пространстве реальных вещей и реальных социальных отношений.

Однако, исходя из предметной области и задач нашего исследования, мы не будем подробно обсуждать все эти аспекты в “чисто онтологическом” плане. Куда большее значение для нас имеет такой аспект, как разделяемое нами

убеждение в том, что развитие есть и гносеологическая категория. В этом контексте мы исходим из следующего: для решения проблемы механизмов онтогенеза универсального человека в первую очередь необходимо решить задачу особого значения и особенной сложности. Она заключается в том, чтобы преодолеть отношение к онтогенезу человека только как к познавательному процессу.

Сложность этой задачи состоит в том, что в психологии онтогенез как раз и рассматривается исключительно как гносеологическое понятие. Эта сложность оборачивается проблемой при решении задачи онтологизации человека как субъекта трансцендирования. Это означает, в том числе, и то, что необходимо преодолеть широко распространённое представление об онтогенезе как о процессе обучения. Таким образом, не трудно заметить характер и степень связанности таких фундаментальных проблем, как общефилософская концепция развития в онтологическом и гносеологическом планах, и проблем, связанных с психологией человека, социальными и психологическими стратегиями образовательных практик и т. д.

Для нас является непреложным фактом то, что применительно к пониманию сущности человеческого бытия в предметном мире развитие выступает как креативное отношение.

При анализе статуса понятия “развитие” принципиальным является различие содержания онтологического (созидательного) и гносеологического (познавательного) векторов человеческого развития. Существенным является, с нашей точки зрения, такой вопрос: каким образом познавательное и креативное отношения как особенные формы человеческой деятельности могут “взять” и “берут” реальную действительность развивающегося объективного мира? Ведь “... когнитивная и креативная устремленности резко, антиномически расходятся между собой. Первая берет мир, предуготовленный кому бы то ни было и заставаемый человечеством (и любым субъектом) таким, каков он есть, как бы кристаллизуя его. Вторая, напротив, берет мир не обязательно таким, каким она его застаёт, но могущим быть и иным в сколь угодно глубоких своих характеристиках ... она принимает его так, как если бы он создавался заново, даже если и не вносит в него ничего нового. Первая ищет и находит завершенность даже там, где, для того чтобы ее найти, приходится предварительно выполнять завершающую работу. Вторая, напротив, ищет и находит незавершенность даже в самом, казалось бы законченном бытии. Так, даже задачи сохранения былого, сбережения наследуемого содержания поднимаются на уровень как бы его порождения” [3, с.157].

Рассматривая развитие как гносеологическую категорию, в первую очередь необходимо указать на его понимание в качестве “развития знания”. Поэтому в современных теориях познания, рассматривающих последнее как отражение, развитие является основополагающей категорией. При этом развитие теоретического знания, порой, отнюдь не означает развития самого объекта этого знания: развитие в гносеологическом плане не обязательно приводит к реальным изменениям в реальном объекте. Совсем другое дело, когда в результате гносеологической рефлексии происходит изменение её особого объекта — системы знаний.

Анализируя гносеологическое содержание понятия “развитие”, необходимо различать объект в онтологическом смысле и объект в гносеологическом смысле. Если этого не делать, то можно принять за реальное (онтологическое) развитие его познавательный аналог. Но отождествление развития как гносеологического понятия и развития как онтологического понятия является, с нашей точки зрения, серьёзной методологической ошибкой. Следствием этой методологической ошибки является столь же ошибочное положение о том, что реальное развитие человека как субъекта деятельности возможно осуществить в условиях познавательной деятельности. Оно не учитывает того факта, что реальное развитие может быть осуществлено только за счёт практической деятельности, кардинально перестраивающей онтологическую среду субъекта деятельности. Именно качественное преобразование собственной онтологической среды приводит к качественному изменению самого субъекта деятельности.

Объектом развития как гносеологической категории является система теоретического знания, а механизмом развития — теоретическая (гносеологическая) рефлексия. Особенностью гносеологического развития является то, что при нём развитие осуществляется как образование новых форм, выражающих одно и то же содержание, т. е. в содержательных пределах (границах), задаваемых реальным объектом, отражением которого и является собственно гносеологический объект. Сами же содержательные границы могут быть преобразованы только в результате практической деятельности, т. е. в результате преобразования онтологической среды — онтологического развития.

А поскольку гносеологическим объектом рефлексии является знание, постольку говорить о развитии человеческого индивида, в общем-то, правомерно, но только как гносеологического индивида, как гносеологического “Я”. Следовательно, о развитии как о качественном изменении в гносеологическом смысле, с нашей точки зрения, можно говорить условно, поскольку: во-первых, это развитие задаётся (и, соответственно, ограничивается) своим реальным объектом, а в процессе гносеологического развития новое качество реального (онтологического) объекта не возникает, стало быть, реального развития не происходит; во-вторых, гносеологическое развитие как качественное изменение концептуальных схем (концептуальных форм) внутренне ограничено тем же реальным содержанием, которое и задаёт границы и возможности самого отражения.

В связи с этим, возможность концептуального развития внутренне ограничена самим объективным содержанием; поэтому в процессе гносеологического развития способности человеческого индивида (в том числе и познавательные) не изменяются, они лишь в той или иной степени адекватности проявляются, выявляются. Для того, чтобы произошло качественное изменение самих способностей (в том числе, познавательных), необходимо качественное изменение онтологической среды как жизненной среды субъекта познания. А такое изменение познавательным актом осуществлено быть не может. Это может произойти только в результате “онтологического акта” — за счёт практической преобразовательной деятельности.

Отсюда следует: можно утверждать наличие реальной альтернативности познания и созидания. Развитие всегда есть возникновение (созидание) нового качества, точнее — нового онтологического качества. Поэтому-то мы полагаем: можно говорить о развитии в гносеологическом смысле только условно, так как “по самому своему существу акт познания не может совпадать с актом созидания познаваемого предмета; в противном случае у нас не было бы вообще оснований говорить о познании и знании” [4, с.168]. Поскольку это так, постольку познание не является и не может являться актом созидания, порождения онтологически нового. Значит, развитие как порождение нового качества, а точнее как порождение нового качества онтологического пространства не может быть категорией сугубо гносеологической, а является, прежде всего, и в первую очередь категорией онтологической.

Другими словами, развитие как онтологическая категория и развитие как гносеологическая категория различаются так же, как процессы порождения (созидания) нового качества и процессы отражения (воспроизведения) имеющегося качества. Именно поэтому развитие как возникновение нового качества есть процесс онтологический.

Проблема сущности развития тесно соотносится с проблемой структуры самого процесса развития. Так же, как и в случае определения сущности развития, здесь тоже решающее значение имеет содержательный критерий, на основании которого происходит это структурирование. В литературе по этому вопросу предполагается: существуют два основных критерия — степень сформированности качества развивающегося объекта и характер изменения качества развивающегося объекта.

По критерию сформированности структура развития — это временная структура. Она представляет собой несколько этапов возникновения нового качества во времени:

“ ... 1-ый этап — формирование в системе исходных (общих) предпосылок возникновения нового;

2-ой этап — формирование в недрах старого непосредственных предпосылок нового в форме изменения внутренних условий существования старого под влиянием собственного системообразующего отношения-процесса, возникновение новых связей, новых элементов в системе (ещё подчиненных, однако, старому системообразующему отношению);

3-ий этап — возникновение в системе нового отношения, подчиняющего себе прежнюю основу в качестве своего условия; новая система отношений из условий существования старого превращается в самостоятельное системообразующее отношение, для-себя-бытие; старое системообразующее отношение существенно трансформируется, превращаясь в условие существования нового (в необходимую основу нового);

4-ый этап — формирование собственной основы нового системообразующего отношения как системы специфических внутренних условий его существования и дальнейшего развития; достижение зрелого развитого состояния новой системы;

5-ый этап — формирование общих ... или непосредственных ... предпосылок возникновения качественно нового состояния” [2, с.170].

При этом, из всех этапов единого процесса развития можно выделить несколько главных (определяющих): процесс возникновения нового качества, процесс становления нового качества и процесс преобразования нового качества.

Возникновение нового качества характеризуется исторически первым моментом появления нового качества в недрах развивающейся структуры. Он сам представляет собой некую структуру, состоящую из двух стадий: скрытой и явной.

Иногда возникновение понимается как одномоментное превращение возможности. Это возникновение, как образование новой формы, иногда связывается с осуществлением некоей потенциальной возможности, всегда при-сущей целостному процессу развития.

Наряду с теоретической и практической важностью этапа возникновения, процесс возникновения нового качества целого до настоящего времени не является решенной проблемой, особенно в части его психических механизмов.

Становление нового качества — это этап разворачивания целого из абстрактной в конкретную форму. Таким образом, становление есть процесс формирования, т. е. процесс приобретения новым содержанием полноценной (адекватной) формы. Поэтому “... именно в становлении заключается тайна целостности” [5, с.184]. Кроме того, важнейший аспект становления — это становление внутренней детерминации: “... В процессе становления любого содержания акцент с внешней детерминации постепенно переносится на внутреннюю, что и означает становление подлинного, истинного содержания как единства основания и основанного. ... Функционирование одних элементов системы выступает необходимым условием существования и функционирования других элементов и системы в целом. Подлинная внутренняя форма есть форма внутреннего самодвижения содержания” [1, с.162]

Третий важнейший этап — преобразование нового качества. Преобразование — это подготовка следующего качественного скачка, преобразования старого качества в новое качество. Некоторые авторы считают, что “... такое преобразование может быть осуществлено как в пределах одной формы движения, так и как преобразование одной формы движения в другую” [5, с.205]. С точки зрения структурных изменений, преобразование есть этап разрушения старых связей и подготовки создания новой системы связей. В этом смысле “... процесс преобразования какой-либо системы есть одновременно процесс возникновения новой системы; соответственно механизм преобразования есть одновременно и механизм возникновения. Но ... преобразование отражает изменения, протекающие в старом качестве, и сущность его не менее сложна, чем сущность возникновения и становления” [5, с.200].

Если за критерий развития принять характер процесса качественного изменения (способ изменения качества), то тогда развитие предстает как три взаимосвязанных, но различных по своему характеру качественных изменений базовых процесса: одноплоскостное (или “горизонтальное” развитие), регрессивное развитие и прогрессивное (или “вертикальное” развитие. Каждый вектор единого процесса развития (характерное направление развития) имеет соб-

ственную специфику, качественное отличие от других векторов и относительную самостоятельность.

Горизонтальное (одноплоскостное; круговое) развитие — это развитие форм при неизменности их базового содержания. Оно осуществляется как бы в одной плоскости, где сама “плоскость” задается неизменным содержанием. Точнее, происходит развитие без усложнения формы, поскольку сама сложность задается основными характеристиками содержания. Поскольку при одноплоскостном развитии содержание остается без изменения, постольку и изменения сложности не происходит. А происходит изменение многообразия форм, соответствующих одному и тому же содержанию.

Регресс — консервативный вектор развития, имеющий противоположную прогрессу направленность, в прошлое. Регресс как бы воспроизводит исторически процесс развития в обратном направлении. Поэтому он принципиально происходит без усложнения, но это отсутствие усложнения не является движением в рамках одного и того же уровня сложности (как при “горизонтальном движении”), а, напротив, характеризуется уменьшением уровня сложности. В то же время “... выступая относительно самостоятельными тенденциями, или стадиями развития, регресс и одноуровневое изменение обнаруживают самую непосредственную связь с прогрессивным развитием” [2, с.227].

Прогресс. Если регресс есть воспроизведение исторического пути, но только в обратную сторону, движение из настоящего в прошлое; если “горизонтальное” развитие — это движение в пределах настоящего, из настоящего — в настоящее (одноплоскостное движение — это воспроизводство настоящего), то прогресс характеризует действительно необратимое качественное изменение. Прогресс есть истинное движение из прошлого, через настоящее — в будущее. Прогресс и есть истинная история развивающегося целого, форма развития как необратимого качественного изменения.

Знание законов прогрессивного развития дает нам неограниченные возможности в предвидении будущего развития. Способность к предвидению означает, что человек может сделать предметом деятельности собственное развитие. Это означает, что само развитие (его общие закономерности; логика; механизмы и пр.) могут стать предметом не только познания, но и практического созидания.

Прогрессивный вектор развития имеет принципиальное значение для анализа всей проблематики развития. Эта форма является ведущей и определяющей все другие формы развития в едином его процессе, “... потому что он характеризует креативную тенденцию развития. Чтобы регрессировать, нужно, чтобы было чему регрессировать. В этой связи регресс “онтологически” является производной формой развития” [1, с.533]. Важность прогрессивной формы развития заключается в том, что именно за счет нее практически осуществляется креативная потенция развития, развития как онтологического процесса. Но в реальном развитии не бывает ни одного из этих процессов “в чистом виде”. Реальное развитие — это всегда единство различных векторов.

Важный вопрос о критериях прогрессивного развития в настоящее время различными авторами решается по-разному. Различные авторы выдвигают различные критерии прогрессивного развития.

Один из таких возможных критериев – совершенствование. Развитие есть, прежде всего, прогресс. Но он не осуществляется без регресса и особенно без горизонтального, одноплоскостного развития, которые входят в единый процесс как необходимые стороны: целостность мирового процесса развития выражается прежде всего в единстве его горизонтального и вертикального направлений, их творческом синтезе [7, с.60, 102].

Очень привлекательной, по нашему мнению, точкой зрения является предположение о возможности универсальных критериев развития. Привлекательность заключается в том, что предлагаемый критерий прогрессивности-регрессивности формулируется автором в терминах субъекта. Это особенно важно для нашей работы, поскольку универсальный критерий — это “становление субъекта из освоения субстанции и развитие субстанции в направлении возникновения субъекта. Рассмотрение того или иного особенного формообразования под углом зрения этой тенденции и может выступать как такой универсальный критерий... Что же касается субъекта, то общим критерием следует считать процесс его универсализации, сопряженный с преодолением всякого рода своцентризма” [1, с.534].

Прогрессивное развитие — это всегда усложнение развивающегося объекта. В этом смысле перспективными кажутся предложения рассматривать усложнение как интегральный критерий целостного развития. Однако, необходимо подчеркнуть, что под усложнением в процессе развития понимается не только структурное усложнение, но и усложнение функциональное. Прогресс всегда предстает как процесс функционального усложнения. В конечном счете, по нашему убеждению, прогресс есть стратегическая, ведущая форма развития, его главный креативный вектор.

Анализируя историю развития, можно предположить, что главная тенденция развития природы заключается в постепенном переходе от обратимых процессов к процессам необратимым. Эта тенденция особенно характерна для высших форм организации. С этой точки зрения человеческий мир — особый мир, существенно отличающейся от естественной природы. Это мир доминирования необратимых процессов. Таким образом, можно утверждать, что развитие есть единство необратимых и обратимых изменений качества, в котором доминируют необратимые процессы, единый процесс преобразования обратимых изменений в необратимые.

Нарастающая необратимость глобального развития подтверждается формирующимися в процессе развития свойствами самой природы. Эта необратимость как доминирующий вектор человеческого мира, осуществляется в системе последовательных качественных изменений, задающих прогрессивный вектор исторического процесса. С этой точки зрения, оказывается чрезвычайно важным разделить специфику основных векторов единого процесса развития: вектора “вертикального” и вектора “горизонтального” - вектора производства новых содержаний (вектора порождения) и вектора воспроизводства имеющихся содержаний (вектора функционирования).

Общефилософская категория развития большинством исследователей трактуется как процесс возникновения нового. Именно возникновение нового и характеризует специфическую особенность процесса развития, в отличие от

общефилософской категории движения. Сходная точка зрения на процесс развития как процесс возникновения нового имеет место и в психологии [7, с.254].

При этом, содержание возникновения нового (по сути, механизмы самого процесса развития) на сегодняшний день являются еще до конца неразрешенной проблемой — проблемой противоречия между старым и новым качеством. При этом критерий новизны — главный критерий процесса развития — накладывает свои ограничения и на сам развивающийся объект [8, с.41].

В связи с этим, процесс развития как процесс возникновения нового может быть интерпретирован по-разному. С одной стороны, “... возникновение новой системы есть одновременно возникновение новой формы движения или нового вида определенной формы движения” [5, с.175]. При этом “... новое представляет собой результат смены системных отношений” [6, с.21]. С другой стороны, “... одна система может преобразовываться в другую при сохранении своих элементов. В данном случае возникновение нового качества, новой системы происходит вследствие изменения структуры старой системы” [5, с.172].

Вторая точка зрения, кстати, весьма развернуто представлена в синергетике. Однако, на самом деле она не отражает существа проблемы происхождения нового, в конечном итоге — существа самого процесса развития. Это следует из того, что новое не ограничивается новым состоянием. Когда приходится решать важнейший вопрос развития, — вопрос о его детерминации, — понимание развития как превращения одних структур в другие представляется неполным и недостаточным.

Вся сложность вопроса о детерминации развития заключается в осуществлении его как детерминации своим собственным будущим. Но будущее не может при этом пониматься только как будущее состояние (будущая новая структура). В этом случае мы бы примитивизировали понимание развития, поскольку будущее всегда необходимо понимать и как будущий способ возникновения нового, т. е. новый способ самовозникновения.

С философской точки зрения, возникновение нового осуществляется в форме отрицания. При этом сам механизм отрицания имеет собственную историческую специфику и изменяется в зависимости от характера самого развивающегося объекта. “... Содержательное, диалектическое отрицание в каждой форме движения имеет свою специфику. Назовем два основных типа отрицания: снятие и полифонирование. Первый вид в основном присущ так называемым “органическим системам”, т. е. биологической форме движения, а также доминирует на тех ступенях развития человеческого общества, которые объединяются общим понятием “предыстория человеческого общества”. Снятие, как известно, состоит в том, что отрицаемая ступень или форма отрицается в своей самостоятельности и — полностью или частично — включается в контекст новой ступени или формы в качестве её собственного момента. Такое включение есть вместе с тем и преобразование старого. Это преобразование может выступать различно, например, в виде сообщения отрицаемому новых функций и т. д. Такова, например, форма связи между старым и новым знанием в развертывании объектной монологической истины” [1, с.525]. Другой тип отрицания — полифонирование, при котором “... отрицается лишь предел

возможностей развития. ... В этих случаях отношение между новым и старым есть полифонирование, т.е. взаимоутверждение, в котором если и можно обнаружить элемент снятия, то он играет ... подчиненную роль. Система полифонирования есть уже не органическая, а гармоническая целостность” [1, с.526].

В связи с этим, проблема специфики механизма возникновения нового является, по нашему мнению, важнейшей в проблематике развития. Поэтому проблема механизмов развития должна ставиться и решаться именно как проблема качественного самоизменения, как проблема самодетерминации. Применительно к нашей теме можно сделать также вывод о том, что критерий новизны, как базовый для процесса развития, предполагает рассматривать механизмы индивидуального развития человека как механизмы его качественного самоизменения.

В своем исследовании мы исходим из положения, что принцип развития есть универсальный для всего объективного мира системообразующий принцип. В то же самое время, этот принцип является принципом целостности объективного мира, принципом целостности любого развивающегося объекта. Из принципа развития как универсального принципа целостности вытекает положение о том, что все процессы развития в природе осуществляются по одним и тем же законам. Кроме того, “... законы единства истории объекта и его структуры, его развития и организации, филогенеза и онтогенеза свидетельствуют о номологическом единстве [о единстве основных законов – В.А.] мирового процесса развития и составляют основу его целостности” [6, с.62].

Это означает, что единство мира основывается не на изоморфизме структур, а на изоморфизме (совпадении по структуре, механизмам) законов развития: “... Любая система развивается по одним и тем же общим законам. Изоморфизм систем состоит в изоморфизме законов их развития” [5, с.105]. В связи с этим можно утверждать, что “... мир представляет собой систему систем, ... все системы, обладая определенной спецификой, развиваются по одним и тем же наиболее общим законам” [5, с.262].

Приведённые выше положения позволяют сделать чрезвычайно важные для нашей работы выводы. А именно: из изоморфизма законов развития следует, что индивидуальное развитие человека (онтогенез) и историческое развитие человечества осуществляется по одним и тем же законам, за счет одних и тех же механизмов развития, на основании одной и той же логики развития.

Данное утверждение ставит под сомнение распространенное в психологической науке убеждение, что индивидуальное развитие (развитие человеческого индивида в онтогенезе) осуществляется иначе, нежели историческое развитие. Более того, на наш взгляд, изоморфизм законов развития свидетельствует о противоположном, а именно: законы индивидуального развития и законы исторического развития изоморфны, т. е. совпадают (одни и те же).

Именно отсюда вытекает необходимость переосмысления моделей онтогенетического развития, сложившихся в психологических концепциях. Учитывая критерий изоморфизма законов развития, проблема соотношения онтогенеза и исторического развития должна решаться на основании их единства, но не с точки зрения совпадения конкретно-исторических этапов развития (такой подход, как правило, приводит к концепциям рекапитуляции), а с точки зрения

общности их логик и механизмов. Значит, при разработке модели онтогенеза человека как универсального субъекта, необходимо рассматривать единство исторического и онтогенетического развития как единство (и совпадение) исторической и онтогенетической логик развития, как единство (и совпадение) исторического и онтогенетического механизмов развития. Собственно говоря, универсальность человека и заключается в совпадении его онтогенеза и развития природы в целом. То есть, проблема соотношения индивидуальной и исторической логик развития должна решаться, с нашей точки зрения, как проблема индивидуальной формы исторического развития.

Она непосредственно соотносится с проблемой соотношения бесконечного и конечного в развитии — с проблемой финальности индивидуального и бесконечности универсального развития природы. Представляется, что стратегическое решение этой проблемы находится в признании за индивидуальным (онтогенетическим) развитием потенциала бесконечности.

Такая постановка вопроса открывает новые возможности для решения проблемы человека как субъекта трансцендирования. Однако, в первую очередь она относится к постановке и исследованию проблемы социальности как первой универсальной формы развития.

Развитие объективного мира можно представить состоящим из двух больших периодов. Первый период (естественный; “до-социальный”), в рамках которого развитие осуществляется как порождение и преобразование одних конечных форм в другие конечные формы. Он состоит из известных этапов, названных “естественными формами движения материи” (механической, физической, химической, биологической). Их общей отличительной особенностью является конечность, внутренняя ограниченность. Развитие на всех этапах первого периода — это как бы постоянно заканчивающееся, ограниченное собственными формами развитие. Это развитие, у которого нет стратегической перспективы; развитие, которое ограничивает само себя.

Второй период (“искусственный”; социальный). С появлением “искусственных” (социальных) форм движения ситуация в развитии качественно изменяется. В истории развития социальность есть уникальная форма, в которой впервые содержание развития совпало с его формой. Поэтому она становится исторически первой адекватной формой универсальной сущности процесса развития.

Таким образом, социальная форма движения (и ее основа — предметная деятельность) является исторически первой формой, адекватной внутренней универсальной сущности процесса развития. “... Социальная форма движения и развития материи впервые в самом объективном процессе обнаруживает, что глубинной, существенной характеристикой материи является способ ее самоформирования, самодвижения, самосозидания, а не форма вещественности, вещной оформленности” [9, с.150].

Но и сама социальная форма проходит две стадии собственного развития: стадию “до-человеческого развития” и стадию “собственно человеческого развития”: “... (народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством находятся позади того пункта, откуда начинается действительное развитие)” [10, с.130].

“ ... Социальная форма движения материи ... предстает той особенной формой, которая реально оказывается абсолютно тождественной всеобщему, универсальному содержанию материи. Субстанцией такой саморазвивающейся до подлинной духовности материи становится уже не “тяжесть” (протяженность, слепая необходимость) ... , а свобода как познаваемая и разумно преобразуемая человеком необходимость” [1, с.142]. Последовательный социально-философский анализ при этом показывает, — исходя из развития самой социальной формы движения, — что не любая социальность есть адекватная форма универсального человеческого развития. На этом основании, например, утверждалось, что “ ... буржуазной общественной формацией завершается предистория человеческого общества” [10, с.138].

Итак, социум выступает как самодетерминированная действительность. Развитие объективного мира как его самодвижение, саморазвитие, детерминированное самим процессом развития, в социальной форме движения материи выражается как самодвижение социума. Это развитие (саморазвитие) социума осуществляется в процессе его собственного самовоспроизводства. Именно принцип самовоспроизводства социума, который есть всего лишь проекция общего принципа непрерывного самопорождения объективным миром своих новых форм и содержаний, с одной стороны, позволил понять социум в контексте более общих законов развития, а с другой стороны, открывает путь пониманию человека как реальной силы, порождающей и социум, и самого себя.

Такая самодетерминированность развития социума оказалась возможной только с возникновением культуры — “искусственной” природы человека. Поэтому можно определенно утверждать: самодетерминированность социума, средством осуществления которой является “искусственная природа” человека — культура, есть воплощение универсальной самодетерминированности самого объективного Мира.

Возникновение социальной формы движения (предметной деятельности) и человека как её реального носителя — уникальное событие в природе, которое привело к кардинальной смене типа развития. При этом благодаря социальности возник человеческий индивид как результат персонификации универсальной силы объективного мира (природы).

В связи с этим, на классическую проблему соотношения индивидуального и социального теперь можно взглянуть иначе, нежели она была представлена до сих пор. Новым является рассмотрение индивидуального как единственной реальности социального. Это означает, что социальное (социальная форма движения) — это не особая реальность, существующая “над человеком”, а атрибут самого человеческого индивида. Социальность есть свойство индивидуального человека. Более того, человек и есть человек потому, что имеет свойство социальности как свой неотъемлемый индивидуальный атрибут. Поэтому вполне естественно рассматривать не социальность как форму развития индивидуального, а индивидуальность как форму развития социального, как способ производства социального и утверждать, что есть “всеобщий закон общественного развития” — “в своей действительности оно совершается лишь как индивидуальное развитие” [11, с.47].

Утверждение приоритета индивидуального как формы универсального над социальным открывает неразработанную до сих пор перспективу в психологическом исследовании человека. Это перспектива заключается в том, что человек по своей природе есть универсальное существо, которое своим развитием задает не только собственные изменения (вектор собственного изменения), но и изменения социума и самого объективного мира. Более того, сама “искусственная” природа человека – культура – в этом смысле является продуктом деятельности человеческого индивида.

Таким образом, наступает время, когда требуется преодолевать научные концепции вторичности и производности человеческого индивида, концепции, в которых он представлен как орган осуществления социума, как второстепенный орган природы, выполняющий вспомогательные функции. Иначе говоря, при смене типов исторического развития с “естественного” на “искусственный” в результате персонификации природы возникает человеческий индивид как универсальная сила самой природы.

С возникновением социальной формы — предметной деятельности, с возникновением человека возникает новый тип развития, “связанный с использованием человеком дремлющих возможностей материи и духа” [6, с.99]. Он отличается специфическим характером механизма детерминации.

Развитие (саморазвитие) всегда детерминировано самим собой, собственной историей, собственными продуктами (результатами). Так было до человека, так остается и после человека. Самодетерминированность есть вечное и неизменное универсальное свойство (качество, атрибут) объективного мира (природы), которое отличает материальность от не-материальности. Но развитие — это не только изменение качества структуры развивающегося объекта, но и изменение характера детерминации, изменения механизмов детерминации. Именно в таком бесконечном качественном самоизменении и заключается универсальность развития. Поэтому возникновение человека – это не только возникновение качественно нового объекта (субъекта) развития, но и изменение типа развития. А тип развития, с нашей точки зрения, определяется механизмом детерминации развития.

С возникновением человека происходит смена механизмов детерминации развития. Эта смена происходит за счёт превращения механизма причинной детерминации в механизм целевой детерминации. Причина как “естественный” детерминирующий фактор развития сменяется целью – “искусственным” детерминирующим фактором развития.

Различие между причиной и целью заключается в том, что причина аккумулирует в себе и транслирует на всё пространство взаимодействия своё прошлое, непрерывно воспроизводит его в своём следствии. Причина всегда “внешний” (отчуждённый) по отношению к следствию фактор, внешний в том смысле, что между причиной и следствием нет генетической связи. Обратная связь, т. е. воздействие следствия на причину, принципиально ничего не изменяет, поскольку эта связь действует по тому же механизму причинной детерминации, только теперь уже следствие транслирует свою структуру на свою бывшую причину.

Закономерным результатом причинно-следственной детерминации является система типа “гомеостаз”, в которой в результате взаимодействия устанавливается равновесие между всеми причинами и всеми следствиями. Этот гомеостаз и есть высшая цель причинно-следственной детерминации, характеризующийся устойчивостью определённого качества.

Иное — цель как “искусственный” детерминирующий развитие фактор. Она аккумулирует в себе будущее человеческого развития. Функция и “искусственность” цели в том, что она есть идеальная модель будущего развития. Возникновение цели связано с рефлексивной сущностью человека, со способностью его делать собственную логику развития предметом собственного творчества. Человек фактом своего возникновения в истории начинает новый тип развития. Это развитие характерно целевым механизмом детерминации, т. е. детерминацией собственным будущим.

Предваряя некоторым образом последующее рассмотрение темы, укажем, что в этом контексте возможно исследовать трансцендирование как сущность универсального человека.

В “новейшей истории” объективного мира с возникновением человека слепые силы природы приобретают осознанный (целевой) характер. Это не означает, что природа приобретает (или проявляет) свойство телеологизма, но это означает, что природа посредством человека осознает (понимает) собственную самодостаточность. До человека природа существовала, “не осознавая” собственной самодостаточности, “не понимая” собственной целостности, того, что саморазвитие есть ее внутренне адекватный, единственно возможный и универсальный способ её собственного существования.

Человек — это универсальное предметное существо, в котором природа осознает собственную универсальную сущность, собственную самодетерминированность. В связи с этим человек — это предметное существо, которое несет на себе (в себе) всю универсальную потенцию самотворчества природы. А поскольку сущностью материи является её самодетерминированность и бесконечное трансцендирование, то и сущностью (психологическим содержанием) человеческого индивида является самодетерминированность и бесконечное трансцендирование. Если бы человек был другим, то тогда он не был бы существом, выражающим универсальную сущность природы.

Полагая, что до сих пор не потеряли актуальности и, в общем-то, далеки от окончательного разрешения проблемы сущности, внутренней детерминированности и этапности развития, кратко перечислим узловые пункты этой, бесспорно, комплексной проблемности. В частности, к их числу относятся:

1. рассмотрение сущности развития с точки зрения его эволюционности и/или как скачкообразного (дискретного) процесса изменений качества;
2. проблема развития как пространственно-временных изменений, в рамках которой для развития человека и человеческой истории особое значение приобретает креативное время как критерий интенсивности созидательного человеческого начала;
3. проблема развития как эволюции;
4. проблема критериев развития, понимание которых существенно, например, для самого истолкования содержания понятия “развитие”;

5. проблема развития с точки зрения вопросов о том, как образуются, существуют, функционируют, развиваются системы, как они сохраняют свою целостность, структуру, форму, ту особенность, которая позволяет отличать одну систему от другой [5, с. 49];
6. проблема соотношения функционирования и развития (здесь, например, имеется точка зрения, которую мы полностью разделяем — о несводимости развития к функционированию и невыводимости развития из функционирования);
7. проблема развития как качественного перехода (рассмотрение развития как качественного самопреобразования целостности);
8. проблема этапности развития;
9. проблема развития человеческого индивида;
10. проблема источников и движущих сил развития (например, чрезвычайно важным является положение о внутреннем характере источников развития. С нашей точки зрения, оно должно стать методологической основой при построении модели онтогенеза универсального человека — человека как субъекта трансцендирования);
11. особый интерес, с нашей точки зрения, для психологического исследования представляет структура развивающегося целого и структура и типы самого процесса развития;
12. проблема соотношения типов развития;
13. проблема развития как возрастания сложности;
14. проблема конечности и бесконечности развития;
15. проблема носителя развития (в частности, мы утверждаем, что носителем развития является природа как целое, а также любой элемент природы, представляющий собой целое. Противоречивая природа целого определяется единством двух векторов: “горизонтальное” развитие как возникновение новых форм целого на основе одного и того же содержания, и “вертикальное” развитие как возникновение новых содержаний. Универсальный человек в своем онтогенетическом развитии является такой самодостаточной целостностью);
16. проблема детерминации развития (это — ключевая проблема, вокруг которой, фактически, построено все наше исследование, — есть проблема смены типов развития и, тем самым, проблема смены механизмов детерминации. Проблема сложна потому, что в психологических концепциях в явном виде не наблюдается противопоставления различных типов детерминации развития человека. Более того, существует общепринятая традиция рассматривать характер детерминации человека как причинно-следственную детерминацию).

Материалистическая точка зрения на развитие заключается в признании факта самодвижения материи, в признании отсутствия внешних факторов детерминации развития материи, признания полной обусловленности процесса развития материи её внутренними детерминантами. В некоторых концепциях самодетерминированность материи связывается с пониманием ее как субстанции, с ее специфическим свойством как субстанции-субъекта быть причиной собственных формообразований. “В марксистской литературе материя иногда характеризуется как субстанция. “Диалектико-материалистическая философия, — писал Э. В. Ильенков, — своим пониманием субстанции развивает плодо-

творные традиции Спинозы и Гегеля. Субстанция, с одной стороны, понимается как материя, а с другой стороны, эта материя трактуется одновременно как субъект всех своих изменений, как “субстанция-субъект”, т.е. активная причина всех своих формообразований, не нуждающаяся поэтому в формировании извне, вне ее и независимо от нее существующим деятельным субъектом, как бы тот ни назывался или интерпретировался, - как бог, как “Я”, как идея или самосознание, как душа или экзистенция” [12, с.93].

Современные авторы, разрабатывающие проблематику развития как саморазвития, также разделяют гегелевскую точку зрения на субстанцию. Более того, из субстанциальности ими выводится самодетерминированность, а субстанциальность признается как универсальное свойство материи: “Субстанция — это не субстрат, а прежде всего причинное отношение, обладающее реальностью лишь в действии, во взаимодействии. Нет субстанции как таковой, в “чистом” виде. Кроме того, субстанциональность (как и самодвижение) — атрибутивное универсальное свойство материи, а суть универсального не сводима к сущности единичного, отдельного. Субстанция не находится ... внутри какого-то отдельного, единичного вида (и формы) материи. Субстанциональность и самодвижение нельзя и невозможно понимать вне органической взаимосвязи принципа развития с принципом всеобщей связи. Всеобщая взаимосвязь явлений составляет неотъемлемую и необходимую основу для изменений отдельного объекта. На этом же основывается точка зрения о том, что развитие какого-либо объекта есть, по сути дела, развитие системы” [8, с.99].

Понимание материальности как субстанциальности (самодетерминированности) является важнейшим положением и для психологии развития. Оно позволяет построить модель онтогенетического (индивидуального) развития универсального человека как онтологического самодетерминированного процесса. Этот вывод, с нашей точки зрения, является важнейшим для психологии онтогенеза универсального человека. Он позволяет преодолеть внутреннюю ограниченность психологических концепций онтогенеза человека, в которых индивидуальное развитие рассматривается как познавательный процесс, осуществляющийся на основании внешней детерминации. Такая переориентировка позволит в дальнейшем построить модель онтогенеза универсального человека на основании онтологической самодетерминации.

Процесс саморазвития как форма осуществления субстанциальности есть, по своей сути, процесс порождения материей своих собственных новых форм и содержаний: субстанциальность в процессе развития проявляется как самопорождение. Это положение, наряду с выводом о самодетерминированности индивидуального развития универсального человека, раскрывает совсем иные возможности в моделировании и практической организации онтогенетического развития. Это дает шанс значительно приблизиться к решению современных общепсихологических и образовательных проблем человека как универсального предметного существа.

Решение проблемы детерминации развития, исходя из субстанциальности материи, дает еще один разворот в понимании его внутренней сущности. Поскольку субстанциальность фактически есть порождение материей своих новых собственных форм и содержаний, постольку можно утверждать, что по

критерию возникновения нового субстанциальность, понимаемая как самопорождение, на самом деле и является основанием процесса саморазвития. Таким образом, продолжая эту логику рассуждения, можно сделать очередной вывод: материальность, понимаемая как субстанциальность, реально осуществляется как процесс самопорождения материи. При этом главным вектором такого самопорождения является порождение самой материей своих новых форм и содержаний. А это, в свою очередь, даёт основание говорить о том, что самопорождение и есть не что иное, как саморазвитие.

Итак, мы видим, что субстанциализация объекта развития, которым по большому счету является природа в целом (объективный мир) или любая целостная система, преобразует объект развития в его субъект, а основной формой развития при этом становится саморазвитие. При этом самодетерминированность становится объективным основанием целостности самого процесса развития, которое понимается как детерминация его самого своей собственной внутренней возможностью.

С нашей точки зрения, можно рассматривать самодетерминированность и как детерминированность собственной историей. Несмотря на то, что в конкретной ситуации развития детерминирующий его фактор есть суперпозиция внешних и внутренних детерминант, тем не менее, решающей для развития (саморазвития) является все-таки внутренняя самодетерминация. Эту внутреннюю самодетерминированность необходимо рассматривать в контексте развития как исторического процесса (причем термин “исторический” необходимо понимать широко: и как социально-исторический, и как индивидуально-исторический).

Необходимость рассматривать развитие как исторический процесс связана с необходимостью конкретизировать механизм самодетерминированности развития, а также понять происхождение источников развития. В этом смысле именно историчность есть тот аккумулирующий результаты развития фактор, который, в свою очередь, и должен рассматриваться как главный детерминирующий фактор. Более того, мы считаем, что только рассмотрение любого развития как исторического процесса позволит решить проблему механизмов самодетерминации.

Решение проблемы психических механизмов самодетерминации развития универсального человека непосредственно связано с пониманием самодетерминации как детерминации собственным будущим. Это означает, что предшествующее развитие своей историей и специальными средствами ее фиксации в самом объекте само создает свои новые возможности, которые еще не реализовались в прошлом и настоящем, но уже являются реальными факторами детерминации будущего развития. Как конкретно это происходит, за счет каких конкретных механизмов — пока остается загадкой.

Такое понимание непосредственно связано с пониманием специфики принципа историзма применительно к проблематике развития человека. Именно принцип историзма позволяет рассматривать результат прошлого развития как детерминанту будущего развития.

Процесс саморазвития и его субстанциальная сущность предполагает необходимость решения проблемы “начала” развития: специфика процесса раз-

вития и его условий заключается в том, что объектом (субъектом) развития является целостный объект. Если мы не хотим или не можем моделировать целостный объект (субъект), то мы никогда не сможем организовать и процесс развития.

Этот вывод является чрезвычайно важным для нашей работы, поскольку он непосредственно приводит к необходимости решать проблему развития (особенно практически) не только на уровне механизмов развития, но одновременно с этим решать проблему моделирования человека как целого.

Одной из важнейших проблем, лежащих в основе решения проблемы онтогенеза человека как субъекта трансцендирования, является проблема соотношения, с одной стороны, индивидуальной и исторической форм развития, с другой стороны, филогенетической и культурной форм развития. «Снова и снова разворачиваются споры относительно вклада культурной и филогенетической направляющих в развитие отдельного человека. Традиция, отстаивающая функциональную автономность человеческого поведения от филогенеза благодаря возникновению культуры (Ratner, 1991), сражается с традицией, отстаивающей жёсткую зависимость индивидуальных психических качеств от биологических составляющих (Buss, 1994)” [13, с.370]. Причём сам Майкл Коул не считает, что “индивидуальное развитие повторяет историю вида (онтогенез повторяет филогенез) [биогенетическая доктрина – *В.А.*]” [13, с.32].

Можно сказать, что эта проблема является ключевой и для моделирования онтогенеза человека как универсального субъекта.

Одним из известных положений, на котором основывается наше понимание онтогенеза человека как универсального субъекта, является положение о тождественности начала исторического и индивидуального развития: “Формирование умственного развития ребенка начинается ... с того же, с чего начиналось историческое формирование и становление самого человека” [9, с.131]. Более того, процесс саморазвития природы, понимаемый как исторический процесс, задает общие закономерности развития любой своей форме, в том числе и социальной, что позволяет рассматривать социальное развитие также как естественноисторический процесс.

Многими исследователями в области проблематики развития историческое и индивидуальное развитие принципиально различаются: “... Развитие имеет качественно различные типы - индивидуальное и историческое (онтогенез и эволюция) ...”. Причем отмечается: “Индивидуальное и историческое развитие отличается как по характеру закономерностей, так и по масштабности преобразований организации. По мнению В.П. Кузьмина, в общем виде индивидуальное развитие — это воспроизведение коренного (видового) качества; историческое развитие - это изменение качества” [12, с.349].

Таким образом, распространенная точка зрения определяет существенное различие между бесконечной исторической и конечной индивидуальной формами развития по критерию качества развивающейся целостности: историческая форма развития производит (порождает) новое качество (новую форму движения; новый способ функционирования), а индивидуальная форма развития только лишь его воспроизводит. И здесь следует обязательно отметить, что именно это положение является философской доминантой основных сущест-

вующих психологических концепций развития, и именно это положение, с нашей точки зрения, должно стать необходимым предметом переосмысления.

Нам представляется, что в рамках решения проблемы механизмов онтогенеза человека как универсального субъекта, необходимо исходить из общих оснований (или специально строить общие основания) исторического и индивидуального развития. Более того, необходимо рассматривать историческое и индивидуальное развитие как осуществляющееся по принципиально одинаковым законам. В связи с этим, с нашей точки зрения, этот критерий целостности должен быть понят как общий и для исторического, и для индивидуального развития.

Если же не ставить перед собой задачу конструирования онтогенеза на общих с историческим развитием основаниях, не рассматривать онтогенез универсального человека как индивидуальную форму исторического развития, то в этом случае необходимо сразу признать, что проблема онтогенеза человека как универсального субъекта в принципе неразрешима, а идея человека как универсального творца не имеет принципиального решения.

Всё же оптимистическим началом, намечающим перспективу конструктивного решения проблемы универсального субъекта, для нас является утверждение Гегеля: “Отдельный индивид должен и по содержанию пройти ступени образования всеобщего духа ... и в педагогических успехах мы узнаем набросанную как бы в сжатом очерке историю образованности всего мира” [14, с.15].

Для нас совершенно ясно, что единство исторического и онтогенетического процессов развития должно стать реальным основанием для конструирования онтогенеза человека как универсального субъекта. При этом, учитывая, например, мнение о том, что историю культурного развития ребенка надо рассматривать по аналогии с живым процессом биологической эволюции [15, с.292], на наш взгляд, как раз и нельзя рассматривать культурное развитие аналогично биологической эволюции.

И если под развитием человека понимать развитие его деятельности, и “если самоизменение человека осуществляется путем изменения способов его деятельности, а деятельные способности человека могут существовать только в предметном воплощении, то развитие человека приобретает как в онтогенезе, так и филогенезе совершенно уникальную для природы форму. ... его развитие происходит не в форме изменения данного ему от природы тела или физиологических механизмов жизнедеятельности этого тела, а в результате изменения способов его предметно-практической деятельности, т. е. путем преобразования мира культуры как предметного воплощения деятельных способностей, производительных сил человека” [16, с.23].

При этом конкретным критерием единства индивидуального и исторического развития может стать (должно стать) единство логик развития предметного содержания и самого субъекта. С другой стороны, таким критерием может стать логика становления личности: “Индивид, непосредственно несущий определения рода, есть личность. С этой точки зрения история может быть рассмотрена как филогенез личности, а индивидуальное развитие - как онтогенез личности” [16, с.74].

Мы убеждены также и в том, что проблема соотношения исторической и индивидуальной форм развития должна решаться как проблема их взаимной обусловленности (взаимной детерминированности). Основой этого единства должен стать номологический изоморфизм (изоморфизм законов развития объективного мира).

В наше время, которое характеризуется заявлениями о решительном повороте к проблематике человека, в наше время, которое интенсивно насыщено попытками гуманизации и гуманитаризации социальных отношений, требуется реальное изменение отношения к человеку, и в первую очередь для этого необходимо признание универсальной природы человека, Признание человека универсальным субъектом, способным выражать и порождать универсальные потенции всего объективного мира (природы).

Поэтому мы разделяем убежденность в том, что мы начинаем жить (или стремимся начать жить) в такое время, когда “спираль развития, начинаясь с Вселенной, к ней же и возвращается. Человек выходит в Космос и становится космической силой” [6, с.75].

Мы считаем, что *фактически это означает признание за каждым конкретным индивидом таких универсальных созидательных способностей, которые позволяют рассматривать человека в качестве самой мощной созидательной силы природы.* Это означает признание универсальной сущности человека, которая выражает субстанциальность (самодетерминированность) объективного мира (природы) в целом. В этом смысле, как мы понимаем, человек совпадает со всем миром, а “(само)развитие” есть именно та категория, которая обеспечивает такое совпадение.

Именно поэтому, с нашей точки зрения, процесс индивидуального развития предстает как процесс сотворения универсальным человеком как самого себя, так и своей социальной среды, которая в идеале совпадает со всем социумом. Следовательно, необходимо обосновать принципиальную равноправность исторического и индивидуального развития в их взаимной детерминированности друг другом и признать бесконечность индивидуального развития и его способность быть формой исторического развития. Таким образом, современная стратегия решения противоречия между индивидуальным и историческим развитием заключается, с нашей точки зрения, в переосмыслении конечности индивидуального развития и ограниченности его воспроизведением результатов исторического развития. Без такого переосмысления невозможно решить проблему универсального человека как творца самого себя, как творца социальной и общеприродной действительности.

Для моделирования онтогенеза человека как универсального субъекта (человека как субъекта трансцендирования), необходима возможность в онтогенезе “впитать” в свое собственное индивидуальное содержание всю потенцию предыдущего развития природы, необходимо признать, что существует принципиальное единство и номологический изоморфизм развития природы, в том числе (и особенно), исторического развития и онтогенетического развития. Такая точка зрения предполагает наличие единого мирового пространства развития, в каждой точке которого осуществляется эта всеобщая номологическая связь. Это пространство может быть только пространством непрерывного ге-

нетического поля, в каждой своей точке порождающего универсальный процесс развития.

Необходимо признать, что сам процесс развития человека как универсального субъекта неизбежно приводит к совпадению внутреннего содержания человека и универсального содержания целостного мира. Это означает, что всегда “человек [как универсальный субъект — *В.А.*] представляет собой открытую систему, способную взаимодействовать со всем миром во всем его многообразии” [5, с.219]. Только у каждого человека эта способность универсально взаимодействовать менее выражена на ранних этапах развития, и более выражена на его последующих этапах.

Современное понимание механизмов развития универсального человека невозможно без соотнесения его со способностью порождать новое. Принимая во внимание, что развитие субъекта трансцендирования есть единство непрерывного и прерывного, конечного и бесконечного процессов, а условием, источником и субъектом собственного развития является сам универсальный человек, то необходимо предположить наличие у него генетически присущей потенциальной продуктивной способности. Наличие такой потенциальной продуктивной способности, передающейся ему “по наследству” от Природы (Объективного Мира), в совокупности с идеей генетического поля, позволяет снять мистику первотолчка в индивидуальном развитии, которая в той или иной степени присуща всем “биологизаторским” и “социологизаторским” теориям индивидуального развития. Эта потенциальная продуктивная способность, исходно существующая в непосредственной форме индивидуального внутреннего генетического поля, позволяет человеческому индивиду входить во взаимодействие с внешним полем культуры.

Таким образом, модель взаимодействия внутреннего и внешнего генетических полей позволяет построить концепцию онтогенеза универсального субъекта, осуществляемого им самим на основании рефлексивного синтеза как механизма саморазвития. При этом рефлексия должна рассматриваться не столько как гносеологическая категория, а в основном как онтологическая. Понимая именно таким образом рефлексию, можно утверждать, что “рефлексия не просто деятельность по производству знания, но это еще и деятельность по воспроизводству мыслящего индивида как ее субъекта” [8, с.83].

Генеральным методом решения проблемы онтогенетического развития человека как субъекта трансцендирования является марксистский метод единства исторического анализа и исторического синтеза, который реально можно осуществлять в психологических и образовательных практиках как генетико-моделирующий метод. Причём, этот метод одинаково применим как исторической, так и к индивидуальной формам развития.

Уместно полагать, что все проблемы исследования развития человека можно свести к проблеме описания механизма саморазвития, т. е. развития, детерминируемого самим собой. Это утверждение следует из того, что механизм развития является системообразующим фактором, знание которого позволяет вывести любое знание о развивающемся человеке.

Отсюда следуют основные методологические положения, которые кладутся нами в основу конструирования онтогенеза человека как субъекта трансцендирования:

1. Развитие — это имманентный способ существования Объективного Мира.
2. Единство Объективного Мира задаётся тотальным тождеством законов развития.
3. Онтогенез универсального субъекта — это исторический процесс, т. е. процесс, детерминируемый собственной логикой развития.
4. Онтогенез универсального субъекта — это онтологическая категория.
5. Механизмы онтогенеза человека как универсального субъекта — это механизмы рефлексивного типа.

Рассмотрим некоторые психологические аспекты современной проблематики развития человека. В исследуемом контексте можно с уверенностью утверждать, что проблема развития в психологии всё увереннее занимает центральное место. Это связано с возрастающей динамикой развития социума; с возрастающей ролью человеческого индивида в социуме; с преобладанием динамики качественного изменения над динамикой формирования и т. д.

Особенно ярко проблема развития выражена в современном образовании. Классические теории образования, основанные на тезисах “обучение ведёт за собой развитие”, “обучение и есть развитие”, “обучение и развитие независимы друг от друга” в современной ситуации теряют свою эффективность. Это происходит потому, что заключённые в них механизмы развития не соответствуют универсальной сущности человека, а потому не могут обеспечить формирования человека как универсального субъекта в условиях современных образовательных систем.

Как известно, одной из наиболее распространенных психологических концепций развития является культурно-историческая концепция развития психики. Главным положением этой концепции, с нашей точки зрения, является положение о внешнем источнике онтогенетического развития деятельности человеческого индивида. Этим внешним источником признаётся внешняя социальная среда. Тем самым подчеркивается фундаментальный для культурно-исторической концепции факт, что онтогенетическое развитие поведения человеческого индивида детерминировано не изнутри, а извне. Более того, не только деятельность (поведение), но и развитие личности в целом и любых ее человеческих свойств осуществляется под внешним детерминирующим воздействием социальной среды.

В своё время именно факт того, что все психические свойства человеческого индивида изначально ему не даны, а заданы во внешней социальной среде, явилось основанием считать концепцию развития Л.С.Выготского революционной, по сравнению с современными ему концепциями. По Л.С.Выготскому, внешняя детерминация психического развития человеческого индивида в онтогенезе осуществляется как детерминация внешней социальной (идеальной) формой, преобразующей реальную индивидуальную форму деятельности.

Таким образом, фактически, широко известный тезис о ведущей роли обучения в развитии означает, что внешняя детерминация развития осуществляет-

ся идеальной формой через ее усвоение. Поэтому усвоение и есть тот базовый процесс, в условиях которого только и осуществляется внешняя детерминация культурного развития — “операция употребления знака, стоящая в начале развития” [17, с.20]. Поэтому любой процесс онтогенетического развития детерминирован извне (как бы “сверху”), поскольку та идеальная форма, которая должна быть присвоена и принята, и которой должна уподобиться реальная форма (т.е. идеальная форма уже есть заданный результат развития, “верх”), всегда находится вне развивающегося индивида, во внешнем по отношению к нему социуме.

Непосредственным средством развития является культура (средства культуры), которая является составным элементом внешней социальной среды. Функция культуры как внешнего средства – переделывать, перекраивать природные формы поведения.

Современные исследователи онтогенетического развития, работающие в рамках культурно-исторической парадигмы, видят основную проблему индивидуального развития именно в том, какова структура взаимодействия внешней (социальной) и индивидуальной форм и как происходит превращение внешнего стимула во внутреннее психологическое средство. “Загадка не в том, как “работает” стимул, уже ставший средством, и, конечно, не в том, как он работает до того. Вопрос в самом становлении, в строении “промежутка”, где происходит преобразование стимула в средство, или шире - где вещь реформируется в значение. Этот “промежуток” является “местом встречи” реальной и идеальной формы” [18, с.21].

Таким образом, можно утверждать, что в рамках культурно-исторической концепции онтогенетического развития главной проблемой считается проблема преобразования внешнего детерминирующего фактора во внутреннее психологическое средство, но не порождение самим человеческим индивидом своего собственного психологического средства.

Противоположную точку зрения на содержание онтогенетического развития занимают представители субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития (С.Л.Рубинштейн). Главным в этой концепции является положение об индивидуальном развитии как саморазвитии. При этом подчеркивается, что индивидуальное развитие не является продуктом прямого действия (в условиях взаимодействия) внешних детерминирующих факторов [что является решающим в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского — *В.А.*], но является самодвижением. “Развитие человека является в конце концов не чем иным, как становлением личности — активного и сознательного субъекта человеческой истории. Ее развитие является не продуктом взаимодействия различных внешних факторов, а “самодвижением” субъекта, включенного в многообразные взаимоотношения с окружающим” [20, с.133].

Основным принципом, на основании которого осуществляется индивидуальное развитие в парадигме субъектно-деятельностного подхода, является принцип единства строения и функции, который осуществляется за счет порождения индивидом социальной культуры, которая сама становится фактором, за счёт которого происходит развитие индивидуальной психики человека. Таким образом, в отличие от культурно-исторической концепции индивидуаль-

ного развития, субъектно-деятельностная концепция рассматривает онтогенетическое развитие человеческого индивида как внутренне детерминированное саморазвитие.

Несмотря на исходные методологические различия культурно-исторической и субъектно-деятельностной концепций онтогенетического развития на его природу и характер его детерминации, они обе рассматривают сам процесс развития как процесс качественного изменения целостной психики.

Специфической формой развития человеческого индивида в онтогенезе, с точки зрения культурно-исторической концепции деятельности, является присвоение. Присвоение (всеобщая форма развития) осуществляется как воспроизводство социально-культурных образцов деятельности в своей собственной индивидуальной деятельности: "... индивид, воспроизводя данные способы в себе (в процессе общения с окружающими людьми), тем самым присваивает богатства родовой культуры и в процессе такого присвоения развивается как человек" [20, с.8].

Таким образом, индивидуальное развитие как присвоение (в форме присвоения) осуществляется через овладение содержанием идеальной формы как социально-культурного продукта. Это означает, что у каждого человека в его индивидуальном развитии (у каждого развивающегося человеческого индивида) в самом начале его развития (практически еще до рождения) уже внешним образом задан его результат (и способ развития). Этот результат и способ присутствуют в социальной среде как социально-культурный образец и задает индивидуальному развитию все необходимые ему параметры. Поэтому вполне логично предположить, что содержательной основой периодизации психического развития в такой ситуации становится содержание процесса присвоения (усвоения).

Однако развитие как самоизменение предполагает самоизменение человека, которое может рассматриваться как творчество: "... творчество всегда в своей основе есть творчество человеком самого себя, есть человеческое самоизменение" [21, с.186]. Исходя из этого, логика творчества вполне может стать основой для понимания логики развития.

С современной точки зрения, любое человеческое действие можно рассматривать в двух аспектах: действие как развитие (как творческий акт), и действие как функционирование. В том случае, когда предметом действия становится сама среда осуществления этого действия, и действие становится следствием изменений, им самим же осуществленным, в среде своего осуществления, о действии можно говорить как о развивающемся. В этом случае можно говорить о действии как субъекте преобразование среды собственного осуществления, как о творческом действии. В том же случае, когда действие само является следствием чего-то уже состоявшегося, следствием среды, не ставшей предметом его преобразования, то необходимо говорить о функционировании. А о действии в случае функционирования есть смысл говорить как о нетворческом.

Таким образом, развитие как творческий акт – это предметное действие, являющееся субъектом изменения среды собственного осуществления. С другой стороны, проблему развития можно рассматривать как проблему возникновения самого субъекта действия.

Среди психологов и разных психологических школ существуют различные точки зрения на сущность психического развития. Тем не менее, имеют место некоторые общие положения, которые, в принципе, разделяются практически всеми.

К таким положениям относится понимание общей структуры развития, состоящей из прогрессивной, регрессивной и одноплоскостной линий развития. При этом, как правило, подчеркивается преимущество прогрессивного вектора развития.

Необходимо отметить, что эвристические возможности многих психологических концепций развития в большей степени сосредоточены на формальном описании этапов развития и их формальных характеристик: "... теория Пиаже, и в особенности его теория интеллекта, носит не столько предсказательный, сколько описательно-объяснительный характер" [22, с.58]. Это положение касается не только концепции Ж. Пиаже, но может быть отнесено с полным основанием и к культурно-исторической концепции, и к субъектно-деятельностной концепции развития.

В некоторых концепциях процесс развития выглядит как бы состоящий из отдельных "возрастных эпох", подчиняющихся разным закономерностям развития.

Объективно в современной психологии развития сложилась сложная и неоднозначная ситуация. По-видимому, именно этот факт и дал основания Л.В. Занкову достаточно резко выразиться в оценках некоторых концепций развития: "В своей концепции Л.С. Выготский не осуществил последовательно философского, диалектико-материалистического подхода к раскрытию сущности развития ребенка" [23, с.94]. Нам представляется, что эти же претензии можно предъявить ко многим современным концепциям психического развития, поскольку "следует отметить, что и понятие "развитие психики" ... не очерчено сколько-нибудь ясно" [24, с.27].

Причину сложившейся ситуации в психологии развития в некоторых случаях можно объяснить исходными методологическими установками, которые, в частности, необоснованно и бездоказательно подчеркивают фатальную зависимость индивида от социума и не рассматривают конкретного человеческого индивида в качестве целостной системы, способной к саморазвитию.

Констатируя, что психологическое содержание онтогенетического развития и его механизмов в настоящее время является проблемой, мы можем указать на наличие по меньшей мере двух доминирующих точек зрения на индивидуальное развитие.

ПЕРВАЯ. Индивидуальное развитие имеет общую для всех индивидов логику развития и онтогенетические этапы, последовательность которых ею строго определена (Выготский, Леонтьев, Эльконин, Давыдов). **ВТОРАЯ.** У каждого человеческого индивида своя логика индивидуального развития, свои этапы и своя последовательность онтогенетических этапов (Рубинштейн, Абульханова-Славская, Брушлинский).

Несмотря на то, что сложность проблем моделирования развития отмечается многими авторами, тем не менее, несоизмеримо мало работ, в которых непосредственным предметом психологического исследования являются соб-

ственно психические механизмы онтогенетического развития, которые и составляют, с нашей точки зрения, собственно “субъективную ткань” индивидуального развития.

Это объясняется, с нашей точки зрения, с одной стороны, чрезвычайной сложностью самого предмета исследования; а с другой стороны, сложившейся ситуацией в психологической науке. Данная ситуация характеризуется жесткой конкуренцией между деятельностными школами, что объективно приводит к довольно некритичному отношению к отстаиваемым собственным теоретическим основаниям и очень критичного отношения к основаниям оппонировавшей концепции.

В частности, именно механизмы психического развития (интериоризация и “внешние причины через внутренние условия”) являются как раз примером такого некритического отношения к ним со стороны их приверженцев. Но это понятно, поскольку сделать предметом исследования сами психические механизмы, это, по сути дела, потенциально сделать предметом критики собственную теоретическую позицию. До некоторых пор это было невозможно себе представить.

Одним из интересных, с нашей точки зрения, направлений в изучении механизмов развития — это рассмотрение творчества как механизма развития. Другой подход связан с пониманием онтогенетического развития как культурно-детерминированного. Новый принцип связан с прогностическим пониманием механизмов развития: “Культурный механизм, переносящий “конец в начало”, называется пролепис, что означает по словарю Уэбстера: “представление будущего действия или развития как уже существующего”” [13, с.209].

Но, к сожалению, это направление находится еще только в самом начале своего пути.

Анализируя ключевые аспекты нашей темы и опираясь на опыт различных школ и учений, мы заключаем: по-видимому, гносеологическое содержание психики есть только один из её аспектов. Необходимо рассмотреть психику как единство гносеологического и онтологического аспектов.

В этом смысле определенное значение имеет постулат о единстве продукта деятельности и её субъекта как принцип психического развития. Как известно, положение о единстве продукта деятельности и её субъекта является методологической основой субъектно-деятельностной концепции развития. И здесь необходимо обратить внимание на то, что данный принцип С.Л.Рубинштейн намеренно применяет только к историческому развитию, а не к онтогенетическому. Это же положение является основополагающим как при нашем критическом анализе рубинштейновской модели онтогенеза, так и отправной точкой для построения собственной модели. С нашей точки зрения, принцип единства субъекта деятельности и её продуктов должен быть применим не только к историческому, но и к онтогенетическому развитию. В противном случае нарушается тотальный изоморфизм законов развития.

Особенности соотношения индивидуального и исторического (филогенетического) развития рассматриваются в различных психологических концепциях. Например, видным представителем подхода к онтогенезу как генетической программе является Ж. Пиаже. Но у него мы не находим явного положе-

ния о соотношении онтогенеза и филогенеза. Его модель онтогенеза в основном разработана как модель созревания интеллектуальных структур в условиях уже сложившихся уровнях его функционирования. Сами механизмы перехода с одного уровня функционирования на другой для самого Пиаже были загадкой. При этом он считал, что “онтогенетическое развитие структур можно представить себе как процесс постепенного и последовательного приближения к некоторому идеальному равновесию, конечному состоянию, которого никогда нельзя достичь полностью” [22, с.70].

В отечественной психологии к Ж. Пиаже наиболее близок, с нашей точки зрения, в этом вопросе Б.Г.Ананьев. Близость их методологических позиций заключается в двух фундаментальных положениях. Во-первых, в признании изначально биологической природы человеческого индивида. Кстати, разделение процесса человеческого развития в онтогенезе на два этапа - природный и собственно человеческий – сближает позицию Б.Г.Ананьева и Л.С.Выготского, которую в своё время резко критиковал С.Л.Рубинштейн. Во-вторых, в постулировании генетической обусловленности онтогенеза человеческого индивида: “Индивидуальное развитие человека, как и всякого другого организма, есть онтогенез с заложенной в нем филогенетической программой” [25, с.103].

Противоречивую позицию по поводу соотношения онтогенеза и исторического развития занимают, по нашему мнению, представители школы С.Л. Рубинштейна. Противоречие заключается в фактическом признании принципиальной разницы законов исторического и онтогенетического развития. Такая позиция, с нашей точки зрения, нарушает фундаментальный принцип номологического изоморфизма законов развития объективного мира. И, разумеется, с этих позиций невозможно решить проблему человека как универсального существа.

С нашей точки зрения, внутреннее противоречие субъектно-деятельностной концепции онтогенеза заключается в том, что, с одной стороны, основным законом исторического развития (т.е. развития социума как целостной системы) признается труд, но, с другой стороны, одновременно утверждается, что этот закон не характерен для онтогенеза. Нам представляется, что это должно рассматриваться как явное противоречие, если оно не сопровождается специальным обоснованием. К сожалению, необходимого обоснования ни в текстах самого С.Л. Рубинштейна, ни в текстах его последователей мы не находим.

Напрягается очевидное сопоставление позиций С.Л.Рубинштейна и Л.С.Выготского по поводу ведущей роли обучения в онтогенетическом развитии. Расходясь во мнениях на конкретный характер соотношения обучения и развития, тем не менее, они единодушны в его решающей роли для онтогенеза.

Не менее противоречивая позиция, с нашей точки зрения, и у представителей культурно-исторического (объектно-деятельностного) подхода по поводу соотношения исторического и онтогенетического типов развития. Справедливости ради необходимо отметить, что эти внутренние противоречия имеют и объективный характер. В некотором смысле они задаются двусмысленностью и неоднозначностью позиции в опубликованных текстах самого К.Маркса по поводу всей проблематики человеческой субъективности.

Объектно-деятельностный подход, так же как и субъектно-деятельностный, провозглашает марксизм как свою методологическую базу. Следовательно, методологической основой и объектно-деятельностного подхода, в том числе, является методологический принцип единства субъекта деятельности и ее продукта. У К.Маркса этот принцип является выражением субстанциальности материи и провозглашает такую субстанциальность как характеристику в том числе и социума.

И в субъектно-деятельностном, и в объектно-деятельностном подходах этот принцип работает как обоснование самодетерминированности исторического развития. Но в обоих подходах он признается не работающим в онтогенезе. И в первом, и во втором случаях обучение и воспитание принимаются за единственные процессы, обеспечивающие индивидуальное развитие человека.

При этом, содержательное различие этих концепций, с нашей точки зрения, заключается только в их позиции по поводу механизмов, на основании которых осуществляется обучение и воспитание. Если в субъектно-деятельностном подходе усваиваемый культурные образцы выступают в качестве внешней причины, детерминирующей самоизменение психики, то в объектно-деятельностном подходе усваиваемый культурные образцы выступают в качестве внешней причины формирования внутреннего плана психического.

1.2. Предметная культура как среда жизнедеятельности человека

Человек — особое существо. Будучи по природе своей универсальным, он живет в искусственной среде, создаваемой и воссоздаваемой им самим. Непосредственное, чувственное (онтологическое) пространство человеческой жизни — это “искусственная” предметная среда, имеющая уникальные свойства, а именно: особая среда жизнедеятельности, в которой непрерывно овеществляется, опредмечивается (Гегель, Маркс) живущий в ней человек. Искусственная предметная среда является своеобразной предметной формой, в которой постоянно воплощается сам живущий в ней человек. “Понимание общественного бытия как практики, а практики как производства, прежде всего производства человеком самого себя, обнажает уровень, который скрыт за материальными структурами и овеществленными формами. На этом уровне индивиды выступают в своей конкретно-исторической целостности, человеческой подлинности” [26, с.21].

В процессе создания человеческого предметного пространства жизнедеятельности порождается не столько само по себе это пространство как необходимое условие человеческой жизнедеятельности, сколько деятельность и сознание самого человеческого индивида. “Порождение человеческого предметного мира и человеческого сознания в процессе действия и специфически человеческого действия в процессе порождения человеческих предметов, значение которых определяется их функцией в человеческом мире, — две стороны единого процесса” [27, с.16].

“Очеловеченность” жизненного пространства означает, что искусственная форма естественных предметов является главным фактором, отличающим естественную среду животных от “искусственной” предметной среды человека. Именно в такой “очеловеченной” среде природная субстанциальность (её

самодетерминированность) приобретает новое качество – качество человеческой рефлексивности. И с момента возникновения человеческой предметной среды, сама неживая природа – “объект” - приобретает человеческий смысл и становится непосредственным участником человеческих отношений.

Специфика социокультурных условий развития универсального человека в онтогенезе, в частности, заключается в том, что в процессе онтогенетического становления человеческого в эмпирическом человеке, предметом индивидуальной деятельности образующегося человека являются опредмеченные сущностные силы всех предыдущих поколений. Таким образом, при разграничении до-человеческого и человеческого мира необходимо всегда иметь в виду, что для становящегося человека (в онтогенезе) предметом деятельности является “овеществлённая” история человечества, а ни в коем случае не естественный (вещественный) предмет.

В процессе онтогенеза (в особенности онтогенеза!) никакой “нечеловеченный” естественно-природный объект (вещественный предмет) никогда не включается – и не может быть включен – в человеческую деятельность образующегося индивида. Непосредственным предметом человеческой деятельности в онтогенезе становится только форма культурной человеческой деятельности, но ни в коем случае естественные (вещественные) предметы.

Это утверждение вытекает из общего положения о том, что человеческий путь становления человека есть освоение исторического опыта всех поколений людей в своем индивидуальном развитии. Как правило, преемственность поколений осуществляется через распремечивание и присвоение: “ ... созданные человеком предметные средства выступают в качестве объективных, вне данного индивида существующих форм выражения познавательных норм, эталонов, объект-гипотез. Усвоение индивидом этих норм, имеющих социальное происхождение, делает возможным их функционирование в качестве структурообразующих компонентов познания. Именно в ходе этого усвоения - а оно происходит в процессе практической деятельности с внешними предметами - и совершается становление предметности, объектности восприятия” [4, с.161]. В предметной среде человеческой культуры аккумулируется общечеловеческая история и только в форме культуры (в форме предметной культурной среды) она становится доступной для освоения человеческому индивиду в процессе его онтогенетического развития.

Необходимо отметить, что исторический человек (человек как род в процессе истории развития социума) начинается не тогда, когда он начинает пользоваться орудиями (средствами собственной деятельности), а тогда, когда уже сам целенаправленно изготавливает орудия (средства деятельности). При этом, способность употреблять человеческие предметы как средства индивидуальной деятельности и означает способность стать человеком.

Но здесь есть одна тонкость, заключающаяся в том, что вещественный предмет имеет смысл, и человеческим такой предмет становится не сам по себе как таковой, а только в человеческой среде, т.е. в среде человеческого общения. Поэтому не сам по себе человеческий предмет (культурный предмет) является источником происхождения человеческой формы деятельности, а только такой предмет, который включён в человеческое общение.

Вышесказанное означает: источником возникновения человеческих качеств изначально является не сам по себе культурный (человеческий) предмет, а среда непосредственного человеческого общения.

В культурно-исторических концепциях развития понятие “культура” занимает одно из центральных мест и является гораздо более содержательным, нежели понятие “социальность”. Это происходит потому, что в культуре аккумулируются всеобщие характеристики развития социальности как исторического процесса, в то время как в содержании понятия “социальность”, как правило, сосредоточены его конкретно-исторические определения.

Более того, онтологически социальность не может существовать как исторический процесс, сама не может развиваться без специальных средств аккумуляции исторической логики собственного развития. И именно культура является таким средством. Именно культура делает социальность исторической категорией.

Если же мы будем игнорировать культуру и противопоставлять её социальности, то рискуем попасть в ситуацию всеобщей неопределенности и случайности. И тогда развитие как качественное самоизменение социума теряет устойчивость, прогрессивный вектор теряет свою определенность и стабильность, само развитие социальности начинает быть подверженным прихотям и стихии конкретной социально-эмпирической ситуации. Другими словами, с теоретической точки зрения, в диалектике единичного и всеобщего по отношению к социальности возможны разные варианты.

Первый вариант. В случае приоритета конкретно-социальной ситуации развития над его всеобще-историческим процессом – единичная социальная ситуация начинает доминировать над всеобщей. Т.е. единичное начинает доминировать над всеобщим.

Второй вариант. В случае приоритета культуры над конкретно-исторической ситуацией в развитии социальности доминирует всеобщее над единичным. Т.е. в этом случае всеобщее доминирует над единичным.

Но независимо от ситуации, именно культура становится источником социального в процессе онтогенетического становления человека. Именно благодаря “рациональному миру вещей материальной культуры, человек становится ... существом социальным ...” [40,с.126].

Следовательно, предметная человеческая — культурная — среда является носителем социокультурных норм деятельности и остается их объективной средой. Т. е. культура всегда является стратегическим предметом и продуктом человеческой деятельности, который, с одной стороны, является историческим аккумулятором социальности, а с другой стороны, — источником её происхождения. Другими словами, культура, с одной стороны, есть тот социальный “аккумулятор”, который позволяет процессу развития человеческого общества быть историческим процессом. С другой стороны, — является неиссякаемым источником, из которого последующие поколения черпают исторический опыт развития социальности. Культура обеспечивает единство социального прошлого, настоящего и будущего.

Процесс развития человеческого общества обеспечивается и сопровождается процессом развития культуры. Без культуры ни развитие человеческого

общества, ни его существование было бы невозможно. И здесь культура выступает ещё в одной функции – это способ аккумуляции опыта развития не только как социального, но и как универсального процесса. Кроме того, при анализе феномена онтогенетического развития есть смысл, с нашей точки зрения, различать культуру социальную и культуру индивидуальную. Если содержанием социальной культуры являются всеобщие (общечеловеческие) характеристики социально-исторического развития, то содержанием индивидуальной культуры являются устойчивые повторяющиеся особенности индивидуального процесса развития. Характерные особенности индивидуального развития, закрепляясь в индивидуальных формах культуры, аккумулируют в себе всеобщие характеристики самого индивидуального развития: “... идет постольный процесс отслаивания от деятельности элементов человеческой культуры, хотя бы в субъективном смысле этого слова, т. е. не в смысле — вклад в объективно-историческую культуру, а вклад в мою культуру” [28, с.141].

Как без социальной формы культуры невозможно социальное саморазвитие, так и без индивидуальной формы культуры невозможно индивидуальное саморазвитие. В этом смысле культура есть единственное средство историзации процесса социального и индивидуального развития, поскольку культура есть предметное (опредмеченное) бытие человечества и индивидуального человека. Только в предметной форме культуры, в форме “человеческого объекта” человеческое бытие объективируется и, тем самым, может детерминировать собственное развитие.

Специфика человека и его жизнедеятельности, как известно, заключена, в том числе, и в специфике его отношения к своему объекту. Точнее говоря, только человек и есть такое существо, которое относится и которым осознаётся собственное отношение к объекту, к своей собственной ситуации, к условиям собственной жизнедеятельности, к себе самому. Наличие субъект-объектного отношения характерно только для человека, и именно этим наличием человек и отличается от всего остального живого мира.

Природа детерминированности субъекта объектом раскрыта в деятельностных концепциях человека, начиная с Гегеля, Маркса, и включая современные деятельностные концепции человека. Она раскрывается в процессах распредмечивания-опредмечивания, которые являются истинно человеческими способами существования и механизмами его развития. “Чтобы изменять себя, свою совокупную жизнедеятельность, индивидам необходимо превратить все существенные моменты этой жизнедеятельности в предмет, работая с которым, развивая и совершенствуя который, они тем самым будут совершенствовать свои сущностные силы. В этом смысле процессы опредмечивания и распредмечивания, объективирования и субъективирования представляют собой специфически человеческий способ жизнедеятельности и развития” [11, с.27].

Процессы распредмечивания-опредмечивания непосредственно связаны с понятием человеческого предмета, его содержанием и формой. Сам человеческий предмет (а это в целом есть пространство человеческой культуры – пространство всего опредмеченного человечества) есть зафиксированные в предметной форме общечеловеческие способности. Следовательно, человеческий предмет (объект) есть очеловеченный предметный (естественно-

природный) мир. Субъект-объектное отношение, в том числе и в онтогенезе, есть поэтому отношение распредмечивания-опредмечивания.

Таким образом, содержание деятельностного подхода как субстанциалистской концепции заключается в том, что предмет (объект) деятельности полностью задает (детерминирует) содержание и форму субъекта, определяет собой все его структурно-функциональные характеристики, а субъект в этом случае, фактически, является моделью или копией объекта.

Моделирование (осуществляемое как “уподобление”) необходимо для того, чтобы человеческий индивид мог адекватно “вписаться” в человеческий предметный мир. И здесь необходимо владеть способами адекватного оперирования с предметами.

Рассмотрение проблемы человека как универсального субъекта наталкивается на ряд аспектов, в частности, на вопрос о “формулировке” сущности человеческого индивида.

Одним из способов решения проблемы сущности человека, её специфики по сравнению с животным, является так называемый количественный подход. Традиция количественного подхода, явно выразившаяся ещё у Чарльза Дарвина, и сегодня имеет серьёзное значение. Но в современных концепциях человека количественный способ решения проблемы человека имеет форму смешения естественной и “не-естественной” составляющих.

Другая традиция стремится рассмотреть человека с точки зрения его качественного отличия от всего остального живого мира. Именно сознание (рефлексивное сознание) придает человеку ту качественную определённую, которая и отличает его от всего остального живого мира. Более того, с возникновением человека, вообще, “искусственность” становится характерной чертой самого бытия природы.

Наличие сознания свидетельствует об универсальности человека, о его причастности ко всей бесконечной природе: “...эта бесконечность, универсальность, потенциально заключённая в Человеке, отличающая его от животного, есть основная проблема антропогенеза (в форме его фило- и онтогенеза) и его Тайна. Духовное развитие человека может быть понято, поэтому, как реализация индивидом своей потенциальной универсальности, бесконечности, как становление Человека в индивиде” [29, с.365].

В связи с принятием универсальной природы человека, стратегическую перспективу, с нашей точки зрения, имеют только те психологические модели его онтогенетического развития, которые изначально рассматривают человека как самостоятельную целостную систему. С нашей точки зрения, это означает, что человек не может быть рассмотрен ни с позиций социоцентризма, ни с позиций антропоцентризма. Адекватной его сущности является только позиция универсализма.

1.3. Человек как универсальный субъект

С универсальностью человека соотносима онтологическая рефлексия — психологическое свойство человека практически вставать над ситуацией, делать предметом собственной практической деятельности своё онтологическое пространство, непосредственно самого себя. С этой точки зрения можно гово-

речь, что эмпирический человек как факт социальной жизни может существовать в двух основных режимах: “Первый из них – это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек. ... Здесь функционирует внешняя рефлексия, формирующая феноменальный слой сознания, заполненный многочисленными ритуализированными структурами, продуктами коллективного сознания, осознаваемыми как содержание своего “Я” ...

Второй способ существования связан с появлением собственно внутренней рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный поток жизни и выводит человека за его пределы. С появлением такой рефлексии связано ценностное осмысление жизни. С разрыва непосредственных связей и восстановления их на новой основе начинается и в этом заключается второй способ существования. Именно в этом способе, по сути дела, впервые встает проблема “уяснения самому себе своего собственного сознания” как проблема нового сознательного опыта (опыта с сознанием)” [29, с.200].

Только второй способ человеческого существования — рефлексивно-онтологический — соотносим с его универсальной сущностью, поскольку только рефлексивно-онтологический человек способен преодолевать любые ситуативные ограничения.

Исходя, например, из марксистской философии, природа человеческой субъективности известна: она социальна, как и все человеческое в человеке. Но всё же, данная позиция требует своей современной корректировки. Известно, что теоретический недостаток марксизма заключается в теоретически заданном превосходстве социума над конкретным человеческим индивидом. По крайней мере, именно таким образом до недавнего времени интерпретировался марксизм во всех конкретных науках о человеке. Сегодня это положение нуждается в переосмыслении и уточнении: “... марксистская методология исходит из того, что человеческая субъективность безусловно выводится из социальности, но, согласно этой же методологии, не сводится к ней, так же как и к реальности психологической” [26, с.9].

Оставаясь в пределах традиционного марксистского понимания субъективности, невозможно решить проблему человека как субъекта трансцендирования, поскольку субъект трансцендирования (универсальный субъект) должен теперь рассматриваться не столько как производный от социума, сколько как самостоятельный производитель самой социальности (социальной формы материи – предельной деятельности) и социальной структуры в целом.

В отличие от ортодоксального марксизма, под источником человеческой субъективности (и субъектности) следует теперь понимать не социум или социокультурную ситуацию, а всю развивающуюся природу в целом. Необходимо сделать вывод, что человек есть производная не от социума, а от природы, главным фундаментальным свойством которой является её субстанциальность (самодетерминированность).

Именно субстанциальность (самодетерминированность) развивающейся природы является тем источником, из которого возникают и субстанциальность социума, и субстанциальность человеческого индивида. В этом смысле человеческая субъективность (и субъектность) непосредственно выводима не из социальности, а из природной субстанциальности.

Заслуживающей особого внимания, на наш взгляд, является точка зрения на объективную природу субъективности, т. е. на субъективность как на факт онтологического пространства. И здесь особенно важным представляется нам даже не столько объективный характер субъективности, сколько её объективная предметность.

При этом, преодолевая гносеологизм в отношении субъективности (в том числе и в отношении сознания) и продолжая традицию С.Л.Рубинштейна рассмотрения человека как онтологического субъекта (но, в отличие от С.Л.Рубинштейна — не эмпирического, а универсального субъекта!), субъективность рассматривается нами уже не как отношение “над” реальностью (как в гносеологической парадигме субъективности), а как отношение внутри самой объективной реальной действительности.

Онтологичность субъективности должна пониматься как форма практического отношения человека к миру: “Человеческая субъективность есть форма практического освоения мира” [29, с.74].

Особенностью современного взгляда на феномен субъективности в психологии развития является рассмотрение его как онтологического феномена, рассмотрение его в связи с рефлексивностью. В связи с этим, возникает необходимость рассматривать сознание как форму бытия субъективности. И если исходить из генетических установок, само сознание должно рассматриваться как становящееся в онтогенезе: “Развиваясь и преобразуясь в процессе становления человека, субъективность оформляется и дифференцируется на многообразные человеческие способности. Интегративным способом бытия субъективности выступает сознание, развивающееся по ступеням: бытийное сознание – самосознание – рефлексивное сознание — трансцендирующее сознание” [29, с.77].

Субстанциальная (самодетерминированная) природа человеческой субъективности подтверждается, с нашей точки зрения, историчностью самой категории “субъект”. В историческом плане, как известно, исходным является субъект-социум. И лишь в процессе развития самого социума формируется индивидуальный субъект. Историческая логика заключается в том, что развитие идёт от монолитного субъекта-социума, производящего собственную социальность и субъективность, к индивидуальному субъекту, становящемуся реальной исторической силой и единственным реальным производителем социальности и своей собственной субъективности. Мы считаем, таким образом, что человеческий индивид как субъект является исторической категорией. Он является не предпосылкой исторического процесса, а его результатом.

В философии историческое (а также и онтогенетическое) возникновение субъектности до сих пор остается проблематичным и иногда связывается с переходом от адаптивной жизнедеятельности исторического человека к субъектной. Утверждается, что историческое возникновение субъектности связано с преодолением отношения взаимодействия (“взаимовоздействия”) как адаптивного способа жизнедеятельности, непосредственно связанного с конечными формообразованиями: “Применительно к человеку, согласно данным антропологии, последний мог произойти не от любого животного, а лишь от предельно развитого. Но и предельно развитое животное включено в сеть естественных

взаимодействий и ведет адаптивный способ существования. В системе и процессе взаимодействия, т. е. взаимного — и в этом смысле “равноправного” — воздействий конечных формообразований друг на друга, нет места субъектности. Чтобы стать субъектом, надо выйти из процесса взаимодействия (пусть даже самого высокоорганизованного), надо выйти из состояния адаптивного отношения к окружающим формообразованиям. А для этого возможен лишь один путь: отречься от собственной конечности и обусловленного ею адаптивно-взаимодействующего отношения к действительности” [1, с.499].

Возникновение человека как субъекта в истории связывается с возникновением субъектности как исторического свойства самой субстанции. Тем самым подчеркивается универсальная природа человеческой субъектности и подтверждается точка зрения на человека как носителя универсальной субстанциальности бесконечно трансцендирующей природы.

В отечественной психологии одно из решений проблемы субъектности связано с интерпретацией субъектности как атрибутивности (как “субъектных свойств” человека), т. е. принадлежности свойствам конкретного эмпирического человеческого индивида: “Интеграцией субъектных свойств является творчество, а основными формами развития - история производительной деятельности в обществе” [30, с.7].

В культурно-исторической концепции психического развития субъектность понимается как способ овладения собственным поведением. При этом “овладение” трактуется как порождение “человеком формы своего поведения” [20, с.15]. Но что в этом случае понимается под порождением — до конца не ясно. С другой стороны, субъектность трактуется как преодоление (Л.С.Выготский).

В современных работах по психологии развития субъектность действия понимается как обращенность действия на самого действующего человека. Более того, субъектность понимается не только как просто действие на собственное строение, но и как практическое преобразование всей собственной жизнедеятельности.

Наряду с проблемой содержания субъектности, имеет место и проблема возникновения субъектности в онтогенезе. В связи с этим высказываются точки зрения на ограниченность возможности становления человека как субъекта за счет распремечивания предметных форм культуры. “Распространенная точка зрения состоит в том, что индивид становится общественным существом, личностью, субъектом путем освоения человеческого опыта через предметный мир культуры, уже созданный человеком. В этом тезисе правильно подчеркивается огромное значение внешнепредметных форм в становлении человека через надбиологические, т.е. социальные формы наследования. Но если его абсолютизировать, он становится уязвимым: усвоение родового опыта, лишь кристаллизованного во внешних продуктах человеческой деятельности, вряд ли способно сделать из человека субъекта. История, понятая только как итог, обязывает лишь к вполне определенным, отложенным формам деятельности. В этом смысле можно согласиться, что “принуждающая сила закреплена во всех вещах, окружающих человека”. Эта же сила раскрывается как способ воспроизводства вещи, а не способ выхода за его рамки” [26, с.59].

Можно сделать вывод, что если субъектность понимается как конструктивная (порождающая) рефлексивность, то это свойство не может возникнуть из усвоения (воспроизведения) культурных образцов, т.е. по механизму распредмечивания.

В некоторых концепциях развития субъектность иногда рассматривается и как способ перехода от замысла к реализации. При этом, формой, в которой осуществляется такая субъектность, является опосредование: “Согласование замысла и реализации, идеального и реального действия и составляет ту форму субъектности и тот опыт субъектности, которые предполагаются и проектируются в акте опосредствования ...”; “... преодоление границы между замыслом и реализацией, переход через неё как в ту, так и в другую сторону составляет то событие, в котором формируется и относительно которого мыслится субъектность опосредования” [20, с.95].

Оригинальной трактовкой субъектности отличается концепция идеальной формы Б.Д.Эльконина. С его точки зрения, субъектность есть собственно переход, сам акт перехода от идеальной формы к реальной: “... трудно принять идею неналичности субъекта или, вернее, идею его существования лишь, словами Мамардашвили, в “сдвиге” поведения, им самим выстроенном. Трудно удерживать и в эксперименте, и в размышлении то, что субъектность ... является “не фактом, а актом” (В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили, 1977)” [20, с.16].

Более тщательное рассмотрение соотношения субъективности и субъектности позволяет некоторым авторам говорить, что именно субъектность является ядром человеческой субъективности, главной категорией психологии человека. Весьма важный для нас вывод делают те специалисты, которые утверждают субъектность как форму самодетерминированности: “... в идее субъектности человека, что означает здесь свойство самодетерминации его бытия в мире; в философии, как известно, для обозначения этого особого рода причинности используется термин *causa sui* – “причина себя”” [31, с.8]. Это утверждение позволяет нам констатировать, что человеческая субъектность как ядро и субъективности, и человека в целом может трактоваться как форма универсальной субстанциальности, как форма природной самодетерминированности. Следовательно, субъектность как особое отношение возникает тогда, когда универсальная субстанциальность (свойство природы трансцендировать) становится собственным внутренним качеством человеческого индивида.

Проблема человеческой субъектности непосредственно связана с проблемой содержания самого её носителя – самого человека как субъекта. В этом вопросе имеется столько же много различных точек зрения, сколько и в вопросе о человеческой субъектности.

Мы предпочитаем искать решение проблемы человека как универсального субъекта в диалектических традициях понимания субстанциальности и субъектности. С этой точки зрения: “Субъект есть та высокая форма, которую достигает субстанция, когда последняя свое движение в полном смысле оборачивает на себя, когда движение достигает истинной формы самодвижения” [9, с.200], то есть, “субъект также является определенной ступенью развития объ-

ективной реальности” [9, с.192]. Субстанция (субстанциальная действительность) не является субъектом изначально. Ее субъектность есть результат ее собственного исторического развития как субстанции (самодетерминированной действительности). Из этого фундаментального положения, на наш взгляд, прямо выводится положение о том, что субъект – это рефлексивная действительность.

Главной формой существования человека как универсального субъекта является самодвижение. И осуществляется самодвижение как творчество, создание (порождение) нового себя. Таким образом, в истории развития субстанции (самодетерминированной действительности) возникновение субъекта есть возникновение нового качества самой субстанции, новый этап в ее собственном историческом развитии.

Отсюда резюмируем: в процессе развития субстанции как субъекта возможны различные формы существования самого субъекта. При возникновении социальной формы движения материи сам социум становится таким субъектом, т.е. самодетерминированной (рефлексивной) действительностью. Дальнейшее развитие уже самого социума приводит к тому, что возникает новая форма субъектности: не только социальная, но и индивидуальная. Причем, для возникновения индивидуальной формы субъектности (индивидуального субъекта) нет никаких ни теоретических, ни практических ограничений.

Необходимо подчеркнуть, что для человека как универсального субъекта предметной деятельности субъект-объектное отношение есть способ соотноситься с природной субстанциальностью. Причём, именно через взаимодействие субъекта и субстанции происходит как развитие самого субъекта, так и развитие субстанции. Более того, за счет данного взаимодействия человек-субъект сам становится формой развития природной субстанциальности: “... Но мир объектов (при всех указанных относительно них ограничений) предстает как лишь один из поверхностных срезов отношений человека как субъекта к миру. Через посредство объектов субъект соотносится с субстанцией. Диалектика субстанциональности и субъектности и есть наиболее существенное выражение глубинной диалектики предметной человеческой деятельности. При таком понимании ни субстанция не изображается как самодействующий субъект, для которого человек-субъект предстает лишь конечным модусом, как это представлено в субстанциалистских доктринах; ни в равной мере субъект в собственной субъектности не утверждается вопреки субстанции и через ее отрицание, как это представлено в анти-субстанциалистских доктринах.

Происхождение исторического субъекта закономерно связано с преодолением адаптивных форм жизнедеятельности, причем как в сфере субъект-объектных, так и в сфере субъект-субъектных отношений. Более того, естественное развитие самой среды и характерного для неё способа взаимодействия не способно привести к появлению субъекта. В этом смысле процесс биологического развития не в состоянии привести к появлению субъекта. “В мире царящего взаимодействия конечно-особенных формообразований нет места субъекту (понимаемому, разумеется, как субъект предметной деятельности). Приспособительное поведение животного не является обнаружением субъектных определений — напротив, оно есть их положительное отрицание. Изменение

окружающей среды, доведенное до той границы, за которой среда перестает быть средой данного животного (или вида), вызывает перестройку последнего, резкое же изменение среды — его вымирание. Процесс количественных изменений среды, ведущих к качественному изменению биологических форм, не может привести к появлению субъекта предметной деятельности” [1, с.500].

Данное высказывание приводит нас к важнейшему выводу: если человек рождается биологическим существом, то в процессе онтогенетического развития он никогда не сможет перейти грань, отделяющую человека от животного! Следует это из того, что человек как субъект предметной деятельности не является результатом развития (не является следствием) биологической формы.

Человек как субъект — не звено в ряду биологической эволюции. Человек как субъект происходит не от обезьяны и не от человека-животного, а от универсальной субстанциальности природы. Причем, это происхождение не акт, а непрерывный процесс, поскольку присущий субъекту способ существования есть непрерывное производство самого себя: “... от обезьяны происходит не человек как субъект (или, точнее, не весь человек), а лишь его органическая телесность. Как субъект же человек происходит не только и даже не столько от обезьяны, сколько от всего Бытия, от его универсально всеобщих определений и их универсальной логики — диалектики. Предметная деятельность человека наследует и продолжает вовсе не видоспецифические атрибуты высших антропоидов, а - как раз через их отрицание - субстанциальные определения. И именно относительно последних можно и нужно сказать, что человек не просто однажды от них произошёл, но постоянно продолжает происходить; и он лишь постольку является действительным субъектом, поскольку не завершается этот процесс его происхождения” [1, с.499].

В связи с вышеизложенными рассуждениями, перед нами встает фундаментальная проблема, решить которую ещё предстоит: “Субъект предметной деятельности не может возникнуть из адаптивного поведения (или более общо: из способа бытия конечного формообразования как модуса субстанции), но он в то же время не может возникнуть и вне и помимо адаптивного поведения” [1, с.500].

Теоретически данное противоречие можно разрешить способом непрерывного выхода за пределы адаптивного взаимодействия к предметной деятельности. Такой ответ на поставленную задачу возможен только тогда, когда предметом деятельности становится сама логика развития деятельности.

Еще один из вариантов рассмотрения субъектности — это человек как субъект поведения, существо, порождающее свое собственное поведение. Субъект поведения “возникает” при необходимости создавать новые схемы собственного поведения. И тогда у человека появляется необходимость радикальной перестройки реального поведения на основании новых схем. С точки зрения культурно-исторической теории, субъект поведения возникает в точке встречи идеальной и реальной форм поведения: “Выделяется та точка, тот момент в жизни человека, в котором он становится субъектом этой жизни. Возвращаясь к нашему исходному отношению, можно сказать, что “точка встречи” идеальной и реальной форм специфична и знаменательна тем, что в ней происходит возникновение субъекта поведения ... Именно в этой точке чело-

век порождает своё поведение, а: “порождающий своё поведение человек становится его субъектом” [20, с.15].

Особая теоретико-методологическая позиция — рассмотрение субъекта как субъекта познания. Для философии Нового времени характерной тенденцией является разработка проблематики субъекта познания как активного и рефлексивного субъекта, делающего предметом рефлексии основания собственной познавательной деятельности.

И в наше время проблематика самодетерминированности субъекта познания разрабатывается в философии как рефлексивная способность порождения новой логики собственного мышления. В современной психологии развития под субъектом мышления (субъектом познания) иногда понимается человек, способный преодолеть (порождать) собственные базовые схемы мышления: “Субъект мышления (означения) понимается как тот, кто преодолевает и готовую грамматическую (языковую) схему, и схему мысли (способ обобщения). Именно это преодоление и понимается как свершение мысли, ее событие” [20, с.204]. Можно сделать вывод, что рефлексивное мышление, трансцендирующее в собственные новые схемы, и является истинным мышлением человека как субъекта.

Наряду с рефлексивным пониманием субъекта познания (субъекта мышления), имеет место и существенное другое его понимание, а именно, как субъекта рефлекторной (отражательной) деятельности. В рефлекторных концепциях мышления познание осуществляется за счет рефлекторной деятельности мозга, а субъектом познания признается каждый человек, атрибутивной способностью которого по определению является условно-рефлекторная деятельность мозга.

В психологии понятие субъекта деятельности непосредственно связано также с содержанием понятия о деятельности, которое разрабатывается в той или иной концепции. Но в любом случае, независимо от содержательной позиции исследователей, деятельность в психологии понимается иначе, нежели предметная деятельность в философии. В основном, психологическое содержание деятельности сводится к субъект-объектному отношению. Причем, различие концептуальных позиций по поводу деятельности, в основном, сводится к различному значению цели и процедуры целеполагания в структуре деятельности.

С этой точки зрения, субъект деятельности определяется как человек, способный самостоятельно целеполагать: критерий самостоятельного генерирования целей является главным критерием в определении человека как субъекта деятельности. Более того, деятельностное отношение некоторыми философами всегда связывается со свободным целеполаганием, поэтому у них субъект деятельности — это всегда свободно целеполагающий субъект.

Атрибутивная позиция по отношению к понятию “субъект деятельности” заключается в рассмотрении деятельности как некоего свойства человека (природного или социального), которое может осуществляться самим человеком самостоятельно и осознанно: “Понимание субъекта в психологии связывается с наделением человеческого индивида качествами быть активным, самостоятельным, способным, умелым в осуществлении специфически-человеческих

форм жизнедеятельности, прежде всего предметно-практической деятельности. Наиболее употребительным в психологии является выражение “субъект деятельности”. В таком контексте использовал категорию “субъект” Б.Г. Ананьев” [29, с.250].

Или: “Субъект в философско-психологической литературе определяется как носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности, направленной на объект” [29, с.249]. С этой точки зрения, субъект деятельности всегда – это человек, обладающий способностью к деятельности, т.е. способный ее практически и продуктивно осуществлять: “... субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность – совокупностью общественных отношений..., определяющих положение человека в обществе, в структуре определенной общественно-экономической формации” [30, с.141].

В некоторых современных концепциях понятие субъекта прямо отождествляется с понятием способности: “Основным определением человека как субъекта являются его способности. Внутреннее родство понятий “субъект” и “способности” состоит в их общей отнесённости к деятельности человека, к способам её осуществления. “Способности квалифицируют личность как субъекта деятельности” [С.Л. Рубинштейн – В.А.]” [29, с.317].

Еще одним подтверждением того, что “деятельность” как психологическое понятие и “предметная деятельность” как философская категория имеют значительное расхождение в своем содержании, является схема эволюции действия, присущего как животному миру, так и человеку: “... общую линию эволюции действия — от неорганического мира до человека включительно — можно схематически разделить на четыре большие ступени, каждой из которых соответствует определенный тип действия: физическое действие, физиологическое действие, действие субъекта, действие личности” [32, с.144].

Приведённый выше пример показывает, что в психологии часто не проводится качественной границы между “деятельностью” животных (а иногда и “деятельностью” человеческого органа) и деятельностью человека. Такая “непринципиальная” позиция характерна для многих исследователей, принадлежащих к различным психологическим школам (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев).

Не является неожиданной трактовка субъекта как субъекта творчества. В принципе, она объясняется и вытекает из более общей позиции, понимающей субъектность как самоизменение, как изменение собственных способностей: “... поскольку субъект творчества здесь представлен замкнутым на себя, то “результатом” его действия будет уже не “развитие теории”, но развитие и изменение предопределения теорий, способностей творящего субъекта, т.е. возможность и потенция изменения теорий” [33, с.105].

Ещё более общее понимание творчества как порождающей деятельности связано с пониманием субъекта как свободно целеполагающего субъекта: творчество связано с рождением нового, а субъект творчества – это свободно целеполагающий, т. е. творческий субъект.

Данное положение относится и к пониманию творчества как творчества собственной жизни: “Вместе с тем понятие субъекта рассматривается в более

широком контексте – как творец собственной жизни, как распорядитель душевных и телесных способностей. Человек как субъект способен превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, относиться к самому себе, оценивать способы деятельности, контролировать её ход и результаты, изменять её приёмы” [29, с.250].

Но самое, на наш взгляд, адекватное и масштабное понимание творчества заключено в понимании творчества как способности создавать собственный человеческий мир, глобальные социальные отношения: “... человек ... создает свой, социально обусловленный, человеческий мир, включая мир его собственных отношений – социальную действительность. Человек здесь выступает, следовательно, в качестве субъекта. Эту-то субъектную характеристику человека и высвечивает принцип деятельности” [33, с.112]. Для решения проблемы человека как субъекта особое значение имеет принцип деятельности, в том числе, и для раскрытия человека как субъекта истории. Но в то же время принцип деятельности позволяет рассматривать в качестве субъекта истории не только совокупного субъекта (общество в целом), но и отдельного человеческого индивида: “Субъект, созидающий схемы, нормы и идеалы своей собственной деятельности в процессе культурного выбора — это человек, задающий перспективу своего развития, строящий свою историю” [34, с.316].

Наряду с рассмотрением человека как субъекта деятельности, в последнее время (в современных концепциях развития) обозначилась тенденция рассматривать человека как субъекта активности. Такой подход связан с рассмотрением активности как исходной детерминанты деятельности и имеет свою традицию в отечественной психологии: “Свою задачу мы видим в том, чтобы оценить правомерность (выполнимость) максимы: “личность есть субъект активности”” [31, с.12]. Здесь активность является исходной категорией, а сам человек как идеальный субъект есть порождение этой осуществлённой активностью.

И все же большое эвристическое значение, с нашей точки зрения, имеет рассмотрение человека как онтологически-рефлексирующего субъекта. Такой подход даёт возможность раскрыть человека как универсальное онтологическое существо, понять его как созидателя бытия, а его сознание понять как онтологическую категорию. Ибо субъект — это человек, способный к трансцендированию за счет порождения своих новых способностей, осуществляющееся за счет самодетерминации и онтологически-конструктивной рефлексии.

В определении человека как универсального субъекта через механизм самодетерминации, а также через рефлексивность, особое значение имеет понятие “трансцендирование”. Фактически, это ключевое понятие для описания развития как саморазвития, т.е. как самодетерминируемого развития. Поскольку саморазвитие осуществляется только как трансцендирование, то поэтому: “выход за пределы того, что определено причинами и условиями, а также соответственно им осознанной целью, — это и есть действительно свободное и только поэтому творческое действие”. [16, с.51]

Учитывая социальную форму, в которой воплощена универсальная природа человека как субъекта трансцендирования, его становление в онтогенезе

должно осуществляться в условиях фундаментального противоречия между конечным и бесконечным социумом.

Трансцендирование есть истинно человеческая, фундаментальная для человека и человеческого рода способность: "... можно заключить о существовании в индивидуе бесконечной способности трансцендирования, переходе всех конечных границ во внешнем мире и в самом себе. Причём, чем глубже рефлексия, т.е. осознание всё более глубоких слоёв психики. Внутреннего Я (М. Боуэн), тем более расширенным оказывается трансцендирование, выход за границы наличного бытия, осознание своего единства с Миром как целым" [29, с.364].

Мы определенно полагаем, что трансцендирование как форма саморазвития может осуществляться в онтогенезе только в особых, специфических условиях. Этими психологическими условиями является трансцендирующий учебный микросоциум, в условиях которого только и может быть сформирована индивидуальная способность к трансцендированию. Наше убеждение основано на том, что человек как универсальный субъект (рефлексивный субъект трансцендирования) — это человек, находящийся в онтологически-рефлексивном практическом созидательно-порождающем отношении к самому себе.

1.4. Психология современного образования

Если рассматривать проблемы психологии современного образования, следует, по-видимому, ясно представлять себе исторический аспект кризиса образования. Он не является сколько-нибудь уникальным явлением в социально-исторической жизни человечества. Но образовательные проблемы XX века отличаются от подобных проблем XIX века своей глобальностью. В XX столетии кризисы образования потрясали практически все развитые страны, в том числе, например, и США. Уже в 1947г. американцы были очень серьёзно обеспокоены состоянием своего школьного образования: "Американская общеобразовательная школьная система стоит перед самым серьёзным кризисом в своей истории", – заявлял Бенджамин Файн, обозреватель "Нью-Йорк Таймс" по вопросам образования" [35, с.12].

А в конце 60-х годов многими специалистами кризис образования уже признаётся глобальным, но пока широкая общественность, к сожалению, на такие оценки должным образом не реагирует. Но как бы то ни было, очевидно, что основная тенденция развития образовательных кризисов — переход из региональных к глобальным, а основная характерная особенность современного кризиса образования – его всеобщность и глобальность. Психологический анализ современного глобального кризиса образования, призванный решить весьма ответственную задачу: вскрыть истинные его причины и найти адекватные решения – необходимо строить на реальной картине развития образования. В первую очередь следует определить реальное место системы образования той или иной страны в мировой таблице о рангах. И здесь хочется особо подчеркнуть: бывшее советское, а ныне и наше отечественное образование в Казахстане, в недалёком прошлом являлось признанным и заслуженным мировым лидером. Международный авторитет бывшая советская система образова-

ния заслужила реальными достижениями, и среди них — безусловный успех в области естественных дисциплин и социальной доступности образования.

Тем не менее, несмотря на высокий уровень отечественного образования, в настоящее время оно резко сдало свои позиции, даже по тем позициям, которые в прошлые времена казались неизбежными: “Сегодня Казахстан часто гордится своей 100%-ой грамотностью, но недавние данные подтверждают противоположное. По самым последним данным Отчета Всемирного Банка (1995, с. 162) в Казахстане 3% населения неграмотны” [36, с.2 (п.7)].

К сожалению, в настоящее время негативные тенденции нарастают, и среди них одна из самых угрожающих — темп снижения качества среднего образования. Тенденции ухудшения качества образования настолько угрожающи, что сегодня уже приходится говорить о несоответствии нашего образования мировым стандартам: “Анализ состояния функционирующей системы образования в Республике Казахстан свидетельствует о ее несоответствии как мировому уровню, так и насущным практическим потребностям” [37, с.25]. Такое отрицательное состояние дел в системе образования характерно не только для Казахстана, но и для всего региона бывшего СССР: “система образования и подготовки в Центральной Азии, также как и в бывшем СССР в целом находится в глубоком кризисе в течение последней четверти столетия или около этого” (Скоров, 1994, 38)” [38, с.19].

В результате, в отечественном образовании возникла необходимость решать двойную задачу: сохранить ценный опыт и осуществлять нововведения. Но для этого прежде всего следует отказаться от довлеющих до сих пор в системе образования советских форм управления: “Хотя система образования в Казахстане смогла эффективно действовать, несмотря на сильное сокращение уровня реальных затрат, работники, управляющие системой, не должны считать, что образовательные услуги оставались на должном качестве или что система жизнеспособна. Требуется срочные меры для защиты имеющегося ценного опыта бывшего Советского Союза и для необходимых нововведений. Дилемма состоит в том, что принятые в командной экономике подходы не смогут удовлетворить нужд развивающейся системы в условиях рыночной экономики” [39, с.27].

Среди основных проблем отечественного образования можно назвать:

- отсутствие целостной системы научного знания;
- отсутствие современной теории развития личности;
- отсутствие способов обеспечения единства обучения и воспитания;
- низкая профессиональная компетентность управленцев образования;
- проблема содержания образования.

Перечисленные проблемы имеют, с нашей точки зрения, серьёзные внутренние причины. Одной из главных причин, порождающих внутреннюю проблемность и кризисность образования, является само содержание образования. “Под содержанием образования в современной школе Республики Казахстан понимается система научных знаний, практических умений и навыков, овладение которыми обеспечивает развитие интеллектуального потенциала личности, физических, нравственно-эстетических способностей школьников, соот-

ветствующего им поведения, воспитание потребности в приобщении к национальным и общечеловеческим культурным традициям, на основе чего формируется гражданская готовность учащихся к самостоятельной жизни и общественно-полезному труду” [40, с.17].

В этой формулировке необходимо обратить внимание на то место (первое!), которое продолжают занимать З, У, Н [знания, умения, навыки – *В.А.*] в содержании образования. До тех пор, пока это место будет за ними сохраняться, внутренние проблемы образования будут постоянно воспроизводиться.

Существенную роль играют и организационные проблемы образования. “Система высшего образования БСС [бывшего Советского Союза – *В.А.*] несет в себе следующие характерные черты, что рассматривается как негативное явление по отношению к способности внести значительный вклад в решение социальных и, в особенности, экономических задач, с которыми сталкивается общество в период трансформации в странах СНГ:

— чрезмерная забота о верительности грамот, так называемая “дипломная болезнь”, а не о приобретении знаний и профессиональных навыков учащимися и их совершенствование в течение всей жизни;

— ригидность учебного плана, что сдерживает целевое образование и подразумевает политическую ориентацию по отношению к централизованному распределению труда;

— вертикальный учебный план высшего образования, который зачастую вел свое происхождение с общеобразовательной школы и препятствовал как среднему, так и специализированному высшему образованию, свободному переводу учащихся как внутри, так и между учебными заведениями так и последующей мобильности занятости;

— отделение послевузовского образования от курсового, а также от научно-исследовательской работы и зависимость от полномочий, связанных с присуждением академических званий” [38, с.3].

Помимо указанных существуют также:

- проблема сомнительной новизны отечественных учебников, “напряженность между традициями и новациями ... Консультанты выражают огорчение, что некоторые “новые” казахские учебники в большей степени “скопированные” учебники бывшего Советского Союза, а не новые критически пересмотренные по содержанию учебники. И такие учебники предлагаются для казахстанских учащихся в следующем веке!” [36, с.23 (п.73)].

- проблема объективного контроля и оценки. Это — одна из важнейших и кардинальных проблем современного отечественного образования. Сама по себе она является комплексной и ее составляющими являются несколько самостоятельных проблем. Во-первых, проблема обоснованности средств объективного контроля, применяемых в реальной образовательной практике; во-вторых, проблема оценки качества на международном уровне, в-третьих, проблема компетенции самих учителей. Кроме этого “две основные проблемы вытекают из существующей практики тестирования. Одна связана с необходимостью обоснованность тестов сделать функцией компетентности учителя. Вторая — невозможность оценки качества обучения на международном, национальном или местном уровне. Принятие решений по образованию на уровне

учащихся, школы, района, области или государства затруднено. Прагматичные решения, основанные на оценке достижений учеников на уровне ученика, класса или школы похоже ограничены. Необходимы пересмотр и обновление процедуры и процесса определения достижений учащихся вместе с пересмотром компетентности учителей по оценке и контролю результатов учащихся” [36, с.31 (п.94)].

Решение этих проблем серьезно затруднено отсутствием стандартных показателей, реально применимых на практике. Отсутствие объективных критериев и наличие большого субъективизма в оценке достижений приводит к тому, что “результаты экзаменов не контролируются Министерством образования, даже результаты государственных экзаменов для учеников 9 и 11 классов. Поэтому невозможно было получить информацию о достижениях учеников. Рост знаний, как индикатор качества не может быть использован. Для остальных классов, кроме 9 и 11, учителя определяют прогресс в знаниях и запоминании материала, основываясь на тестах и других факторах. Тесты разрабатываются самими учителями. Вопросы основываются на предмете и содержании темы, которую, по мнению учителя, должен знать ученик. В принципе определяются знания, навыки и отношения. У преподавателей нет стандартных инструкций, которых следует придерживаться при составлении тестов. Оценки ставятся самим учителем. Таким образом, процесс оценки знаний очень субъективный” [36, с.30 (п.89)].

В связи с вышеизложенным, выход из кризисной ситуации возможен только в случае радикального изменения отношения к объективному оцениванию достижений.

ПЕРВОЕ. Основным объективным критерием должен стать реальный результат обучения: “МО должно проследить, чтобы основное внимание в Казахстанской системе управления образованием (КИСУО) было уделено результатам учащихся” [39, с.30 (рекомендация 12)].

ВТОРОЕ. Объективизация процедуры оценки и рост компетенции самих учителей: “Пересмотр и улучшение процедуры и процесса определения достижений учащегося является необходимым, наряду с повышением квалификации и компетенции учителя в оценке и контроле достижений учащегося” [36, с.34 (Рекомендация 3)].

ТРЕТЬЕ. Качественные изменения должны инициироваться и обеспечиваться органами управления образованием: “Обеспечение технической помощи МО и Облоно в разработке и использовании качественных измерений в оценке эффективности школ должно быть приоритетным ... ” [36, с.34 (Рекомендация 2)].

Немаловажное, а может даже и определяющее, значение в возникновении образовательной проблемы имеет методическая система. Ее кардинальное изменение назрело как на среднем, так и на высшем образовательном уровне. В высшем образовании необходимо переходить от воспроизводства образцов знаний, которые осваиваются в условиях репродуктивной методической системы, к формированию синтетического мышления.

Проблема репродуктивного обучения особенно характерна для средней школы. Необходимо переходить от механического заучивания к развитию личности учащихся: “Вместо механического заучивания, что происходит в настоящее время, школа должна стать центром продвинутого обучения. Новой задачей обучения станет помощь учащимся в саморазвитии. Это означает, что произойдут изменения в содержании и методике обучения. ... Целое (интегрированное) обучение как одна из основных целей казахстанского образования, требует такой стратегии, чтобы ясно просматривалось межпредметное планирование, особенно на школьном уровне” [36, с.20 (п.58)].

Но, к сожалению, пока “бесспорным остается факт: обучение направлено преимущественно на усвоение учащимися готовых знаний, на формирование умений и навыков. Более того, очень часто никто и не вспоминает о том, что развивает не столько само знание, сколько деятельность школьника при изучении предмета, т.е. самостоятельное движение от незнания к знанию, от разрозненных знаний к более системным” [41, с.94].

Многоаспектность проблематики образовательной ситуации свидетельствует о том, что на самом деле существует одна общая проблема — проблема качества образования. У нас есть привычка решать проблему качества образования в основном за счет разработки учебников “нового поколения”. Сделав этот способ основным, многие другие, более значимые, аспекты мы оставили за пределами пристального внимания. Среди практических работников широко распространен миф о том, что проблему качества образования можно решить, уменьшив количество учеников в классах. Практика же ведущих мировых образовательных держав свидетельствует об обратном: “Меньшие по наполняемости классы не означают, что учащиеся в них получают большее количество знаний. Нет ясного ответа на то, влияет ли наполняемость классов на достижения учащихся, кроме того, что ученики могут иметь достижения, как в классах из 30 - 40 человек, так и в маленьких группах. Даже в больших классах они получают тоже, что и в маленьких, что основывается на исследованиях в индустриально-развитых странах. Таким образом, определяющая политика в образовании не зависит от наполняемости классов” [36, с.28 (п.85)].

При обзоре проблем зарубежного образования необходимо иметь в виду глобальность современного кризиса. Это означает, что многие проблемы как нашего, так и зарубежного образования являются общими: “Образование, по мнению многих (ученых и представителей широкой общественности, государственных деятелей) превратилось в одну из мировых проблем, взаимосвязанную с другими глобальными проблемами современности и в растущей мере определяющую саму возможность выживания человеческого рода. Преодоление кризиса образования, равно как и его проявлений на региональном и национально-государственном уровнях, требует переосмысления исходных представлений о целях и ценностях обучения и воспитания, их содержании и методах ” [42, с.34].

Но, пожалуй, можно с уверенностью говорить о том, что для нашего образования в высшей степени характерной является проблема катастрофического снижения мотивации к учебе, особенно в начальных классах средней школы и на первых курсах высших учебных заведений. И, по-видимому, решение

проблемы системы образования в первую очередь — это решение проблемы мотивации.

Правда, сами американцы (если за образец опять-таки взять американское образование) выделяют несколько проблемных сфер, которые характерны практически для всех образовательных учреждений: “Мы оценим реформы в общем, а затем рассмотрим специальные реформы, о которых сейчас идут дебаты. Эти дебаты в основном концентрируются на 5 проблемах, или как их называют некоторые “кризисы” в наших школах. Это кризис власти, кризис сути, кризис методов, кризис ценностей и кризис фондов. Термин “кризис” используется здесь для большего выражения “поворотной точки”, чем “краха и отказа”. Хотя ваша школа может быть и не впутана во все 5 проблем, но они распространены по всей стране” [43, с.1]

Среди других распространённых проблем указываются:

- проблема разноуровневых программ;
- проблема низкой престижности профессии американского учителя;
- проблема низкого уровня подготовки американских абитуриентов. “В 1977-1978гг. приблизительно 43% абитуриентов [университета штата Калифорния – В.А.] не смогли продемонстрировать необходимые навыки чтения и написания сочинения [на вступительном экзамене по английскому языку – В.А.] ... К 1983 - 1984 г. их количество возросло до 60%” [44, с.87].
- проблема цели высшего образования;
- проблема падения уровня образованности американских школьников. Катастрофическое падение уровня образованности нации вызвало в Америке общенациональный шок: “Всеобщая озабоченность кризисом образования особенно возросла, после того как в 1983 г. был опубликован доклад Комиссии Гарднера, который начинался следующим известным заявлением: “Основы просвещения нашего общества в настоящее время подтачивает все нарастающая волна посредственности”. За этим гарднеровским докладом, озаглавленным более чем выразительно – “Нация на грани риска. Необходимость реформы образования” [45, с.6];
- проблема несоответствия учебно-воспитательного процесса современным требованиям;
- проблема ухудшения образовательных стандартов. И за рубежом, и у нас проблема качества образования непосредственно связывается с проблемой государственных образовательных стандартов. С нашей точки зрения, проблема стандартов заключается в их обращённости в прошлое. Необходимы такие образовательные стандарты, которые позволят и будут стимулировать не консервацию, а динамику и развитие системы образования;
- проблема дисциплины в школах;
- философия образования не соответствует современному уровню науки;
- фрагментарность образования: “современное положение можно описать следующим образом: научно- познавательная часть образования методологически устаревает, совершенно не готовит человека к усвоению научного мышления, нравственное же воспитание становится неадекватным, цельность образования распадается” [46,с.193];

- проблема несоответствия самооценки и успешности обучения. “Педагоги, старающиеся подбодрить отстающих учеников, разработали опасный миф: что поднятие уровня самоуважения у детей верное средство улучшить их успеваемость и решить многие социальные недуги страны. ... В итоге американские учащиеся довольны собой, но показывают плохие результаты на экзаменах. У японских учащихся уровень самоуважения ниже, но зато успеваемость намного выше. Находясь во власти самоуважения, Америка становится страной самодовольных посредственностей” [47, с.9];
- проблема репродуктивных способов обучения;
- противоречие между способами обучения и способами научного исследования;

К сожалению, современное состояние образования и его глобальные тенденции таковы, что “консерватизм мира образования превратился в самовоспроизводящийся социальный феномен” [48, с.47]. И в соответствии с этим консерватизмом “то, что сегодня предлагается на педагогическом “рынке”, по большей части определяется тем, что приемлет инертная и консервативная система” [48, с.46].

Как видим, для современного кризиса образования характерными являются множество разнообразных проблем, подчас никак не поддающихся классификации и обобщению. Практически все проблемы образования являются общими и характерны для всех развитых стран мира; именно в этом, с нашей точки зрения, и проявляется глобализация.

Несмотря на многочисленность и разнообразие образовательных проблем, у них все же есть общее основание, они в целом характеризуют одну и ту же стратегическую тенденцию: современные образовательные системы не “производят”, и несмотря на все усовершенствования, не будут в ближайшем будущем способны “производить” творческую личность.

Проблема подготовки творческой личности также считается основной и у нас. Только переформулированная на психологический лад она уже звучит как проблема формирования человека, способного бесконечно трансцендировать: глобальная проблема современного образования, формулируемая в педагогических терминах как проблема формирования способности к творчеству, принимает свою точную психологическую формулировку как проблема формирования человека как субъекта трансцендирования.

Серьезность роли образования как социального института в современном обществе является основанием для необходимости его реформирования. Наше отечественное образование видит свою перспективу в гуманитаризации и гуманизации. В свете этого, содержание реформированного образования представляется качественно новым, и главным в нем является субъект творчества, который просто отсутствует в содержании современного образования. “Гуманитарность образования определяется представленностью в нем человека не просто как объекта изучения, а прежде всего как субъекта творчества и познания, субъекта, создавшего величайшие образцы культуры и увлекающего учащихся своим стремлением к творчеству” [37, с.26].

Именно тот факт, что под субъектом творчества понимается в том числе и человек, способный создавать (порождать) культурные образцы, говорит о перспективности реформирования и возможности перестроить его на основе культуропорождающих технологий. Отсюда мы делаем один из основных своих выводов: творческий (способный к трансцендированию) человек может быть сформирован только в условиях культуропорождающего содержания образования.

1.5. Некоторые выводы

Сегодня необходимость кардинальных реформ в образовании очевидна и не вызывает сомнения. Более того, этот процесс приобретает ярко выраженный практический характер. В свете этого, нам представляется, что самым главным положением направления реформирования образования является положение: “Рост содержательности образования, а не увеличение его длительности — вот самая неотложная задача” [49, с.240].

Для решения этой стратегической задачи необходима, во-первых, новая философия образования. Во-вторых, новая философия образования, в свою очередь, должна обеспечить методологическую базу для достижения новых целей, которыми являются.

Данное положение означает, что образование должно преодолеть свою консервативную функцию, которую оно на протяжении многих веков успешно выполняло, и перестроиться на прогностическую опережающую функцию.

Как правило, проблемы образования — это социальные проблемы. Они в такой же степени затрагивают и учащихся, и уже зрелых специалистов. Первых — поскольку они только еще формируются, вторых — постольку они практически осуществляют сформированные в обучении мировоззренческие установки. И здесь социальная успешность определяется новым типом специалистов, специалистов творческих, в отличие от специалистов-исполнителей: “Старое качество руководителя проявилось, если сказать в обобщенной форме, в руководителе исполнительского типа, новое — должно выразиться в руководителе инициативного типа. Когда же инициативный, творческий тип работника станет преобладающим, то можно будет сказать, что сформировалось новое поколение руководителей, т.е. состоялся руководитель новой формации” [50, с.27].

И здесь можно выдвинуть категорическое утверждение, что реформирование должно осуществляться в направлении формирования нового типа мышления — целеполагающего (а не целеосуществляющего): “Проблема состоит в выработке такой системы непрерывного совершенствования образовательного потенциала руководителя как основы его творческого потенциала, которая развивала бы у него высшую форму мышления – целеполагающее концептуальное мышление. Пусть не все руководители станут таковыми, но тенденция приближения к этому должна быть устойчивой” [50, с.66].

Вышеизложенные содержательные преобразования необходимо дополнить качественным реформированием организационно-управленческой структуры самой системы образования. “Система образования в Казахстане должна

быть в корне преобразована, согласно мнению министра образования... Главные инициативы реформы сосредоточены на:

- децентрализации образования;
- монополизации образования;
- демократизации образования и
- сосредоточенности на индивидуальности личности ребенка.

Что касается последнего пункта, должны быть рассмотрены программы для талантливых детей” [36, с.46 (п.142)].

Итак, реформирование образования как опережающего социального института должно осуществляться на основании новой философии, в центре которой должен находиться учащийся как самоценный создатель нового.

Современные проблемы образования невозможно решить, не представляя себе ясно стратегических целей реформирования и стратегических целей самого образования. Одной из таких целей, а может быть и самой главной, является творческая и нравственная личность. Здесь подчеркнем: творческая личность понимается как личность, имеющая целостное критическое мышление. Но эта цель неизбежно порождает другую стратегическую цель — подготовку самих преподавателей, способных организовать учебный процесс таким образом, чтобы формировать критическое мышление.

Отсутствие практических учителей, способных воспитывать критически мыслящих учащихся, и самое главное, отсутствие государственной системы подготовки таких учителей убеждают нас в том, что наряду с другими стратегическими целями, подготовка творческих учителей становится приоритетной для реформирования образования. “Творчески активные учителя, которые могут делать значительные, уместные решения, должны стать целью процесса реформы в Казахстане” [36, с.43 (Рекомендация 16)].

Вышеизложенные конкретные цели, с нашей точки зрения, выражают одну стратегическую тенденцию: отказ от образования как приспособительно-адаптационного социального института. “С нашей точки зрения, этот кризис непреодолим, если ставить целью образования освоение знаний, учений, навыков в вещной форме, т. е. в форме научно-теоретического содержания науки, — слишком быстро изменяются эти знания и умения. Может быть, следует сделать основной целью развитие самого учащегося как личности, его способностей, его творческого потенциала? Но это требует изменения всей системы образования — от подготовки учителя, его положения в школе до изменения логики педагогического процесса.

Прежде всего, следует отказаться как от ведущей от цели приспособления человека к внешней целесообразности, к так называемым потребностям общества, в чем бы они ни выражались — в потребностях производства, экономики, управления, обслуживания и т. п. Нужно сделать целью развитие самого субъекта как личности” [16, с.116].

Такая задача может быть реализована только на основании современных концепций развития человеческой личности, комплексно. Только в этом случае может быть воспитан человек как универсальный творец, как субъект transcendирования: “Творческое мышление выходит за пределы вещной логики и вещного здравого смысла. И в какой бы области ни осуществлялся процесс

творчества, человек в момент творчества выходит за пределы своей профессии, своей специальности и действует как человек вообще, как личность” [16, с.66].

Кроме внутренних, содержательно-организационных проблем современного образования, есть еще и внешние, общесоциальные проблемы, которые в большой степени определяют возможности и перспективу кардинального реформирования самого образования. Одной из таких проблем является противоречие между потребностью в творческих людях и реальным использованием их творческого потенциала. Очень может быть, что именно это противоречие является тем основанием, которое реально и задает возможную перспективу и реальные цели самого образования.

Современный глобальный (планетарный) кризис образования свидетельствует, с нашей точки зрения, о глубоком кризисе в самой психологии развития. Основанием для такого вывода служит отсутствие концепции онтогенетического развития человека, в которой было бы реализовано представление о человеке, достойном своего исторического предназначения. С нашей точки зрения, человек является той сердцевинной природы, тем её ядром, которое сосредоточило в себе, в своих индивидуальных способностях всю безграничную потенцию бесконечной природы. У нас сегодня отсутствуют психологические концепции развития и, соответственно, образовательные технологии, позволяющие воспитывать достойного своей исторической миссии человека как универсального человека.

До сих пор отсутствуют серьёзные психологические исследования, посвящённые изучению психических механизмов онтогенеза универсального человека. Если же они есть, то, как правило, эти работы ведутся в рамках давно сложившихся (традиционных) представлений о психических механизмах онтогенеза. Эти канонизированные представления сегодня, скорее всего, являются уже сдерживающим началом, нежели стимулом к дальнейшему развитию психологии. Кроме того, известные канонические механизмы онтогенеза сами по себе не способны решить проблему формирования универсального человека.

С нашей точки зрения, очень много продуктивного для методологии психологических исследований выражено в следующей точке зрения Б.С.Братуся, разделяемой В.И.Слободчиковым и Е.И.Исаевым: “По его мнению, необходимо различать человека как безмерное существо и личность как способ организации человеческой сущности. Предметом же психологического исследования следует сделать не готовые сложившиеся свойства личности, а механизмы их формирования, становления. Полученные данные “могут стать одновременно и объективными, и не противоречащими трансцендирующей, изменяющейся природе человека, ибо в такого рода исследованиях мы будем стремиться фиксировать, овеществлять, ставить границы и определять масштабы не развития человека как такового, которое не имеет фиксированной, заранее установленной границы и масштаба, но психологическим механизмам, которые опосредствуют это развитие, существенно влияя на его ход и направление” (Братусь Б.С.)” [29, с.92]. И если учесть слова П.Я.Гальперина о том, что “за всю историю психологии было предложено лишь три основных понимания ее предмета: душа, явления сознания и поведение” [32, с.11], то, с нашей

точки зрения, сейчас как раз наступило время, когда в предмет психологии необходимо включать фундаментальные механизмы человеческого существования как универсального существа.

Для решения указанной фундаментальной проблемы особое значение имеет научная методология и та философская концепция, которая лежит в её основе. Но более важным является соответствие реального теоретико-эмпирического метода исследования заявленным философско-методологическим установкам. Необходим тщательный и ответственный анализ собственных философско-методологических средств, а тем более оценка и анализ таких средств, используемых другими исследователями. Это нужно не только для того, чтобы необоснованно не отвергать эвристические возможности в достаточной мере неосвоенных, хотя и хорошо известных подходов, но и для того, чтобы наконец-то начать создавать современную культуру психологического исследования человека как универсального субъекта.

Проведённый анализ показывает, что в стратегической перспективе человек должен рассматриваться как субъект трансцендирования с позиций универсализма, а не антропоцентризма или социоцентризма. Только субъект трансцендирования выражает фундаментальное свойство самодостаточности (самодетерминированности) природы в процессе её бесконечного саморазвития. Только человек, понимаемый как субъект трансцендирования, обретает глубочайший онтологический смысл существования, а именно: смысл существования самой бесконечной природы.

Проблема онтогенеза человека как субъекта трансцендирования может быть положительно решена только на основании марксистской категории “предметная деятельность”. При этом необходимо преодолеть традиционно сложившееся в деятельности психологии понимание деятельности только как субъект-объектного отношения, и начать разрабатывать её истинное онтологически-рефлексивное (субъектное) содержание.

В этом смысле общефилософской основой такого построения может выступать только марксистская концепция человека как универсального предметного существа, а стратегическим методом психологического исследования – генетико-моделирующий метод, конкретизирующий в психологии известный метод исторического анализа-синтеза, сформулированный и осуществлённый Марксом и Энгельсом, применительно к природе, обществу и конкретному человеческому индивиду.

Мы основываемся на понимании развития как онтологической, а не гносеологической категории, и исходим из понимания онтогенеза как формы исторического развития (как формы филогенеза). Исходя из этих философско-методологических установок мы и намерены в своей работе обосновать модель онтогенеза человека как субъекта трансцендирования.

Цитируемая литература

1. Диалектическая логика. Т. 2. Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата, 1987.
2. Материалистическая диалектика как общая теория развития. Т. 1. М., 1982.
3. Теория познания / Под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. Т. 2. М., 1992.
4. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
5. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1989.
6. Мячин Ю.Н. Системно-целостная концепция развития. Оренбург, 1992.
7. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1983.
8. Аббасов А. Сложность. Время. Синергетика: общетеоретический анализ проблем сложности и развития сложных систем. Баку, 1991.
9. Диалектическая логика. Т. 1. Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата, 1986.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1987.
11. Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата, 1991.
12. Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1981.
13. Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
14. Гегель. Феноменология духа // Гегель. Система наук. Ч. I. М., 1959.
15. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1983.
16. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1981.
17. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1983.
18. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-историч. теории Л.С. Выготского). М., 1994.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.
20. Эльконин Б.Д. Избранные психологические труды. М., 1989.
21. Научное творчество / Под ред. С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского. М., 1969.
22. Флейвелл Дж. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967.
23. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М., 1990.
24. Обучение и развитие / Под ред. Л.В. Занкова. М., 1975.
25. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
26. Ватин И.В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону, 1984.
27. Пидкасистый П.И. Формирование умений и навыков учебного труда в процессе обучения школьников // Сб. научн. трудов. М., 1981.
28. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности (15.11; 28.11; 05.12.1969г.) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. – М., 1990..
29. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.
30. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т.1. М., 1980.

31. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
32. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
33. Злобин Н.С. Деятельность — труд — культура // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
34. Касавин. И.Т. Рациональные границы и перспективы человеческой деятельности // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
35. Маркус Филип Н.. Доказательство ухудшения стандартов образования // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.
36. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Приложение 3. Обзор базового образования. - Декабрь. 1995.
37. Концепция гуманитарного образования в Республике Казахстан. Алматы, 7 июля 1994 г.
38. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ. Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Приложение 4. Обзор высшего образования. - Декабрь. 1995.
39. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Приложение 1. Обзор организации и управления образованием. - Декабрь. 1995
40. Концепция содержания образования общеобразовательной школы Республики Казахстан // Утверждена Коллегией Министерства образования № 2/1 от 17 февраля 1994 г.
41. На пути к новой школе. М., 1988.
42. Дулина Н.В., Щеглова Г.Б. Оценка подготовки инженера методами социологии // Деловые игры и методы активного обучения. Часть I. Челябинск, 1993.
43. Don Closson. Education Reform. File // /A/ ed-refrm.html. 25.07.1995.
44. Бернс Хьюберт В.. Стандарты в высшем образовании. // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.
45. Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.
46. Савицкий И. Философия образования для XXI века: кризис образования – необходимость принципиально новых воззрений // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №1 (69).
47. Garold Stivenson (psychologist). Conservative Chronicle. 1994. October, 22.
48. Пейперт С. Переворот в сознании: дети, компьютеры и плодотворные идеи. М., 1989.
49. Бойер Эрнест Л. Школы Америки: в чем их призвание, их предназначение. // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.
50. Марченко И.П. Какой руководитель нам нужен. М., 1993.

Литература, использованная при подготовке Главы I

- Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Сводный отчет. -Декабрь. 1995.
- Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М., 1985.

- Активные методы обучения и качество подготовки специалистов в вузе. Межвузовский сборник научных трудов. - Л., 1990.
- Анализ и классификация педагогических технологий в СССР и зарубежных странах. Л., 1991.
- Бернс Хьюберт В. Стандарты в высшем образовании. // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.
- Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975.
- Брайан Саймон. Общество и образование. М., 1989.
- Герд А.Я. Избранные психологические труды. М., 1953.
- Гносеология в системе философского мировоззрения // Лекторский В.А. Специфика теоретико-познавательного исследования в системе диалектического материализма. М., 1983.
- Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении М., 1972.
- Джиффорд Бернард Р., Стоддарт Триш. Педагогическое образование: реформа на словах или на деле? // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона.. М., 1991.
- Диалектика познания / Под ред. проф. А.С. Кармина. Л., 1988.
- Журинов М. Некоторые проблемы высшего образования Республики Казахстан, повышение качества подготовки специалистов // Вестник высшей школы Казахстана. 1996. № 3.
- Запорожец А.В. Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М., 1960.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984.
- Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. М., 1962. Т.2.
- Ильина Т.А. Педагогика. М., 1984.
- Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. М., 1981.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 3 тт. М., 1983.
- Лисина М.И. Проблема онтогенеза общения. М., 1986.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
- На пути к новой школе. М., 1988.
- Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
- Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
- Одаренные дети / Под ред. Г.В. Бурменской и В.М. Слущкого. М., 1991.
- Павлов Т. Теория отражения. М., 1949.
- Патляева Ю.Ю. К анализу сложных форм опосредования индивидуальной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990..
- Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности // Вопросы психологии. 1987 № 1.
- Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976.
- Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке. Воронеж, 1974.
- Психология. Словарь. М., 1990.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 тт. М., 1989.
- Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы способностей и вопросы психологической теории // Тезисы докладов на I съезде общества психологов. М., 1959. Вып. 3.
- Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964.
- Симондс Ричард, Вибэ Джеймс. Электронные средства и процесс обучения. // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.

- Сиротский В.Е. Жизнь ученого и судьба науки: Петр Яковлевич Гальперин // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №2 (70)
- Сойфер Валерий. Где лучше учат - в США или в России? // Известия. 1995. 15 сентября.
- Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М., 1997.
- Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека ...
- Философская энциклопедия. М., 1967. т.4.
- Хонин С.Т. Индивид как субъект жизнедеятельности. Куйбышев, 1990.
- Хонин С.Т. Индивид как субъект жизнедеятельности. Куйбышев, 1990.
- Эльконин Д.Б. Детская психология. М., 1960.
- Януш Генцицкий. Францишек Янушкевич. Польские проблемы в сфере образования: перспективы, варианты и обоснование реформы. // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №1(16)7
- Nasa Education Strategy Program Principles.
<http://deimos.uscd.edu/KidSat/eddocs/strategy.html> Educational Strategy.
<http://www.cirrcles.org/Round3/Curric/edstrat.html>. 13.06.1997.
- The White House. Office of the Press Secretary. File:///A/Pres-on-trng.html. 25.07.1997. President Clinton's Commitment to Education and Training.

Глава II.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

- 2.1. Краткий очерк истории деятельностного подхода в психологии
- 2.2. Предметная деятельность как философская категория
- 2.3. Предметная деятельность и активность
- 2.4. Предметная деятельность как психологическое понятие

2.1. Краткий очерк истории деятельностного подхода в психологии

Категория “предметная деятельность” является, с нашей точки зрения, главной при решении проблем психологии универсального человека и онтогенеза человека как субъекта трансцендирования. Учитывая давнюю историческую традицию деятельностного подхода как в философии, так и в психологии, а также неоднозначную трактовку понятия “деятельность” как в истории психологии, так и в современной психологии, мы считаем необходимым начать основную часть работы с некоторой реконструкции истории деятельностного подхода в психологии и предварительной оценки его современного состояния.

Общей предпосылкой деятельностного подхода в послереволюционной России стала общая переориентация всей психологической науки на марксизм. Смена ориентиров происходила иногда под давлением внешних обстоятельств, а результаты, зачастую, ничего общего с марксизмом не имели. В результате “исторической необходимости” признания марксизма философской основой психологии, в СССР была создана “поведенческая” психология, основные положения которой в то время разделяли многие ведущие учёные: “в 20-е годы Выготский, как и большинство других советских психологов, вслед за В.М. Бехтеревым, К.Н. Корниловым и т. д. исходным и главным считал понятие реакции (а не действия или поступка), т. е. он во многом стоял ещё на бихевиористских или полубихевиористских позициях (впоследствии он в значительной

мере отошёл от них)” [1, с.218]. Таким образом, как генеральное для своего времени, сложилось так называемое поведенческое направление, которое было представлено двумя его конкретными вариантами: реактологией и рефлексологией.

Собственно, как таковой, деятельностный подход в советской психологии, с которым непосредственно связана “марксистизация” психологии, в Советском Союзе изначально имел два варианта: ПЕРВЫЙ. Культурно-исторический (объектно-деятельностный). Культурно-исторический подход в советской психологии в целом основан на полностью заимствованных положениях марксистской философии, которая, в свою очередь, сама продолжает культурно-историческую традицию немецкой философской и психологической мысли. В данном варианте психика рассматривается как деятельность со всеми вытекающими отсюда последствиями. ВТОРОЙ. Социально-динамический (субъектно-деятельностный), основанный на синтезе рефлекторной теории мозга И.М.Сеченова и марксистского понятия “практическая деятельность”, — продолжает рассматривать психику как рефлекторную деятельность мозга, а деятельность как социальное условие её формирования и развития.

Первое направление поставило перед собой задачу объективного исследования поведения человека и способов управления им. Представители русского бихевиоризма связывали свои надежды с заимствованием методов исследования. По их мнению, психология как “материалистическая наука” должна была встать в один ряд с биологией, физиологией, физикой, математикой.

Второй путь, ведущий своё начало в психологии от Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии, разрабатывал гносеологическую (культурно-историческую) концепцию психического, которая ведёт своё начало от немецкой классической философии. “Их [Л.С. Выготского, А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева – В.А.] формулировка культурно-исторической теории и связанная с ней методология никоим образом не были независимым изобретением, выполненным в полной изоляции. ... Одновременно они сделали (по крайней мере в то время) то, чего не сделали другие: узаконили культурную психологию... Принятая ими методология позволяла теоретически осмыслить различные области социальной практики и снискать социальную поддержку” [2, с.50].

При втором подходе в полной мере проявилась марксистская позиция в рассмотрении деятельности как культурно-исторического феномена и культуры как источника онтогенетического формирования и развития человеческого индивида. Необходимо отметить, что в объектно-деятельностном подходе проявилось сильное влияние гегелевской концепции сознания, которое выразилось в субстанциализации деятельности, гносеологическом акценте в понимании содержания самой деятельности (особенно явно это видно в онтогенезе) и человека как субъекта познавательной деятельности. В этом смысле, культурно-историческая концепция деятельности — это гносеологическая концепция: поэтому здесь и “деятельность”, “и субъект деятельности” — категории гносеологические.

В современной психологии деятельности эти два генеральных направления, сформировавшиеся в мощные научные школы, являются философско-методологической основой практически всех современных концепций психи-

ческого развития. Различие заключается только в том, что некоторые авторы новых концепций явным образом обозначают собственное отношение к той или другой деятельностной школе, а другие либо никак не обозначают своего отношения, либо содержательно основываются на смешении этих двух позиций.

Несмотря на различные источники происхождения и существенные методологические различия, можно сказать, что деятельностный подход формировался на единой марксистской основе и, тем самым, представлял как бы два варианта решения одной проблемы создания марксистской психологии. Таким образом, можно говорить, что к 50-м годам XX столетия в Советском Союзе сложилась психологическая теория деятельности. Одним из марксистских принципов, заложенных в основу этой теории и объединяющих оба ее варианта, является принцип единства сознания и деятельности при решающей роли последней в формировании и развитии психики.

В создании психологической теории деятельности принимали участие самые разные ученые. Правда, значение вклада отдельных учёных представителями различных школ оценивается по-разному. Например, В.В. Давыдов считает, что к её созданию причастны в основном представители объектно-деятельностного (культурно-исторического) подхода, “общепсихологической теории деятельности, созданной в советской психологии Л.С. Выготским, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьевым, Д.Б. Элькониным, П.Я. Гальпериним, А.В. Запорожцем и их сотрудниками” [3, с.6].

С другой стороны, представители субъектно-деятельностного (социально-динамического) подхода называют других участников создания психологической теории деятельности: “... теория деятельности, разработанная в разных направлениях С.Л. Рубинштейном (начиная с 1922г.), М.Я. Басовым (во второй половине 20-х годов), А.Н. Леонтьевым (с середины 30-х годов), затем Б.Г. Ананьевым, Б.М. Тепловым, А.А. Смирновым и др.” [1, с.244].

Признанным первооткрывателем понятия “деятельность” в психологии является Михаил Яковлевич Басов. Именно он первым из психологов поставил вопрос о необходимости психологического изучения деятельности и человека как деятеля (как субъекта деятельности). “Психологическое исследование должно понять изучаемый организм – животного или человека – как деятеля в окружающей среде, т.е. как он живёт, какую активность обнаруживает в борьбе за своё существование, как применяется эта активность при том или ином изменении условий среды и пр. ... Различного рода деятельность организма в окружающей среде, с помощью которой он устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встаёт перед нами как предмет особого значения” [Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975, с.236]. Эти положения из книги М.Я. Басова “Общие основы педологии” (1931) дали нашим историкам психологической науки основание для утверждения о том, что именно к М.Я. Басову восходят идеи деятельности в психологии и представления о её структурности [Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А. Пионер деятельностного подхода (к столетию со дня рождения М.Я. Басова) // Психологический журнал, 1993, №1]” [4, с.328].

При всех безусловных заслугах М.Я.Басова как первого деятельностного психолога, необходимо отметить, что в своей содержательной трактовке деятельности он занимал позицию, очень схожей с реактологической. Его собственная научно-психологическая позиция выражается в том, что человеческую проблематику он продолжает описывать в терминах “активность” и “поведение”: “Активность, выявляющаяся во взаимоотношениях человека со средой, процесс его поведения ... составляет истинный объект психологического изучения” [Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М., 1975, с.55].” [4, с.328].

Из советской истории психологии известно, что психологическая теория деятельности создавалась как альтернатива, с одной стороны, интроспекционистской психологии сознания, а с другой — поведенческой психологии, фактически исключившей сознание из самого предмета психологии.

В этой борьбе на два фронта, несмотря на собственные внутренние противоречия, деятельностная психология всегда особенно боролась с представителями против схемы S — R. И одним из главных оппонентов в этой борьбе были представители отечественной рефлексологии и реактологии. “Рефлексологи считали возможным выводить законы поведения человека в будущем на основе анализа индивидуальных реакций на предшествующие им внешние стимулы. При этом “будущее” понималось как естественное продолжение “прошлого”, подлежащее прогнозированию. Из принятого рефлексологами принципа научного анализа следовала также возможность познания человека путем разложения его на “элементы” (будь то рефлексы или реакции), которые и определяют поведение” [5, с.129].

Поэтому “чтобы отграничить свой подход от рефлексологического, он [Басов М.Я. – В.А.] взамен термина “поведение” впервые в истории советской психологии вводит термин “деятельность”... Деятельностью называли свой предмет и Павлов (высшая нервная деятельность), и Бехтерев (соотносительная деятельность). Басов ввёл понятие о деятельности без каких-либо дополнительных определений”. При формулировке понятия деятельности Басов ориентировался на положения Маркса, “на марксистскую модель труда. Принципиальная новизна позиции Басова заключалась в том, что психические процессы человека вводились в социально-историческую систему координат” [6, с.495].

С именем М.Я.Басова в советской психологии связаны первые концептуальные определения деятельности и первые упоминания человека как субъекта деятельности. Он “сформулировал важнейшие положения психологической теории деятельности, динамика которой определяется характером взаимодействия личности со средой, дифференцировал понятия деятельности и активности, подчеркнув, что именно последняя составляет “истинный объект психологического изучения”. ... Он детально рассмотрел динамическую структуру деятельности, характер взаимосвязи ее отдельных единиц или актов. Особо важной в рассматриваемом контексте явилась идея Басова о личности как активном деятеле, который не только приспосабливается к действительности, но и приспосабливает ее к себе. Фактически в концепции Басова намечено первое понимание личности как субъекта” [1, с.274].

К сожалению, трагический случай (внешне очень похожий на трагедию Л.С.Выготского) прервал творчество М.Я.Басова в самом его зените: “В 1931 г. в возрасте 39 лет неожиданно и трагически умер М.Я. Басов (от заражения крови)” [1, с.93]. Если бы не эта трагедия, то наверняка у деятельностного подхода обязательно было бы немало ярких страниц, связанных с именем М.Я.Басова.

Наверняка, яркая научная позиция первого теоретика деятельностного подхода не могла не отразиться на мировоззрении других известных психологов. Есть все основания считать, что авторитетнейший из них — С.Л. Рубинштейн испытал его определённое влияние. С именем С.Л. Рубинштейна связана разработка в психологии марксистского положения об онтологическом статусе человека как субъекта деятельности. Это положение пронизывает всю его научную деятельность, начиная с марбургской диссертации, и заканчивая последней работой “Человек и мир”.

Годы учёбы и подготовки диссертации в Германии дали возможность С.Л.Рубинштейну познакомиться с работами К.Маркса. А опубликованная позднее фундаментальная работа раннего К.Маркса “Экономическо-философские рукописи 1844 года” окончательно определили позицию Рубинштейна как марксистскую. Особенно явно это следует из применения Рубинштейном марксистского понятия деятельности как теоретического средства осуществления субъектного подхода: “Для раскрытия типа причинности, ключевого для гуманитарных наук, он [Рубинштейн – В.А.] выдвигает фундаментальную идею своей философско-психологической концепции — идею субъекта. Эта идея в начале 30-х гг. оформляется в виде методологического принципа психологии – единства сознания и деятельности. К этому принципу Рубинштейн приходит, применив к психологии Марксово понимание деятельности, труда и общественных отношений” [7, с.646].

Начало создания субъектно-деятельностного подхода С.Л.Рубинштейном историки относят к 1917-1918 гг. По их данным, в то время уже имелись статьи, которые до самого последнего времени оставались неизвестными. Более известной является статья 1922г., в которой он излагает (в конспективном виде) основные положения будущего субъектно-деятельностного подхода.

С определённой уверенностью можно утверждать, что субъектно-деятельная концепция возникла как результат многолетних поисков объективного метода в философии и психологии, предпринятого С.Л.Рубинштейном. Кроме того, данная концепция была ответом на одностороннее понимание деятельности, идущее от Канта, “согласно которому “субъект лишь проявляется в своих деяниях, а не ими также сам создается” (Принцип творческой самодеятельности)” [1, с.221].

Именно марксистская категория “предметная деятельность” стала той главной категорией, которая позволила С.Л. Рубинштейну онтологизировать субъекта, и тем самым, теоретически разрешить проблему объективного метода, которую он не смог решить идеалистическими средствами своих учителей Г. Когена и П. Нагорпа. При этом под деятельностью сам С.Л.Рубинштейн понимает целесообразное практическое преобразование субъектом объекта, опосредованным результатом которого является и преобразование самого субъек-

та. Таким образом, в субъектно-деятельностной концепции за деятельностью закрепилось понимание субъект-объектного взаимодействия, причём, для объяснения самой деятельности необходима активность.

Благодаря субъектно-деятельностной концепции, центральное место в современной психологии всё более уверенно занимает человек-субъект. Мы разделяем точку зрения, согласно которой именно субъект как предмет психологической науки призван объединить в единую психологическую науку различные школы и концепции: “В настоящее время перспективной теоретической основой, способной постепенно сблизить ряд направлений и течений психологической науки в ходе выявления и развития потенциально общего для них концептуального ядра могут стать ... прежде всего те теории, которые всё более последовательно и системно реализуют в психологии методологический принцип субъекта, его деятельности и общения” [1, с.559].

Правда, для того, чтобы субъект стал таким системообразующим понятием для психологии, необходимо решить некоторые методологические проблемы, связанные с конструированием конкретного метода его моделирования и исследования. Поэтому, с нашей точки зрения, конструктивность понятия субъект связано не только с его атрибутивностью, но и (или в первую очередь) с его самодетерминированностью.

Другая весьма распространённая теория — культурно-историческая концепция деятельности (А.Н.Леонтьев). Она сформировалась на основании общепсихологической (и общепсихологической) культурно-исторической концепции, которая разрабатывалась, в том числе, и “Александром Лурией, и Львом Выготским ... Получившийся в результате подход, для которого я принял название культурно-исторической теории деятельности, даёт один из продуктивных путей преодоления дихотомии вундтовских двух психологий и одновременного включения культурных процессов в развитие психики” [2, с.127]. Правда, некоторыми историками психологии А.Н.Леонтьев называется соавтором культурно-исторической концепции [см., например: 6, с.521].

Собственно культурно-историческая концепция деятельности как таковая начинается с середины 30-х годов. До этого времени сам А.Н.Леонтьев, как и Л.С.Выготский, говорит ещё не о деятельности (предметной деятельности), а о поведении. Толчком к его переориентации послужили как его собственные работы, так и публикации С.Л.Рубинштейна.

Именно в это время, на рубеже 30 — 40-х годов, намечилось теоретическое расхождение А.Н.Леонтьева и Л.С.Выготского, позднее переросшее в методологическое противостояние. Расхождение произошло в основном — в понимании онтогенетических механизмов происхождения человеческого в человеке: “Теперь ... практические действия ребёнка с реальными предметами, диктующие общественно закреплённые способы оперирования ими, выступили как основание детерминистского анализа развития психики в онтогенезе. К термину “деятельность” присоединяется определение “предметная”. И это сразу же отграничило его от множества других значений (“соотносительная”, “высшая нервная”, “психическая” и др.). При этом предметность трактовалась Леонтьевым как фактор, который конституирует психику в глобальных биологических масштабах” [6, с.522].

В это же время, А.Н. Леонтьевым было сформулировано его собственное понимание предметности деятельности. Но именно понимание предметности, по нашему мнению, с одной стороны, противопоставило его Л.С. Выготскому, а с другой стороны, его исследования привели к современному методологическому кризису психологии деятельности. В начале 30-х годов начинается самостоятельная деятельность А.Н. Леонтьева по созданию психологической концепции предметной деятельности. “Истоки его исследований восходят к началу 30-х гг., когда Леонтьев возглавил группу психологов в Харькове. В её состав входили А.В. Запорожец, Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, П.И. Зинченко, Г.Д. Луков, В.И. Аснин. Для них центральной стала проблема практической деятельности и сознания” [4, с.352]. “Программа исследований Харьковской группы строилась как критика понимания Выготским значения, но не его внутренней структуры (обобщения); как раз представление о том, что значение является обобщённым отражением действительности, осталось неизменным. А.Н. Леонтьев полагал, что Выготский не заметил (или не отметил) существования некоего особого “слоя” жизненной реальности, который лежит за значением. Этим “слоем”, по Леонтьеву, и является внешняя предметная деятельность” [8, с.28].

Особую важность для нашей работы имеет тот смысл, который вкладывал сам А.Н. Леонтьев в понимание психологического содержания деятельности и предметности, а именно, его положение о том, что деятельность – это не само отношение человека к объекту, а способ, каким это его отношение практически осуществляется человеком: “... первое, что должно быть выделено среди многообразных форм человеческой активности, — это различные типы сложных деятельностей, осуществляющие соответственно различные формы отношения человека к действительности (практическая деятельность, познавательная деятельность, эстетическая деятельность и т.п.)” [9, с.48].

Вторым существенным положением для нас является утверждение А.Н. Леонтьева о том, что категория предметной деятельности является общим методологическим средством для выражения сущности жизнедеятельности и животных, и человека: “Другое значение деятельности, которое должно быть выделено, это значение деятельности как означающей такие процессы, присущие животному существу и индивиду, которые осуществляют то или другое определённое отношение этого индивида к среде, к условиям его существования, которые осуществляют, иначе говоря, некоторую определённую связь индивида и условий его существования. Вот в этом своём значении понятие деятельности может служить для анализа и выделения различных конкретных по своей направленности, по своему содержанию жизненных процессов”.

Такое определение психологического содержания предметной деятельности, фактически эмпирическое, идущее от физиологии, от её рефлекторных процессов, неизбежно должно было привести (и привело в конечном результате) к тому, что категория предметной деятельности была распространена на весь живой мир, а предметность стала пониматься как отнесенность любого живого организма к внешней среде.

Необходимо подчеркнуть, что и понятие “ведущей деятельности”, являющееся ключевым для деятельностной периодизации психического развития

человека, также непосредственно выводится из жизнедеятельности животных. Всё это ещё раз и достаточно убедительно подчёркивает отсутствие специфики человека в плане психологической категории “предметная деятельность” и её содержательное несовпадение с философским содержанием категории “предметная деятельность” К. Маркса: “... разные конкретные деятельности ... не сосуществуют одни рядом с другими, наряду с другими: напротив, даже наблюдение над самыми простыми деятельностями животных, тем более наблюдения над тем, как развиваются, осуществляются деятельности людей, показывают, что отдельные конкретные деятельности выступают не рядом, не наряду одна с другой, а ... в отношениях известной взаимной связи, соподчинения друг другу. Поэтому всегда могут быть выделены при анализе деятельности некоторые главные деятельности, которые могут быть также названы ведущими, и напротив – такие деятельности, которые имеют характер побочных, частных, я бы сказал, отдельных, подчинённых другим, занимающим это место ведущей или главной деятельности” [10, с.232].

Такая некритическая позиция самого А.Н. Леонтьева дала повод к утверждению о том, что понятие “деятельность” (даже “предметная деятельность”!) А.Н.Леонтьевым используется как концептуальное средство для описания и психики животных, и психики человека. Не случайно, что уже в конце 60-х гг., когда теоретические проблемы внутри психологии деятельности стали мешать ее собственному развитию, сам А.Н.Леонтьев начал поднимать вопрос о необходимости дальнейшей разработки понятия “предметная деятельность”. Его собственная точка зрения на деятельность к тому времени выглядела следующим образом: “... я зафиксировал это общее понятие о деятельности в пяти коротких положениях...

Первое положение. Мне представляется, что деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъекта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта. ...

Второе положение состоит в том, что развитие деятельности необходимо приводит к возникновению психического отражения реальности в ходе эволюции. ...

Третье положение заключается в том, что в общем виде деятельность есть процесс, который переводит отражаемое в отражение. ...

Четвёртое положение состоит в том, что то, что мы называем психическим отражением..., опосредствует деятельность. Можно ... сказать, что оно управляет деятельностью...

Пятое положение является прибавочным. На уровне человека ... психическое отражение также кристаллизуется в продуктах деятельности. Деятельность в этом смысле не только проявляет в объективной форме отражение, но оно вместе с тем переводит ... образ в объективно-предметную форму – вещь-ответственную или идеальную, безразлично” [11, с.247].

Анализ оснований психологической концепции деятельности А.Н. Леонтьева и основных её положений, высказанных самим А.Н.Леонтьевым, позволяет сделать следующий методологический вывод: попытка преодоления би-хэвиористской схемы поведения S — R им решается за счёт введения в эту схему промежуточного звена — деятельности.

К такому же выводу приходит в результате уже философского анализа и Г.С. Батищев: “Другие авторы предпринимали попытки вставить в эту формулу в качестве среднего звена и язык, и психику, и культуру, и даже ... предметную деятельность, т. е. категорию марксистской философии! Так, признанный глава одной из двух школ в советской психологической науке, имеющий весомые заслуги в деле развития этой науки в течение длительного периода времени, в подытоживающей его идеи книге резюмирует свои размышления следующим признанием: “Итак, в психологии сложилась альтернатива: либо сохранить в качестве основной двучленную схему: воздействие объекта – изменение текущих состояний субъекта (или, что принципиально то же самое, схему $S \rightarrow R$), либо исходить из трёхчленной схемы, включающей среднее звено (“средний термин”) – деятельность субъекта и соответственно её условия, цели и средства, звено, которое опосредствует связи между ними” (Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977. С.81). Как видим, для А.Н. Леонтьева выбирать можно только внутри реактивистской схематики – между формулой грубой и формулой усовершенствованной:

(деятельность с её условиями)
 $S \rightarrow$ (целями и средствами) $\longrightarrow R \dots$ ” [12, с.92].

Это положение А.Н. Леонтьева полностью соотносится с положением Э. Кассирера об аналогичной природе человека и животного: “Между рецепторной и эффекторной системами, которые обе имеются также и всех других видов животных, у человека есть ещё третья, промежуточное звено, которое может быть обозначено как системы символов”. Отсюда получаем:

$S \longrightarrow$ символическая система $\longrightarrow R$ ” [12, с.91].

Такой подход к пониманию содержания понятия “деятельность” и природе самого человека Алексеем Николаевичем, с нашей точки зрения, во-первых, предполагает, что есть исходное, не-деятельностное отношение, которое осуществляется за счёт деятельности; во-вторых, предполагаемая природа этого до-деятельностного отношения, по-видимому, является общей у животного и человека. Отсюда следует, что в этом случае понятие “деятельность” теряет свою специфику при описании сущности человека, толкуется широко, распространяется, в принципе, на всю живую природу и не решает задачи формулирования особой специфики существования человека.

Во-вторых, субъект-объектное содержание психологического понятия “деятельность” в объектно-деятельностном подходе неизбежно приводит к выводу (в том числе и самого А.Н.Леонтьева) об антагонистической поляризованности жизненного пространства человека: “... Что касается всей школы А.Н. Леонтьева, то в ней безраздельно господствует единая предпосылка: “поляризованность всякого жизненного процесса, на одном полюсе которого стоит активный (“пристрастный”) субъект, на другом – “равнодушный” к субъекту объект” (Леонтьев, ДСЛ)” [12, с.156].

В-третьих, субстанциалистская трактовка деятельности, идущая ещё от Гегеля и разрабатывавшаяся ... Э.В. Ильенковым, приводит к тому, что: “не люди производят общество как продукт своего взаимодействия, а наоборот, “общество производит деятельность образующих его индивидов” и даже ... “личность человека тоже “производится” – создается общественными отноше-

ниями ...”, т. е. “порождается” [Леонтьев. ДСЛ] той деятельностью, которая в ее исходных определениях субстанциально-безлична, “ничейна” [12, с.184].

Таким образом, делая предварительный вывод о характере процесса становления деятельностного подхода, можно утверждать, что оно проходило под знаком преодоления стимульно-реактивной схемы поведения, под знаком противостояния биологического и социологического факторов детерминации психики. “Перед нами вновь “диалог” двух ориентаций — биотропной и социотропной — как фактор развития психологического познания. Рассматривая отрезок исторического пути советской психологии до 40-х годов, можно выделить три узловых пункта в динамике этого “диалога” и фигуры, в творчестве которых он получил наиболее концентрированное выражение.

Первым следует назвать Корнилова. Переводя общее требование о форме психологии с позиций марксизма на конкретное описание предмета исследования этой науки, он в конце концов пришёл к трактовке своего основного понятия – реакции как гибрида “идеологического содержания”, которое сознание черпает из социальной среды (здесь он исходил из марксистского учения о социальной обусловленности психики), и механизма поведения, каковым являлся условный рефлекс.

Вторым пунктом стали воззрения раннего Выготского. Принимая марксистский тезис о социальной сущности сознания, он вместе с тем, по его собственной оценке, хотел быть “большим рефлексологом, чем Павлов. В данном случае это означало преобразование условно-рефлекторного действия в действие, которое является орудийным, поскольку в его структуре взаимоотношения организма со средой опосредованы орудием-знаком, на основе которого поведение строится не по биологическим законам, а по законам исторического мира культуры и общения с другими людьми.

И наконец, третий узловой пункт представлен Леонтьевым. Наряду с Рубинштейном он конкретизировал применительно к психологии учение К. Маркса о сознании как процессе опредмечивания сущностных сил человека в деятельности. В то же время в понимание самой деятельности он внёс признак сигнальной ориентации, открытый Павловым” [6, с.523].

Фигура Л.С.Выготского как психолога и его значение для становления всей советской психологии настолько значительны, что мы считаем необходимым специально прокомментировать его личное участие в создании психологии деятельности. Это необходимо, с нашей точки зрения, по нескольким причинам. Во-первых, в затяжном споре между двумя деятельностными школами ещё не поставлена точка, а поэтому весьма важно понимать методологические основания каждой из них. Без привлечения Л.С.Выготского такое понимание невозможно. Во-вторых, до сих пор остаётся неясным, в какой степени основания культурно-исторической психологии являются основаниями деятельностного подхода. В последние годы эта неясность усиливается из-за того, что, по нашему мнению, недостаточно обоснованно Л.С.Выготскому, наряду с А.Н.Леонтьевым, приписывается участие (и даже первенство) в создании объектно-деятельностного подхода.

Необходимо отметить, что в вопросе об авторстве деятельностной концепции, впрочем, как и в других вопросах, так или иначе касающихся деятель-

ностной проблематики, мнения представителей субъектно-деятельностной и культурно-исторической деятельностных школ существенно расходятся. Это касается и роли Л.С.Выготского в исследовании понятия “деятельность”.

Тем не менее, можно считать установленным, что предметом исследования самого Л.С. Выготского было сознание. По-видимому, именно это обстоятельство и послужило основанием (или могло послужить), методологических разногласий между Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым. Хотя впоследствии В.В. Давыдов всё же утверждал, что “Выготский имел иное понимание деятельности, чем её понимают в современной психологии, но и он правильно схватывал, на наш взгляд, её суть” [13, с.249]. Правда, аргументы В.В. Давыдова относительно своего утверждения требуют, с нашей точки зрения, дополнительного обоснования, поскольку даже на той же самой странице из Л.С.Выготского, на которую он ссылается, можно найти и термин “поведение”, а в других местах можно увидеть термин “деятельность”, употребляемый в связи с жизнедеятельностью животных.

Представители субъектно-деятельностной школы утверждают, что на самом деле главным понятием в концепции Л.С.Выготского была не деятельность, а активность: “В работах Выготского прокладывание индивидом своей “жизненной дороги” выступает как одно из высших проявлений активности человека, порождаемое, инициируемое им самим.

Понятие активности – центральное и в общепсихологической теории этого психолога, и в его концепции личности. Активность как ведущая характеристика человека выступает в различных формах” [1, с.165]. Например, А.В. Брушлинский, так же, как и Б.Д.Эльконин, подчеркивает тот факт, что деятельность, во всяком случае, находилась у Л.С.Выготского на периферии его научных интересов, причём их аргументация основана на прижизненных работах самого Л.С.Выготского, раскрывающего его собственные методологические позиции: “... абсолютизация роли речевых знаков в развитии высших психологических функций ... заслонила для Л.С. Выготского фундаментальное значение изначально практической деятельности в формировании человеческой психики. В его “Психологическом словаре” (М.,1931), написанном вместе с Б.Е. Варшавой и предельно кратко и четко выражающем его взгляды, вовсе отсутствует статья “Деятельность” (как и статья “Практика”, “Труд” и т.д.), а в статье “Марксистская психологи” ни разу не употреблено даже слово “деятельность”” [14, с.141].

Основные акценты критического анализа роли Л.С.Выготского представителями субъектно-деятельностного подхода сосредоточены, как правило, вокруг роли знака и значения в формировании человеческого индивида. При этом его “знакоцентристская” (по их выражению) позиция противопоставляется деятельностной. Такие оценки дают основание авторам утверждать, что именно речь, слово, знак являются для Выготского первичным в онтогенетическом становлении человека: “Выготский так резюмирует свою общую исходную позицию: речь как система знаков “становится основным средством мышления и всех высших психологических функций, основным средством построения личности” (Педагогика подростка. М. - Л., 1931. С. 484). Или несколько иначе: по его словам, “законы речевого поля” становятся главными факто-

рами, направляющими поведение ребенка. Таким образом, речевые знаковые средства, воплощающие в себе социальность, лежат в основе всего: личности, воли, мышления и т. д.

Ясно, что позиция Выготского существенно отличается от субъектно-деятельностной теории, разработанной С.Л. Рубинштейном и его школой. Эта теория конкретно реализует очень общую идею Гёте “вначале было дело (die Tat)” и утверждает, что субъект и его психика формируются и развиваются прежде всего на основе деятельности (изначально практической), осуществляемой на разных уровнях общения. Концепция же Выготского реализует другую очень общую идею, идущую от Библии: вначале было слово” [1, с.187]. В связи с приведёнными полярными точками зрения на роль Выготского в создании деятельностного подхода, мы полагаем, что этот вопрос найдёт своё решение в будущем. А пока — “участвовал или нет Выготский в разработке теории деятельности? Как ни странно, до сих пор не достигнуто единство взглядов по данному вопросу” [1, с.187].

В современной зарубежной психологии, в частности, в разработках ученых и специалистов Западной Европы, имеет место практика деятельностного подхода, основанного не на марксистской категории “предметная деятельность”, но в то же время придерживающегося диалектической традиции. “... Джин Лэйв (Lave, 1993) так обобщает несколько тем, объединяющих ученых, работающих в области теории деятельности и практики:

1. Акцент на диалектическом характере фундаментальных отношений, образующих человеческий опыт (на языке Дж. Лэйв, человеческий фактор “частично детерминирован, частично детерминирует”).

2. Пристальное внимание к опыту в мире, отвергающему структуру и динамику процедур психологического тестирования как универсально применимого шаблона.

3. Сдвиг границ между познанием и окружающей средой, при котором, говоря словами Дж. Лэйв, познание “простирается сквозь психику, тело, деятельность и окружение” (об этом иногда говорят как о распределенном познании): Hutchins, 1995; Norman, 1991; Salomon, 1993)” [2, с.165].

Как отмечают исследователи, на сегодняшний день можно говорить о европейской и американской традициях. Их объединяет общая система понятий, главными из которых являются понятия субъекта деятельности, объекта деятельности и средств деятельности.

В Европе теория деятельности представлена так называемыми саарбрюккенской и скандинавской группами. В Германии (саарбрюккенская группа) основным направлением явилась разработка Лютцем Эккенсбергером, Берндтом Крюером и их коллегами так называемой “культурной психологии”, основанной на идеях Эрнста Боша, в свою очередь продолжавшего традиции В. Вундта и Ж. Пиаже в форме синтеза из взглядов. Кроме теории деятельности Э. Боша, направление культурной психологии ассимилирует в себе идеи экологической психологии, некоторые социологические идеи, а также множественные антропологические идеи. Весьма существенным моментом в деятельности саарбрюккенской психологической школы представляет собой идея развития, которая является методологическим основанием их варианта культурной психо-

логии. Кроме саарбрюккенской группы, работы в области теории деятельности ведутся также и в Берлине.

Одним их ярких представителей скандинавской деятельностной школы является Ирве Энгстрём. С нашей точки зрения, из всех представителей “западного направления”, разрабатывающих теорию деятельности, именно он является последовательным сторонником целостного подхода к феномену деятельности. Его рассмотрение наряду с индивидами, артефактами и опосредованными действиями включает также институциональные контексты и историю исследуемых систем деятельности. С точки зрения И. Энгстрёма, опасность сосредоточенности на опосредованном действии состоит в том, что контекст при этом теоретически не прорабатывается в должной мере.

Весьма интересным психологическим направлением в деятельностном подходе является культурная (культурно-историческая) концепция деятельности Майкла Коула. Этот исследователь интересен для нас вдвойне, поскольку является непосредственным учеником А.Р. Лурии. В своих работах Коул неоднократно подчёркивал влияние советского культурно-исторического подхода на собственные методологические позиции. С другой стороны, как представитель прагматического подхода к деятельности, он даёт самобытные и, на наш взгляд, достаточно спорные трактовки и оценки как современной деятельностной ситуации в психологии России, так и марксистской позиции в психологии, так и самому философско-психологическому содержанию понятия “деятельность”.

М. Коул считает, что приоритет в культурно-исторической психологии по праву принадлежит советским психологам, именно советская культурно-историческая психология, по его словам, явилась основой его собственной позиции в культурной психологии. Многие положения его культурно-исторической концепции деятельности созвучны общим положениям марксистского подхода, более того, иногда в тексте своей книги он прямо приводит цитаты из К. Маркса, обосновывая собственные утверждения. Так например, ссылаясь на Росси-Ланди, М. Коул утверждает практически марксистский тезис о том, что “система деятельности включает как объектно-ориентированный продуктивный аспект, так и личностно-ориентированный аспект человеческого поведения. Производство и коммуникация неразделимы (Rossi-Landi, 1983)” [2, с.164].

Говоря о деятельности в непривычных для нашей психологии терминах “контекста”, он выступает приверженцем генетического метода, высоко ценит роль совместной деятельности в происхождении психики, трактует человеческого индивида в терминах субъектности, и, что особенно для нас важно, подвергает критике каузальный тип детерминации.

Но внешнее сходство культурной психологии М. Коула с основными положениями деятельностного подхода отечественной психологии и его явная личная симпатия к советским психологам, нашей культурно-исторической психологии и её деятельностной ветви, тем не менее, не должны вводить в заблуждение по поводу философско-психологического содержания категории “деятельность”, лежащей в основе его концепции.

В связи с этим, можно утверждать, что методологическим основанием его позиции является философия прагматизма. При этом Коул не совсем верно, по нашему мнению, интерпретирует Гегеля, утверждая сходство взглядов последнего и позиций американского прагматизма — философии, которая, по мнению М. Коула, “вслед за Гегелем размещала источник познания внутри повседневной культурно организованной исторически развивающейся деятельности конкретной социальной группы”. По сути Коул незаметно для себя субстанциализм всеобщей гегелевской категории “деятельность” трансформирует в эмпиризм прагматического понятия единичной “деятельности” [2, с.49].

Эта, вроде бы несущественная на первый взгляд процедура, переводит деятельность из универсальной категории, описывающей сущностные характеристики человека как универсального существа, во вспомогательный способ описания эмпирических ситуаций. Нам представляется, что именно различное толкование содержания этой категории привел к тому, что даже Майкл Коул, наиболее подготовленный по сравнению с другими зарубежными психологами к восприятию наших философско-психологических идей, не в состоянии адекватно понять основания внутривидеальностных противоречий между отечественными школами. Противоречия, на наш взгляд, носят глубокий и весьма содержательный характер, но оценить это можно только в том случае, если принимать идею универсальности видеальностной сущности человека.

Поэтому не случайно, наверное, что М.Коул пеняет российским коллегам на то, что свой анализ они не основывают на деятельности как эмпирической действительности: “... Российский культурно-исторический подход отправляется от обыденной деятельности лишь в самом абстрактном смысле. В центре внимания психологов были не конкретные параметры обыденных обстоятельств, но то, что они считали ядром всякой деятельности, — её опосредованная природа” [2, с.372]. Причина непонимания заключается в том, что прагматизм при анализе конкретной ситуации не различает единичного и всеобщего. С этих позиций нам становится понятна оценка, данная самим М. Коулом содержательности внутрироссийских споров: “Длительное время наблюдая за дискуссиями по этому поводу среди российских психологов, я убедился, что они редко бывают продуктивными. Опосредованное действие и его видеальностный контекст — это два момента единого процесса” [2, с.368]. И если Майкла Коула ещё можно понять, то сегодня, по нашему мнению, уже нельзя принять всерьёз предложения решать видеальностные проблемы за счёт сведения проблемы человека как универсального предметного существа к проблеме человека как эмпирического субъекта.

2.2. Предметная деятельность как философская категория

Единственной возможностью, на наш взгляд, понять особенность человеческого существования, его непохожесть на другие живые существа, является попытка рассмотреть человека как существо, способное иначе, чем животные, относиться к природе, к самому себе. Такой подход, как известно, основан на философской категории “деятельность” и пытается рассматривать человека как сознательно моделирующего и сознательно реализующего своё собственное будущее.

Уже Аристотель главные человеческие свойства как деятельного существа связывает со свободой поступка, способностью принятия самостоятельных решений и сознательным выбором средств. После Аристотеля стойки с гордостью утверждали, что человек — это “человек-производящий” и “человек-общающийся”. Однако, несмотря на то, что еще философы Древней Греции связывали человеческое в человеке с производительным (деятельностным) началом, как научное понятие “деятельность” начала разрабатываться только в XVII веке в немецкой классической философии.

Особая роль в разработке категории “деятельность” принадлежит Гегелю, который впервые в истории создал научную категорию, способную выразить сущность человека как продукт его собственного труда. Именно он своей категорией “деятельность” первым заложил научную основу понимания целевой самодетерминированности и свободы человека. Благодаря трудам Гегеля был сформулирован новый тип детерминации — целевая детерминация будущим. Гегель является “отцом” не только самой категории “деятельность”, но и того феномена в социально-философских теориях, который можно назвать “деятельностным субстанциализмом” — способом приписывания деятельности качеств над-человеческой действительности, статуса сверх-категории, самодовлеющей действительности всеобщего, задающей всё человеческое существование. С другой стороны, субстанциальность у него понимается как внутренняя характеристика самой деятельности, являющаяся основой её самодетерминации, способом выражения которой является цель: “... деятельность как таковая есть не что иное, как чистая, лишённая сущности форма для-себя-бытия вещи, и субстанция деятельности, которая есть не одно лишь определенное бытие, а есть всеобщее, цель деятельности, не находится вне ее; она сама по себе есть деятельность, которая возвращается в себя, а не направляется обратно в себя чем-нибудь посторонним” [15, с.141]. В рамках субстанциализма, Гегелю впервые в истории удалось показать социальную природу человеческого индивида и решающую роль труда в социальной и индивидуальной жизни.

Важнейший аспект деятельностной концепции Гегеля — его идея о том, что активным, деятельным началом является сознание; для сознания деятельность является его собственной сущностной характеристикой. В понятии “деятельность” для Гегеля заключена созидательная потенция сознания, потенция его самопорождения. А содержанием понятия “деятельность” является его самообусловленность, его самодетерминированность как истинного субъекта деятельности. Смысл деятельности, по Гегелю, для сознания заключается в том, что именно сама природа деятельности позволяет сознанию стать предметом для самого себя, т.е. деятельность есть способ становления сознания как субъекта деятельности. Именно благодаря деятельности сознание знает себя, т.е. деятельность по своей природе является категорией рефлексивной.

После Гегеля представление о деятельности как имманентной активности сознания было переосмыслено К.Марксом и “деятельность” уже предстала предметно детерминированной способностью человека. Как обобщающее понятие — в виде категории “предметная деятельность” — эта концептуализация

в дальнейшем в значительной степени стала определять характер философских и психологических разработок проблематики человека.

Понятие “деятельность”, как характеристика истинно человеческой действительности, разрабатывалась не только в философии. В начале XX века в рамках социологии разрабатывалось понятие “социальное действие”. Заметным явлением как в философии, так и в социологии начала XX века стала так называемая “праксеология”, наука о человеческой деятельности, созданная польским учёным Т. Котарбиньским. В 30-е годы, синтезировав теории Макса Вебера и Дж. Мида, Т. Парсонс создал так называемую аналитическую теорию социального действия. Причем Парсонс обосновал необходимость общей теории действия, которая могла бы стать методологическим основанием всех гуманитарных наук.

В советской философии категория “деятельность” как таковая не становилась предметом непосредственного исследования вплоть до 50-х годов XX века, несмотря на господство в Советском Союзе марксизма-ленинизма в качестве основной идеологической доктрины. Деятельностная проблематика начала входить в философскую литературу только лишь в 60-е годы, после “хрущёвской оттепели”, одновременно с ростом интереса советских философов к проблеме соотношения человека и общества. Одновременно с усилением внимания к деятельностной проблематике, зарождаются конкретно-научные исследования деятельности, в том числе в рамках известного московского семинара по системным проблемам “Структуры и системы в науке и технике”, начавшего работать в 1962г. при философской секции Совета по кибернетике АН СССР [16, с.238].

В советской диалектической традиции, продолжающей традицию анализа предметной деятельности у К.Маркса, было принято рассматривать целостную деятельность не просто как одну из категорий, наряду со всеми остальными, выражающими человеческое в человеке, а как категорию, которой придаётся ключевое значение не только с точки зрения выражения сущности человека, но и в связи с решением глобальных проблем развития как сущностной характеристики объективного мира в целом. В этом смысле считается, что деятельность есть системообразующая категория диалектической логики: “... мы рассматриваем целостную предметную деятельность, ступени ее развития как главное основание внутренней взаимосвязи категорий диалектической логики” [17, с.90].

Предметная деятельность есть универсальный способ генезиса всего человеческого, способ происхождения любых новых форм человеческого существования, способ трансформации содержания объективного мира в формы человеческого мышления и сознания. Более того, считается, что только предметная деятельность человека является адекватным средством для построения системы логических категорий, диалектической логики в целом. В связи с этим, содержательной основой для выведения структуры диалектической логики являются механизмы предметной деятельности и закономерности её осуществления.

Деятельностная проблематика, особенно в последнее время, — это достаточно сложная и неоднозначная область научного знания. Внутренняя про-

творечивость многих деятельностных концепций как в философии, так и в психологии, связана с тем, что исторически деятельность разрабатывалась по крайней мере в рамках трёх традиций:

- ◆ в домарксистской философии как спонтанная активность сознания;
- ◆ в марксистской философии как специфическая действительность индивидуальной и социальной предметных деятельностей;
- ◆ в естественно ориентированной психологии как спонтанная активность (рефлекторная деятельность) человеческого мозга.

В диалектической традиции, той, которая до недавнего времени называлась “диалектическим материализмом”, категория предметной деятельности рассматривается как основополагающая для всей исторической человеческой действительности. Вплоть до того, что вся история человечества представляется как история его практической деятельности. Такая точка зрения ведёт своё начало от К.Маркса и трактует деятельность как универсальную историческую, хотя и неоднозначную, категорию. Несмотря на то, что категории “предметная деятельность” в марксистски ориентированных концепциях общества и человека придаётся системный характер, само содержание этой категории (особенно в конкретных науках, в частности, в психологии) до последнего времени специально не анализировалось.

Марксистский подход к категории деятельности долгое время традиционно интерпретировался так же как субстанциалистский, якобы возводящий — теперь уже категорию “предметная деятельность” — в ранг субстанции. По крайней мере, такое прочтение марксистской позиции по поводу деятельности не только не исключалось, но более того, реально являлось методологической основой многих известных философских и психологических деятельностных концепций. Субстанциальному толкованию марксистской категории “предметная деятельность” в немалой степени способствуют тексты, в которых специфика и особенности индивидуальной и социальной деятельности не становятся предметом различения. Это даёт возможность толкования деятельности, в том числе, и как сверх-индивидуальной социальной субстанции: “Зависимость состоит в том, что деятельность каждого находит дополнение и дальнейшее развитие в деятельности других. Такое понимание возможно только тогда, когда общество рассматривается не как сумма индивидов и их деятельностей, а как развивающаяся из одного корня, разветвленная, но, в сущности, единая деятельность, когда исходят их того, что человечество осуществляет одну деятельность, расчлениющуюся внутри себя, развивающую свою универсальность как единое в многообразном” [17, с.206]. Такая двусмысленность является хорошей почвой для субстанциализации деятельности. Именно это понимание до недавнего времени было основным и в большой степени характерным для философских и психологических концепций человека.

Способствовало такой трактовке категории “деятельность” то обстоятельство, что другой традицией рассмотрения деятельности как специфически человеческой активности стало “рефлекторное” направление, имеющее свои исторические корни в физиологии вышей нервной деятельности, впоследствии закрепившееся в психологическом бихевиоризме.

По-видимому, именно “рефлекторная” традиция побудила некоторых философов трактовать деятельность в ортодоксальном субстанциалистском плане. Причём, основанием для такой трактовки является не только сам Гегель, что, в общем-то было бы понятно, но и К.Маркс, приписывание которому субстанциалистской позиции весьма спорно, а может быть даже и ошибочно. Многие современные философы склонны трактовать деятельность субстанциалистски, подчёркивая её всеобщий, безличный характер.

Основанием для такой субстанциализации деятельности служит очевидный эмпирический социокультурный факт, который сам по себе не вызывает никакого сомнения, ибо утверждает (и подтверждает) существование независимо от индивидуального сознания (объективно) пространства материальной культуры: “Каждый человек, когда он рождается, сталкивается с уже сложившейся и непрерывно осуществляющейся вокруг него и рядом с ним деятельностью. Можно сказать, что универсум социальной человеческой деятельности сначала противостоит каждому ребенку: чтобы стать действительным человеком, ребёнок должен “прикрепиться” к системе человеческой деятельности, это значит – овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с другими людьми. И только в меру овладения частями человеческой социальной деятельности ребёнок становится человеком и личностью” [16, с.241]. Но вот выводы, которые делают исследователями, разделяющими субстанциалистские взгляды, на наш взгляд, являются в высшей степени спорными. В особенности это касается некоторых утверждений о человеке как элементе некой “машинообразной” структуры деятельности-субстанции.

В нашем понимании, деятельностная сущность индивида проявляется только в самой деятельности, поэтому человеческий индивид – это всегда действующий индивид. Поскольку он сам является целью своей деятельности, постольку сама деятельность внутри противоречива: до начала деятельности индивид, с одной стороны, не может иметь цели, а с другой, — он должен иметь цель. Именно деятельность является способом разрешения этого противоречия. Добавим к тому же, что предметная деятельность – это не просто содержательная основа структуры диалектической логики, а сама структура диалектической логики непосредственно выводится из структуры предметной деятельности.

В предметной деятельности человека новое качество приобретает диалектика содержания и формы — внутреннего источника самодвижения объективного мира. В предметной деятельности, как в социальной форме движения материи, форма развития впервые совпадает со своим содержанием, Это означает, что предметная деятельность (и её непосредственно-чувственная форма) как универсальная форма движения способна воспроизводить любые формы объективного мира как свои собственные.

Человеческая предметная деятельность имеет универсальный характер, т.е. является такой формой саморазвития, которая не имеет никакого заранее установленного внутреннего предела, а, следовательно, способна преодолевать любые ограничения и выходить за пределы любых собственных конечных форм и содержаний.

Но предметная деятельность должна пониматься не только как антропологическая категория. Предметная деятельность – универсальный способ выражения универсального содержания объективного мира. Она является такой формой, в которой сама объективная реальность (объективный мир) порождает собственную универсальность. Уникальность категории “предметная деятельность” заключается в её универсальности. Выражая, с одной стороны, универсальные характеристики объективного мира, а с другой стороны, выражая сущность человека как универсального существа, предметная деятельность является стратегической, системообразующей категорией для всех гуманитарных наук.

Предметная деятельность есть отношение. А как философская категория она есть ключевое понятие, выражающее сущность человека. Монизм, как способ построения парадигмального знания на основании одной категории, применительно к проблеме человека, представляется способом выведения всего человеческого из одного общего основания и предполагает конструирование такой базовой категории, которая бы могла быть положена в основу всей картины объективного человеческого мира. Марксизм как философская концепция человека, является одним из вариантов такой монистической парадигмы. А категория предметной деятельности, в свою очередь, является базовой категорией марксистской концепции человека. Мы также считаем, что категория “предметная деятельность” является ключевой для построения целостной модели человека и человеческого мира и разделяем то убеждение, что “это фундаментальное философское понятие, сопоставимое по своей общности с категориями общественного бытия и сознания, ... является родовым по отношению к конкретным видам деятельности. Это ключевое понятие для понимания специфики “мира человека”” [18, с.196].

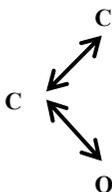
Уже в гегелевской концепции внутренняя сущность человека понимается как такая действительность, которая способна выразиться только в деятельности: “... индивидуальный человек есть то, что есть оно [действие — *В.А.*]” [15, с.172]. Развивая положение Гегеля о значимости труда как способа выражения человеческой сущности, К.Маркс прямо определяет труд как всеобщий способ выражения и утверждения человеческой жизни, характерный именно для человека, независимо от конкретно-исторической формы социальной жизни: “Труд ... производительная деятельность человека вообще, посредством которой он осуществляет обмен веществ с природой, не только лишенная всякой общественной формы и определенного характера, но выступающая просто в ее естественном бытии, независимо от общества, отрешенно от каких бы то ни было обществ и, как выражение жизни и утверждение жизни, общая еще для общественного человека и человека, получившего какое-либо общественное определение” [19, с.344].

Идея совпадения деятельности и самого деятельного человека является главной для диалектической традиции изучения человека, в том числе она разделяется и современными философами. Под отождествлением человека и предметной деятельности, иначе говоря, — под совпадением человека и предметной деятельности конкретно понимается то, что предметная деятельность

есть истинно человеческий способ существования (“осуществления”, как писал С.Л. Рубинштейн), как способ его отношения к объективному миру.

Будучи, с одной стороны, непосредственным способом человеческого осуществления (существования), с другой стороны, предметная деятельность как категория является средством раскрытия специфики человеческого способа существования как особой формы движения материи.

В свете методологического кризиса современной отечественной психологии, в частности, вызванного политическим кризисом марксистской идеологии, особое значение для психологии, с нашей точки зрения, имеет содержание и внутренняя структура самой предметной деятельности. В связи с этим, считаем особо подчеркнуть, что в философии принято рассматривать предметную деятельность не как субъект-объектное отношение, а как единство двух векторов: субъект-субъектного и субъект-объектного: “Деятельность характеризует всю систему:

в аспекте проявления сущностных сил человека. Только при этом условии приобретают подлинное значение характеристики деятельности как “способа существования человека”, как “человеческого способа отношения к миру”. При таком понимании деятельностный подход действительно может быть методологической основой для понимания познания в контексте социокультурной жизни, для решения многих актуальных теоретических и практических проблем” [20, с.80].

Деятельность есть двунаправленный вектор и не может быть описана полностью только механизмами распредмечивания-опредмечивания, которые характеризуют как раз только её объектный (воспроизводящийся) аспект. Поэтому для преодоления порогов распредмечивания необходимо рассмотреть деятельность уже не как субъект-объектное отношение, а как субъект-субъектное, рефлексивное, способное вывести её на новый уровень возможностей распредмечивания.

Среди современных философов, в том числе разрабатывающих так называемый системный подход, также распространено понимание деятельности как отношения. Однако следует подчеркнуть, что именно диалектически ориентированные философы рассматривают категорию “предметная деятельность” не как понятие конкретной теории деятельности, а как выражающее исходное человеческое отношение, являющееся фундаментальной основой универсального объяснительного принципа в анализе человеческого мира.

Деятельность как человеческое отношение является выражением сущности человека, специфики его существования, независимо от конкретно-исторической эпохи и конкретной формы социальности. При этом предметная деятельность понимается не просто как человеческое отношение, а как отно-

шение, предполагающее главное человеческое свойство — творчество: “Где нет предметно-деятельностного процесса-отношения и актуализируемого им субъектного бытия с его свободой, там нет и творчества” [12, с.171].

Знаменательным, с нашей точки зрения, является различное толкование содержания предметной деятельности как философской категории и психологического понятия. По сути дела, определяя предметную деятельность как специфически человеческое отношение в философском аспекте, некоторые авторы подчёркивают её предметность, т.е. внешнюю детерминированность. Но как только дело касается психологического аспекта, деятельность почему-то интерпретируется как функция, т.е. как внутренне детерминированное отношение [см., например: 21, с.108; 22, с.91]. Нам представляется, что такое противоречивое понимание предметной деятельности самими философами создало благоприятную почву в психологии для искажённого толкования понятия “деятельность”.

Существенным и чрезвычайно важным, с нашей точки зрения, является тот факт, что деятельность сама по себе – это не просто “способ” осуществления какого-то отношения, она и есть само это человеческое отношение. Важность данного утверждения для нас заключается в том, что оно является критерием различения деятельности и не-деятельности (активности). Прямым следствием признания деятельности отношением, является вывод о её самодетерминированности и самодостаточности. В этом случае деятельность не только характеризует сущность самого человека, но и выражает его самодостаточность как выражение самодетерминированности объективного мира. Если же мы признаём, что деятельность есть способ осуществления какого-то внешнего к ней отношения, то тем самым мы автоматически признаём, что за деятельностью должна находиться какая-то особая реальность, которую деятельность выражает и которой деятельность детерминирована. Вот тогда-то, по нашему мнению, и появляется активность как необходимое начало деятельности, тогда деятельность и превращается в форму проявления активности.

На наш взгляд, эта позиция не только не имеет ничего общего с марксистским пониманием предметной деятельности, но кроме этого, просто закрывает возможность рассмотрения человека как универсального существа. Поскольку универсальность подразумевает предметность, то в этом случае активность забирает на себя детерминирующий фактор, деятельность превращается во второстепенную категорию, обслуживающую активность, а человек превращается в естественное существо, выражающего собой всеобщую естественную причинно-следственную связь как закон любой мыслимой и немыслимой действительности. В этом случае вопрос об особом статусе человека не стоит, поскольку его предназначение как естественного существа заключается в отражении объективной реальности и следовании её законам. Он выражает собой всеобщие законы причинной детерминации, но не делает их предметом собственной индивидуальной деятельности. Он осуществляет всеобщие законы причинной детерминации, но не является их создателем. Законы объективного мира и собственной жизнедеятельности никогда не становятся предметом его собственной индивидуальной активности.

Конституирующей составляющей предметной деятельности является цель. В контексте анализа цели в деятельности возможно, например, рассматривать проблему связи деятельности и сознания. Категория деятельности имманентно включает в себя категорию сознание, то есть предметная деятельность — это отношение, которое осознаётся как отношение. Этим осознанием собственного отношения человек и отличается от животного.

Осознанность закреплена в структуре деятельности (человеческой деятельности) как цель. Развивая гегелевскую категорию цели, К.Маркс применял её для выражения сущности предметной деятельности. По К.Марксу, цель как закон определяет всю деятельность, определяет вообще всё существование человека. Следовательно, деятельность как человеческое отношение всегда предполагает сознание как форму существования самого этого отношения как самостоятельной действительности.

Одним из ведущих отношений внутри самой деятельности является, наряду с отношением деятельности и сознания, отношение деятельности и мышления. Уже Гегель определял мышление (разум) как деятельность. Точнее, по Гегелю, разум — это и есть деятельность, он “есть целесообразное действие” [15,с.11]. Таким образом, в гносеологических концепциях, мышление представляет собой высшую форму деятельности – деятельность как таковую, независимо от её предметного содержания, как “чистую” форму.

Замкнутость гносеологического мышления на самого себя неоднократно подвергалась критике со стороны материалистов. Такое понимание мышления, по их мнению, не только не придавало решающего значения практической деятельности людей, но и сам предметный мир понимался как продукт гносеологической деятельности мышления. Поэтому материализму было свойственно трактовать мышление как идеальную действительность реального тела, относящегося с реальными же телами в реальном пространстве, а не в пространстве “знаков”: “Мышление есть деятельность мыслящего тела, имеющего дело с реальными телами в реальном пространстве, а вовсе не со “знаками”” [23, с.219-227].

В материалистической концепции мира мышление есть та “искусственная” действительность, в которой обретают собственную самостоятельность законы объективного мира, воспроизводящиеся предметной деятельностью. Оно не является субъектом деятельности, но является особой “идеальной” формой самой предметной деятельности [17, с.97].

Исходной формой мышления, так же как и в целом предметной деятельности, является непосредственно-чувственная форма; у деятельности, и у мышления имеются общие основания, которые кроются в специфике не идеальной, а чувственной формы. Теоретическим формам мышления и сознания предшествует чувственная форма отражения, так называемое эмпирическое сознание, которое существует до и независимо от теоретической формы. Таким образом, утверждается, что теоретическим формам деятельности (теоретическому мышлению и теоретическому сознанию) предшествуют не только сам предметный мир, но и непосредственно-чувственная, эмпирическая форма деятельности.

В философии (и в психологии) существует и другая трактовка предметной деятельности, — не как способности воспроизводить (и производить) логику своего предмета, а как способность манипулировать с материальными или материализованными предметами. Исходя из такой трактовки, утверждается, что познавательная деятельность формируется в условиях такой вот “предметной” деятельности. Мы же исходим из позиции, согласно которой деятельность как человеческая действительность, как истинная действительность человека как универсального предметного существа, по своей сути есть единство материального и идеального.

Категория деятельности являет собой арену весьма содержательных споров по проблеме диалектики внутреннего и внешнего. Она традиционно характерна для психологии. В истории психологии можно разделить отдельные школы и направления именно по признакам: какую роль та или иная из них отводила внутреннему или внешнему, или каким образом конкретно решался вопрос о соотношении внутреннего и внешнего в человеке.

Разумеется, самое привлекательное, — пытаться рассматривать внешнее и внутреннее как две стороны некоего единства. Именно с этих позиций и выступал Гегель как классический диалектик, когда утверждал: “Внешнее, по понятию своему, есть бытие для другого” [15, с.144]. Гегель одним из первых в науке сформулировал главное положение культурно-исторического подхода, которое впоследствии было широко использовано в нашей отечественной психологии. Имеется в виду способ происхождения внутреннего из внешнего и способ существования самого внутреннего. Из этого утверждения вышло основное положение культурно-исторической психологии о том, что источник происхождения внутреннего находится не в нём самом, а во внешних культурных предметах. Подчёркивая сложность соотношения внутреннего и внешнего, Гегель утверждал, что диалектика внутреннего и внешнего не ограничивается соотношением “видимого и невидимого”, а гораздо сложнее. При этом он подчёркивал, что способом разрешения противоречия между внешним и внутренним является деятельность, а средство деятельности — это и есть как раз та действительность, которая делает возможным эту связь внешнего и внутреннего.

Если с точки зрения Гегеля, предметная действительность как внешнее есть материал для спонтанной активности сознания, то с марксистской позиции продукты деятельности являются детерминирующими факторами развития самой деятельности. Эта позиция открывает перспективу противопоставить (различить) активность и деятельность; рассмотреть деятельность не как внутреннюю активность, внутреннюю спонтанность и самопроизвольность. На этом основании мы можем рассматривать деятельность как рефлексивную категорию, являющуюся, в отличие от активности, предметной, т.е. способной делать предметом порождения объективный мир и самое себя. Возникновение предметной деятельности знаменует собой возникновение нового типа детерминации — переход с причинной на целевой тип детерминации. Отсюда следует, что при рассмотрении существа и специфики человеческого способа жизни, даётся возможность уйти от фатальности естественной причинно-следственной детерминированности (внутренне детерминированной активно-

сти), которая сводит человеческое и целевое к естественному и причинному. Только с предметной деятельностью появляется возможность объяснять человека из его собственной деятельности, а не из его естественной природы (не из его спонтанности). Но такая возможность открывается лишь в том случае, если мы откажемся от внешне-причинного объяснения человека, и перейдём к его объяснению, исходя из него самого. То есть если в основу человеческой детерминации мы положим не причинный, а целевой тип детерминации.

Целесообразность предметной деятельности является проблемной точкой и местом встречи противоборствующих концепций человека. Лишь по отношению к цели, целесообразности и целеполаганию можно, как мы считаем, содержательно различить концепции деятельности и концепции “активистические”. Именно цель является тем базовым критерием, на основании которого можно выявить истинное содержание той или иной психологической концепции человека и установить, признаётся сознание детерминирующим фактором деятельности или нет.

На содержательную проблему целеполагания накладывается, кроме всего прочего, ещё и её культурно-исторический аспект. Известно, что свободно целеполагающий человек является не началом, а результатом истории. Несмотря на то, что родовой характеристикой человека как предметного существа всеми признаётся способность к целеполаганию, тем не менее, исторически первые люди ещё не имели этой способности в полной мере, или имели, но в весьма зачаточном состоянии: “Первоначально, когда человек только выделяется из животного состояния, еще нет целесообразной деятельности” [17, с.66]. На исторической границе между биосферой и ноосферой существует ещё инстинктивная форма деятельности, некое подобие целеполагания. И только впоследствии, в процессе культурно-исторического развития человеческого рода спорадическая активность превращается в предметную (целеполагающую) деятельность.

Можно сказать, что генеральной тенденцией исторического развития деятельности является всевозрастающее значение её целевой составляющей, возникающей на фоне сознательного употребления орудий. При этом необходимо отметить широко известный, но почему-то практически игнорируемый в экспериментальной психологии факт, что только такая деятельность является источником человеческого сознания, предметом которой становится она сама, её собственные средства.

Философы подчёркивают, что целесообразная деятельность – это, прежде всего, способ производства самих средств деятельности для воссоздания условий происхождения предмета деятельности. Предметная деятельность приобретает свою субстанциальную форму (т. е. деятельность становится самодостаточной, в полной мере осуществляется сознательная самодетерминация деятельности) только тогда, когда человек сам, самостоятельно производит средства собственной деятельности (в том числе, орудия труда).

Итак, историческую логику развития целесообразной деятельности человек воспроизводит и в своём онтогенезе со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. А именно, только создание им самим средств

собственной деятельности является единственным источником саморазвития человека.

Мы полагаем, что проблема предметной деятельности — это прежде всего проблема цели. В психологии не существует общепринятого определения цели, как не существует и общепризнанного мнения о природе и роли цели в жизнедеятельности человека. В связи с тем, что психологическое содержание понятия цели как образа будущего, результата деятельности является неполным и недостаточным (хотя это определение предложено было лидером одной из “деятельностных” школ — А.Н. Леонтьевым), мы считаем необходимым обратиться к истокам возникновения понятия “цель”.

И здесь весьма интересным представляется то, как, например, Гегель определял содержание цели. На основании его текстов можно сделать вывод, во-первых, что под целью он понимал всеобщее, а не единичный результат; во-вторых, целью деятельности у него является сама деятельность: “... деятельность как таковая есть не что иное, как чистая, лишенная сущности форма для-себя-бытия вещи, и субстанция деятельности, которая есть не одно лишь определенное бытие, а есть всеобщее, цель деятельности, не находится вне ее; она сама по себе есть деятельность, которая возвращается в себя, а не направляется обратно в себя чем-нибудь посторонним” [15, с.141].

Такая трактовка цели ещё недавно могла бы поставить под сомнение научную благонадёжность учёного, рискнувшего её разделить. Но справедливости ради необходимо сказать, что основанием для такого осуждения стало бы собственное специфическое понимание материальности, которое в советской науке непосредственно связывалось с субстратностью, вещественностью. В связи с этим, в том советском понимании материализм – это позиция, разрешающая главный вопрос философии (о генетической связи материи и сознания) в пользу материи (читай – вещественности).

Современное прочтение Гегеля может быть совсем и не идеалистическим, но и, разумеется, не вещно-материалистическим. Если предположить, что материальность — это вовсе не субстратность (вещественность) а самодетерминированность, то в этом случае Гегель читается просто как философ, который в своей концепции развивает идею самодетерминированности человеческого мира.

Идея Гегеля о том, что цель — сама целостная деятельность, её первоначальная сущность, а сама деятельность (поступок) есть способ разрешения внутреннего противоречия между наличной деятельностью и деятельностью будущей нам представляется в высшей степени современной для психологии развития, разрабатывающей проблему самодетерминированности человека. Мы считаем, что цель есть образ целостной деятельности; идеальная форма целостной деятельности; образ собственной сущности человека. То есть, другими словами — целеполагание есть определяющая характеристика деятельности.

Кстати, сам Гегель различал просто целесообразность и собственно цель как детерминирующий фактор деятельности [15, с.299] и на фоне того, что цель – это сама себя определяющая (детерминирующая!) деятельность, он различал внешнюю и внутреннюю целесообразность.

Понятие целесообразности является достаточно спорным и нечётко определённым. Многие учёные, особенно естественники, целесообразную деятельность приписывают в принципе любому живому организму. И в психологии нет необходимой ясности на соотношении целесообразности и цели. Поэтому многие деятельностные психологические концепции человека подразумевают способность к целесообразной деятельности (имеется в виду деятельность, детерминированная целью) и у животных. В этом вопросе, к сожалению, имеется много общего и в обеих деятельностных школах.

Для нас важным является различие целесообразности как характеристики всего живого, и цели, как характеристики истинно человеческой. С нашей точки зрения, необходимо категориальное различие цели и целесообразности для того, чтобы в самом философско-психологическом содержании цели было выражено именно человеческое отношение к миру, характеризующее тем, что предметом человеческого отношения является сам человек. Именно таким образом понимаемая предметность и есть истинно человеческая форма отношения к миру, именно предметное содержание отношения, выражающееся прежде всего в цели, кардинально разделяет человека и весь остальной живой мир. Именно по предметности как рефлексивности и цели как идеальной форме будущей деятельности проходит граница “человека” и “не-человека”.

Один из самых проблемных вопросов в общей проблематике предметной деятельности связан с решением вопроса об её объектности или субъектности. Психологическое содержание проблемы объектности деятельности заключается в том, что деятельность как субъект-объектное отношение понимается как способ воспроизводства объекта в способах человеческой деятельности. Именно эта характеристика деятельности является, по мнению многих авторитетных психологов, достоинством психологического понятия деятельности и выражает её сущность как истинно человеческого отношения к миру. В спорах с философами, сторонники объектного толкования деятельности всегда доказывают истинность своей собственной позиции, апеллируя, как правило, к самому К. Марксу.

Такая трактовка деятельности характерна не только для объектно-деятельностного подхода, апологетом которого являлся сам Василий Васильевич Давыдов, но и противоположного ей субъектно-деятельностного. В критике правомерности рассмотрения А.В.Брушлинским [ведущим представителем субъектно-деятельностного подхода — *В.А.*] деятельности только в объектном аспекте, да ещё и в сведении её к воздействию, мы видим упрощённый подход к категории “предметная деятельность” в отечественных деятельностных концепциях, в искажении её первоначального философского смысла и неадекватности философской категории её психологическому аналогу.

Но и среди философов, разрабатывающих деятельностную проблематику, до сих пор нет единого мнения о содержании категории деятельности. В связи с этим, многие философы не согласны с тем, что деятельность сводится к субъект-объектному отношению, а субъект-субъектное отношение выводится за пределы деятельности и приписывается отличной от деятельности категории “отношение”.

Нам близка философская позиция, не ограничивающаяся только субъект-объектным аспектом и стремящаяся рассматривать деятельность не только как целесообразную, но и а как целеполагающую. Мы разделяем ту точку зрения, согласно которой утверждается, что при субъект-объектной трактовке деятельности она не может выступать основанием ни самого человеческого бытия, ни быть средством его анализа. Правы те философы, которые считают бесперспективной попытку превратить деятельность как субъект-объектное отношение в универсальную категорию для описания всей человеческой действительности.

Важнейший механизм осуществления деятельности — опредмечивание и распрепредмечивание. Безусловная заслуга Гегеля в изучении природы человека заключается, с нашей точки зрения, в открытии механизма опредмечивания. Именно за счёт опредмечивания осуществляется единство деятельности и бытия. Продуктом опредмечивания является “произведение” (по терминологии Гегеля), в котором сознание впервые становится перед собой и открывает свою собственную сущность. В нем (в “произведении”) человеческий индивид раскрывает свою сущность, которая (по Гегелю) есть всеобщее. Уникальная особенность продукта (“произведения”) заключается в том, что именно в нём индивид выражает свою внутреннюю рефлексированность (рефлексивность) как собственную сущность

К.Маркс продолжил разработку идеи Гегеля об опредмечивании, но поскольку исходные методологические основания у него существенно отличались от гегелевских, то одного опредмечивания оказалось недостаточно для описания целостной предметной деятельности. Благодаря предметным формам объективации человека, возникает возможность аккумулировать свои сущностные силы в предметной среде. Это позволяет порождать собственной деятельностью новую предметную среду, творить свою вторую природу, превращать в предмет деятельности весь объективный мир.

“Человеческая деятельность не исчерпывается опредмечиванием, это лишь одна сторона деятельности. Другой же стороной является распрепредмечивание, т. е. вовлечение предмета снова в деятельность, в результате которой возникает новый предмет, новая вещь. По этой именно причине распрепредмечивание не есть уничтожение вещи, превращение бытия вещи в ничто, а только снятие самостоятельности данной формы, поскольку она превращается в средство, в субстрат другой вещи, другого предмета” [17, с.92]. Введение дополнительного механизма распрепредмечивания и переосмысление внутреннего содержания этих механизмов (“опредмечивание — распрепредмечивание”), привело К.Маркса к созданию категории, совершенно не связанной по своей природе с гегелевской спонтанной активностью. После Маркса предметная деятельность стала пониматься как единство опредмечивания и распрепредмечивания, а тем самым исключительно внутренний характер детерминации гегелевской категории спонтанной активности был преобразован в единую внешне-внутреннюю детерминацию предметной деятельности. При такой метаморфозе активности сознания в предметную деятельность человеческого индивида изменился и сам характер базовых процессов опредмечивания-распредмечивания.

Предметный мир человека представляет собой некое волшебное пространство, вложенное одно в другое. Человеческий мир – это не только мир реальных предметов, но и идеальный мир человеческих сущностей. Человеческая предметность есть такая чудесная вещь, в которой человек аккумулирует все свои человеческие качества, включая сознание, мышление и пр. Только благодаря своей предметности, человек способен существовать как род. Своей деятельностью, своим трудом человек преобразует, переделывает объективный мир. Суть переделки заключается в том, что человек придаёт смысл природе, делает её человеческой за счёт передачи предметам природы своих человеческих свойств.

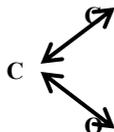
Философское содержание механизма опредмечивания-распредмечивания в психологических терминах выражается в процессах формирования внутреннего мира человека и последующего его проявления во внешнем реальном мире. Согласно теории социальной интериоризации, в основе которой лежат философские механизмы опредмечивания-распредмечивания, внутренний психологический мир человека формируется в результате взаимодействия индивидуальной деятельности с предметным миром человеческой культуры.

Тем самым утверждается, что социальные нормы, в том числе, социальные нормы познания, возникают в результате социальной деятельности (т. е. в системе межличностного взаимодействия). И субъектом нормотворчества является социум как совокупный субъект. При этом индивидуальное “Я” является производным от совокупного социального субъекта и возникает в результате интериоризации внешних по отношению к нему (т.е. не произведённых лично им самим) социальных норм. Такая трактовка способа социального происхождения человеческого индивида широко распространена как среди философов, так и среди психологов. Но если в философской среде кроме этого варианта интерпретации социальной природы существуют и другие, то в психологической среде он является практически единственным. С нашей точки зрения, данный факт сослужил плохую службу для всей психологии в целом и в каком-то смысле обусловил сегодняшний её кризис.

Широко распространённое среди психологов мнение о том, что исходным в онтогенетическом становлении человеческого индивида является субъект-объектное (познавательное) отношение, с философской точки зрения является не вполне верным. Среди философов, непосредственно занимающихся разработкой принципа деятельности как философского и методологического основания для построения целостной картины человеческого мира, уже давно распространено убеждение, что исходным отношением является другое, а именно, субъект-субъектное отношение. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что целостная деятельность представляет собой единство субъект-объектного и субъект-субъектного “векторов”, и только в этом случае предметная деятельность может быть использована как универсальная категория для описания человеческой жизнедеятельности.

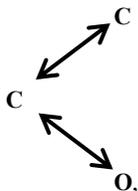
Особо следует подчеркнуть, что, несмотря на гармоничное единство обоих векторов предметной деятельности, ведущим в нём является всё-таки субъект-субъектное отношение. Этот чрезвычайной важности факт подтверждается обоснованием не просто ведущей роли субъект-субъектного вектора,

но, что в высшей степени важно, его генетической исходности: “Субъектно-объектное преобразование само по себе ни генетически, ни тем более функционально не может быть основой для вывода и объяснения всей сложности человеческого бытия, ибо “клеточка” должна содержать в себе основное противоречие системы. А такое противоречие можно найти только в

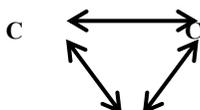

и ни в коем случае не в подсистеме $C \longleftrightarrow O \dots$ [24, с.201].

Правда, в приведённой выше схеме, оба аспекта предметной деятельности (и субъект-объектный, и субъект-субъектный) представлены как равноправные. Поэтому есть смысл согласиться с уточнением Н.С. Злобина, который подчёркивает приоритет именно субъект-субъектного вектора: “В тексте В.И. Сагатовского между субъектностью деятельности представлена поэтому как включенная в состав субъект-объектных отношений

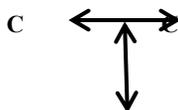

тогда как по логике его собственного анализа правильной, на мой взгляд, была бы схема

П

(где П – предмет, как раз и представляющий взаимодействие субъекта с объектом)” [25, с.227]. Если несколько уточнить приведенную схему, то можно в более полной мере выразить генетическую исходность и главенство субъект-субъектного вектора для всей предметной деятельности в целом. Это можно изобразить следующими образом:

П

Приведённые положения о единстве объектного и субъектного аспекта и о ведущей роли субъектного аспекта в целостной предметной деятельности свидетельствуют о том, что предметная деятельность по своему внутреннему

содержанию, по своей сущности является категорией рефлексивной. Это особенно важно подчеркнуть, так как в психологии понятие деятельности отождествляется только с её объектностью, но не с рефлексивностью. Это означает, что рефлексивное содержание философской категории предметной деятельности не нашло своего адекватного выражения в психологической категории деятельности.

Важнейшим в кругу философских аспектов рассматриваемой проблемы, по нашему мнению, является вопрос об онтологическом статусе предметной деятельности. Ключевое значение онтологического статуса предметной деятельности для современного образования непосредственно связано с моделью человеческого мира, в рамках которого мы решаем проблему сущности и человеческого существования. Выбор гносеологического или онтологического статуса деятельности означает выбор в качестве предмета нашего исследования или человека как социального существа, или человека как универсального (предметного) существа. В свою очередь, выбор социальности или универсальности человеческой природы влечёт за собой выбор глобальной картины объективного мира и места человека в нём.

Признание онтологического характера деятельности говорит о признании человека предметным универсальным существом и одновременно онтологическим субъектом. Такая позиция знаменует собой признание человека в качестве сущностной творящей силы природы, значит — человеческий индивид как индивидуальная форма всеобщей творящей природы способен, в конечном счёте, определять собственной деятельностью природу в целом. Именно поэтому главным критерием реальности самого человека является не идеальная деятельность мышления (сознания), а характер непосредственного изменения его собственной деятельностью своей онтологической среды. Историческая роль человека как онтологического природного существа заключается в том, что с возникновением человека сама природа начинает изменяться, терять видимость единичности и утверждаться в истинно сущностных своих характеристиках.

После Гегеля всеми исследователями деятельностной проблематики признаётся, что рефлексивная природа человека может осуществиться только за счёт главного свойства деятельности — её предметности. Чтобы осознать себя, человек должен стать сам для себя предметом. Это означает, что только как предмет собственной деятельности человек может существовать как целое, только в форме предмета человек может осуществляться как рефлексивное существо, что истинная предметность существует только в случае, когда предметным содержанием является сам действующий человек, его внутренняя сущность.

Традиция рассматривать предметность как чувственную форму рефлексивной деятельности, основоположником которой является Гегель, была продолжена Марксом в терминах “человеческой предметности”. Понимание сущности различения предметности в “прочной форме” и “человеческой” предметности отличает диалектическую традицию в деятельностной проблематике от редукционистской

Внутренним содержанием “человеческой” предметности (по Марксу) является её между субъектностью. Этим положением утверждается тот факт, что человеческое в человеке начинается не с отношения его к объекту, а в среде субъект-субъектного отношения. Исходным для человека является не его отношение к объекту, а его отношение с другим субъектом (с другими субъектами). Нам представляется, что фундаментальным выводом из этого может стать понимание предметности как способности социума делать себя предметом собственного производства.

Нам представляется, что одной из значительных методологических проблем современной психологии является как раз отождествление (неразличение) содержания понятий “предметная деятельность”, “деятельность” и “активность”. Проблема имеет глубокие исторические корни, которые находят благодатную методологическую почву в принципе тождественности материальности и субстратности. Такая односторонняя трактовка материализма особенно интенсивно осуществлялась в период становления отечественной психологии и в виде методологических оснований закрепилась в психологических концепциях, которые видели первоисточник человеческого действия в исходно физиологической реакции, рефлексе, рефлекторной деятельности организма или его органа.

Поэтому совпадение в этих концепциях терминов “деятельность”, “деятельность мозга” и “деятельность человека” не является случайным, а выражает имеющуюся общую основу всех этих видов “деятельности”, содержательно объединяющую все возможные “деятельности”, а именно ей и является активность как первооснова и первопричина всех вообще возможных “деятельностей”. Данная естественнонаучная трактовка человеческой деятельности (в том числе, и не имеющей никакой естественной основы “предметной деятельности”), характерна для наук, ориентированных на философию позитивизма, и в первую очередь, для физиологии. Это привело к тому, что в позитивистской психологии, фактически выросшей из физиологии, термины “поведение”, “активность” и “деятельность” очень часто употреблялись (и до сих пор продолжают употребляться) как синонимы.

В связи с этим, при обсуждении предметной деятельности, в принципе отличающейся по своей природе от указанных терминов, необходимо иметь в виду, что предметная деятельность, в отличие от активности, — рефлексивная категория, или как говорят философы - “самодетельность”. То есть на самом деле предметная деятельность знаменует способ порождения человеком самого себя и социума как среды своего осуществления, а никак не способ адаптации, каким является активность. Более того, в отличие от активности, рефлексивный характер предметной деятельности выражается и в том, что её предметом становится она сама, сам действующий человек, вся природа в целом.

Главным отличием предметной деятельности от “целесообразной” активности является её целеполагающий, а не целесообразный характер. Для нас это означает, что единственной детерминантой предметной деятельности является она сама. Цель есть идеальная форма будущей деятельности, которая является детерминирующим фактором реальной формы деятельности. В отличие от предметной деятельности, которая нами понимается как способ взаимного

превращения логики предмета в собственную логику, и собственной логики в логику предмета, активность является способом полагания собственной логики во внешнюю среду.

Поскольку у активности нет обратного вектора полагания, т. е. она не способна изменять собственную логику под воздействием логики внешней среды, постольку и её собственная логика не становится её предметом и не может стать для неё детерминирующим фактором, как это происходит у предметной деятельности. Другими словами, для активности предметность не является характерной особенностью (предметность, понимаемая в гегелевско-марксовском духе), поэтому субъект активности не способен опредмечиваться. Отсутствие предметности у активности означает её адаптивный, а не порождающий характер, как у предметной деятельности. Поскольку логика активности зафиксирована в логике тела, а субъект активности собственную логику тела предметом своей активности сделать не может, поэтому, в отличие от субъекта активности, субъект предметной деятельности – это человек, сама сущность которого есть самодеятельность, а не логика тела, и которая не сводится к телесности.

Онтологическая модель, в рамках которой строятся диалектические концепции деятельности, представляет собой целостный объективный мир (природу), главным способом осуществления которой является её качественное самоизменение (саморазвитие). Причём, развитие осуществляется за счёт самодетерминации и понимается как качественное изменение онтологического пространства, самого бытия, чувственно-предметной сферы.

С возникновением социальной формы развития — предметной деятельности — возникает исторически первая форма развития, которая совпадает с сущностью самодетерминированного объективного мира, природы, самой материи. Именно марксизм, развивая идеи Гегеля, открыл первую невещественную форму развития объективного мира, которая впервые выразила своим развитием универсальные законы развития самой природы. После К.Маркса мы теперь вправе отождествить жизнь человека и предметную деятельность: “... что такое жизнь, если она не есть деятельность?” [26, с.564]. Это высказывание в равной степени относится и к деятельности индивидуальной, и к деятельности социальной.

Всё свидетельствует о том, что философское понятие “предметная деятельность” обладает огромным эвристическим потенциалом для выражения сущности человеческого мира и предназначения человеческого индивида, и её главным качеством надо признать: “универсальность человеческой деятельности, ее способность изменять мир, окружающую действительность по логике самой бесконечной природы” [17, с.83]. Поэтому миссия человека в природе заключается в том, чтобы быть движущей силой самой природы. Природа позаботилась об этом, наградив человека способностью к предметной деятельности, благодаря которой сущность предметной деятельности по своей природе совпадает с сущностью самой природной субстанции, которая есть свойство порождать, так сказать, “себя собой”.

Одним из главных свойств предметной деятельности является её производительность (продуктивность). Предметная деятельность, и, в частности,

труд как её исходная непосредственно-чувственная форма, производит не только общество как систему общественных отношений, не только новую онтологическую среду своего существования, но, как самодетерминированная действительность, она также производит и собственную мотивационную сферу, и продукты её удовлетворения.

Но характеризовать деятельность только с её продуктивной стороны было бы неполно, поскольку в реальности её онтологического осуществления она представляет собой единство двух моментов – продуктивного и репродуктивного. При анализе взаимосвязи продуктивного и репродуктивного компонентов в целостной предметной деятельности выявляется то обстоятельство, что онтологическая рефлексивность, выражающая фундаментальное свойство природы быть детерминантой самой себя, проявляется именно в продуктивности, т. е. в порождении обстоятельств собственной жизнедеятельности как её же собственных продуктов.

Несмотря на то, что и материалистическая версия культурно-исторической концепции предметной деятельности как онтологической категории (К. Маркс), и идеалистическая версия культурно-исторической концепции деятельности как гносеологической категории (Гегель) основываются на рефлексивной природе деятельности, т.е. рассматривают деятельность как самодетерминируемую действительность, всё же единого мнения по этому вопросу у современных философов до сих пор нет.

Одни высказывают сомнение в самодетерминированности деятельности и в том, что деятельность должна рассматриваться как исходная категория при анализе человека и его социальной жизни. Другие, наоборот, самодетерминированность деятельности считают универсальным механизмом процессов развития. Неоднозначность оценок возможностей предметной деятельности как объяснительного принципа свидетельствует о том, что проблематика деятельности в целом, проблема предметной деятельности как универсального принципа объяснения человеческого существования ещё далека от своего окончательного разрешения.

Несмотря на неоднозначное отношение к категории деятельности философов, нам всё же ближе трактовка деятельности как универсальной категории, поскольку она позволяет объяснять человека исходя из понимания его трансцендирующей сущности. То есть, как существа, способного преодолевать любые свои внутренние и внешние границы.

В материалистической диалектике, при рассмотрении источников и движущих сил развития человека и социума, принято анализировать предметную деятельность как субстанцию человека и социума, где уже после К.Маркса считается, что генетически исходной формой самой предметной деятельности, всего человеческого и социального является непосредственно-чувственная форма деятельности – труд.

Другой принципиально значимый момент этой философской традиции — принципиально иное по сравнению с идеалистической решение проблемы самодостаточности деятельности. Это связано с принципиально иной онтологической картиной объективного мира. Как известно, марксизм основывается на предположении о существовании объективных законов развития природы

как целого, а деятельность (и её непосредственно-чувственная форма – труд) есть способ связи человека (социума) с природой как целым. В отличие от Гегеля, К.Маркс постулирует производящий характер деятельности, более того, деятельность как производство прежде всего направлена на порождение собственной жизни человека. Если Гегелем происхождение самого сознания не объясняется, то К.Маркс связывает возникновение сознания с особым статусом человека в объективном мире. А именно с тем, что человек сам производит самого себя. В отличие от гегелевской активности сознания, результатом которой является то же содержание сознания, которое уже было до начала активности, результатом предметной деятельности становится новая онтологическая предметная среда – человеческая предметная среда. Если онтологическим пространством гегелевского активного сознания является пространство познания, понятийное пространство, пространство познавательных образов, а понятие является средством гармонизации действительности, но не средством её созидания, то онтологическим пространством предметного человека (по Марксу) является пространство производства человеком себя нового за счёт производства нового предметного мира.

Таким образом, в отличие от Гегеля, где основой жизнедеятельности человека является его самопознание, основой жизнедеятельности предметного человека является производство им самого себя, собственной предметной среды: “Оно [производство — *В.А.*] есть способ и основа непосредственной жизнедеятельности общественного человека” [27, с.21].

Нам близка точка зрения, согласно которой, с одной стороны, сущность предметной деятельности отождествляется с творчеством, а с другой, творчество понимается как способ существования личности. Но что особенно важно для нас, так это то, что предметная деятельность понимается как творчество индивидом самого себя, и что чрезвычайно важно – как творчество собственных социальных отношений (своего социума).

Есть и другое понимание творчества и его соотношения с предметной деятельностью. Не-деятельностное происхождение творчества, как правило, связывают с концепцией порогов распределения. В этом случае считается, что преодоление этих порогов является заслугой не самой деятельности, а неких запороговых креативных сил. Нам представляется, что концепция порогов распределения, по своему внутреннему содержанию весьма интересная и во многом адекватная процессу развития как качественного самоизменения, тем не менее, строится она на предположении и допущении источников самодвижения вне самой предметной деятельности.

Поскольку предполагается, что креативность не является (и не может являться) характеристикой самой предметной деятельности, то тем самым необходимо искать источники креативности вне предметной деятельности. Нам представляется, что такая позиция во многом отходит от концепции деятельности как самодостаточной действительности, заложенной ещё Гегелем. Для нас это означает, что при такой трактовке деятельности проблема самодетерминированности человека решена быть не может, а сам человек, при такой постановке вопроса, должен рассматриваться как детерминированный извне.

Кроме того, нам представляется, что подобная позиция открывает теоретические возможности истолковывать деятельность, с одной стороны, как активность, т. е. непредметное, детерминированное “изнутри” собственной естественной природой отношение, а с другой стороны, как детерминированное “извне” собственной “искусственной” (божественной) природой отношение.

Ни то, ни другое не решает проблемы самодостаточности человека как универсального существа. Утверждение, что будто бы для сдвигания порогов распределечивания необходимо что-то иное, кроме самой деятельности, только подтверждает вывод: “Творчество отличается от деятельности тем, что оно может именно то, что деятельность принципиально не может, ибо оно есть прогрессивное сдвигание самих порогов распределечиваемости, ограничивающих деятельность и замыкающих её в её собственной сфере – при любой её относительно внешней (парадигмально той же самой) экспансии” [28, с.29].

К проблеме природы творчества тесно примыкает проблема возникновения нового качества самой деятельности. До сих пор этот вопрос окончательно не решён. Нам представляется, что его трудно будет решить, оставаясь в пределах рассмотрения продуктов предметной деятельности и стабильности самого объективного мира. Видимо, в состав условий возникновения нового, в состав его детерминант необходимо ещё включать и иные факторы, такие как, например, логика развития культуры и логика развития самого объективного мира.

Отдельной самостоятельной проблемой является вопрос о деятельности как развивающейся целостности и, в связи с этим, как фактора собственного развития. В этом смысле можно говорить, что появление человека как субъекта предметной деятельности ознаменовало новую эру в развитии самой объективной реальности. Теперь уже характер развития природы определяется характером развития человека, а его развитие как субъекта предметной деятельности определяется развитием самой предметной деятельности, а не развитием структур его организма. В свою очередь, развитие предметной деятельности детерминировало развитие познания и форм знания.

Возникает новая форма развития — социальная, которая порождает новую для естественной природы форму предметности. Наряду с вещной предметностью, возникает так называемая “человеческая предметность”. Теперь именно в “человеческой предметности” аккумулируется креативный потенциал развития.

Если в до-человеческом мире развитие осуществлялось как изменение рефлекторно-физиологических способов приспособления, являющихся свойствами приспособляющегося организма, то развитие человека осуществляется как изменение способов его деятельности, осуществляемое через преобразование человеческой природы – культуры. Сделав предметом собственной деятельности собственное развитие, человек становится самодостаточным существом, законы развития которого совпадают с законами развития социума и универсальными законами объективного мира в целом. Поэтому самодетерминированное развитие человеческого индивида порождает не только его самого, но в целом весь социум.

На фоне этой многоаспектной темы наряду с психологическим содержанием самой предметной деятельности возникает, в частности, еще одна достаточно серьезная проблема — соотношения предметной деятельности и общения. Исходным для её решения является марксистское положение о том, что: “труд возможен только как социальная, но никогда как индивидуальная деятельность” [29, с.52]. Это, в свою очередь, связано с проблематизацией, называемой “предметная деятельность и взаимодействие”, поскольку многие исследователи деятельности связывают её социальную природу с всеобщим характером механизма взаимодействия

Исследование социальной природы деятельности, с нашей точки зрения, не может быть ограничено категорией “взаимодействие”. Не менее важной (а может быть и более важной) является категория “общественные отношения”.

Принято считать, что непосредственной основой возникновения и существования общественных отношений является труд. Труд как непосредственно-чувственная форма предметной деятельности непрерывно порождает и обновляет социальное поле, воспроизводя и производя социальные отношения. Социальная форма движения материи не имеет собственной особой природы, отличной от природы индивидуальности, а является продуктом взаимодействия самих людей. Поэтому при анализе связи предметной деятельности и общественных отношений (общения) необходимо иметь в виду, что общение (субъект-субъектные отношения) есть изначально внутренняя структура самой деятельности как целого. Это означает, что не существует субъект-объектного отношения, как одного из аспектов содержания предметной деятельности, вне субъект-субъектного его аспекта.

И теперь сделаем важнейшее для нас обобщение: рефлексивная сущность предметной деятельности имеет междусубъектную природу, её источник находится в общественных отношениях людей. Таким образом, ещё раз подтверждается основное марксистское положение о социальной природе человеческого, но социальное при этом должно пониматься не как над-индивидуальное, не как сверх-индивидуальное, а как особый продукт индивидуального. Объективность же социальных законов заключается в том, что социальные отношения не являются продуктом гносеологической рефлексии, а являются следствием объективно осуществляемой предметной деятельности.

Общественные отношения не только возникают в результате предметной деятельности, но и реально существуют сами, как самостоятельная действительность, только будучи реальными действиями (поступками) людей. Это значит, что реальность социальных отношений не в голове, не в идеальных формах мышления (сознания). Их онтологическое пространство – есть пространство реальных социальных и предметных преобразований.

И последнее. Какое отношение считать первичным (исходным) для происхождения человека? Распространённым является мнение о первичности субъект-объектного (в частности, познавательного) отношения. Но это не так, поскольку: “сама по себе вещь не содержит в себе способа деятельности с ней. ... Способ деятельности конденсируется в общественных отношениях, носителем которых является общественный предмет. За пределами этих отношений

вещь не может быть распредмечена по той простой причине, что в ней ничего и не опредмечено” [27, с.60].

Процесс становления человека как предметного существа необходимо исследовать как процесс становления человека как субъекта предметной деятельности. Поскольку этот процесс есть процесс качественного изменения (развития), то необходимо рассматривать человека как развивающуюся целостность. Без рассмотрения самой предметной деятельности как целого это невозможно. Поэтому первое, что необходимо сделать для рассмотрения целостного человека, это понять самую предметную деятельность как целое. Описывая деятельность как целое, Гегель определял её следующим образом: “... суть дела исчерпывается не своей целью, а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не превратилось еще в действительность” [15, с.2].

Таким образом, целостность деятельности задаётся исходным отношением цель – способ осуществления цели. Именно это отношение является содержанием любого проявления деятельности, любое её явление выражает это исходное отношение, любой элемент в структуре деятельности имеет своим основанием это отношение.

Современные философы, описывая целостную деятельность, также видят её источник в предложенном Гегелем отношении: “Целостность деятельности обеспечивается тем, что цель и результат представлены в ней не как формальное, абстрактное тождество, а как диалектическое единство, реализуемое человеком-субъектом в процессе постановки и реализации цели – в процессе целеполагания” [30, с.117].

Из философской концепции деятельности непосредственно следует весьма важный результат для психологической науки, заключающийся в том, что целостную деятельность нельзя представить в виде системы целесообразных действий. Данная, в общем-то, неправомерная процедура, искажает содержание философской категории деятельности как целостного целесообразного отношения, поскольку теперь представляет собой просто набор (совокупность) отдельных её элементов. Более того, представление деятельности через совокупность отдельных целесообразных действий не соответствует исходному содержанию деятельности как истинно человеческому целостному отношению, поскольку теперь (в психологическом варианте) целостная деятельность детерминирована не целью, а мотивом.

Нам представляется неоправданной такая искусственность расчленения исходной целостности деятельности на её составляющие, тем более что причины, побудившие авторов психологического понятия деятельности на такую процедуру, в явной форме не были сколько-нибудь убедительно обоснованы ни одним из них. Остаётся только предполагать, почему именно таким образом потупили психологи при конструировании психологического понятия деятельности. Одним из возможных вариантов, на наш взгляд, является предположение о том, что психологическое понятие деятельности конструировалось, всё-таки, не на основе философской категории “предметная деятельность” как целостного отношения, сформулированной К.Марксом на основе гегелевской

гносеологической категории деятельности сознания, а было выведено из понятия активности, имеющего давнишнюю естественнонаучную традицию и соотносимого с рефлекторной деятельностью организма.

Из целостности предметной деятельности как характерного человеческого отношения непосредственным образом следует целостность человека как субъекта предметной деятельности. Именно понимание деятельности как производства человеком самого себя даёт возможность рассматривать самого человека как самодостаточную целостность.

Проблема соотношения индивидуального и социального, и производная от неё проблема роли человеческого индивида в реальном мире является одной из главной для нашей работы. В силу того, что толкование марксизма как концепции, в которой социум является подавляющей индивидуальность силой, до недавнего времени было безальтернативным, социальная природа индивида всегда трактовалась односторонне, как вектор от социума — к индивиду, а не наоборот. Можно заключить, что любая действительность, создаваемая деятельностью индивида, есть он сам, что индивидуальная деятельность есть способ перевода его самого из возможности в действительность. Тем самым индивидуальность есть способ претворения собственной сущности из возможности в действительность.

Но если Гегель рассматривал движение сущности как некое замкнутое на себя и только осуществляемое индивидуальной деятельностью без какого-либо её изменения, то К.Маркс предположил, что это движение разрывается. Именно индивидуальная деятельность, по К.Марксу, разрывает круговое движение неизменной сущности за счёт производства нового. В связи с этим, в отличие от Гегеля, для К.Маркса исходным пунктом анализа является не вечная и неизменная сущность, а производство сущности и сами производящие индивиды.

Поэтому, при рассмотрении проблемы производства, т. е. проблемы происхождения нового, в первую очередь необходимо рассматривать производящего индивида, главной способностью которого является его способность к свободному целеполаганию. В результате мы приходим к важнейшему для себя выводу: предметная деятельность как порождение, как созидание нового осуществляется не неким безличным, над-индивидуальным социумом, как это было принято до недавнего времени. Субъектом созидания нового, новой предметной действительности, и субъектом собственной новой социальной действительности является конкретный человеческий индивид.

Нам представляется, что особой спецификой современной конкретно-исторической ситуации в психологической науке является необходимость содержательно различить социум и человеческий индивид, и в этом различии заново определить место и роль человеческого индивида в социуме и значение социума в жизнедеятельности самого индивида.

Актуальность постановки такой исследовательской задачи продиктована неприемлемостью для объяснения человека прежней позиции доминирования социума над индивидуальным субъектом. Приоритет социума над индивидом в теоретическом плане является способом обоснования зависимости и несамостоятельности человеческого индивида от нормотворческой деятельности аб-

страктного социума, подчинение всей жизнедеятельности конкретного человека его общественной функции.

Такое прочтение К.Маркса долгое время было единственным вариантом объяснения социальной природы человека, причём социальность человека утверждалась не только за счёт отрицания его индивидуальности, но и за счёт отрицания его универсальности. Рассмотрение социума как единственного и главного субъекта деятельности отодвигало на второй план проблему самостоятельности и независимости человека.

Нам представляется, что такое гипертрофированное значение, приписываемое долгое время социуму, не является оправданным, и в изучении человека необходимо искать другие возможности для описания способов взаимоотношения человека и социума. Подтверждением сказанному, с нашей точки зрения, является утверждение Аристотеля об индивидуальности деятельности. Эти же мысли об исходности индивида и его деятельности мы находим и у Гегеля, который в своё время утверждал, что индивид есть результат собственной деятельности, “так как индивид в то же время есть только то, что получается в результате его действия” [15, с.165].

Мы полностью разделяем точку зрения, согласно которой только человеческий индивид может быть истинным субъектом деятельности, а целеполагание является его родовой способностью, отличающей его от животного: “Целесообразную деятельность может осуществлять лишь индивид, способный отличать себя от собственной деятельности. Только в таком случае возможно отношение к деятельности как к направляемому процессу, процессу, соответствующему с целью. Более того, само целеполагание есть функция способности индивида взглянуть на свою деятельность со стороны” [31, с.43]. Таким образом, при изучении человеческого мира и места в нём человеческого индивида необходимо учитывать то, что реально действуют в предметном и социальном мире только индивиды, которых нельзя свести к социальной абстракции, так же как и нельзя их рассматривать в качестве функций этой социальной абстракции.

Человек как субъект деятельности – это, прежде всего, человек как результат и продукт собственной деятельности. Значит, чтобы составить адекватную человеческой сущности картину, предметная деятельность как производительный труд должна рассматриваться как процесс порождения человека самим собой. Это становится возможным в силу известных качеств самой предметной деятельности, её рефлексивной природы – способности делать собственным предметом условия существования самого действующего человека.

Такое понимание предметной деятельности приводит к соответствующему пониманию человека как её субъекта, главным предназначением которого является созидание самого себя и своего человеческого мира. А человеческая субъективность как внутреннее пространство устремлённости к постоянному самоизменению, является хранилищем и пространством воспроизводства человеческой самодостаточности, его самодетерминированности: “Субъективность и есть огонь субъектной человеческой деятельности. Он способен самоподдерживаться. Он не существует иначе, как в непрерывном созидании того нового продукта, каким является сам человек” [27, с.86].

Таким образом, теперь мы можем с уверенностью утверждать, что человек как субъект самосозидания – это самодостаточный, самодетерминируемый человек, воплощающий в себе всё творческое содержание самодетерминированного объективного мира. Эта всеобщность, и связанный с ней особый статус человека, обусловлен рефлексивным характером (рефлексивной природой) самой деятельности, которая как отношение к самому себе порождает в человеке ту самую “самость”, которую приписывал ему ещё Гегель. Человеческая самость делает человека не просто феноменом живой природы, а универсальной силой самой природы.

Будучи существом рефлексивным, т.е. в конечном итоге способным делать предметом собственной деятельности самой деятельности, человек в собственной жизнедеятельности воспроизводит в той или иной степени всеобщие законы объективного мира. В свою очередь эти всеобщие характеристики составляют основу человеческих способностей, одушевляют его и делают истинным субъектом: определяет выведение человека за пределы вещи, на уровень субъекта созидательная деятельность, труд. Любая продуктивная деятельность – это деятельность субъектная, имеющая главным предметом самого производящего человека. Становясь внутренней способностью человека, она существует как всеобщий способ развития его собственной индивидуальности. В этом и заключается всеобщий характер человеческой индивидуальности.

Человек как предметное существо является по определению существом универсальным, равным всему объективному миру. Универсальность человека проявляется в тождественности его своей предметной деятельности, что означает способность делать собственным предметом любую действительность, начиная с действительности собственной деятельности.

2.3. Предметная деятельность и активность

В теоретической психологии по поводу содержания понятия “деятельность” в настоящее время сложилась противоречивая ситуация. Особый отпечаток накладывают на сложившуюся ситуацию попытки некоторых философов и психологов обосновать методологический кризис современной психологии кризисом методологии изучения человека, базирующейся на марксистской категории “предметная деятельность”. Подчёркивая экономическую и политическую направленность конкретных работ К. Маркса, опираясь на их традиционную трактовку и интерпретацию, принятую в советские времена, многие современные авторы, не вдаваясь в содержательный анализ философских оснований марксистской концепции человека, строят критику марксистской методологии (и, соответственно, психологического понятия деятельность) на некоторых фантомах, выдавая их за позицию Маркса и интерпретируя, а не анализируя, психологическое понятие деятельность.

К одной из таких распространённых интерпретаций относится определение психологического понятия “деятельность” через понятие “активность”. Поскольку активность и предметная деятельность, (как попытаемся мы проанализировать и доказать в дальнейшем исследовании) совершенно не сводимые и не выводимые друг из друга действительности и категории, но, в то же время, в психологических работах постоянно связываемые и взаимообусловли-

ваемые, мы полагаем необходимым показать их содержательное различие и, тем самым, обосновать ограниченность активности и перспективность предметной деятельности.

В последнее время, особенно в психологической литературе, наметился всплеск интереса к понятию “активность”. По-видимому, это происходит вследствие некоторого разочарования психологическим понятием деятельности и её эвристическими возможностями. Основания для такого разочарования есть. Но и вопрос о соотношении активности и деятельности тоже не является простым.

Современная ситуация характерна дискусионностью и отражает различные, иногда прямо противоположные точки зрения на это соотношение: “... вопрос о соотношении “активности” и “деятельности” ... — предмет оживленной дискуссии в философской литературе (Е.А. Ануфриев, А.Н. Илиади, Ю.Л. Воробьев, М.С. Каган, В.Ю. Сагатовский, Б.С. Украинцев, Л.В. Хоруц и др.). Сравнивая объем понятий “активность” и “деятельность”, авторы приходят к контрастным решениям. Один полюс суждений: отождествление активности с самодвижением материи (в этом случае деятельность, разумеется, становится лишь частным проявлением активности). Другой полюс: интерпретация деятельности как “субстанции” (и тогда активность фигурирует в качестве её “модуса” [32, с.52].

В психологической науке сложилась ситуация, когда на фоне интенсивного изучения понятия “деятельность” конкретно-научное исследование активности находится на недостаточном уровне, в том числе мало изучена структура активности. Мы полагаем, что содержательной характеристикой активности, отличающей её от предметной деятельности, является спонтанность, т. е. внутренняя детерминированность. В этом смысле в философии активность интерпретируется как характеристика внутренней спонтанности.

В поисках конечной (или начальной) причины активности, некоторые авторы в качестве причины самой активности выдвигают установку, ссылаясь на известную концепцию установки Д.Н. Узнадзе, “на указание зависимого характера активности субъекта от имеющейся у него установки, т. е. готовности человека воспринимать мир определённым образом, действовать в том или ином направлении” [32, с.46].

Начиная с И.М.Сеченова, активность принято соотносить с рефлекторной деятельностью организма, а психическую активность рассматривать как рефлекторную деятельность отражения. Исходя из рефлекторной природы человеческой активности, делается логический вывод: поскольку основой всего живого является активность, то проблема происхождения инстинкта и проблема происхождения сознания – аналогичные проблемы. Этот вывод аргументируется ссылкой на вроде бы очевидную вещь – принцип развития: “Все высшие способности и склонности животных и человека происходят из низших” [33, с.6].

Поэтому, исходя из активности организма как фундаментальной основы жизни вообще и человеческой жизнедеятельности в частности, естественным образом выводится понятие субъекта деятельности — ключевое понятие современной психологии. Хотелось бы подчеркнуть, что субъектность, выводи-

мая из активности, должна рассматриваться как характеристика не только человека, но, что вполне естественно, и животного (да и вообще любого живого существа), поскольку в данном случае “субъектность” — это принадлежность живому существу.

Некоторые авторы видят основу самой активности не в установке как феномене бессознательного (по Д.Н. Узнадзе), а в потребности. Причём, потребность тоже понимается как характеристика любого живого существа, а не только человека: “Потребность – это состояние живого существа, выражающее его зависимость от конкретных условий существования в виде основы для его активности по отношению к ним” [34, с.181]. Такая позиция вполне объяснима, если учесть, что в парадигме активности потребность есть форма безусловного рефлекса. Рефлекторную природу человека и активность как фундаментальный принцип объяснения человеческого существования разделяют и представители системного подхода в психологии, которые склонны человека рассматривать по аналогии с любой активной системой.

Подобную позицию разделяют и представители субъектно-деятельностного подхода, начиная с психологической парадигмы человека как активного существа, сформулированной в начале века С.Л.Рубинштейном. Причём, некоторые авторы прямо отождествляют деятельность и активность, приписывая активности не характерные для неё целевую детерминацию и сознательность: “В то время как в мотивах идеально представлен сам субъект, в целях активности представлен её объект, а именно, что должно быть произведено в нём, чтобы мотивы активности были реализованы. В отличие от мотивов цели человеческой активности всегда сознаваемы” [34, с.182].

Неоспоримым подтверждением того факта, насколько распространена тенденция отождествлять активность и деятельность, а по сути дела объяснять деятельность, исходя из активности, является учебник психологии для студентов педагогических специальностей тех же авторов [35], где среди базовых категорий активность занимает первое место, а деятельность вообще отсутствует.

Чрезвычайно важным для нас является рассмотрение позиции отождествления активности с деятельностью, которое проводят авторы, и характера детерминации, который подчёркивается ими в отношении активности (и, стало быть, деятельности. И здесь следует заметить, что на наш взгляд, такая формулировка является характерным искажением сущности предметной деятельности как истинно человеческого отношения и характера её детерминации, который, напротив, заключается не во внутренней природе рефлекторной активности, а в предметности.

Последовательное проведение в жизнь методологии изучения человека, основанной на базовом для неё понятии “активность”, закономерно приводит к необходимости решать вопрос (теоретически и практически) о приоритете деятельности перед активностью, или деятельности перед поведением.

Как известно, традиция рассматривать активность, а не предметную деятельность в качестве базовой психологической категории, как это ни парадоксально, исторически сложилась в недрах самой деятельностной психологии, которая, развивая учение о рефлекторном характере человеческого существо-

вания, объективно создала теоретическую основу для монополизации и подмене предметной деятельности активностью.

Исходя из данной методологической позиции, во-первых, деятельность стала рассматриваться как форма активности, и, во-вторых, психологическое содержание деятельности стало рассматриваться исключительно как субъект-объектное взаимодействие. Поэтому вполне объяснимо критическое отношение к так называемому деятельностному редукционизму учёных, отдающих предпочтение активности как некоей сверхкатегории.

Последовательно проводя анализ методологического принципа активности в психологической науке, нельзя не прийти к утверждению того, что активность, а не деятельность присутствует в качестве единственного методологического принципа психологической науки. Вполне закономерно поэтому, исходя из активистических методологических установок и принципа активности, говорить о деятельности исключительно как о воздействии, только как о способе изменения внешней среды, а предметность — фундаментальную и ключевую категорию Гегеля и Маркса — связывать с отношением к вещно-предметным структурам. Подобная атрибутивная интерпретация субъекта как носителя и источника объектно ориентированной активности, встречается и у других современных психологов.

Вообще, понятие субъекта как “носителя” какого-либо свойства не раскрывает психологическое содержание субъектности как рефлексивности. Тем не менее, понимание человека как субъекта активности характерно для учёных, признающих активность в качестве главной причины всего человеческого в человеке, в качестве содержательной основы его целостности и творческого начала. В связи с этим, ввиду недостаточно критического и содержательного отношения к природе самой активности, возникают, на наш взгляд, необоснованно широкие её обобщения, на основании которых строятся теоретические модели субъектности, дающие искажённое представление об активности как детерминированной целью.

Субъектность, выводимая из понятия активности, неизбежно оказывается в проигрыше при необходимости решать проблему целостного человека. В активистических концепциях до сих пор ещё не было предложено модели целостного человека. Вряд ли можно считать таковой так называемую “комплексную модель составного субъекта”.

В целях придания категории “активность” несвойственного ей фундаментального звучание, для объяснения через неё всей человеческой действительности и с целью выведения из неё всех других категорий, в том числе и деятельности, возникают подчас неожиданные обоснования причудливых связей деятельности и активности. Это вполне соответствует попыткам вывести из активности всё, в том числе и сознание. В стремлении абсолютизировать активность и противопоставить её предметной деятельности, авторы не видят проблем в том, что ими совершенно необоснованно интерпретируется активность и совсем в несвойственном её природе ракурсе — представлять её как орудийную, или тем паче – знаковую.

Наряду с абсолютизацией активности и противопоставлении её деятельности как производной от активности, имеется и другая позиция в соотноше-

нии деятельности и активности. Она заключается в их прямом отождествлении. Такая трактовка активности соотносится с её рефлекторной природой и практикой применения термина “деятельность” ко всем проявлениям рефлекторной активности в живом мире. Тем самым, любая реакция, любой рефлекс, т.е. любая “активность” описывается в терминах деятельности. С этой точки зрения, вполне логично всё живое характеризовать через деятельность (действие), что и делается, сначала в физиологии, а затем и психологии.

Продолжая физиологическую традицию употребления термина “деятельность” для описания рефлекторной адаптивной активности, уже в современной концепции психического как процесса термин, “предметная деятельность” заимствуется не в его первоначальном марксистском значении как рефлективного человеческого отношения, а, по-прежнему, обозначает рефлекторные процессы активности. Поэтому им одинаково успешно пользуются и для описания продуктивной деятельности человека, и для описания адаптивно-рефлекторной деятельности мозга.

В рамках рефлекторной концепции психики важнейшими являются человеческие черты, общие как для человека, так и для всего остального живого мира, а не специфические, характерные его черты, выделяющие человека из всего остального живого мира. К таким общим и у человека, и у животных феноменам, безусловно, относится инстинктивная деятельность. На основании текстов С.Л.Рубинштейна можно сделать вывод, что человеческая деятельность и человеческая психика возникли как следствие совершенствования инстинктивной деятельности животных. Исторически эти изменения произошли под воздействием общественного характера человеческой деятельности, под воздействием социальных условий, которые и преобразовали инстинктивную деятельность в человеческую. Следовательно, вполне логично выглядит процедура отождествления человеческой активности и человеческой деятельности.

И даже в современных учебниках психологии активность преподносится как категория, призванная быть единственной содержательной основой описания и объяснения человеческого образа жизни: “Деятельность – специфически человеческая, регулируемая сознанием как высшей инстанцией внутренняя и внешняя активность, порождаемая потребностью. Направлена на познание, творческое воспроизведение и преобразование внешнего мира” [40, с.469]. Интересно отметить, что в цитированном учебнике термин “активность” в слове-ре отсутствует. Это, на наш взгляд, говорит о том, что, видимо, авторы считают, что оба эти термина обозначают одну и ту же реальность и, по-видимому, хотят избежать ненужного удвоения терминов.

Характерной особенностью, на наш взгляд, является определение активности, данное в тексте другого учебника: “Активность как деятельное состояние субъекта детерминировано внутренне, со стороны его отношений к миру, и реализуется вовне, в процессах поведения” [41, с.176]. Это определение в такой же степени противоречит предметному характеру детерминации деятельности, в какой оно соответствует не предметному (спонтанному) характеру детерминации активности. Но тогда возникает вопрос, чем же тогда, по мнению авторов, отличается человек от животного, если и в том, и в другом случае

имеет место один и тот же характер детерминации деятельности, активности и поведения?

На основании интерпретации активности через термины самостоятельности, поисковости, сознательности происходит ещё большее смещение активности и деятельности за счёт исключения деятельности из терминологии, и приписывание активности важнейших характеристик деятельности: неадаптивности и продуктивности. Такое смещение и связанное с ним вытеснение термина деятельность имеет место в современной психологии и при описании совместной деятельности людей. В этом случае совместная деятельность уже выглядит как совместная активность.

Смещение двух терминов (и двух действительностей), некритическое отношение к их содержанию зачастую приводит к тому, что описание взаимодействия людей, кажущиеся на первый взгляд описаниями их деятельностей, на самом деле оказываются отображениями взаимодействующих активностей. На практике это приводит к тому, что для исследования человеческой деятельности, в частности, для изучения процессов целеобразования и смыслообразования, используются физиологические критерии (например, гальваническое сопротивление кожи). Этого бы никогда не произошло, если бы деятельность не подменялась активностью.

Практика отождествления активности и деятельности характерна не только для отечественных психологов, но в равной степени и для западных учёных, например, таких как Эрик Берн. И если позиция отечественных психологов, утверждающих примат активности, может (и должна) служить предметом научной критики, поскольку у нас в психологии всегда была альтернатива рефлекторному объяснению человеческой психики, то к коллегам за рубежом такие претензии предъявлять вряд ли имеет смысл.

На наш взгляд, принятие рефлекторной природы человеческой психики или деятельностной природы психики — это один из вопросов мировоззренческого характера, связанный с альтернативным характером развития наук о человеке у нас и на западе. В данном случае имеется в виду характерный для западных психологов научный опыт выводить природу человека из естественной природы, из свойств биологического субстрата, из его характеристик, в том числе адаптивно-рефлекторного характера отношений живых организмов и внешней среды. Также традиционно для западных исследователей переносить эти рефлекторно-адаптивные отношения из естественной среды в социальную, на человека.

Именно в силу этой традиции, и надо сказать прочно укоренившейся традиции, закреплённой даже в языке (в английском языке нет термина “деятельность”, содержательно различающегося со значением термина “активность”), на западе деятельностная проблематика либо не воспринимается, либо отождествляется с активностической проблематикой.

Особое значение имеет категория активности в работах современных психологов, когда она применяется для конструирования понятия субъекта. В этом случае фундаментальное свойство человека — его субъектность — прямо соотносится с активностью: “Субъектность человека проявляется в его дея-

тельности, — особой активности, посредством которой человек воспроизводит себя, своё собственное бытие в мире” [42, с.8].

В последнее время обозначилась тенденция рассматривать активность (правда, как правило, без её собственного содержательного анализа) в качестве некоей до-деятельностной основы, порождающей самоё деятельность. Такой подход выливается в прямое приписывание активности характеристик, вообще-то ей не свойственных, например, таких, как целенаправленность. Данная постановка вопроса, естественно, вызывает вполне понятную критику и протест против такого отождествления. И нельзя не согласиться с утверждением о том, что сведение деятельности к активности является неоправданным сужением исходного содержания самой деятельности.

Более мягкая, не столь радикальная позиция заключается не в отождествлении активности и деятельности, не в фактической замене деятельности активностью, а в интерпретации деятельности как формы активности. В частности, рассмотрение деятельности как формы проявления человеческой свободной (спонтанной) активности, характерно для концепций, пытающихся вывести из природной активности организма даже произвольный нравственный поступок. К сожалению, даже в современных учебниках психологии для студентов высших учебных заведений деятельность, как правило, интерпретируется как особая человеческая активность. Но при этом, как правило, содержательной характеристики ни активности, ни человеческой активности не даётся: “Деятельность – специфический вид человеческой активности, направленной на творческое преобразование, совершенствование действительности и самого себя” [43, с.657].

На наш взгляд, должен вызывать особую озабоченность тот факт, что даже в трудах ведущих современных теоретиков психологии не проводится содержательного различия деятельности и активности, а подчас деятельность отождествляется то с активностью, то с поведением. Некритическое отношение к фундаментальным категориям в психологической науке приводит к ошибочным утверждениям, просто недопустимым в учебной литературе. Такому положению дел во многом способствует различное толкование деятельности в философской литературе, дающее повод к аналогичной трактовке содержания понятия деятельность и в психологии: “В самом общем виде деятельность определяют как специфически человеческую форму активности, содержанием которой является целесообразное изменение и преобразование окружающего человека мира (Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 151)” [20, с. 52].

Вполне закономерно, что исследователи, фактически занимающиеся изучением проблематики познавательной активности, тем не менее, пользуются деятельностной терминологией, что вводит в заблуждение и создаёт искажённое представление о характере исследований и о возможной сфере применимости их результатов: ““Деятельность” есть форма проявления активности человека, развёрнутая во времени в процессуальном аспекте и ограниченная пространственно результатом предполагаемым и результатом достигнутым. По сути дела “деятельность” является своеобразным операциональным аналогом

“психологического состояния”, сохраняющим все его отличительные особенности” [24, с.106].

Наряду с деятельностью, подвергается в психологии активистической интерпретации и понятие “общение”. Здесь активность выдаётся за содержание субъект-субъектного отношения: “... общение выступает как особая самостоятельная форма активности субъекта. Её результат не столько преобразованный предмет (материальный или идеальный), сколько отношения человека с другими людьми. В процессе общения осуществляется не только обмен деятельностями, но и представлениями, идеями, чувствами; проявляется и развивается система отношений “субъект-субъект(ы)”” [44, с.499].

Естественнонаучная традиция интерпретировать деятельность как форму выражения активности настолько прочно укрепились в отечественной психологии, что такое одностороннее понимание деятельности находит своё отражение во многих учебниках психологии, как старых, так и новых. Такой искажённой трактовке деятельности способствует нечёткость или небрежность философов в определении содержания деятельности, и особенно те их высказывания, в которых прямо и неоднозначно деятельность определяется как форма активности.

Мы разделяем точку зрения Г.С.Батищева: интерпретация деятельности как формы активности в итоге приводит к пониманию самой деятельности как субъект-объектного отношения, что хорошо видно не только на примере философских определений, но также на примере психологических концепций деятельности, особенно субъектно-деятельностной концепции. Отрицая за деятельностью право на лидерство в построении модели человека, выдвигая на первый план сущность человека-деятеля (под которой в данном случае понимается не что иное, как активность) и делая деятельность производной от этой природной сущности, мы неизбежно вводим в ранг первопричины рефлекторную природу активности.

Попытки обосновать приоритет активности перед деятельностью приводят к тому, что в структуре мотивационной сферы достаточно искусственным путём разделяются сферы, относящиеся к деятельности, и сферы, относящиеся к активности. Вторичность, производность деятельности по отношению к активности в активистических концепциях основывается на предположении о некоей имманентной целесообразности самой активности, осознание которой преобразует активность в деятельность. Это положение ещё раз доказывает, что утверждение активности в качестве основной психологической категории фактически означает признание нерелексивной природы человека. По своей природе рефлекторная активность нерелексивна. И это заложено в её фундаменте как неосознанность психического как процесса. Активность никогда не становится (и не может стать) собственным предметом. Релексивность деятельности на личностном уровне, о которой говорят в субъектно-деятельностной концепции, совсем не означает того, что активность стала собственным предметом. В данном случае релексивность означает соотносимость с целями.

Для современных исследователей активности свойственно необоснованно превращать её в психологическую сверхкатегорию. Этому способствует не-

оправданно широкое толкование категории “деятельность”. настолько широкое, что содержательная специфика деятельности и не-деятельности полностью растворяется в нейтральном понятии активности. На наш взгляд, такая расширенная трактовка понятия “деятельность” ничего не даёт и не может дать для описания специфики человеческого существования, а, наоборот, стирая качественную грань, в каком-то смысле отождествляет животный и человеческий мир и вносит ещё больше неразберихи в этот, и без того запутанный вопрос.

Мы считаем, что на самом деле категория “деятельность” не выводится из представлений об активности, так как деятельность по сути не является её формой. Это фундаментальное понятие выступает как отображение качественно иной действительности, позволяя адекватно отобразить своеобразие и принципиальное отличие человеческого мира.

Абсолютизация активности как исходного отношения человека с миром возможна, на наш взгляд, только в случае “широкой” трактовки деятельности. настолько широкой, что в нём тонет и исчезает специфика человеческого существования.

Активистическая парадигма человека по своей природе является парадигмой причинной детерминации, когда, в свою очередь, эта причинная детерминация позволяет связать активность с внешними воздействиями, обосновать связь внешних и внутренних причин. В качестве обоснования всеобщности активности и единственности причинного типа детерминации, обычно приводится ссылка на “Критику чистого разума” И.Канта, где он утверждает активность как единственную первопричину человеческой деятельности. Эта парадигма характерна поиском некоей общей первопричины. И в этом движении от одной первопричины к другой осуществляются попытки найти уже причину самой активности, которую современные представители активистической парадигмы видят в переживании. Не расширяя примеров и их оценок, отметим, что эта парадигма человека предполагает недеятельностное объяснение деятельности. Не случайно, что развитие деятельности здесь представляется как переход из одного уровня активности на другой уровень активности. В связи с этим, вполне обоснованным выглядит утверждение о том, что развитие деятельности есть её расширенное воспроизводство, которое и есть, в свою очередь, с чем мы согласимся, не иначе как активность – естественно-природное рефлекторное отношение живых существ к внешнему миру.

Проблема соотношения активности и предметной деятельности заключается в адаптивной или неадаптивной природе человеческого отношения. Именно с этих позиций мы оцениваем стратегические возможности активности как категории и объяснительного принципа человеческого существования.

Философский анализ природы активности как общефилософской категории позволяет утверждать, что она непосредственно связана с отождествлением человека и вещи. Признание активности как методологического принципа и ведущей категории в объяснении качественного своеобразия жизнедеятельности человека приводит к необоснованной экстраполяции способа существования вещей на способ существования людей. Когда активность по своей природе и предельным возможностям предстает как способ взаимодействия между

вещами, это в чистом виде объект-объектное взаимодействие (взаимовоздействие).

В связи с этим активность как особая философия человека представляется, с одной стороны, способом его адаптации в окружающий мир за счёт наличия внутренне присущих человеку адаптивных целей, с другой стороны, эта адаптация осуществляется как агрессия одной вещи по отношению к другой, как навязывание собственной природы другому существу. Но навязывание, подавление и за счёт этого утверждение собственной природы – это вовсе не человеческий способ существования.

Активность никогда не приведёт к соучастию и со-творчеству, поскольку изначально “закрыта” для иного, кроме собственного, содержания. Только категория предметной деятельности способна разорвать этот замкнутый круг и вывести человека из плена его собственного внутреннего содержания в пространство всеобщих и универсальных содержаний объективного мира, органическим составляющим которого он в этом случае становится.

Понимая недостаточность эвристических возможностей категории активности как неспособной в полной мере описать рефлексивную действительность человека, уже в рамках активистических парадигм осуществляются попытки найти решение этого противоречия между адаптивной природой активности и рефлексивной природой человеческого способа жизнедеятельности. Но решение это видится не в отказе от понятия “активность”, а в создании такой особой формы активности – над-ситуативной активности, с помощью которой можно было бы объяснить развитие человеческой деятельности. Именно такой активности приписывается способность преодолевать внутренние и внешние пределы, т.е. по сути дела трансцендировать. Она становится тем психическим механизмом, за счёт которого создаются, по мнению некоторых авторов, новые возможности человеческой деятельности.

Для содержательного описания неадаптивной активности вводится понятие над-ситуативной цели — “это такая цель, принятие которой не вытекает непосредственно из требований ситуации, однако, реализация которой предполагает актуальную возможность достижения исходной цели” [32, с.89].

В качестве механизма над-ситуативного целеполагания предлагается избыточность образа предметных условий деятельности. Эта избыточность, интерпретируется как избыточные возможности, но не реализованные прежде, и при обращении к ним составляют основу для возникновения новых возможностей. Тем самым, предлагается решение проблемы человека через активность как способ порождения и деятельности, и самого человека, понимаемого как идеальный субъект. Это решение, на наш взгляд, является одним из вариантов естественнонаучной парадигмы человека, поскольку предполагает основой для целостного человека его эмпирическую действительность.

Смысл активистической парадигмы в том, что деятельность не рассматривается как самодостаточная и самодетерминированная действительность, а понимается только как причинно детерминированная. И этой причиной, придающей деятельности пластичность и вариативность, признаётся активность. Нечёткость философской позиции в отношении факторов развития (и саморазвития) в психологии приводит к тому, что на первый план выносятся и утвер-

ждается как главный для человека фактор случайности его развития. Тем самым доказывается, будто бы развитие человека может осуществляться только как непроизвольный процесс, как неконтролируемый эффект целенаправленного изменения человеком своего объекта. В то же время подразумевается и утверждается всем содержанием активистических концепций, что развитие человека не может быть целенаправленным, что человек не становится собственной целью развития. В связи с этим процессы развития, в отличие от процессов осуществления, лишённые “телеологичности”, не могут быть поняты иначе, как спонтанные и вероятностные.

Поэтому можно предположить, что в рамках активистической парадигмы развитие деятельности как становление качественно новой её формы — это и есть высшая форма активности, т. е. спонтанного, внутренне детерминированного процесса целеполагания, вероятностного по форме и бессознательного по содержанию. Сознание, как способность целеобразования, здесь выступает в качестве подчинённого фактора, играющего вспомогательную роль и возникающего как необходимое средство “удержания” результата естественно-природной рефлекторной активности мозга.

Попытка всё вывести, или всё свести к активности неизбежно приводит к необходимости объяснить активность и рефлексию, явление, явно противоречащее по своей природе активности. Такая надобность возникает при желании объяснить самодетерминированность деятельности не из неё самой (что противоречит активистическим установкам), а из активности. Поскольку в активистических концепциях самодостаточность деятельности изначально не принимается, поэтому для причинного объяснения развития самой деятельности привлекается активность. Только в данном случае она уже интерпретируется как рефлексивный механизм развития деятельности. Здесь вместо того, чтобы рассматривать предметную деятельность как рефлексивную категорию, обладающую способностью делать предметом себя, свои основания и собственные условия, рефлексивность приписывается активности. Тем самым проблема самодетерминированности, самодостаточности и истинной рефлексивности не решается, а относится на счёт некоей внешней причины (в данном случае — активности), рефлексивная природа которой сама требует специального обоснования

На наш взгляд, рефлексивная природа человека как универсального субъекта, как субъекта собственного развития, как субъекта трансцендирования должна решаться не за счёт стратегии поиска первопричины и выведения из неё следствий, а путём рассмотрения самой деятельности как рефлексивной действительности. Для нас является очевидным, что эта проблема не решается за счёт совершенствования, расширения или преобразования категории активности.

Проблема человека как рефлексивного предметного универсального существа, субъекта трансцендирования может быть решена только с помощью категории “предметная деятельность”. Активность как нерефлексивное, адаптивное, внутренне детерминированное отношение к объективному миру не выражает специфики человеческого существования, и наоборот, снимает проблему специфики и особенности человека. Только предметная деятельность

“есть способ актуализации субъектного бытия, т. е. перехода к действительности их тех возможностей, которые заключены как в виртуальных слоях субъекта, так и во встречаемом им окружающем мире, в объективной диалектике” [12, с.170].

2.4. Предметная деятельность как психологическое понятие

В высшей степени поучительна (и противоречива) ситуация, сложившаяся в советской психологии вокруг категории деятельности. Чем же поучительна данная ситуация, с нашей точки зрения? Во-первых, все деятельностные концепции советского периода развития философии и психологии сложились на основании работ К.Маркса, и этого никто из психологов и философов не отрицает; во-вторых, несмотря на то, что деятельностные концепции основаны на марксистской категории предметной деятельности, в основу каждой из них было положено своё (психологическое) понимание этой категории; в-третьих, ни одна из интерпретаций марксистской категории в психологии не соответствовала философскому (рефлексивному) содержанию марксистской категории “предметная деятельность”; в-четвёртых, неадекватность психологического содержания понятия “деятельность” её философскому содержанию в значительной степени способствовала началу современного кризиса деятельностной психологии.

Всем, кто знаком с историей отечественной психологии, известно, что психология деятельности была создана в результате борьбы с реактологией и рефлексологией на основании интерпретаций марксистской категории “предметная деятельность. Именно у К.Маркса было заимствовано психологическое определение деятельности как истинно человеческого способа существования со всеми вытекающими из этого определениями психологическими следствиями. Кроме того, взятая у Гегеля и фундаментально разработанная К.Марксом категория труда как исходная непосредственно-чувственной формы любой формы деятельности, стала основной категорией и для психологии.

Теперь можно только предположить, что именно из анализа труда и родилась идея о психической деятельности как производной от внешней предметной деятельности. Это касалось не только генезиса человеческой деятельности и труда как её исторически первой формы, но и существенного отличия человека от животного. Правда, более радикальные в этом смысле психологи школы А.Н.Леонтьева готовы были признать деятельность не только важнейшим человеческим фактором, но и собственно всей человеческой жизнью.

Среди зарубежных психологов, не понаслышке знающих нашу психологию и её проблемы, особенно деятельностные, следует назвать в первую очередь Майкла Коула. Интересны и его интерпретации К.Маркса, правда, не совсем точные (ранее мы уже приводили и комментировали некоторые из них). Они дают нам некоторое представление о том, как за рубежом понимают нашу деятельностную психологию: “К. Маркс намеревался пересмотреть онтологическое разделение людей и артефактов, чтобы преодолеть дихотомию между материальным и идеальным. Его интерпретация деятельности и практики и материального (идеального) основывается на допущении, что “объект или произведённый продукт не есть нечто абсолютно внешнее и независящее от приро-

ды производителя. Это его деятельность в объективированной или сгущенной форме” (Bernstein,1971)” [2, с.161].

Таким образом, разнообразные интерпретации марксизма, положенные в основу различных деятельностных школ советской психологии, дают основание современным авторам делать критические замечания, суть которых сводится к тому, что интерпретация деятельности может быть разной, но та, которая была выбрана, достойна критики.

У нас вызывает методологический интерес противоречия между психологами и в рамках самой культурно-исторической концепции. Речь идёт о разных подходах к деятельности и её роли в онтогенетическом становлении психики. По сути дела это были методологические разногласия между Л.С.Выготским и А.Н.Леонтьевым. В свете современных интерпретаций Л.С.Выготского как создателя психологии деятельности, нам представляется важным изложение позиции П.Я.Гальперина, которая наверняка внесёт определённую ясность в этот вопрос. При этом очень важным является то, что Л.С.Выготский, искренне считавший себя марксистом и в действительности им являвшийся, не придавал значения главному — категории деятельности, на наш взгляд являющейся ядром философской концепции К. Маркса. Этот факт позволяет нам, с одной стороны, по-новому посмотреть на самоё категорию деятельности и её психологическую интерпретацию, а с другой, позволяет отчасти понять методологические причины современного кризиса психологической науки.

Совсем недавно деятельность как фундаментальная категория психологии, знаменующая собой марксистскую ориентацию советской психологической науки, не могла быть подвергнута сомнению и критическому анализу. Но события последних десятилетий заставили взглянуть по-новому не только на методологию науки, но и в целом на основания нашей социальной жизни.

Глобальные результаты такой социальной рефлексии ещё предстоит обсуждать, но методологический кризис самой психологии очевиден, и в немалой степени он обязан кризису доверия к марксистской категории деятельность. Иллюстрацией категориальной нечёткости деятельности могут служить, на наш взгляд, также и ссылки на К.Маркса, в которых зачастую искажается смысл его собственных высказываний: “В современных дискуссиях термин “деятельность” и “практика” иногда используются как синонимы, а иногда как показатели различных видов социальной структуры. Эта терминологическая путаница восходит к формулировкам К. Маркса. В первом из “Тезисов о Фейербахе” он писал: “Главный недостаток всего материализма ... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берётся только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно”” [2, с.161]. В приведённом высказывании К. Маркса, в отличие от оригинала, перед словом “материализма” пропущено слово “предшествующего” [45, с.1]. На наш взгляд, подобные искажения оказывают существенное влияние на неверное понимание позиции самого К.Маркса, являющейся и так достаточно сложной. В данном случае искажения в оригинале текста могут привести к формированию мнения о материализме как исключаящем категорию “субъективное”.

Другого рода причины, порождающие проблемы в психологии деятельности — противоречия между вариантами деятельностных концепций внутри советской психологии. Некоторые авторы это противоречие понимают как противоречие между пониманием деятельности как процесса, осуществляющего отношение, и деятельности как процесса, осуществляющего отношение, но ещё к тому же детерминированного потребностью. Поэтому уже с момента зарождения советских деятельностных школ, внутри них, в частности, в школе А.Н.Леонтьева, содержание понятия деятельность и её функция в психическом отражении служили предметом нескончаемых споров. Основанием таких споров между самими основоположниками деятельностного подхода была их же экспериментальная исследовательская практика. Некоторые экспериментальные феномены не могли быть объяснены и требовали специальных и дополнительных исследований.

Но, несмотря на попытки совместить деятельностные школы, содержание согласовать понятие “деятельность”, попытаться решить проблему деятельности с точки зрения системного подхода, пока можно только констатировать, что: “к сожалению, ни деятельность, ни общение не имеют в психологии общепринятых определений” [46, с.245].

По-видимому, самым болезненным вопросом для отечественной деятельности психологии является вопрос о деятельности как предмете психологической науки. На первый взгляд достаточно неожиданный, на самом деле он является не только методологическим критерием оценки истинности той или иной деятельностной концепции, но и предметом мировоззренческих споров.

Неожиданность проблемы в том, что, как известно, все отечественные деятельностные концепции исходят из марксистской категории “предметная деятельность”, по крайней мере, номинально. Это как будто предполагает, что деятельность автоматически становится центральным психологическим понятием, а психика как деятельность становится предметом психологии. Но на деле, как мы знаем, всё не так просто. В действительности же исходные марксистские деятельностные установки привели, на наш взгляд, к существенному расхождению в психологической методологии и к совершенно различным, практически несовместимым деятельностным концепциям. Причины этого — в той конкретной роли деятельности, которая отведена для неё в каждой концепции.

Противоречивые позиции в отношении деятельностного предмета психологии отстаивались не только между деятельностными школами, но и внутри них самих. В этом отношении культурно-историческая концепция деятельности (школа А.Н.Леонтьева) не отличалась монолитностью, поскольку, например, П.Я. Гальперин имел своё особое мнение на предмет психологии. Как известно, он полагал, что предметом психологии должна быть не вся структура деятельности, а только её ориентировочная часть.

Констатируем: вполне естественно, что по вопросу о фундаментальности понятия деятельности для психологии существуют прямо противоположные точки зрения. Одна из них, которой придерживаются психологи леонтьевской школы, являющиеся сторонниками монистической психологии, построенной

на категории деятельности как на её едином и единственном основании, — та, согласно которой деятельность является системообразующей категорией психологии. Именно поэтому считается, что понятие деятельности не может рассматриваться как рядоположенное с другими понятиями психологии, а должно быть генетически-исходным для всей системы психологических понятий.

Но есть и противоположное мнение, “плюралистическое”, сторонники которого, признавая значимость деятельности для происхождения человеческой субъективности, в то же время не склонны рассматривать деятельность в качестве единого основания человеческой субъективности. Другие авторы видят ограниченность понятия деятельности в том, что она не распространяется на такие человеческие атрибуты, как идеалы и ценности и т. д., и т. п.

Важнейшим положением современной психологической науки, как зарубежной, так и отечественной, и основой деятельностного подхода является положение о социальной природе психики. Исходя из этого постулата, процесс формирования индивидуальной психики (рассматриваемый с точки зрения культурно-исторической психологии как процесс формирования высших психических функций) представляется как процесс превращения социальных средств в средства индивидуального поведения.

Но концепцию социальной природы психики разделяют не только представители культурно-исторической школы. В равной мере она характерна и для субъектно-деятельностного подхода. В такой же степени разделяют точку зрения о социальной природе индивидуальной психики многие представители современной зарубежной психологии, в том числе американской: “Чарлз Тейлор полагает, что отправной точкой людей, социальная реальность, принимаемая как таковая, состоит из социальных практик, обеспечивающих между субъектную среду психики. Совокупность общественных практик даёт основание обществу и мышлению. Смыслы и нормы (на моём языке — вторичные артефакты) существуют “не только в умах тех, кто действует, они существуют снаружи, в самих практиках — практиках, которые следует понимать как наборы индивидуальных действий, но, по сути, как виды социальных отношений” (Teylor, 1987)” [2, с.162].

Следствием социальной природы психики является тот факт, что знак как культурное средство, превращающий натуральные формы поведения в культурные, и тем самым, обеспечивающий культурное развитие человека, первоначально выступает в качестве средства социальной связи, а не средства индивидуального поведения. Социальная природа индивидуальной психики в культурно-исторической концепции сводится к утверждению о том, что как источник, так и побуждающая сила развития индивидуальной деятельности находятся не внутри, а вне человека, во внешней социальной среде.

Утверждение, закрепляющее на теоретическом уровне подчинённость и производность индивидуальной жизни от социальной, даёт веские основания к далеко идущим выводам. Суть выводов, ставших, с нашей точки зрения, в какой-то мере основанием для сегодняшней методологической критики, в том числе и деятельностного подхода, заключается в следующем: социальная природа индивидуальной психики, реализующаяся в онтогенетических процессах интериоризации, означает неспособность человека порождать социальные об-

разцы деятельности. Данный вывод представляет для нас чрезвычайную значимость, поскольку здесь в явной форме обнажается вся глубинная философия культурно-исторической концепции деятельности. И если “действительное объяснение сознания лежит ... в общественных условиях и способах той деятельности, которая создает его необходимость, — в деятельности трудовой” [47, с.110], то теперь можно утверждать, что и сознание человеческого индивида, являясь производной от его социальной практики, является не фактором свободы человеческого индивида, но фактором его роковой зависимости от социума.

Признание примата внешней предметной деятельности по отношению к внутренней психической жизни человека характерно не только для культурно-исторической концепции. Подобная позиция разрабатывается в психологической концепции установки, где психику, кроме того, предлагалось рассматривать как характеристику целостного субъекта. Согласно этому, практическая деятельность определяет процесс и результат генезиса всей человеческой психики, в том числе её высший, знаково-символический уровень.

Радикальная (ортодоксальная) точка зрения на взаимосвязь психики и внешней предметной деятельности состоит в том, что психическая структура — это, по сути, преобразованная структура внешней предметной деятельности. Похожую позицию в оценке роли внешней предметной деятельности для происхождения психики занимают и оппоненты культурно-исторической концепции, представители субъектно-деятельностной концепции и системного подхода.

Эта исходная методологическая установка в дальнейшем была реализована в многочисленных онтогенетических исследованиях и была экспериментально подтверждена в условиях формирующего эксперимента. Аналогичную методологическую позицию занимал и С.Л.Рубинштейн, который, в частности, считал, что: “действие — это первичная форма существования мышления” [41, с.362].

Как известно, психологическое понятие “деятельность” исторически складывалось в отечественной психологии как представление о всеобщей основе человеческого в человеке. Поэтому неудивительно, что многие авторы подчёркивали и подчёркивают генетическую исходность деятельности как для психики в целом, так и для отдельных её явлений, в частности. Так, например, А.Н.Леонтьев полагал, что эмоции, являясь результатом деятельности, становятся механизмом её осуществления [47, с.209]. С другой стороны, по его же мнению, исходным моментом самой деятельности являются прирождённые потребности, которые являются первоначальным условием деятельности и психическим, строго говоря, не являются.

Исходя из общих методологических установок культурно-исторической концепции деятельности, вполне закономерным является утверждение о субстанциональной роли деятельности в формировании индивидуального сознания. Сам А.Н.Леонтьев прямо говорит о деятельности как о субстанции индивидуального сознания [47, с.185].

На основании марксистских установок в советской психологии деятельность рассматривается не просто как категория, рядоположенная с другими

психологическими категориями, но как глубинная основа, составляющая самой возможность существования человека. Именно поэтому деятельности придаётся такое фундаментальное значение, именно поэтому она считается той неделимой единицей, которая составляет глубинную основу человеческой жизни. Вообще-то, с древних времён существует традиция рассматривать мир и человека в нём как некие целостности. Эти попытки бесчисленное число раз осуществлялись в истории философии и конкретных наук. Но после Гегеля сложилась научная традиция, продолженная К.Марксом, конструировать целое на основании его исходной неделимой “клеточки”, т. е. той, далее неразложимой “единицы”, которая, во-первых, воспроизводит в себе, в своей собственной структуре, всё противоречивое тотальное целое, во-вторых, является генетической основой, из которой формируется вся развёрнутая структура реального целого.

Попытки поиска такой “клеточки” имеют место и в психологической науке. Одним из примеров такой клеточки, по мнению С.Л.Рубинштейна, является человеческое действие. Интересна его точка зрения на природу самой “клеточки”, не являющейся чем-то изначально заданным и неизменным, а являющейся одновременно как источником, так и продуктом собственного развития: ““Клеточка”, или “ячейка”, психологии ... не является чем-то неизменным, всегда себе равным. Она продукт развития, и на различных ступенях развития сама она изменяется, приобретает различное содержание и структуру” [41, с.192]. По его мнению, структура самой “клеточки” не остаётся неизменной, а закономерно изменяется по законам исторического и онтогенетического развития.

Одним из фундаментальных принципов, на основании которых всегда строилась советская деятельностная психология, был принцип единства сознания и деятельности. И хотя он являлся методологической основой обоих вариантов деятельностной психологии, понимался по-разному. Тем не менее, в субъектно-деятельностном подходе больше подчёркивалась взаимообусловленность сознания и деятельности, тогда как в культурно-исторической концепции на первый план выходила генетическая исходность деятельности в формировании сознания (“деятельность как субстанция сознания”).

Известно, что важнейшим свойством деятельности, позволяющим адекватно раскрыть её психологическое содержание, является предметность. Предметность является как раз той характеристикой, которая позволяет отличить деятельность от активности, вообще, от любого иного отношения. Нам представляется, что предметность, понимаемая как отнесённость к внешним предметом объективного мира, является следствием определённого понимания самой деятельности. Спецификой этого понимания является рефлекторная природа деятельности, генетически обусловленная эволюцией рефлекторной организации животных и их стимульно-рефлекторным механизмом поведения. С этой точки зрения, деятельность человека начинается с возникновением социальных детерминант поведения, тем не менее, оставаясь рефлекторной и по своей внутренней природе аналогичной деятельности животных.

Другая, нерелекфорная, концепция деятельности, отличаясь от рефлекторной, тем не менее, подобным же образом трактует предметность, представ-

ляя её как способность воспроизводить законы внешнего предметного мира и строить собственную психическую деятельность на основании этих законов. При этом понимание предметности как объектной отнесённости не исключает, а предполагает определённую самостоятельность субъективного мира. Степень самостоятельности (субъектности) и характер атрибутивности деятельности является, как мы знаем, критерием, на основании которого различаются деятельностные школы. Это различие определяется в степени той самостоятельности и автономности человеческого индивида по отношению к предмету своей деятельности, которую допускают методологические основания субъектно-деятельностного и объектно-деятельностного подходов.

Различаются эти подходы ещё и в том, насколько структура сознания определяется структурой предмета деятельности. Если в объектно-деятельностной концепции, то в субъектно-деятельностной концепции структура сознания задаётся структурой бессознательных психических процессов, изначально имеющих рефлекторную природу, и только формируется (принимает форму) под воздействием внешних причин.

Принцип предметности деятельности является наиболее ярким критерием, позволяющим специалистам различать варианты деятельностных концепций. В этом смысле необходимо различать предметность “в широком плане” и предметность “в узком плане”. Под широко понимаемой предметностью имеется в виду отнесённость (направленность) деятельности к внешнему объективному миру, т.е. в широком смысле предметом деятельности является внешний предметный мир. “Широкое” понимание предметности является общим для деятельностных концепций, созданных на основе марксистского понимания деятельности.

К предметности же в “узком” смысле как построению структуры деятельности на основании её изоморфизма структуре своего предмета, отношение в различных деятельностных концепциях неодинаково. А именно, в объектно-деятельностном подходе считается, что структура предмета однозначно детерминирует структуру деятельности и изоморфно в ней воспроизводится, в другой же концепции, в субъектно-деятельностной указывается: предмет есть всего лишь повод (причина) для дальнейшего самодвижения структуры деятельности.

Исходя из общепринятой интерпретации предметности как конституирующей характеристики деятельности, естественным образом следует понимание самого предмета деятельности. В объектно-деятельностной концепции предмет признается как подчиняющий себе и детерминирующий деятельность субъекта, в результате преобразующийся в свой субъективный образ.

Но в марксистской концепции предметом деятельности является не сам естественный (вещественный) предмет объективного мира, а культурный предмет, т. е. предмет, имеющий идеальную форму социальной деятельности. Соответственно, распространена точка зрения на деятельность как субстанцию, как некую исходную действительность, порождающую как предмет деятельности, так и самого субъекта: “Деятельность является первичной по отношению как к субъекту, так и предмету деятельности. И субъект, и объект как бы “обособляются” в процессе деятельности, выделяются из неё. Главный ка-

нал развития субъекта – интериоризация – перевод форм внешней материально-чувственной деятельности во внутренний план. ... Обладая определённой пластичностью, деятельность подчиняется предмету, на который она направлена, модифицируется им, что приводит к исправлению исходного образа за счёт обратных связей. ... Воздействуя на внешний мир и изменяя его, человек тем самым изменяет себя” [48, с.40].

Интерпретация предметности как способа воспроизводства деятельностью структуры своего предмета, а понимание предмета деятельности, соответственно, как материального (вещественного или материализованного) предмета объективного мира даёт основание свидетельствовать о предметной деятельности как о способе преобразования предметов. В первую очередь это относится к её непосредственно-чувственной форме – труду.

В некоторых случаях предметная деятельность интерпретируется не только как манипулирование с предметами, но и как производство предметов культуры за счёт механизмов опредмечивания-распредмечивания. Аналогично интерпретации предметной деятельности, практически также понимается и предметное действие. Правда, манипуляция с предметами не считалась единственной функцией предметного действия. Более значимой считалась обращённость предметного действия на другого человека (взрослого). И все-таки более распространена точка зрения понимания предметных действий только как манипуляции с предметами. К сожалению, именно такие определения предметной деятельности характерны в психологии для словарей и учебников.

В то же время, независимо от решения проблемы происхождения цели: “извне” или “изнутри”, практически всеми специалистами признаётся осознанность деятельности, т. е. её соотнесённость с целью. Собственно говоря, фактор осознанности всегда являлся одной из фундаментальных характеристик деятельности (действия). Причём, сознательность деятельности не является её неизменной характеристикой, а формируется в процессе выполнения самой деятельности в зависимости от её характера.

Известно, что ещё со времён Аристотеля философы связывали деятельность с целесообразностью. И хотя целесообразность характерна для всех живых существ, именно цель является характерной чертой человеческой деятельности, её конституирующим компонентом. При этом целесообразность деятельности генетически связана с её опосредованностью.

В психологии принято понимать под целью образ предвосхищаемого (будущего) результата деятельности. Тем самым, существеннейшей особенностью человеческой деятельности является её двойственность: настоящее реального процесса деятельности строится на основе его возможного будущего. Настоящее определяется не самим настоящим, а предвосхищаемым будущим. И тогда уже в деятельности будущее реально присутствует в настоящем и не только присутствует, но и определяет само это настоящее. Поэтому деятельность всегда подчинена своей цели, которая, как закон, определяет её осуществление.

Появление в структуре человеческого отношения к объективному миру цели означает, что человек вышел из замкнутости внутреннего пространства и вошёл в объективный мир не только его подчинённым элементом, но и как

фактор его самостроительства. Но цель сама по себе не является психологическим фактором. Только в отношении к условиям собственного достижения она становится предметом психологической науки. В этом смысле человеческое действие является не просто реакцией на внешнюю среду, а способом решения задачи. А поскольку структура внешнего действия и структура психических процессов аналогична, то можно говорить о внутренних задачах и внутренних действиях.

Для деятельности как психологического понятия весьма характерно её применение не только в качестве средства описания специфики существования человека, но и всего живого мира. Такое некритичное применение настоящего понятия характерно практически для всех психологов и всех психологических концепций деятельности. В этом отношении позиция А.Н.Леонтьева существенно не отличалась от других аналогичных позиций: “Деятельность рассматривалась им [А.Н.Леонтьевым — В.А.] как одинаково присущая и человеку, и животным; правда, в последнем случае она трактовалась как жизнедеятельность” [44, с.129].

Надо полагать, что в высшей степени способствовало такому положению дел имеющая физиологические и поведенческие корни традиция, зародившаяся с самого начала становления отечественной психологии, а именно: выводить человеческую деятельность из так называемой “деятельности” животных. Принято считать, что человеческая деятельность возникла из “деятельности” животных при перемене естественных детерминант на социальные, что привело к возникновению цели, но самоё деятельность содержательно не изменило. Но традиция если не физиологизации, то активистической интерпретации деятельности была очень сильно выражена, что являлось характерным и для известной грузинской школы установки, и для её основателя Д.Н.Узнадзе ... К сожалению, как теоретическое понятие, деятельность и в работах современных психологов имеет явно выраженный поведенческий характер: “Деятельность человека реализуется в его действиях. Термином “действие” описываются процессы поведения, соответствующие целям, которые ставит субъект” [34, с. 192].

Особенно острую полемику вызывает вопрос о деятельности (психической) мозга. Сторонники рефлексорной природы психики связывают психическую деятельность с рефлексорной деятельностью мозга и выводят из неё (т. е. рефлексорной деятельности мозга) всю психическую действительность, в том числе и сознание. Противники рефлексорного понимания психики выводят психическую деятельность не из рефлексорной (бессознательной) деятельности мозга, а из внешней предметной (сознательной) деятельности человека. Различные подходы к пониманию психической деятельности выражают различную методологию двух школ по поводу происхождения психического. Рефлексорная природа психической деятельности, интерпретируемая как рефлексорная деятельность мозга, по нашему мнению, рассматривает психическую деятельность как природную активность и распространяет на человеческую реальность законы функционирования и развития до-человеческого мира. Эта позиция, на наш взгляд, не учитывает того, что развитие – это прежде все-

го смена типа развития. Поэтому законы развития природы до человека, и законы развития природы после человека — это принципиально разные законы.

Качественное различие типов развития пытается интерпретировать концепция психического, выводящая его на основании законов развития предметной деятельности. Причём, предметная деятельность в интерпретации леонтьевской школы – это не активность в её человеческой форме, а новый тип отношения, который не может быть описан в терминах активности. Именно с этой точки зрения, предметная деятельность не является условием психической деятельности, осуществляющейся по своим внутренним законам, а сама психическая деятельность является формой этой предметной деятельности. Поэтому у двух концепций – рефлекторной деятельности мозга и психического – в самом главном нет и не может быть общеметодологических точек соприкосновения, а утверждение типа: “то, что мы имеем внутри, — психическая деятельность, отражение — это есть внешняя, предметная деятельность. Это не мозг ...” [49, с.163], — правильное было бы рассматривать как ультиматум.

В психологии деятельности принято рассматривать деятельность как основу психического развития человека в онтогенезе, когда под развитием понимается смена психических новообразований, детерминированных сменой ведущего типа деятельности. Но деятельность не только определяет онтогенетическое развитие психических процессов. Она является основой и интегративной характеристикой человека, характеризует человека как личность.

Проблема деятельности как психологического понятия непосредственно связана также с проблемой её структуры. Здесь также имеется несколько подходов определения психологической структуры деятельности. Один из них – выводить структуру деятельности из структуры движений. Ещё один вариант конструирования психологической структуры деятельности заключается в выведении её из неких процессов бытия (которые, по-видимому, надо понимать как рефлекторные процессы, обеспечивающие жизнедеятельность живых организмов).

На сегодняшний день вопросы обоснования логики и развития структуры деятельности всё ещё остаются неразрешёнными, хотя и существует множество эмпирических их вариантов. Как известно, наибольший вклад в разработку структуры деятельности внесли С.Л.Рубинштейн и А.Н.Леонтьев. Что касается С.Л.Рубинштейна, то уже к концу 30-х годов им была предложена равноуровневая структура деятельности, которую он, по примеру К.Маркса, считал исходной “клеточкой” психологии.

Как известно, важнейшей сферой деятельности является и её мотивационная сфера, главными элементами которой являются собственно мотивы и цели. По утверждению А.Н.Леонтьева, структура человеческой деятельности в процессе исторического развития практически остаётся неизменной, всегда определяясь мотивами и целями. Изменениям подвергаются отношения между ними. А.Н.Леонтьев в своих известных работах 40-х годов предложил ставшую впоследствии основополагающей, схему деятельности в форме соотношения деятельности – действия – операции в связи с мотивом – целью – условиями.

Одним из теоретических достижений культурно-исторической концепции деятельности является установления факта изоморфизма структур внеш-

ней и внутренней деятельностей. Одним из первых это предположение высказал Л.С.Выготский. В дальнейшем оно было развито и конкретизировано в работах А.Н.Леонтьева и его последователей. Сам А.Н.Леонтьев придавал большое значение этому открытию и высоко оценивал его для всей психологической науки в целом.

Изоморфизм структур внешней и внутренней деятельностей позволил объяснить механизм происхождения внутренней психической деятельности из внешней, практической.

Свою позицию в отношении деятельности как предмета психологии Даниил Борисович Эльконин обосновывал именно фактом изоморфизма структур: “Мне кажется, мы могли бы сформулировать следующее положение: так называемая умственная деятельность есть тоже деятельность. Она осуществляет такие же задачи, она так же построена, как внешняя, физическая трудовая деятельность; она так же имеет свою ориентировочную и исполнительную часть; она так же не вся является предметом психологического исследования в собственном смысле этого слова. Здесь происходит граница между логикой и психологией” [49, с.169].

Установленный феномен изоморфизма структур позволил в своё время П.Я.Гальперину обосновать обучение как форму психического развития, поскольку выявлен был способ присвоения внешней деятельности и формирования на основе её структур психической деятельности.

Изоморфизм структур внешней и внутренней форм деятельности подтверждает основное положение культурно-исторической концепции деятельности о том, что психика есть производная от внешней деятельности и по сути всегда остаётся её разновидностью.

Как известно, центральным понятием в культурно-исторической концепции деятельности является уподобление. Уподобление заключается в особой пластичности деятельности, способной собой воспроизводить собственный предмет. Именно за счёт уподобления возможно познавательное отношение и, как следствие, присвоение человеком в онтогенезе значений культурных образцов деятельности (всеобщих способов деятельности).

В интерпретации уподобления возможны различные варианты. Широко распространёнными является понимание уподобления как уподобление деятельности свойствам самой вещи. Такая интерпретация уподобления идёт вразрез с психологическим содержанием культурно-исторической концепции и, в связи с этим, подвергается критике. Критика состоит в том, что уподобление как способ воспроизведения на самом деле заключается не в воспроизведении свойств вещи, а в воспроизведении того способа деятельности, который является значением предмета-вещи.

Понимание предметности как объектности, а деятельности как субъект-объектного отношения, приводит, как уже было сказано, к детерминации всех процессов деятельности её предметом. В этом случае необходимым механизмом, обеспечивающим этот переход, естественным образом выступает интериоризация. Причём она является механизмом онтогенетического развития деятельности и осуществляется как переход социальной деятельности в её индивидуальный план. По сути дела, признание объектности деятельности и ин-

териоризации как механизма её онтогенетического развития означает признание парадигмы происхождения “внутреннее из внешнего”, пришедшей в психологию из французской социологической школы.

Своеобразная интерпретация деятельности вообще характерна для западных психологов. Если у нас изначально общей марксистской установкой на деятельность как методологическую категорию была хотя и номинально задана некоторая общность взглядов, но тем не менее реально сложилась пёстрая и весьма разнообразная интерпретация деятельности, то у западных психологов ситуация гораздо сложнее. Так, например, в некоторых случаях под деятельностью понимаются так называемые “культурные практики”, т. е. нормативно ожидаемые виды деятельности: “Мы называем культурными практиками виды деятельности, в отношении которых существуют нормативные ожидания, повторяющиеся или привычные действия. Внутри культурной практики все объекты являются социальными, поскольку они социально установлены. Культурные практики функционально и структурно подобны тому, что Ч.Соулер и С. Харкнесс называют нишами развития, а другие исследователи – контекстами или видами деятельности” [2, с.215].

Надо сказать, что на западе так называемый деятельностный подход развивается в основном в рамках кросс-культурных исследований (культурной психологии), понимаемой буквально как исследование конкретных особенностей различных культур. Поэтому деятельность там носит характер не общепсихологического понятия, а скорее системы конкретно-практических операций (навыков), различных для различных культур. Так называемый контекстный (деятельностный) подход является их детищем и, на наш взгляд, методологически отличается от наших деятельностных подходов. Но именно это отличие, акцентирующее прагматический кросс-культурный аспект исследований, расценивается западными психологами как предпочтительный перед нашим.

С точки зрения деятельностного подхода, психика как познавательная деятельность формируется у человека в единстве и на основании его практической деятельности. в этом смысле деятельность рассматривается как критерий сформированности психики. более того, являясь производной от внешней практической деятельности, психика в дальнейшем остаётся зависимой от неё. Эта зависимость выражается в форме критериев адекватности психического отражения, которые имеют деятельностную природу.

Рассматривая разные аспекты психологического понимания деятельности, нужно отметить, что признание социальной природы человеческой психики и деятельности как её генетической основы предполагает необходимую связь между деятельностью и общением. И хотя природа связи деятельности и общения представляет собой скорее пространство споров, тем не менее, модели такой связи имеются и используются в психологической практике.

Следовательно, деятельность как субъект-объектное отношение всегда осуществляется только в условиях субъект-субъектного отношения. В культурно-исторической концепции психики признается, что роль общения заключается в обеспечении необходимых условий для эффективного подражания ребенка образам деятельности взрослого. Такая трактовка общения вызывает у

критиков нарекая, которые видят недостатки культурно-исторической концепции в том, что полноценное общение ограничивается взаимодействием только двух человек [2, с.249].

Центральными понятиями, описывающими человеческую субъективность в культурно-исторической психологии, являются понятия “значение” и “смысл”. Занимая общую позицию по вопросу об их значимости для становления человека в его культурном развитии, Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев расходились в способах этого становления. Л.С.Выготский предпочитал схему непосредственного взаимодействия сознаний взрослого и ребёнка, приводящего в результате к “присвоению” ребёнком культурных значений (значений слов). А.Н.Леонтьев же считал, что это взаимодействие не может не быть опосредованным, а способом такого опосредования является деятельность [8, с.28].

Означенность является всеобщей характеристикой человеческого существования, а не только её отдельных моментов. Человек возник одновременно со значением. Человеческая природа – это природа, имеющая значение. Поэтому означенность является не только характеристикой чувственных образов, но и самих человеческих предметов. Собственно, человеческими они и становятся только приобретая значение (приобретая “над-чувственную” характеристику).

Весьма показательна критика, с которой против интерпретации предметного действия как действия, адаптирующегося к свойствам предмета-вещи, выступал основоположник деятельностной концепции онтогенеза Д.Б.Эльконин. По его мнению, предметное действие есть в первую очередь способ освоения значения, и уже затем – операциональной стороны культурного предмета.

Со времени становления советской психологии как деятельностной, со времён её формирования как марксистской науки в борьбе против реактологии и рефлексологии, можно сказать, что стратегическим психологическим содержанием понятия “деятельность” было взаимодействие как взаимодействие субъекта с объективным миром. Такое понимание деятельности сформировалось уже на заре деятельностной психологии в рамках субъектно-деятельностного подхода, такое же понимание содержания деятельности (действия) мы находим и у современных представителей системного подхода.

Как известно, для субъектно-деятельностного подхода в психологии, несмотря на то, что понятие деятельность для него является центральным, характерно не рассматривать деятельность как базовое взаимодействие, не сводить взаимоотношение человека с объективной реальностью только к деятельности. Понимание деятельности как взаимодействия характерно не только для субъектно-деятельностной школы. Его разделяют и представители другой школы – объектно-деятельностной (культурно-исторической) концепции. Следовательно, мы можем констатировать, что понимание деятельности как взаимодействия является общим для обеих деятельностных школ отечественной психологии.

Само содержание взаимодействия является весьма важным, в конечном итоге раскрывающим механизмы деятельности и её развития. В этом смысле

взаимодействие содержательно раскрывается как воздействие (взаимовоздействии). Можно с уверенностью говорить, что под деятельностью, в том числе под её практической формой, в отечественной деятельности психологии всегда понималось воздействие, что свидетельствует об изначальном объектном характере психологического содержания понятия деятельность.

Особое значение для современной психологии имеет деятельность как средство моделирования субъективного мира, её возможности быть средством для описания человека как субъекта, его внутреннего мира как самостоятельной действительности. Вообще как человека, способного противостоять внешнему миру и утверждать в нём самого себя. Собственно говоря, основное направление критики, которую в наше время вызывает категория “деятельность”, и связано с её якобы неспособностью выражать субъектность, рефлексивность и творческое начало в человеке. Одним из основных предметов критики является объектность деятельности, её субъект-объектная ориентированность. В этом смысле критика деятельности является обоснованной, поскольку действительно, психологическая категория деятельность, так, как она разработана и применяется и в современной (и нес современной) психологии, сконструирована именно так в субъект-объектной ориентированности, а не иначе.

Критика справедлива, во-первых, потому, что тем самым утверждается действительное положение вещей, а именно: субъект-объектное отношение является сутью деятельностного подхода. Основанное на опредмечивании-распредмечивании, это взаимодействие регулируется образом объекта, являющегося и началом, и результатом данного процесса. Этим самым окончательно утвердилось представление о деятельности как способе связи субъекта с объективным миром и о внешнем образом детерминированном процессе развития субъекта. Иногда объектность деятельности описывается в терминах “отношение” и “направленности”, что, в общем-то, только добавляет излишней путаницы в таком, и без этого нечётком понятии. Надо думать, что в общем контексте субъектно-деятельностной концепции эти данные термины можно рассматривать как синонимы.

Можно было бы привести ещё очень много свидетельств объектного содержания психологического понятия “деятельность”, но они только подтвердят вывод Бориса Фёдоровича Ломова о том, что “сложившиеся концепции деятельности ... схватывают лишь одну сторону социального бытия человека, а именно отношения “субъект – объект”” [46, с.245].

Наряду с иными интерпретациями деятельности как субъект-объектного отношения, широко распространено толкование деятельности не как собственно отношения, а как способа осуществления субъект-объектного отношения. Такое понимание деятельности было характерно для классических концепций деятельности. Так понимают деятельность и некоторые современные авторы, несмотря на то, что ими подчёркивается роль общения в осуществлении субъект-объектного вектора деятельности.

Одним из значительных достижений марксистской философии, как известно, является положение тезис о человеке как о существе, практически относящемся к условиям собственного существования. Но это положение, как и некоторые другие значимые положения марксизма (например, тезис о пред-

метной деятельности как рефлексивной способности), не получили достаточного распространения в отечественной психологии, хотя именно они являются ядром марксистской концепции человека. Именно это, на наш взгляд, главное положение, должно быть основой психологической концепции человека, если принять свободу в качестве сущности человеческого существования.

Понятие субъекта (субъектности) имеет, по нашему мнению, для психологии человека решающее значение. Но в то же время, практика использования этого термина показывает, насколько различный, подчас противоположный смысл, придаётся ему различными авторами, и как по-разному он трактуется в различных психологических школах.

Среди различных интерпретаций, выделяются две, наиболее распространённые. Первая интерпретация субъектности (при этом субъектность и субъективность содержательно не различаются и, как правило, используются как синонимы) – атрибутивная. То есть субъектность (или субъективность, вслед за соответствующими авторами) – это принадлежность субъекту, существование в качестве свойств, психологических особенностей и психических качеств человека как эмпирического субъекта. Как правило, такая интерпретация субъектности (или субъективности) соотносится с активностью, а деятельность понимается как способ осуществления (выражения) этой активности. Иная трактовка субъектности предполагает и иное её содержание. А именно, субъектность связывается с опосредованием, с отношением собственного происхождения как с собственной внутренней формой.

Таким образом, субъектность действия является существенной характеристикой его собственного развития, осуществляющегося за счёт того, что предметом самого действия становятся условия его протекания. Именно это отношение и является содержанием субъектности, а действие, делающее собственным предметом собственные условия, становится субъектом. Этот режим развития радикально отличается от функционирования, когда субъектность не возникает, действие не становится субъектом, а только реализуется в изначально заданных условиях, никоим образом не делая их собственным предметом.

Одной из главных психологических проблем постоянно была (и до сих пор остаётся) проблема развития. В этом смысле главным тезисом психологии деятельности был тезис о предметном действии как способе развития человека как субъекта деятельности. То есть одним из основных свойств деятельности всегда полагалась её способность не только осуществлять исходные отношения субъекта, но и порождать новые.

Продуктивное действие есть способ развития за счёт порождения реальности собственной идеи: “... в продуктивное действие органично входит акт развития или, точнее, продуктивное действие и есть способ развивания того, с чем имеет дело ... В нем порождается реальность идеи, преобразующая наличную ситуацию в иную” [8, с.129].

Важнейшей характеристикой предметного действия является его переходность. Поэтому его можно рассматривать как способ преодоления как внутренних стереотипов, так и внешних обстоятельств. В этом смысле переходная природа предметного действия является его сущностью, внутренней

формой. Модель развития как взаимодействие идеальной формы действия с его реальной формой известна в теории онтогенеза ещё со времён Л.С.Выготского. Здесь процесс развития обычно рассматривался как процесс формирования реальной формы действия под воздействием идеальной его формы. Идеальная форма действия предшествовала во времени самой реальной форме, задавала её и определяла весь ход онтогенеза. Открытие феномена внутренней формы (идеальной формы действия) предполагает придание нового смысла как самой идеальной форме, переосмыслив её и поняв не как внешний образец действия, а как внутренний способ её порождения, так и всему процессу развития.

Весьма характерным, по нашему мнению, является тот факт, что автор концепции “идеальной формы” Б.Д.Эльконин, несмотря на придание им другого смысла понятию “идеальная форма”, не склонен относиться к культурно-исторической концепции деятельности только критически, поскольку полагает необходимым понять роль внешнего действия как фактора происхождения его собственной внутренней формы.

Особый интерес в свете критики понятия деятельности и методологического кризиса психологии имеет соотношение деятельности и творчества. И здесь предметом критики, по-видимому, должно быть, в основном, то понятие деятельности, которое теоретически разрабатывалось в леонтьевской школе, поскольку само понимание предметности, принятое в этой школе, уже изначально закрывает возможность деятельности творить, т.е. порождать собственный предмет. В этом смысле рубинштейновская концепция выгодно отличается от леонтьевской тем, что изначально признаёт творческой любую человеческую деятельность. Хотя с этой точкой зрения можно и не согласиться, поскольку реальная практика, в особенности практика образовательная, на наш взгляд, убедительно опровергает ее. Тем не менее, в рамках культурно-исторической концепции деятельности вопрос о её творческом характере в связи с проблемой развития в последнее время особо подчёркивается в психологии.

Во многих психологических концепциях деятельности содержательное различие понятий “возникновение” и “функционирование”, как правило, скрывается за термином “развитие”, который далеко не всегда соответствует процессу качественного изменения деятельности. В отличие от них, концепцией, в которой эти понятия чётко разделены, является концепция интеллектуальной деятельности Жана Пиаже. Как известно, Ж.Пиаже исходит из самодостаточности интеллектуальной деятельности в процессе своего функционирования.

Эта позиция зиждется на положении о генетически наследуемом способе функционирования, который в процессе своей реализации порождает интеллектуальные структуры. “Пиаже утверждает, что позитивное, конструктивное нечто, которое мы получаем по наследству, состоит в способе функционирования интеллекта. Мы не получаем по наследству познавательные структуры как таковые; они появляются на свет только в ходе развития. Но мы действительно получаем в наследство MODUS OPERANDI, тот особый способ, которым мы осуществляем наши взаимодействия с окружающей средой.

Указанный способ функционирования отличается двумя особенностями. Во-первых, он порождает познавательные структуры. Структуры складываются в процессе функционирования интеллекта, и они могут сложиться только благодаря его функционированию. Во-вторых, — и это самый важный пункт, — способ функционирования, который, как говорит Пиаже, составляет нашу биологическую наследственность, остается совершенно неизменным на протяжении всей жизни. Это значит, что основные свойства интеллектуальных функций всегда и всюду одни и те же, несмотря на огромное разнообразие порождаемых ими познавательных структур” [50, с.65].

Множество деятельностных концепций нашего времени тоже основываются на понимании деятельности как способа функционирования. Соответственно, и человек как её субъект описывается как существо, воспроизводящее самого себя. Это подразумевает то, что, “во-первых, жизнь человека [выступает — В.А.] как воспроизводство его психофизической целостности, — иначе говоря, его жизнедеятельность. Во-вторых, воспроизводство мира в себе и себя в мире при осуществлении познавательных и практических актов, — это так называемая предметная деятельность (или — “деятельность” в узком смысле слова). В-третьих, воспроизводство общности с другими людьми, — деятельность общения. И, наконец, в-четвертых, — это воспроизводство себя как носителя сознания — деятельность *сogito* (“Я мыслю”, — самополагание в рефлексии)” [32, с.8]. Независимо от того, “широко” или “узко” понимается термин “деятельность”, она объявляется содержанием “человека воспроизводящегося”.

Чтобы разрешить проблему свободного целеполагания, предлагается рассматривать деятельность не только как функционирующую, имеющую как бы одно измерение (синхронную), но также имеющую ещё и другое измерение и осуществляющуюся в двумерном – диахронном – пространстве. При этом синхронность связывается с предзаданным целеосуществлением, а диахронность – со свободным целеполаганием.

Нам представляется, что вводимое здесь различие генетического и функционального аспектов деятельности имеет важное методологическое значение для решения онтогенетической проблемы развития человека как субъекта трансцендирования. Смешивать и не различать эти аспекты, значит не признавать проблему развития как главную в деятельностной проблематике.

В психологии деятельности (действия) феномены развития и творчества если и изначально не связаны, то часто обсуждаются и анализируются вместе, что даёт основание предположить их общую природу и их содержательную взаимосвязь. Она хорошо просматривается при анализе процесса онтогенетического развития с позиций культурно-исторической концепции деятельности. Как известно, основной тезис Л.С.Выготского о культурном опосредовании человеческого поведения и происхождении высших психических функций предполагает культуру как необходимое средство такого развития. Традиционно данное положение в применении его к реальному онтогенезу осуществлялось на основании интериоризации, как единственно возможном механизме “присвоения” культурных значений и смыслов. Именно на этом присвоении

значений слов и строил сам Л.С.Выготский собственное понимание культурного онтогенеза.

Но многолетние результаты обширной образовательной практики, а также внутренние противоречия в самой культурно-исторической психологии привели к необходимости пересмотра её основных положений с тем, чтобы отвечать современным задачам значительно изменившегося социума. Один из вариантов переосмысления (а по нашему мнению, предложения нового содержания культурно-историзма) предполагает отказаться от ортодоксального понимания действия как культуропотребляющего (т. е. фактически присваивающего) и перейти на культуропорождающую модель действия: “... необходимо окончательно расстаться с представлением о человеческом действии как форме (пусть и всеобщей) потребления культуры и попробовать представить его более полно – как культуросозидание” [8, с.117]. И хотя автор неустанно подчёркивает это переосмысление как соответствующее идеям культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, с нашей точки зрения, данная идея является для неё новой и требует радикальной перестройки культурной психологии как присваивающей. Культуропорождение неизбежно связано с самостоятельным порождением знака (значения) и, по нашему мнению, противоречит основным идеям классической культурной психологии, что на наш взгляд, косвенно подтверждается и самим автором: “Все сказанное относится лишь к той ситуации, в которой знак и значение порождаются или воссоздаются, т. е. к культуросозидающему, а не культуропотребительному действию” [8, с.41], история становления которого как самостоятельного исследователя, прошедшая в непосредственной среде культурно-историзма, всё-таки не позволяет ему в явной форме отличить собственные идеи от идей Л.С.Выготского.

Как известно, деятельность (предметную деятельность) в психологии понимают по-разному, и поэтому по-разному понимается, оценивается её значение и роль в человеческом существовании. На наш взгляд, понимание деятельности как способа воспроизводства логики своего предмета наиболее соответствует её исходному значению, которое придаётся ей как философской категории в концепции К.Маркса.

Именно в таком смысле, но только с небольшими оговорками, и понимается предметная деятельность в культурно-исторической концепции деятельности. Предметная детерминация, исходно понимаемая в психологии как детерминация внешним предметом объективного мира, становится основой практического исключения фактора субъектной детерминации. Но и сама предметная детерминация понимается по-разному. С одной стороны, распространённой интерпретацией предметности, как мы уже отмечали, является детерминация способом функционирования предмета в условиях человеческой деятельности, с другой – логикой происхождения этого же предмета.

Различные подходы приводят к различным результатам. В первом случае осваивается конкретное (эмпирическое) знание, во втором – теоретическое. Интересным в этой связи, но не реализованным ни в теоретической, ни тем более в практической психологии, является положение о двойной детерминации деятельности. Нам представляется, что разработка этого положения имеет хорошие перспективы в решении проблемы деятельности как психологического

понятия. Термин “логика предмета” как детерминирующий фактор деятельности подчёркивает универсальность деятельности, поскольку позволяет говорить в о её способности воспроизводить любую иную логику, а не “логику” собственного организма (как это имеет место у животных).

Теперь уже можно с уверенностью утверждать, что психологическое понятие деятельности складывалось без учёта рефлексивного содержания её собственного порождающего начала — философской категории “предметная деятельность”. Будучи в какой-то степени производной от философской категории, деятельность как психологическое понятие унаследовала только объектность философской категории, её субъект-объектный вектор. Другой вектор, составляющий с объектным неразрывное и единое целое, субъектный (рефлексивный), в исторических битвах за чистоту марксизма и торжество материализма был из психологического содержания утерян.

Но, тем не менее, на фоне разворачивающейся и усиливающейся современной критики понятия “деятельность”, а вместе с тем и марксистской категории “предметная деятельность” и марксизма как философской концепции в целом, в рамках культурно-исторической концепции психики и культурно-исторической концепции деятельности создаются деятельностные концепции, на первый взгляд противоречащие их внутреннему содержанию. Именно к таким относится, по нашему мнению, концепция идеальной формы. Её основным положением является положение об исходной рефлексивности действия.

Эта концепция утверждает новые принципы, не характерные для прежних психологических концепций деятельности. Закономерность возникновения таких концепций заключается в том, что хотя в них и указывается на культурно-исторический подход как на собственное начало, нам представляется всё же, что обоснованность этой ссылки достаточно сомнительна. Построенная на идее происхождения внутреннего из внешнего, культурно-историческая концепция не несёт в себе рефлексивности как способа существования и становления человека. Если и имеет место рефлексивность, так это как средство обеспечения интериоризации, а не порождения значений и смыслов. А это уже совсем другое дело.

Последовательно проводимая линия на рефлексивное содержание деятельности неизбежно выходит, с одной стороны, на историческую ограниченность любого конечного способа деятельности, с другой стороны, на универсальное содержание любой деятельности. Только в этом случае возможна порождающая рефлексия, когда имеется возможность устанавливать отношение деятельности самой с собой как конечной и бесконечной форм. Поэтому задача онтогенеза и заключается в том, чтобы в конкретных способах деятельности обнаружить всеобщий способ их происхождения, уметь его осуществлять в любых конкретных условиях. Это и есть всеобщая форма порождающей рефлексии, но это невозможно осуществить в условиях субъект-объектных отношений. Таким образом, переход к деятельности как к рефлексивной категории возможен только как системный и парадигмальный переход. Нужна новая парадигма онтогенеза, основанного на порождающей рефлексии в отсутствии образцов усвоения.

Подводя итоги данной главы, еще раз отметим, что анализ истории развития отечественной деятельностной психологии — это, фактически, анализ неудачных попыток до конца преодолеть стимульно-реактивную схему поведения. Все модели деятельности и все концепции деятельности были призваны преодолеть эту схему, но ни одна из них этого до конца так и не сделала. Сей факт является, с нашей точки зрения, главным содержанием современного методологического кризиса психологии, не только деятельностной, но и всей марксистской психологии. Он связан с изначально неадекватной психологической трактовкой марксистской категории “предметная деятельность”. Именно настоящая изначальная методологическая неадекватность породила обоснованное сомнение современных психологов в эвристических возможностях деятельностного подхода в целом. Но причина методологического кризиса марксистской (деятельностной) психологии заключается не в философском содержании категории “предметная деятельность”, а в методах, которые были применены при конструировании психологического понятия “деятельность”. Это выражается прежде всего в обширном использовании эмпиризма в теоретическом моделировании, который выразился в попытке вывести предметную деятельность из нескольких аналогичных друг другу категорий — поведения, активности, рефлекса, реакции и т. д.

Почему так произошло именно в то время, когда фактически К.Марксом была уже сформулирована философская категория “предметная деятельность”, фактически являющаяся сердцевинной его философии, тем более, что сама предметная деятельность является, с нашей точки зрения, главной категорией всей материалистической диалектики? На этот вопрос когда-нибудь ответят историки. Но факт остаётся фактом: причиной методологического кризиса деятельностной психологии является несоответствие психологического содержания понятия “деятельность” философскому содержанию категории “предметная деятельность”.

Цитируемая литература

1. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.
2. Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
3. Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В.Давыдова, И.Ломшера, А.К.Марковой. М., 1982.
4. Ждан А.Н. История психологии. М., 1997.
5. Сиротский В.Е. Жизнь ученого и судьба науки: Петр Яковлевич Гальперин // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. 2 (70).
6. Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
8. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М., 1994.
9. Леонтьев А.Н. Основные процессы психической жизни (1940) // Философия психологии. М., 1994.

10. Леонтьев А.Н. Психологическая характеристика деятельности (1949). // *Философия психологии*. М., 1994.
11. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности (1969). // *Философия психологии*. М., 1994.
12. Багичев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
13. Давыдов В.В. Проблема деятельности как способа человеческого бытия и принцип монизма // *Деятельность: теория, методология, проблемы*. М., 1990.
14. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // *Деятельность: теория, методология, проблемы*. М., 1990.
15. Гегель. Феноменология духа // Гегель. Система наук. Часть I. М., 1959.
16. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995.
17. Диалектическая логика. Т 1. Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата, 1986.
18. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
19. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 9. Ч. 2. М., 1987.
20. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // *Деятельность: теория, методология, проблемы*. М., 1990.
21. *Философский словарь*. 3-е изд. / Под ред. М.М. Розенталя. М., 1972.
22. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1981.
23. Ильенков Э.В. Идеальное // *Философская энциклопедия*. Т. 2. М., 1962.
24. Сагатовский. Деятельность: монизм любой ценой или полифония? С чем нельзя согласиться ... // *Деятельность, теория, методология, проблемы*. М., 1990.
25. Злобин Н.С. Терминологическая разногласица и (или) концептуальные расхождения // *Деятельность, теория, методология, проблемы*. М., 1990.
26. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
27. Ватин И.В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону, 1984.
28. Багичев Г.С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности // *Деятельность, теория, методология, проблемы*. М., 1990.
29. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
30. Злобин Н.С. Деятельность – труд – культура // *Деятельность, теория, методология, проблемы*. М., 1990.
31. *Философско-психологические проблемы развития образования* / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1981.
32. Петровский А.В. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
33. Фролов Ю.П. От инстинкта до разума. М., 1947.
34. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т.2. М., 1996.
35. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся педагогическим специальностям. М., 2000.

36. Немов Р.С. Словарь // Психология. Учебник для педагогических вузов. Кн. 1. М., 2000.
37. Никифоров А.А. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
38. Джакупов С.М. Психология познавательной деятельности. Алма-Ата, 1992.
39. Современная психология. М., 1999.
40. Общая психология. Учебник для педагогических институтов / Под ред. А.В. Петровского. М., 1976.
41. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т.1. М., 1989.
42. Психологический словарь / Ред. коллегия: В.В. Давыдов и др. М., 1983.
43. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
44. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.
45. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 2. М., 1985.
46. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии М., 1984.
47. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 1983.
48. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М., 1995.
49. Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
50. Флейвелл Дж. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967.

Литература, использованная при подготовке Главы II

- Аббасов А. Сложность. Время. Синергетика: общетеоретический анализ проблем сложности и развития сложных систем. Баку, 1991.
- Абдильдин Ж.М. Диалектика как методология научного познания. Алма-Ата, 1981.
- Абишев К.А. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата, 1975.
- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
- Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
- Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1980.
- Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М., 1961.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Андреев И.Д. Основы теории познания. М., 1959.
- Аристотель Стагирит. 384/383 - 322/321 г.г. до Р.Х. // Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
- Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1984.
- Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1991.
- Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
- Библер В.С. Мышление и творчество. М., 1975.
- Брушлинский А.В. Главное – это взаимодействие человека с миром // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М., 2000.

- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1983.
- Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. От амебы до робота: модели поведения. М., 1987.
- Габай. Т.В. Учебная деятельность и ее средства. М.,1988
- Галиев Т. Системный подход к интенсификации учебного процесса. Алматы, 1998.
- Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
- Гальперин П.Я. Метод “срезов” и метод поэтапного формирования в исследованиях детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4.
- Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М., 1985.
- Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959. С.441 - 469.
- Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
- Гегель. Лекции по истории философии. Т. VIII. М., 1932.
- Гегель. Наука логики // Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
- Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
- Гордеева О.В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1997. №5
- Давыдов В.В. О месте категории деятельности в современной теоретической психологии // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Давыдов В.В. Да, нам необходима монистическая теория человеческого бытия // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
- Давыдов В.В. Состояние и проблемы исследований учебной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Диалектическая логика. Т. 2. Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата, 1987.
- Запорожец А.В. Избранные психологические труды. Т.1. М., 1986.
- Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности и психология действия // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М.,1960.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.,1984.
- Касавин И.Т. Определить деятельность в контексте исследовательской задачи // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
- Касавин И.Т. Деятельность и рациональность // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
- Касавин И.Т.. Рациональные границы и перспективы человеческой деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
- Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата, 1991.
- Келле В.Ж. Деятельность и общественные отношения // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
- Келле В.Ж. Продолжение разговора // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Коршунов А.М. Творчество и отражение в историческом познании. М.,1984.
- Коссаковски А., Ломпшер И. О концепции деятельности в педагогической психологии // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Краткая философская энциклопедия. ~ 300 г. до Р.Х. М.,1994
- Краткий психологический словарь. М., 1985.
- Краткий психологический словарь-хрестоматия / Под ред. Платонова К.К. М., 1974.
- Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М.,1984.

- Лекторский В.А. Специфика теоретико-познавательного исследования в системе диалектического материализма // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
- Лекторский В.А., Швырев В.С. Теория познания, онтология, мировоззрение. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1979 (1975).
- Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории развития советской психологии (1976) // Философия психологии. М., 1994.
- Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9.
- Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Лисина М.И. Проблема онтогенеза общения. М., 1986.
- Маркс, Энгельс. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1987.
- Маркс. К. Капитал. Т.2 // Маркс, Энгельс. Избранные сочинения. Т. 7. М., 1987.
- Материалистическая диалектика как общая теория развития. Т. 1. М., 1982.
- Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1981.
- Материалистическая диалектика. Т. 4. М., 1984.
- Менчинская Н.А. Проблема учения и умственного развития школьника. М., 1989.
- Мясищев В.Н. Психология отношений. М., 1995.
- Мячин Ю.Н. Системно-целостная концепция развития. Оренбург, 1992.
- Никифоров А.Л. Общее и индивидуальное в деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., 1999.
- Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
- Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов. / Под ред. Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А. М., 1981.
- Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов. / Под ред. Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А. М., 1981.
- Павлов Т. Теория отражения. М., 1949.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся педагогическим специальностям. М., 2000.
- Плотников Ю.К. Спорить – значит искать истину // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М., 1970.
- Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке. Воронеж, 1974.
- Психология / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1981.
- Психология / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 тт. Том 1. Античность. СПб., 1994.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 2. М., 1989.
- Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М., 1988.
- Современная психология. М., 1999.
- Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. Бишкек, Екатеринбург, 1996.
- Стеценко А.П. О роли принципа предметности в теории деятельности (критика “извне” и критика “изнутри”) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Судаков. К.В. Тайны инстинкта. М., 1967.

- Теория познания / Под ред. В.А. Лекторского и Т.И. Ойзермана. Т. 2. М., 1991.
- Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси., 1961.
- Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
- Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1981.
- Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В. Давыдова, И. Ломпшера, А.К. Марковой. М., 1982.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
- Хонин С.Т. Индивид как субъект жизнедеятельности. Куйбышев, 1990.
- Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
- Швырев В.С. Деятельность – открытая система // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Швырев В.С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Шердаков В.Н. Г.С. Батищев: в поисках истины пути и жизни // Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. - М., 1989.
- Якунин В.А. Педагогическая психология. СПб., 1998.

Глава III

РЕФЛЕКТОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (рефлекторная концепция происхождения человеческой психики)

- 3.1. Субъект активности как онтологическое понятие
- 3.2. Логика онтогенеза человека как субъекта активности
- 3.3. “Внешние причины через внутренние условия”
как адаптивный механизм онтогенеза субъекта активности

3.1. Субъект активности как онтологическое понятие

Ранее, в результате сравнительного анализа философского и психологического содержания понятия “деятельность”, нами был установлен адаптивный характер этого понятия, разработанный и применяемый как теоретическое средство в различных психологических концепциях. Далее мы будем анализировать психологическое содержание понятия “субъект”, представленного в основных психологических концепциях, а также проанализируем концепции индивидуального развития человека и его онтогенетические механизмы развития, основанные на этом понятии “субъект”. Одной из двух, наиболее значительных концепций психики (или правильнее, психологических парадигм), является субъектно-деятельностная концепция субъекта активности и его индивидуального развития. И здесь, применительно к исследованию этой проблематики, необходимо особо подчеркнуть, выделить роль научных исследований основоположника крупнейшей психологической деятельностью школы, каким является Сергей Леонидович Рубинштейн.

Вслед за К.Марксом, он переформулировал постановку проблемы изучения человеческого познания и акцентировал своё внимание на активности человека как субъекта познания. Впервые в истории психологической науки

С.Л.Рубинштейн формулирует онтологический метод исследования человека как существа активного и активно преобразующего объективную реальность, а объективность субъекта видит в его способности познания как способности к мысленному преобразованию и воссозданию объективной реальности.

Объективный метод в психологии, разработанный С.Л.Рубинштейном, состоит в раскрытии человека во всех существенных связях и отношениях, главными из которых являются отношения человека к бытию и к другому человеку.

Свой философско-психологический анализ онтологической природы человека С.Л.Рубинштейн начинает с анализа Мира как источника всех вообще возможных онтологических характеристик. Согласно Рубинштейну, целостный мир – это Мир взаимодействующих (общающихся) существований, их взаимопроникновение и взаимосопротивление друг другу. Уже здесь, на самом первой этапе методологического анализа структуры целостного мира, он подчёркивает действенный (деятельностный) характер любого существования как процесса взаимного определения одного существования другим.

Центральным положением концепции С.Л.Рубинштейна, вытекающим из его способа анализа целостного онтологического Мира, является понятие способа существования, из которого он непосредственно выводит понятие субъекта. Важнейшая особенность философско-психологической его концепции, на наш взгляд, та, что понятие “субъект”, определённое через способ существования (осуществления), для Рубинштейна является характеристикой любой формы движения материи, а не только социальной.

Последовательность онтологической позиции С.Л.Рубинштейна особенно ярко выразилась в его различении сущности и существовании, где приоритет автором отдаётся существованию, а сущность определяется через существование, как его способ: “В связи с необходимостью расчлнения понятия “сущность” и “существование” следовало бы для всего сущего, а не только для человека, определить сущность как способ существования. Неправоммерно обособлять друг от друга существование и сущность. Нужно для всего сущего признать приоритет аспекта бытия над аспектом сущности” [1, с.275]. Нам представляется, что определение бытия как существования, а сущности как способа существования является важнейшим методологическим решением, позволившим на метауровне совершенно по-новому решить проблему субъекта.

В дальнейшем в своих работах С.Л.Рубинштейн наряду с термином “способ существования” употребляет и термин “способ осуществления”, что, на наш взгляд, в большей степени соответствует активному пониманию человека как субъекта, его деятельному началу, нежели способ существования, используемый в экзистенциализме и несущий оттенок пассивности и страдательности. Именно с понятием “способ существования”, “способ осуществления” связано оригинальное решение С.Л.Рубинштейном проблемы онтологизации человека как субъекта. Правда, нам представляется, что в философии уже до Рубинштейна такое решение было предложено К.Марксом, но в психологии идея субъекта как онтологического существа — это безусловный приоритет С.Л.Рубинштейна.

Как известно, онтологическая позиция С.Л.Рубинштейна распространяется на все формы движения материи, а не только на человека, поэтому термин “субъект” для С.Л.Рубинштейна применим не только (и не столько) к человеку, а к любому уровню бытия – как живой, так и неживой материи. На это положение стоит обратить специальное внимание, поскольку оно имеет принципиальное значение для нашей критики субъектно-деятельностной концепции человека как субъекта активности.

Историческое значение работ С.Л.Рубинштейна для мировой психологии, на наш взгляд, заключается в том, что он впервые в истории психологии предложил оригинальную структуру бытия, в которой человек является не только полноправным её отражающим членом (элементом). Его психологическая концепция основывается на методологическом принципе развития, понимаемом как способе изменения качества предыдущих уровней бытия с возникновением нового. Принцип развития у С.Л.Рубинштейна органически сочетается с онтологической природой человека и выступает как особое сущее в составе бытия, изменяющее и развивающее само бытие.

Ценнейшим для современной психологической науки, по нашему мнению, является утверждение С.Л.Рубинштейна о том, что единичное человеческое бытие, способное преодолевать актуальные пределы любой конкретной ситуации, есть форма, в которой представлено всеобщее бытие (не только социальное, но и бытие всего Мира): “Человеческое бытие выступает как то единичное, в котором представлены, по крайней мере потенциально, весь мир, всё сущее, всё человечество. Выход за пределы ситуации осуществляется через сознание” [1, с.345]. Он всегда подчёркивал, что всеобщность индивидуально имеет смысл только в том случае, когда индивидуальное понимается в гегелевском смысле, как единство единичного, особенного и всеобщего.

В связи с этим, можно утверждать, что в философской концепции онтологического субъекта С.Л.Рубинштейна человеческий индивид как субъект познания уже понимается как универсальный субъект. Особенность рубинштейновского понимания универсальности заключается в том, что, с его точки зрения, она может быть реализована только в форме совокупности эмпирических субъектов. Но это — одно из основных — положений Рубинштейна, с которым мы не можем согласиться. Мы считаем, что истинной формой универсального является единичный, а не совокупный субъект.

Последовательно проведённая до своего логического конца установка на понимание универсального как содержания совокупности относящихся эмпирических субъектов в конце концов закономерно привела современных методологов субъектно-деятельностного подхода (К.А.Абульханова-Славская, А.В.Брушлинский и др.) к утверждению первичности социального над индивидуальным, а принятие за основу объективности коллективного эмпирического субъекта (общественных отношений) привела к тому, что индивидуальный субъект оказался полностью заданным социальными отношениями, которые, к тому же, он не способен преодолеть. То есть, индивидуальный эмпирический субъект, являясь в какой-то степени субъектом собственной жизнедеятельности, однозначно не является субъектом социальных отношений. Их субъектом является только совокупный субъект. В концепции С.Л.Рубинштейна-

психолога этот факт свидетельствует о наличии в ней внутренних противоречий, многие из которых наглядно иллюстрируют явную нестыковку философии и психологии самого С.Л. Рубинштейна (что, кстати, отмечается многими современными философами).

Онтологический статус человека предполагает специфическое соотношение между человеческим бытием и бытием природы. Эта специфика, по С.Л.Рубинштейну (вслед за К.Марксом), заключается в том, что “человеческая природа” – это опредмеченная сущность человека, а человек – это распредмеченная природа. Данное положение удивительно созвучно аналогичному положению Фридриха Ницше: “В сущности человек любит себя лишь собою в окружающем мире . . . . Он очеловечил его: в этом суть всего”.

Исходя из основных идей онтологической концепции С.Л.Рубинштейна о сущности как способе существования (осуществления) и о развитии как качественной перестройке всех нижележащих уровней бытия, можно утверждать: с возникновением человека возникает человеческий уровень бытия, задающий своим способом существования новое качество всей природе, превращающей её в человеческий мир. Активность человеческого существования, специфика человеческой сущности выражается в том, что теперь изменения во Вселенной не случаются, а производятся человеком, становятся результатом сознательной человеческой деятельности. Новое качество бытия (Мира человека) характеризуется наличием активного мирового центра его собственного самопреобразования. Этим центром самопреобразования природы теперь выступает человек.

Структура человеческого мира имеет особую специфику, по отношению к структуре до-человеческой природы. Эта специфика заключается в двойственной структуре онтологического мира. Двойственность онтологической структуры человеческого мира задаётся его двойственным содержанием: единством онтологического и гносеологического отношений. Как известно, познавательное отношение, в результате которого выявляется сущность как качественно определённый способ существования, характерно именно для человека. Но сразу же хотелось обратить внимание на достаточно очевидную, но недостаточно рефлекслируемую в психологии мысль – познавательное отношение не является отношением продуктивным (в смысле производительным), созидательным, оно является отношением адаптивным. Ещё раз стоит подчеркнуть банальную истину, что, предмет познавательного отношения (познавательной деятельности) существует до и независимо от познавательной деятельности. И ещё раз стоит подчеркнуть обратить внимание на важнейшее следствие, прямо вытекающее из этого положения: познавательная деятельность не способна и не предназначена производить какие-либо онтологические изменения. Её главная задача – создание образа независимого от неё объекта и конструирование идеальной действительности, в которой сущность может быть зафиксирована “в чистом виде.

Как мы уже отмечали, спецификой онтологической концепции С.Л.Рубинштейна является утверждение человека как органически принадлежащего бытию, находящемуся в структуре бытия, являющегося одной из форм сущего (существующего). В связи с этим, познавательное отношение как адаптивное отношение является не внешним по отношению к бытию (что утвер-

ждалось в психологических концепциях до С.Л.Рубинштейна), а внутренним, характерным для самого бытия, являющееся внутренней характеристикой самого бытия. В соответствии с данным методологическим положением об онтологически-гносеологической структуре бытия, в рамках рефлекторной концепции человека осуществляется обоснование происхождения человеческой психики и человеческой деятельности. Психика при этом рассматривается одновременно и как рефлекторное отражение, и как рефлекторная деятельность. При этом регуляторная функция психики обосновывается бинарной структурой бытия, и опирается на соотношении онтологического и гносеологического отношений как более широкого отношения по отношению к более узкому. Тем самым теоретически доказывается: психика как познавательное (регулятивное гносеологическое) отношение, включено, как регуляторный фактор, в структуру онтологического отношения, то есть деятельности как процесса взаимодействия человека и бытия.

Здесь же необходимо ещё раз отметить, что познание (гносеологическое отношение) не создаёт онтологических изменений, а только фиксирует онтологической структуры в “чистом” виде. Очень важно при этом указать, что первичным в познавательном отношении является существование, поскольку для выявления сущности как своей конечной цели, познание в первую очередь встречается с внешней самой сущности, с её существованием. В реальности же, в реальном процессе онтологического преобразования, имеет место бытийная одновременность сущности и существования.

Становится понятным то особое значение, которое сам Рубинштейн придаёт человеческой чувственности — той генетически исходной сфере, в которой (и благодаря которой) возникают все вышележащие рациональные сферы человеческого существования, и которая определяет их количество и качество, раскрывающие внутреннее содержание способа детерминации человеческой реальности.

Идея онтологически-гносеологической структуры бытия является основополагающей для объяснения природы психического в рефлекторной концепции психического. На основании этой идеи может быть обоснована рефлекторная природа психики и деятельность как форма психической активности.

Как известно, в рефлекторной концепции психики фундаментальным является рассмотрение психики в гносеологическом плане, как гносеологической категории, как высшей формы отражения. При этом неоднократно подчёркивается единство онтологического и гносеологического аспектов психического, в противовес их разделению в других концепциях.

Онтологизация психического проводится С.Л.Рубинштейном на основании объединения идеального и реального, а не на основе их разделения. Но в этом единстве онтологического и гносеологического аспектов психического подчёркивается первичность и независимость от психики её объекта отражения, независимость отражаемого от его отражения.

Для рефлекторной концепции психического чрезвычайно важен тот факт, что психика как рефлекторный процесс отражения не выражает неких внутренних состояний мозга, а отражает объективную реальность. При этом фундаментальная онтологическая позиция самого С.Л.Рубинштейна заключа-

ется в том, что процедура онтологизации субъекта означает исходную принадлежность ему его чувственности, и в первую очередь, способности к ощущению. Отсюда чрезвычайно важным и методологически необходимым для рефлекторной концепции психического становится утверждение о том, что в любом психическом явлении изначально содержится потенция знания и сознания, причём это психическое явление не обязательно должно быть человеческим. Этим только подтверждает положение об исходном гносеологическом содержании психического, а специфика человеческой психики здесь состоит в отражении не только природного, но и социального бытия. Следовательно, принцип отражения, положенный в основу как рефлекторной, так и культурно-исторической концепций психики, в субъектно-деятельностной концепции реализуется как принцип познавательного воссоздания объекта, в противоположность концепции А.Н.Леонтьева, где принцип отражения реализуется как принцип уподобления объекту.

Особая специфика психического в рефлекторной парадигме человека, придающая глубокую значимость самой субъектно-деятельностной концепции, содержится в его двойной интерпретации: как отражения и как переживания. Интерпретация психики как единства отражения и переживания является оригинальным способом обоснования соотношения идеального и реального как характеристик самого психического. Вполне закономерно следует и утверждение о том, что рефлекторный процесс психического отражения также является как познавательным, так и аффективным явлением.

По нашему мнению, можно говорить о том, что целостное психическое отражение, по своему содержанию являющееся всегда и изначально гносеологическим, на самом деле состоит не из двух составляющих различной природы, а представлено двумя различными формами одного и того же отражения: объектной и субъектной. Содержанием первой является отражаемый объект, а содержанием второй является сам отражающий субъект.

В логике объективного (онтологического) метода С.Л.Рубинштейна, сознание естественным образом интерпретируется как относящееся к объекту, к внеположенной ему объективной реальности. В своём противостоянии идеалистической трактовке психики, С.Л.Рубинштейн неоднократно подчёркивал естественную природу самого сознания, корнящегося в глубинных свойствах неорганической материи. Таким образом, можно утверждать, что самим С.Л.Рубинштейном сознание трактуется онтологически, как осознанное бытие. В этом смысле предметность сознания (осознания) как психологической действительности означает не отношение к явлениям (феноменам) психики, а, напротив, отношение к предметному миру посредством явлений психики.

Несмотря на общую адаптивную природу сознания и психики как познавательного отношения, тем не менее, подразумевается и их различие, особая специфика сознания. Специфичность сознания как особой психологической действительности характеризуется наличием гносеологического образа как самостоятельной (идеальной) действительности. Сознание, с одной стороны, как и любая другая психологическая действительность является способом отражения бытия, а, с другой стороны, его специфическая особенность как психического заключается в том, что сознание есть человеческий способ отражения

бытия. Поэтому у человека имеется образ не просто отражённого, но и осознанного бытия: “Психика, сознание отражает объективную реальность, существующую вне и независимо от неё; сознание – это осознанное бытие” [2, с.10].

В рефлেকторной концепции психики возникновение сознания непосредственно связывается с возникновением самостоятельной действительности гносеологического образа. Именно по критерию наличия или отсутствия познавательного (гносеологического) образа отражения С.Л.Рубинштейн разделяет сознательную и бессознательную психические сферы. На наш взгляд, закономерно резюмировать: сфера сознания — это действительность гносеологических образов, образующих самостоятельное (идеальное) пространство сознания, а сфера бессознательного — это “следы” внешних сигналов, не имеющие возможности быть преобразованными (или еще не успевшие преобразоваться) в гносеологические образы.

Стало быть, бессознательное с точки зрения рефлекторной концепции психики – это нейрофизиологическая структура рефлекторной деятельности мозга, не способная быть преобразованной в собственно гносеологический образ, а сознание – это структура рефлекторной деятельности мозга, по тем или иным причинам преобразованная в гносеологический образ и существующая относительно независимо от нейрофизиологической структуры как своей собственной основы. Следовательно, с точки зрения рефлекторной концепции психики, механизм возникновения сознания является рефлексия, которая понимается как отношение гносеологического образа объекта к самому объекту (в случае, если отражение рассматривается в форме субъективного переживания, тогда под рефлексией понимается отношение потребности как образа себя к предмету своей потребности). Значит, в рефлекторной концепции психики сознание является гносеологической категорией, возникает в процессе осознания внешней реальной действительности и представляется собой совокупность знаний об этой действительности. Отметим также — основная особенность сознания как психического отражения, в отличие от психического отражения вообще, та, что если психическое вообще есть отражение естественного (природного) бытия, то сознание есть отражение искусственного (социального) бытия.

Особое значение в рефлекторной концепции психики имеет положение о сознании как переживании. На наш взгляд, оно имеет не просто важное, а стратегическое значение, поскольку при определённых условиях способно стать основой для построения единой онтогенетической модели развития человека, которая выводится, как из своего единого основания, из непосредственно-чувственной сферы человека. Такая возможность заложена, по нашему мнению, уже в самом определении сознания, которое дал С.Л.Рубинштейн ещё в своих “Основах”: “... наша концепция. А. Сознание – это специфическая форма отражения объективной действительности, существующей вне и независимо от него, поэтому психический факт не определяется однозначно одним лишь отношением к объекту, переживанием которого он является. Он предполагает отношение к объекту, который в нём отражается. Будучи выражением субъекта и отражением объекта, сознание – это единство переживания и знания. Б. Психическое переживание – непосредственная данность, но познаётся и

осознаётся оно непосредственно через своё отношение к объекту. Психический факт – единство непосредственного и опосредованного. В. Психическое несводимо к одному лишь “явлению сознания”, к его отражению в себе самом. Сознание человека – не замкнутый внутренний мир. В собственном внутреннем содержании оно определяется посредством своего отношения к объективному миру. Сознание субъекта несводимо к чистой, т.е. абстрактной, субъективности, извне противостоящей всему объективному. Сознание – это осознанное бытие, единство субъективного и объективного” [2. с.20].

В приведенной цитате самым существенным для нас является определение сознания как единства отражения и переживания, единства знания и переживания, единства гносеологического и онтологического. С нашей точки зрения, утверждение о том, что сознание является отражением объекта и выражением субъекта (которое выражает отношение субъекта к объекту), означает только то, что в данном случае мы имеем дело с двойным отражением. В первом случае мы имеем классическое отражение, в результате которого возникает субъективный образ отражаемого объекта. Во втором случае мы имеем необычное отражение (необычное для классической теории отражения). А именно, мы имеем отражение объектом субъекта, в результате которого возникает объективный образ самого субъекта. Это и есть переживание субъекта как объективный образ самого себя как объекта собственного отражения. Естественно, теперь можно утверждать, что сознание является единством двух форм знания как результатов двойного отражения: рационального знания и эмоционального знания. Именно так мы интерпретируем структуру сознания как единства знания и переживания. Соответственно понимается нами и отношение субъекта к объекту – отношение как знание субъектом объекта, и отношение как знание себя как объекта, существующее в эмоциональной форме.

В этом случае зависимость осознания не только от имеющегося знания и осуществляющегося как опознание, но и от отношения, может быть легко интерпретировано как зависимость от неявного знания необходимости осознания. Таким образом, эмоциональная форма знания (неявное знание), выражающая знание необходимости объекта субъекту, вполне может быть интерпретирована как отношение.

Если понимать под психологическим содержанием сознания процесс осознания (или “опознания”, как в некоторых местах говорит сам С.Л.Рубинштейн) как процесс превращения содержания независимого от него предмета в собственное содержание сознания – знание, то и в этом случае отражение и отношение представляются также как гносеологические процессы. Только отношение связано с неявным знанием в его эмоциональной форме. И вполне естественно, что сознание выражает бытие индивида, поскольку отношение как неявное знание обеспечивает “опознание” самого субъекта в предмете собственной потребности.

Нам представляется, что наиболее отчетливо положение об отражательной природе субъект-объектного отношения сформулировано в следующем фрагменте книги С.Л. Рубинштейна “Бытие и сознание” (М.,1957. С.264): ““Подлинной конкретной “единицей” психического (сознания) является целостный акт отражения объекта субъектом. Это образование сложное по своему

составу; оно всегда в той или иной мере включает единство двух противоположных компонентов — знания и отношения, интеллектуального и “аффективного” (в вышеуказанном смысле), из которых то один, то другой выступает в качестве преобладающего” [3, с.138]. Как видно, здесь в достаточно явной форме выражена отражательная природа субъект-объектного отношения как составляющего элемента целостной структуры психического отражательного акта.

Можно с уверенностью утверждать, что онтологизация субъекта и его сознания в рефлекторной концепции психики осуществляется за счёт приписывания субъекту рефлекторного способа существования и поэтому, без сомнения, в рефлекторной концепции психики реализована модель адаптивного человека, целью которого является адаптация в систему социальных отношений.

Онтологизация субъекта и его сознания через обоснование их рефлекторной (адаптивной) природы приводит к тому, что субъектность сознания раскрывается через его эмоциональную форму (переживание), т. е. фактически отождествляется с принадлежностью субъекту. Поэтому предметность сознания понимается как рациональная форма отношения субъекта и его сознания к независимому от них бытию, а субъектность – как эмоциональная форма того же отношения. Оттого у С.Л.Рубинштейна одно и то же познавательное (гносеологическое) отношение приобретает две формы — рациональную и эмоциональную, а эмоциональная форма объявляется практическим отношением (или практическим сознанием) только потому, что человек за счёт своих неосознаваемых рефлекторных процессов непосредственно взаимодействует с объективной реальностью. Но в таком случае с таким же успехом можно говорить о практическом отношении к объективной реальности любого живого существа, имеющего нервную систему.

Конституирующий компонент сознания – смысл – также имеет место и в рефлекторной концепции сознания. Здесь смысл определяется через значение и ценности. Наивысший уровень смысл приобретает в форме смысла жизни, который признаётся важнейшей характеристикой человека как субъекта жизнедеятельности: “Смысл жизни является самой глубокой теоретической характеристикой субъекта” [3, с.231].

Для сознания, в отличие от психики в целом, характерно семантическое (смысловое) содержание, которое существует в эмоциональной форме переживания психического образа. Таким образом, можно говорить о символических явлениях (символах) сознания, которые возникают в результате объединения рационального и эмоционального познавательных образов. Следовательно, в рефлекторной концепции психики под сущностью сознания понимается эмоциональная форма отношения к объективному миру (переживание).

Как известно, одним из конституирующих принципов субъектно-деятельностного подхода в психологии является приписываемый марксизму принцип единства сознания и деятельности. В данной психологической концепции он трактуется таким образом, что становится очевидным основной её вывод: человеческим способом существования, отличающим его от существо-

вания других живых существ, является способ существования как субъекта сознания и деятельности.

С нашей точки зрения, этот вывод не в полной мере соответствует известному марксистскому положению о том, что истинно человеческим отношением (читай — способом существования) является предметная деятельность. В этом случае предполагается, что сознание есть органическая составляющая более общей структуры предметной деятельности, которая своей тотальной структурой задаёт структуру любого своего составляющего компонента, каким, в том числе, является сознание. Нам представляется, что в результате признания предметной деятельности единственным генетически исходным специфическим способом существования человека, должна решаться задача о выведении структуры сознания из общей структуры предметной деятельности, а не о связывании в единое целое исходно различных модальностей, исходно различных способов существования.

Исходя из различной постановки вопроса о человеческом способе существования, можно говорить о возможных различных, и даже противоположных решениях. Различные исходные посылки и соответствующие им различные решения лежат в основе методологических расхождений известных психологических школ (рефлекторной и культурно-исторической). Один вариант исходной постановки проблемы происхождения психики базируется на понимании сознания и деятельности как исходно различных модальностей. Исходя из общепринятых современных значений термина “модальность” (от лат. *modus* – вид и способ), можно сделать уверенный вывод, что С.Л.Рубинштейн, трактуя принцип единства сознания и деятельности, не мог не трактовать их как различные способы. Это даёт нам убедительные основания говорить о том, что в субъектно-деятельностной концепции содержанием принципа единства сознания и деятельности является задача соединения изначально различных способов существования человека, что, возможно, свидетельствует о том, что двойная детерминация психического, подвергавшаяся резкой критике со стороны представителей культурно-исторической концепции, заложена уже в самой методологической основе концепции.

Субъектно-деятельностная концепция психики, как известно, основывается на рефлекторной парадигме психического, на естественной природе происхождения человека и его психики. Но, с другой стороны, естественная природа человеческой психики является лишь средством для осуществления основной исторической функции психического – отражения. Поэтому, в рамках рефлекторной парадигмы психического, психика – это единство природного и отражательного, единая онтологически-гносеологическая действительность.

В рамках рефлекторной парадигмы психического существует обоснование природы человеческого действия (деятельности). Это обоснование осуществляется в рамках традиционно понимаемого материалистического детерминизма исходя из необходимости решения организмом биологически значимых задач. Вполне естественно для рефлекторной парадигмы, выводящей психику из рефлекса, обосновывать природу человеческой деятельности, выводя её из движений мышечной системы. В рамках рефлекторной парадигмы также впол-

не естественным выглядит утверждение об общей природе психики человека и животного (а может быть даже и растений).

Основная научная задача, решаемая в рамках рефлекторной парадигмы – обоснование не только общей природы психического у всех живых существ, но и доказательство непрерывности (дизъюнктивности) различных аспектов деятельности головного мозга. В этом смысле одним из решений является утверждение о распространении физиологических законов на все психические явления: “Распространение физиологических законов высшей нервной деятельности на все психические явления, а не только на их физиологическую “основу” как раз и означает, что между физиологическими и психическими аспектами головного мозга нет разрыва, дуализма, дизъюнктивности” [4, с.119]

На наш взгляд, идея дизъюнктивности представляет собой не что иное, как современный вариант эволюционного понимания развития, в котором акценты расставляются не на не его интенсивном аспекте, т. е. не на качественных изменениях и механизмах возникновения нового, а на экстенсивном аспекте развития, на подчёркивании общего, на попытках распространить законы функционирования как воспроизводства качества на процессы развития, т.е. возникновения нового качества.

Эволюционная парадигма развития вообще, и эволюционная парадигма психики, в частности, не учитывает одной из важнейших особенностей развития как качественного изменения, а именно, понимание развития как изменения самого типа развития. Наоборот, эволюционная парадигма стремится развитие объяснить функционированием, вывести из функционирования, что неизбежно приводит к выводу о зависимости развития от особенностей функционирования. На наш взгляд, это является методологической ошибкой, поскольку качественные изменения, т. е. генезис, связаны с возникновением нового качества, и никак не могут являться следствием функционирования как способа воспроизводства старого качества, т.е. способа воспроизведения старого качества. Если эти аспекты развития и связаны, то их связь очень и очень опосредована.

Теоретические установки на качественную общность “высших” и “низших” процессов приводят к тому, что человеческая психика и физиологические процессы объявляются однопорядковыми и существенно неразличимыми. Именно поэтому основным способом человеческого существования объявляется человеческая телесность (органическая организация, естественная природа человеческого тела), которая этим способом выражает отношение человека к миру. Не случайно в рефлекторной парадигме человека глубинным основанием психического, психической деятельности признаётся человеческая индивидуальность (природность, естественность, органичность). Именно индивидуальность становится здесь объективным и главным свойством человеческой жизнедеятельности. С этих позиций вполне объяснимыми ставятся попытки обоснования человеческой деятельности через психофизиологические механизмы и другие аспекты физиологических систем человеческого организма. Всё это вполне укладывается в естественно-рефлекторную парадигму человеческой психики, которую не только разделял, но и сделал методологическим основанием своей психологической концепции Рубинштейн-психолог.

Общие естественнонаучные установки в отношении психики как продукта биологической эволюции, были конкретизированы положением о мозге, как органе, осуществляющем психическое отражение. В этом смысле отражательная деятельность мозга человека и отражательная деятельность мозга животного, оставаясь одинаковой по содержанию рефлекторных механизмов, различаются тем, что у животных она осуществляется под воздействием естественных факторов, а у человека – под воздействием социальных. Теоретической основой для таких выводов служит известная теория условных рефлексов И.П. Павлова и понятие “вторая сигнальная система”.

Основатель субъектно-деятельностной концепции психики, С.Л.Рубинштейн практически во всех своих значительных трудах неоднократно подчёркивал, что психика является функцией мозга, что первичный способ существования психического – это рефлекторная деятельность мозга. Это означает, что также неоднократно подчёркивал и С.Л.Рубинштейн, — психика в рефлекторной парадигме есть чисто природное явление. Рефлекторная парадигма психического, следовательно, утверждает две важнейшие вещи: во-первых, что психика есть естественно-природная рефлекторная деятельность мозга, и, во-вторых, психика – это всегда детерминированная извне рефлекторная деятельность мозга.

В рамках субъектно-деятельностной концепции психического именно рефлекторная деятельность мозга есть активная связь, отношение субъекта (человеческого индивида) с внешним миром. Отстаивая свой вариант материалистического понимания психики, тем самым одновременно выступая против её изолированного, интроспекционистского понимания, сторонники рефлекторной парадигмы утверждают, что источником познавательной активности и содержанием рефлекторной познавательной деятельности мозга является внешний мир. Поэтому необходимо рассматривать психическую рефлекторную деятельность не как односторонне детерминированную (только лишь изнутри, естественной природой мозга, или только лишь извне, внешним миром), а как испытывающую двойную – внешне-внутреннюю детерминацию. В этом смысле С.Л.Рубинштейн уже в своих ранних работах рассматривал мозг как некое устройство, как природный механизм, осуществляющий различные виды деятельности.

Современные представители рефлекторной парадигмы психического, продолжая стратегическую линию Рубинштейна-психолога на качественное подобие (качественную аналогию) физиологического и психического, и в настоящее время продолжают отстаивать этот спорный для нас тезис. В своей философско-методологической позиции они находят поддержку у философов, разрабатывающих естественнонаучную (информационную) концепцию сознания, опирающуюся на информационную модель идеального [5; 4, с.112]. С философской точки зрения, такая позиция означает, что человеческая психика как самостоятельная действительность не существует, а всегда реально есть только функция мозга, которая определяется и задаётся естественными факторами, эволюция которых детерминирована социально. Исходя из основополагающих установок рефлекторной парадигмы психики следует, что именно мозг, а не человек является субъектом психической (и не только психической) деятель-

ности. Более того, точка зрения на психику как деятельность субъекта, а не его мозга, самим С.Л.Рубинштейном подвергается резкой критике в связи её нематериальностью и относится автором к интроспекционистским (необъективным) методам. В результате устанавливается факт, что любой психический образ, в том числе мысль (а также, надо полагать, значение и смысл), являются результатом и продуктом рефлекторной деятельности мозга (как единственного органа человеческой психики). И хотя при объяснении механизмов происхождения идеальных образов С.Л.Рубинштейн избегает аналогий с органической продуктивностью (производительностью), тем не менее, согласно его утверждениям, мозг “производит” и психику, и, что для нас наиболее странно, и сознание: “Мозг “производит” психику, сознание, мысль не так, как печень производит желчь, потому что и самая психика, сознание, мысль существенно отличается от желчи и прочих физических продуктов органической жизни. Её основное свойство – отражение, выражая отношение к действительности, к бытию в целом, она выходит за пределы внутриорганических отношений” [2, с.97].

Как известно, рефлекторная парадигма человеческой психики базируется на понятии “психорефлекс”, в своё время введенном усилиями физиологов, среди которых были И.М.Сеченов с В.М.Бехтеревым. Современные представители рефлекторной парадигмы психического подчёркивают чрезвычайную важность рефлекса для объяснения человеческой психики и отмечают его бессознательную и субстратную природу: “Рефлекторное понимание психической деятельности означает, - пишет Е.А.Будилова, - что психические явления возникают в процессе взаимодействия индивида с окружающим миром и они неотделимы от материальной нервной деятельности мозга, благодаря которой осуществляется это взаимодействие” [6, с.89].

Рефлекторная природа человеческой психики, рефлекторная деятельность мозга, будто бы утверждающая материалистический взгляд на природу человеческой психики, на самом деле утверждает в психологической науке адаптивную сущность человека и нерелексивную природу его сознания. Это важнейшее положение мы основываем на анализе методологических оснований рефлекторной парадигмы человеческой психики (и человека вообще), представленных как в текстах самого С.Л.Рубинштейна, так и в текстах современных его последователей и учеников. Анализ этих оснований рефлекторной парадигмы и высказываний, посвящённых этому феномену, позволяет сделать вывод о том, что в рефлекторной парадигме природа сознания является такой же нерелексивной, как и психики вообще. Нерелексивная (а мы бы взяли на себя смелость с полной ответственностью утверждать, что в этом случае – адаптивная) природа сознания однозначно выводится из того факта, что сам психический рефлекторный процесс в рефлекторной парадигме психического в принципе никогда не становится предметом сознания.

Это методологическое основание является главным обоснованием нерелексивности самого сознания; оно и не может быть иным, поскольку его рефлекторная природа предполагает наличие конституирующих его компонентов, которые сами не становятся предметом осознания. Т.е. не становятся предметом рефлексивной деятельности сознания. Если сказать точнее, такое

сознание, которое предполагает наличие неосознаваемых собственных компонентов, по своей природе неререфлексивно. Но для рефлекторной парадигмы, неререфлексивность как непрерывность бессознательного и сознательного и бессознательное как естественный источник происхождения сознания представляются не проблемой, а материалистическим достижением. С нашей точки зрения, это ещё раз доказывает, что эволюция вообще, и эволюция как механизм происхождения сознания из бессознательного является действительным предметом рефлекторной парадигмы человека.

Вполне закономерным, поэтому, выглядит утверждение, что человеческая психика в своих исходных процессах генезиса, включая такие её феномены как мышление и сознание, представляет собой исключительно бессознательные (неререфлексивные) процессы. Для нас это означает, что любые процессы развития, понимаемые с позиций рефлекторной парадигмы человека, представляют собой адаптационные процессы, в которых человек принимает участие, не становясь сознательным фактором их детерминации. С позиций рефлекторной парадигмы, развитие с человеком у человека случается, а не он сам целенаправленно конструирует и практически осуществляет траекторию собственного развития. Т.е. человека развивают обстоятельства, а не он сам развивается. Значение выбора заключается в возможности выбора конкретной причины, а не в возможности преодоления причинного характера детерминации своего развития.

По своей философской ориентации субъектно-деятельностная концепция психики является марксистской. Как и у К.Маркса, в ней отдаётся приоритет человеку, в центр субъектно-деятельностной концепции также ставится человек. Но в отличие от гуманизма марксистской концепции человека, где всё-таки подчёркнуты универсальные возможности человека, в субъектно-деятельностной концепции психики чётко проводится линия заданности человека и всего человеческого в нём социальной детерминацией, настойчиво подчёркивается его социальная сущность. И хотя в “Человеке и мире” сам Рубинштейн-философ отказывается от социальности как исчерпывающей человека сущности, тем не менее, Рубинштейн-психолог создаёт свою психологическую концепцию человека именно как социально детерминированного существа.

В дальнейшем данная методологическая позиция много раз использовалась в научных спорах против культурно-исторического понимания психики. В настоящее время тезис о социальной детерминации человека и человеческой психики сформулирован как зависимость человека и его психики от его собственной социальной роли, от того места, которое он занимает в системе реальных объективных и конкретных социальных отношений того микросоциума, участником которого выпало быть ему судьбой.

Как известно, центральной категорией субъектно-деятельностной концепции, как и вообще рефлекторной парадигмы человека, является понятие “активность”, а не деятельность. Поэтому именно активность, понимаемая как рефлекторная активность мозга, является системообразующей категорией во всей целостной системе понятий рефлекторной парадигмы. Деятельность есть лишь форма, в которой проявляется активность.

Поэтому социальный фатализм рефлекторной парадигмы человека, во-первых, всегда описывается в терминах активности, а во-вторых, выражается, по мнению современных методологов рефлекторной парадигмы, в признании истинным субъектом лишь совокупности кооперированных индивидов. То есть, вне этой кооперации (или совокупности) человеческий индивид субъектом не является и самостоятельную ценность не представляет. Эта мысль разделяется и другим видным психологом рефлекторной школы: "... только реальный индивид, всегда выступающий в системе общественных взаимосвязей с другими людьми, является субъектом психического как процесса" [4, с.169].

Специфика социальной детерминации человеческого индивида, с точки зрения рефлекторной парадигмы психического, заключается в том, что реальное бытие (и, стало быть, её реальное сознание) личности полностью определяется её социальной ролью, полностью зависит от характера общественных отношений, в которые она в данный момент включена. Именно в этой непосредственной зависимости индивида от конкретно складывающейся социальной структуры мы видим проявление социального фатализма и потенциальной и актуальной несвободы личности и субъекта от своей естественно-социальной природы. Социальный фатализм явно проглядывает в некоторых текстах, где человек фактически описывается как "орган" социальной жизни. Причём, индивид-орган означает, что человек становится субъектом только в том случае, когда он использует общественно-признанные способы осуществления собственной активности. В противном случае он не субъект: "Психика, психология личности возникают как "органы" общественной жизни на индивидуальном уровне, они есть "органы" индивида, однако от самого этого факта он не становится их субъектом, поскольку он не приводит их в действие. Но психология личности воплощает в себе ... общественные способы использования её активности, а также порождённые ими черты психики и личности" [7, с.49]. Здесь прямо и недвусмысленно указывается на социальную заданность индивида, которая полностью определяется социальными отношениями. Более того, сама индивидуальная жизнедеятельность авторитарно задаётся характером социальной жизнедеятельности. С нашей же точки зрения, данное утверждение означает, что социальная структура в какой-то момент развития индивидуально-социального человека становится его пределом, его ограничивающим началом, вступающим в антагонистические противоречия с его универсальной сущностью.

Фатальная заданность индивидуальной жизнедеятельности её конкретным общественным положением непосредственно вытекает из заявленного методологического принципа о социальной детерминированности субъекта (о личности как совокупности общественных отношений). С этой точки зрения действительно, индивидуальная жизнедеятельность есть социальная жизнь, исполненная в индивидуальном варианте. Фатализм индивидуального существования объясняется тем, что человек не просто детерминирован в своей индивидуальной жизни социальными отношениями, но что его жизнь задаётся именно конкретным типом социальных отношений. Поэтому субъект (личность) в рефлекторной парадигме человека – это человек, все возможности которого, включая и содержание индивидуального сознания, определены, заданы его позицией в общественных отношениях.

В субъектно-деятельностной концепции социальная детерминация практически всегда выступает как социальная ограниченность, если рассматривать социальную природу в отношении к универсальной природе человека. Поэтому социальный критерий, применённый к универсальному человеку, выглядит как способ консервации и сдерживания всеобщего импульса к развитию, если оценивать и возможности, и действительность человека только на основании социальных мерок. Квинтэссенцией рефлекторной парадигмы человека, на наш взгляд, является положение о неспособности личности самостоятельно изменить собственную позицию, невозможность преодолеть социальные пределы.

Теоретически такая подчинённость и подавленность социумом следует из социальной природы человека и распределения как социального механизма человеческого существования. Поэтому и пределы ответственности (следовательно, и пределы свободы, и любые другие человеческие пределы) определяются не самим человеком, не его универсальной сущностью, а конкретным типом конкретных социальных отношений (как будто мы совсем забыли положение того же К.Маркса, что общество, социальные отношения есть продукт взаимодействующих индивидов. Их продукт, а не их предел).

Социальная детерминация неизбежно превращается в социальную судьбу, фатальность которой задана тем, что необходимая социальность индивида определяется не зависящим от него социальным способом его индивидуально-функционального функционирования в независимых от него социальных отношениях. Весьма печально то, что эта социальная привязка теоретически обосновывается как непосредственная зависимость от конкретной социальной группы, коллектива, клана (достаточно вспомнить подавляющую любые личностные проявления роль сельских общин в дореволюционной России).

Таким образом, принятие социальной природы человеческого индивида и его психики в рамках рефлекторной парадигмы неизбежно приводит к признанию адаптивности и пассивности человеческого индивида, а субъектность его должна пониматься как способ включения (адаптацию) индивида в социум и воспроизводства своей индивидуальной деятельностью общественного способа своего индивидуального существования, не производимого и не изменяемого самим индивидуальным субъектом.

Сторонники концепции социальной природы человека рассматривают психику как такую способность социального индивида, которая обеспечивает возможность совокупной деятельности социальных субъектов. При этом всегда подчёркивается, что, во-первых, психика является органом его общественной жизни, и во-вторых, что она происходит не от его индивидуальной или культурной (всеобщей) форм деятельности, а от конкретного способа социальной организации совокупного субъекта. Познание и деятельность, являющиеся двумя характерными способами человеческого существования, с точки зрения социальной природы происхождения человека интерпретируются как, с одной стороны, способ раскрытия логики объекта, а с другой, — как способ раскрытия логики деятельности социального субъекта. В этом случае психика предстает как некий способ установления “расхождения” логики социального субъекта с логикой объекта и дальнейшего согласования этих логик.

Едва ли не самым главным достижением Рубинштейна-философа является открытие между субъектной природы человеческого индивида. Логическим основанием для такого открытия является предположение всеобщей природы человека, которая конкретно заключается в признании единства единичного и всеобщего как внутренней характеристики человеческого индивида. В данном случае Рубинштейн-философ вступает в противоречие с Рубинштейн-психологом, который, в свою очередь утверждает, что человек есть эмпирический субъект, и именно на этом утверждении Рубинштейн-психолог строит свою субъектно-деятельностную психологию.

Всеобщность человека, человеческого индивида, эта его родовая характеристика, по С.Л.Рубинштейну, проявляется (и существует, реально осуществляется) через его отношение к другому человеческому индивиду. Именно этот факт позволяет ему утверждать, что природа человека – между субъектна. Т.е. человек как всеобщее, универсальное, родовое существо существует (осуществляется) как человек только в между субъектном пространстве. В связи с этим, для рубинштейновской философской концепции человека категория “отношение” становится существенной и едва ли не самой главной.

Он обосновывает свой вывод о между субъектной природе человека тем, что поскольку каждое единичное “Я” является одновременно и всеобщим “Я”, то этот всеобщий аспект каждого единичного “Я” (в терминах самого Рубинштейна – частного “Я”) может быть определён не через отношение “Я” самого к себе как себя единичного к себе же всеобщему, а только через отношение одного единичного “Я” к другому единичному “Я”. Именно в этом между субъектном отношении, по мнению С.Л.Рубинштейна, выявляются всеобщие характеристики человека.

Здесь возникает теоретическая (и, следовательно, практическая) проблема содержательного различия социальных (общественных) и между субъектных отношений. Психологическое содержание проблемы заключается в том, что считать исходным — сами отношения или человеческих индивидов. Как известно, субъектно-деятельностный подход сформировался как психологическая концепция именно на понимании приоритета социальных отношений перед человеческим индивидом.

В этом смысле идея Рубинштейна-философа о между субъектной природе всеобщего человека (человека как всеобщего существа) в принципе отличается от идеи социальных отношений как детерминанты человеческого индивида. Это противоречие – лишь одно из многих характерных для философской модели человека и её психологической реализации в субъектно-деятельностной концепции происхождения психики.

Чрезвычайную, и даже стратегическую важность представляет для нас и для нашей дальнейшей работы мысль Рубинштейна-философа о детерминированности одного индивидуального бытия другим индивидуальным бытием. Особое значение при этом имеет методологическое по своему содержанию утверждение о том, на самом деле важно не столько то, что “моё отношение к себе опосредствовано моим отношением к другому”, а что “моё отношение к самому себе опосредовано отношением ко мне другого”: “... моё бытие как субъекта для меня самого опосредствовано, обусловлено, имеет своей необхо-

димой предпосылкой моё бытие как объекта для другого. Значит, дело не только в том, что моё отношение к себе опосредствовано моим отношением к другому ... , но и в том, что моё отношение к самому себе опосредствовано отношением ко мне другого” [1, с.336].

Надо полагать, что акценты, которые в современном субъектно-деятельностном подходе переносятся с субъект-объектных на субъект-субъектные отношения, имеют своим исходным основанием концептуальные построения С.Л.Рубинштейна. Правда, в том виде, как они сформулированы им самим, с нашей точки зрения, их философское содержание в современной субъектно-деятельностной концепции пока ещё не нашло своё воплощение в психологическом содержании субъект-субъектных отношений. Несмотря на это, мы уверены, что стратегической для всей психологической науки является признание междусубъектной природы человека, поскольку: “лишь через своё отношение к другому человеку человек существует как человек” [1, с.373].

Для современной психологии (как “западной, так и “восточной”) давно стало общим местом положение о детерминирующем характере сознания. Тем не менее, конкретный характер и конкретная роль сознания в человеческой жизнедеятельности по-разному понимается и по-разному интерпретируется в различных психологических концепциях. Исходя из общеметодологических установок субъектно-деятельностной концепции, главной функцией сознания, как психического феномена, является регуляторная, т. е. функция определения соотношения между поведением человека, его потребностями и условиями, в которых совершается человеческое поведение.

Важнейшей функцией сознания, выделяемой С.Л.Рубинштейном, является предвосхищение результатов человеческой деятельности. Осуществляется данная функция за счёт того, что сознание есть, с одной стороны, особый (социально детерминированный) способ отражения, с другой, что результат отражения является средством регуляции деятельности.

Исходя из общих теоретических положений о психике как гносеологической категории, в субъектно-деятельностной концепции сознание как детерминирующий фактор деятельности полностью определяет специфику человеческого способа существования. При этом существенной особенностью субъектно-деятельностной концепции, в значительной мере отличающей её от других психологических концепций, является определение сознания не только через рациональную форму отражения (через классический гносеологический и социально детерминированный рациональный образ отражения), но ещё и через эмоциональную форму отражения (непосредственно-чувственный образ отражения) – переживание. Причем переживание в субъектно-деятельностной концепции интерпретируется как отношение. Поэтому совсем не случайно сам Сергей Леонидович Рубинштейн особое значение придавал этике, понимая её особым образом, как онтологическую действительность. Это явилось необходимым следствием положения о сознательной детерминации человеческой жизнедеятельности, которая выступает как один из двух основных способов человеческого существования: “Этика ... представляет собой ... необходимую составную часть онтологии. Это есть не что иное, как детерминация бытия че-

рез сознательную его регуляцию, которая выступает как специфический способ существования человека” [1, с.331].

Сознание как психологический феномен в субъектно-деятельностной концепции имеет обоснование и с точки зрения процессов, механизмов и средств его осуществления. Одним из главных факторов человеческого сознания, его специфической особенностью, отличающей сознание как феномен человеческой психики от любого другого человеческого и до-человеческого психического явления, является его социальная природа. Конкретно социальная природа сознания выражается в том, оно не существует без социальных средств – знаний. В связи с тем, что сознание в субъектно-деятельностной концепции понимается как гносеологическая категория, соответственным образом понимается и процесс (механизм) осознания. А именно, осознание (по С.Л.Рубинштейну) – это опознание объективной реальности и самого себя за счёт установления отношения между социальным (общественным) знанием и предметом опознания. Осознать – значит узнать, опознать. На психологическом уровне процесс осознания (опознания) осуществляется как процесс соотнесения индивидуальных непосредственных чувственных психических образов отражения с рациональными образами отражения, имеющими социальную природу. Таким образом, в субъектно-деятельностной концепции осознание интерпретируется как процесс соотнесения индивидуальной (чувственной) формы психического образа отражения с социальной (рациональной) формой нормативного образа отражения.

Но главным для сознания и осознания является на сам психический образ (индивидуальный или социальный; чувственный или рациональный), а тот факт, что психологическим содержанием образа сознания является отношение самого психического явления (деятельности, поступка, переживания) и причины возникновения этого психического явления. В связи с этим, С.Л.Рубинштейн подчёркивает, что независимо от конкретных психологических феноменов и многообразия их причин, механизм осознания всегда один и тот же. А именно, психическое отражение как переживание соотносится с детерминирующим его фактором. Это и означает, что собственно психологическим содержанием сознания является отношение, но отношение как предмет отражения. Таким образом, жизненная функция сознания, в отличие от психического отражения вообще, заключается в том, чтобы устанавливать системные связи между всеми явлениями и предметами объективного мира и, тем самым, конструировать системную картину целостного объективного мира.

Ведущая функция сознания осуществляется и в человеческой деятельности, но только тогда, когда на психическом уровне фиксируется отношение между целью и конечным результатом деятельности. В этом случае, когда предметом психического отражения становится такая связь (отношение), мы говорим об осознанной деятельности (действии). Другой аспект осознания деятельности заключается в установлении отношения между собственно задачами (целями) и способами их осуществления. Критерием наличия сознания и здесь выступает факт делания предметом психического отражения отношения (в данном случае отношения между целями и способами деятельности).

Как известно, особое значение для обоснования сущности человека имеет такое понятие, как рефлексия. В субъектно-деятельностной концепции это понятие используется для описания процессов сознания и осознания (опознания). Более того, появление сознания как психологического феномена сам С.Л.Рубинштейн непосредственно связывает с возникновением рефлексии. Но в данной концепции рефлексия, так же как и сознание, являются понятиями гносеологическими, т.е. описывающими феномены и процессы познания. В данном случае рефлексия как гносеологическое понятие понимается как знание о действительности, находящейся за пределами самого этого знания.

В связи с общим гносеологическим пониманием сознания, осознания и рефлексии как механизма осознания, такой феномен как самосознание в субъектно-деятельностной концепции также интерпретируется как познание. Только в данном случае предметом познания становится не объективный мир, не внутреннее содержание собственного “Я”, а способ жизнедеятельности (способ существования), собственные отношения с объективной реальностью, с другими людьми.

Исходя из общей гносеологической установки на психическую действительность, в субъектно-деятельностной концепции именно в гносеологическом аспекте обычно истолковываются и сознание, и рефлексия как механизм сознания. Но, тем не менее, сначала у самого С.Л.Рубинштейна, а затем и у его последователей мы находим иное определение сознания, казалось бы, на первый взгляд, противоречащее его привычной гносеологической интерпретации. А именно, мы находим определение сознания как практического отношения субъекта к бытию: “Сознание не только знание и отображение – рефлексия бытия, но и практическое отношение к нему субъекта” [8, с.26]. Значимость рефлексии для сознающего человека подчёркивается и современными исследователями, работающими в рамках субъектно-деятельностной концепции психики. Здесь подчёркивается значимость рефлексии как механизма целобразования в процессе отражения.

Исключительно важное значение для концепции, развиваемой в настоящей работе, имеют понятия “субъективность” и “субъектность”. С другой стороны, эти же понятия являются существенными также и для субъектно-деятельностной концепции. Но если мы, содержательно различаем эти понятия, то в субъектно-деятельностной концепции они используются скорее как синонимы, нежели как различные понятия с различным психологическим содержанием. Так, например, в одной из своих первых фундаментальных книг известный философ и методолог субъектно-деятельностного подхода К.А. Абульханова-Славская прямо указывает на субъективное как синоним принадлежности субъекту: “Психическое выступает как субъективное в смысле принадлежности субъекту” [9, с.186]. Эта точка зрения ведёт своё начало, по видимому, от С.Л.Рубинштейна, который в одной из своих главных философских работ также однозначно указал на понимание им термина “субъективный” как синонима принадлежности индивиду, атрибутивности субъекта.

Это вообще лейтмотив всего деятельностного подхода – строить психологическую концепцию исходя из человеческого индивида как единственной психологической реальности, и психику определять. Именно в этом смысле,

по-видимому, надо понимать и слова К.А.Абульхановой-Славской о возрождении деятельности и её неотторжимости от субъекта. Нам представляется, что в данном варианте субъектно-деятельностный подход с таким же успехом мог бы быть назван атрибутивной концепцией психики.

Несмотря на то, что в субъектно-деятельностной концепции термины “субъективность” и “субъектность” фактически не различаются, следует подчеркнуть, что на самом деле субъектность как внутренняя характеристика человека имеет весьма существенное значение для определения его как уникальной личности. Она не только определяет характер личности, но и задаёт особый характер способу собственного воспроизведения субъекта. Как правило, субъектность связывается с идеей самодетерминации человека и при этом используется спиновская терминология: “... в философии, как известно, для обозначения этого особого рода причинности используется термин *causa sui* – “причина себя”” [10, с.8].

Главной идеей, которую Рубинштейн-философ пронёс через всю свою творческую жизнь, и которую воплотил в целостный текст только в самом конце своей жизни (к сожалению, так и не закончив этот труд), является идея об универсальном человеке, о человеческом бытии как отправной точке всего объективного бытия, что является специфической особенностью человеческого существования, в отличие от любого другого. К сожалению, идея универсальности человеческого бытия не смогла быть воплощена в его психологической концепции, так как в рамках субъектно-деятельностной концепции психики утверждается противоположное, что человек не только не стал центром преобразования бытия и единственным источником его развития, но человеческое бытие ограничено, и ограничено оно социально. То есть социальная природа человеческого индивида, которая является основой концепции Рубинштейна-психолога, вступила в неразрешимое противоречие с универсальной природой человеческого индивида, которая является основой концепции Рубинштейна-философа

Для психологии, как и для любой конкретной экспериментальной науки, основным предметом изучения является структура и динамика своего научного предмета. В этом смысле личность как предмет психологии интересует психологию с точки зрения её внутренней структуры и её онтогенетической динамики. Как известно, Рубинштейн-психолог исходил из распространённой до недавнего времени псевдо-марксистской установки о социальной природе человека (личности). И хотя в своей последней работе “Человек и мир” он фактически отказался от абсолютизации социальной детерминации человека и фактически описал человека универсального, а не человека социального, тем не менее, линия социальной детерминации индивидуального развития человека в дальнейшем стала основной в его субъектно-деятельностной концепции человекской психики.

С нашей точки зрения, именно установка на исходно социальную природу человека, побудила современных теоретиков субъектно-деятельностного подхода трактовать субъектность (конституирующую характеристику человека и его внутреннего мира) как способ выражения отношения личности к внешнему миру. После определения субъекта через систему его отношений к миру и

другому человеку само понятие “отношение” и его психологическое содержание становится весьма значимым для психологической науки в целом.

На основании принципа единства психики и деятельности, для того, чтобы определить психологическое содержание понятия “отношение”, следует заключить, что деятельность есть такой особый процесс, в котором отношение как психологическое содержание сознания, не только реализуется (выражается и осуществляется) в реальном предметном пространстве, но которое само и формируется в этом процессе собственной реализации. Именно деятельность, как один из двух главных способов человеческой жизнедеятельности, не только реализует, но и выражает отношение человека к реальному миру. Кроме того, в процессе осуществления деятельности отношение между задачами и способами их осуществления становится критерием, на основании которого можно говорить о наличии или отсутствии в данный момент сознания.

Анализ субъект-объектного отношения в терминах рефлекторной парадигмы человеческой психики показывает, что его содержанием является совокупность двух аспектов субъект-объектного отношения: его гносеологического аспекта и его психологического аспекта. Здесь под гносеологическим планом (аспектом) субъект-объектного отношения понимается способ воссоздания объекта субъектом, а под психологическим планом (аспектом) понимается значение объекта для субъекта, содержанием которого является само это отношение. Особая значимость понятия “отношение” в субъектно-деятельностной концепции заключается в том, что оно выступает как главное теоретическое средство онтологизации субъекта. Именно благодаря введению понятия “отношение” С.Л.Рубинштейн смог теоретически обосновать онтологическую природу субъекта. Этим фактом объясняется наше внимание к этому понятию и признание его в качестве особого, конституирующего всю субъектно-деятельностную концепцию в целом.

Внутренне-внешняя природа отношения находит своё выражение в различных психических формах. Для нас это говорит о том, что имеющие место эмпирические формы отношения не рядоположены, а имеют общее основание. При этом генетически исходной формой происхождения отношения является её эмоциональная форма (переживание), которая в процессе онтогенетического развития человека преобразуется в формы рациональные (порождает свои рациональные формы). По крайней мере, на этом положении мы строим собственную концепцию онтогенетического развития человека как универсального субъекта, и именно это положение мы собираемся обосновывать.

Ключевым в субъектно-деятельностной концепции является понятие “субъект деятельности”. Как известно, в субъектно-деятельностной концепции, а также во всех концепциях рефлекторного типа, базовым понятием является активность (например, рефлекторная активность мозга). Деятельность трактуется как производная от активности (иногда – как форма проявления активности), а субъект, в связи с этим, является по своей природе субъектом активности.

В настоящее время общепринятого понятия “деятельность” в психологии как такового практически не существует, вследствие отсутствия сколь-нибудь определённого общепринятого его содержания, а сам термин “деятель-

ность” в различных психологических концепциях трактуется совершенно по-разному. Неограниченной широтой интерпретации деятельности отличается концепция “надситуативной активности” В.А.Петровского. В ней, решая проблему личности как субъекта активности, автор определяет личность как необыкновенно многомерную действительность. Она – и “субъект деятельности общения”, и субъект деятельности самосознания. И все эти субъекты и деятельности производны от одного основания – активности.

Признание в качестве ведущих и определяющих жизнедеятельность человека как онтологического субъекта объективных социальных детерминант (общественных отношений) неизбежно приводит к признанию его личной, индивидуальной ограниченности, предельности. Ограниченность его индивидуальной жизнедеятельности имеет объективную природу, а поскольку философско-психологические и методологические основания субъектно-деятельностной концепции не предполагают такого субъекта, который объективные детерминанты собственной жизнедеятельности делает предметом собственной деятельности, то достаточно странно выглядят некоторые утверждения тех же ученых о субъекте как творце собственной истории и т. д.

Поскольку субъект – это человек на индивидуально-высшем уровне собственной активности, то творчество собственного жизненного пути может быть интерпретировано только лишь как творчество, но в определенных рамках. Существенной отличительной особенностью такого творчества является то, что сами эти рамки, пределы, объективные детерминанты и индивидуальные высшие уровни активности непосредственным предметом деятельности индивидуального субъекта не становятся. Поэтому, надо полагать, что субъект как человек на высшем уровне – это человек, достигший пределов своих возможностей (способностей), но не способный их преодолеть.

Как известно, у С.Л.Рубинштейна понятие “субъект” используется не только в отношении человеческого индивида. Более того, оно было введено не для различения человеческого существования и существования остальных живых существ, а с целью найти общую характеристику для всех возможных уровней бытия, на основании которой попытаться определить их качественную особенность. Такой характеристикой всего существующего (сущего) для С.Л.Рубинштейна стал способ существования, а теоретическая необходимость в субъекте возникла в связи с тем, чтобы охарактеризовать специфику носителя этого способа существования. В связи с этим у С.Л.Рубинштейна имеет место физический способ существования и физический субъект; таким же образом имеется химический способ существования и, соответственно, химический субъект и т. д. В этом ряду субъектов и их способов существования имеет своё место и человек, который его занимает в соответствии с его собственным специфическим, качественно отличным от других способом существования.

Особой спецификой человеческого способа существования, по С.Л.Рубинштейну, является наличие у живого существа сознания и деятельности. Следовательно, существо, имеющее сознание и способное осуществлять деятельность, и есть человек как субъект сознания и деятельности. Как предмет психологического исследования, такой субъект, соединяющий в себе эти два способа существования, есть личность. Поэтому в субъектно-

деятельностной концепции человека, личность и есть тот онтологический субъект, атрибутами которого являются сознание и деятельность.

К сожалению, психологическая концепция онтологического субъекта (субъектно-деятельностная концепция человека) не воплотила в себе идеи Рубинштейна-философа об универсальности человека, о человеке как универсальном субъекте. Она начала разворачиваться в другом направлении, направлении эмпирического субъекта активности, воздействующего и испытывающего воздействия адаптивного существа.

Как мы уже отмечали, фундаментальным открытием Рубинштейна стала онтологизация субъекта, в психологическом плане реализованная за счёт введения понятия “отношение”. Причём отношение является внутренней характеристикой субъективного мира человека, выражающейся в эмоциональном переживании как форме выражения отношения потребности и предмета потребности.

Выделяя этот момент, К.А.Абульханова-Славская интерпретирует отношение уже несколько иначе, а именно, как двунаправленное, как единство двух векторов: субъект-объектного и субъект-субъектного [11, с.127]. Чрезвычайно важным для нашей собственной работы является подчеркнутый ею осознанный характер субъект-объектного вектора отношения, и противопоставляемый ему произвольный (неосознанный) вектор самоотношения.

Это, на наш взгляд, ещё раз подчёркивает адаптивный характер всей субъектно-деятельностной парадигмы человека. В данном случае адаптивность выразилась в осознанном характере субъект-объектного (познавательного, адаптивного) вектора и в случайном и произвольном (неосознанном) характере вектора самоотношения. Это означает, что сознание как детерминирующий фактор человеческой деятельности имеет место только в условиях субъект-объектного (познавательного, адаптивного) отношения, непосредственным предметом которого является объект (или другой человек как объект), а целью – организация субъективного мира на основании законов объективной реальности.

В связи с этим, деятельность рассматривается как способ субъективирования объективной реальности постольку, поскольку она как способ осуществления внутреннего отношения способна произвольно изменить собственное отношение индивида к объективной реальности. Именно эта произвольность и есть та самая главная характеристика, задающая эмпирического субъекта, живущего в причинно детерминированном мире. Только с этих позиций следует, на наш взгляд, понимать активность отношения индивида к собственной жизнедеятельности, которая у эмпирического субъекта никогда не становится непосредственным предметом его деятельности, предметом его сознания; не становится произвольным, а остаётся всегда произвольным.

Нам представляется, что родственную с субъектно-деятельностной позицию в вопросе о психологическом содержании отношения занимает Д.Н.Узнадзе, сторонник фрейдистского понимания природы психического. Правда, в его концепции организм, а не человек, выступает в качестве субъекта отношения, субъекта деятельности. Но сам механизм возникновения отношения как внутреннего переживания по поводу адекватности потребности и

самого предмета потребности, а также психологическая структура ситуации деятельности, на наш взгляд, очень близки к причинному механизму, используемому в субъектно-деятельностной модели.

Мы уже упоминали о том, что в субъектно-деятельностной концепции, несмотря на то, что её непосредственным предметом является человеческий индивид как эмпирический субъект, истинным субъектом признаётся всё-таки общество. Эту точку зрения разделял и сам С.Л.Рубинштейн, о чём мы уже говорили выше. Это, в общем-то, не удивительно, а скорее закономерно, поскольку, признавая социальную природу человеческого индивида и одновременно признавая объективный характер социальных отношений как главного детерминирующего фактора человека, не надо упускать из виду того факта, что в этом случае мы на самом деле признаём, что общественные отношения никогда не становятся непосредственным предметом индивидуальной деятельности эмпирического субъекта.

Таким образом, миссия эмпирического субъекта – это действовать общественным способом, преодолеть который индивидуальный субъект по своей природе не способен. Именно здесь, на наш взгляд, методологически заложен адаптивный характер природы эмпирического субъекта и адаптивный характер самой субъектно-деятельностной концепции, как бы ни возражали против этого её апологеты.

Одним из существеннейших понятий субъектно-деятельностной концепции является понятие жизнедеятельности. Собственно, это понятие в полной мере позволяет выразить потенциал человека как субъекта, как субъекта жизнедеятельности. С другой стороны, как раз понятие жизнедеятельности позволяет раскрыть реальные возможности человеческого субъекта, пределы, которые имманентны его рефлекторной сущности как эмпирического субъекта. Именно такими пределами человека как субъекта жизнедеятельности являются его жизненные обстоятельства, которые не становятся ни предметом его деятельности, ни предметом его психической активности. “Жизнедеятельность индивида – это совокупность действий, проявлений и т. д., производимых самим индивидом как её субъектом, и объективных обстоятельств, которые детерминируются ... независимо от индивида” [9, с.200].

В нашем анализе рефлекторной и рефлексивной парадигм человеческого существования особенно важны положения, в явном виде обозначающие и содержательно (и понятийно) раскрывающие какую-либо из этих позиций. Мы исходим из того, что рефлекторная природа человека и человеческой психики по своей сути адаптивна (гносеологична). Вслед за другими исследователями, мы полагаем, что гносеологическое (познавательное) отношение является по своей внутренней природе принципиально адаптивным и не способно сделать практическим предметом собственного порождения отражаемый объект.

В противоположность рефлекторно-познавательной (адаптивной) парадигме человека, рефлексивная парадигма предполагает человека, способного делать предметом свою практическую деятельность и преодолевать не только внешние пределы и ограничения, условия и социальные нормировки, но и собственные внутренние пределы, в том числе и естественно-природные. При этом под рефлексией мы понимаем способность человека делать самого себя

предметом собственной практической порождающей, а не отражающей деятельности.

Принимая во внимание, что в рамках рефлекторной концепции человека он, как эмпирический субъект, осуществляет свою собственную жизнедеятельность в социально заданных, социально нормированных рамках, которые индивидуальным способом им как индивидуальным субъектом преодолены быть не могут, только теперь можно понять истинный смысл многократных утверждений о субъекте жизнедеятельности как самостоятельно строящем свои жизненные отношения.

С нашей точки зрения, весь пафос рефлекторной парадигмы социально детерминированной человеческой психики заключается в социальной ограниченности эмпирического субъекта. А уж если разговор всё-таки заходит о свободе, выборе, самостоятельном определении собственной жизнедеятельности и прочем, то не следует тогда упускать из виду социальную ограниченность самих этих “свобод”. При этом, самым главным противоречием здесь является теоретическая непреодолимость для индивидуального субъекта его собственных социальных детерминант. Этот вывод прямо следует из положения о произвольности изменений, происходящих в процессе жизнедеятельности с самим субъектом, и об их имманентном характере, присущем самой жизнедеятельности, но не человеку как её субъекту. Отсюда следует, что миссия человека – осуществлять, а не порождать социальный способ собственной жизнедеятельности, а миссия самой жизнедеятельности – приводить к произвольным изменениям в объективном мире и в самом человеке.

Удивительно, но напрашивается вывод о том, что эмпирический субъект – это такое же существо, как и все остальные живые существа, ничем не отличающееся от них, подхваченное статистическим ветром причинной детерминации и волею случая подвергающегося изменениям. На наш взгляд, это не просто частный вывод, это ядро рефлекторной концепции человека как эмпирического субъекта. И закономерным итогом нашего предварительного анализа рефлекторности и рефлексивности субъекта является утверждение, уже не в первый раз ясно и недвусмысленно указывающее на теоретическую ограниченность и нерелексивность эмпирического субъекта: “Процесс и мера становления субъектом жизнедеятельности определяется характером общественных отношений” [7, с.45].

Глубинным философским и методологическим основанием нерелексивности эмпирического субъекта является тот факт, что, на самом деле, эмпирический субъект – это субъект активности, а не деятельности, особенно деятельности в её гегелево-марксовом понимании. Напоминание об этом факте, неоднократно ранее уже отмечаемого нами, необходимо в данный момент ещё раз для обоснования нерелексивной природы рефлекторного субъекта.

Нужно признать, что в настоящее время существуют активистические концепции человека, в которых прямо указывается как на цель на обоснование рефлекторной природы (рефлекторной активности) человека. По сути дела, и в субъектно-деятельностной концепции человека, конечно же, идёт разговор о субъектае активности, просто там традиционно (ещё со времён

С.Л.Рубинштейна и, по-видимому, отдавая дань марксистской моде начала века) и неоправданно много говорится о субъекте деятельности.

На наш взгляд, в субъектно-деятельностной концепции, по сравнению с активностью, деятельностью есть просто периферическое понятие, не выражающее полностью глубинной сущности рефлексивных процессов. Именно поэтому, на наш взгляд, и характеризует К.А. Абульханова-Славская активность, а не деятельность как особое качество субъекта. Но, в конце концов, оказывается, что именно активность в психологических концепциях является основным качеством субъекта, она является его главной онтологической характеристикой и она же является более общим понятием, нежели деятельность.

Такую позицию по поводу активности разделяют и многие другие психологи, которые напрямую сами, может быть, и не относятся к последователям субъектно-деятельностной концепции. Для иных современных психологических концепций, родившихся на стыке субъектно-деятельностной и объектно-деятельностной концепций, характерны абсолютизирование значения активности и попытки придания ей статуса “сверхкатегории”. К таким концепциям, безусловно, можно отнести концепцию надситуативной активности В.А.Петровского: “Говоря о субъектах в каждой из этих сфер как сторонах личности, мы не должны ни на минуту забывать о том, что перед нами лишь частичные субъекты активности, должны помнить, что есть и верховный субъект, властвующий над ними. Имя этого существа известно – трансцендентальный субъект. В нём – источник интенций, данных нам в наших целях. Он – законодатель эмпирических форм субъектности: нашего витального, деятельного, общающегося, рефлектирующего Я” [10, с.14].

Нам представляется, что такое расхождение между философским подходом к человеку и его психологическим аналогом заключается, в том числе, как ни странно, и в расхождении между Рубинштейном-философом и Рубинштейном-психологом. Признавая человека всеобщим (универсальным) существом как философ, в то же время как психолог С.Л.Рубинштейн закрыл возможность исследования рефлексивной природы человека, отказавшись определять человека через отношение его к самому себе. Значит, тем самым он отказался от традиции Гегеля и К.Маркса рассматривать человеческую природу как рефлексивную природу и человека как универсальное существо. Но окончательно закрывает путь для выхода на рефлексивную природу человека, например у К.А. Абульхановой-Славской, отказ от предметной деятельности (могучей категории философии Гегеля-Маркса) как универсального принципа обоснования универсального человека: “Так же как психология личности не может быть объяснена только через её сознание, не может быть универсальным принцип объяснения личности через её деятельность” [9, с.274].

Несмотря на явную теретическую слабость рефлкторно-психологической концепции С.Л.Рубинштейна для обоснования человека как универсального субъекта, по сравнению с его же философской концепцией, всё же нельзя оставить без внимания потенциальные возможности этой психологической концепции, которые выводятся из философской концепции самого автора, их создавшего. Именно поэтому и там, и тут сквозь примитивизм и ограниченность рефлекса проглядывает безграничная духовность рефлексии.

Краеугольным камнем в определении человеческой сущности, человеческого способа существования является отношение любой концепции человека, философской, психологической, физиологической и прочих, к детерминантам (пределам) и способу их преодоления. В этом смысле характерно, что Рубинштейн-философ не разделяет точки зрения Мартина Хайдеггера на особенность (уникальность) человеческого существования и специфику его способа преодоления собственных пределов. С.Л.Рубинштейн настаивает на том, что преодоление своих пределов есть общий способ существования бытия вообще, а не только человеческого бытия: “Специфика человеческого существования заключается в мере самоопределения и определения другим ... Это положение противоположно идее М. Хайдеггера о существовании вне себя, выходе за свои пределы (“в мир”) как специфическом способе существования человека, который он противопоставляет способу существования всего остального сущего. На самом деле вводимая М. Хайдеггером характеристика специфики человеческого существования не выражает этой специфики. Данность сущего в другом (представленность, отражённость) и другого в этом – это характеристика не только человека, это общая характеристика всего сущего” [1, с.280].

Экзистенциалистский “выход за свои пределы”, приписываемый М.Хайдеггером только человеческому существованию, С.Л.Рубинштейн считает всеобщим положением, справедливым для любого способа существования, для всего бытия в целом, и в том числе для человеческого бытия. Он считает возможным понять и объяснить “выход за свои пределы”, переход в “другое” с позиций принципа пирчинного детерминизма. Возможность выходов за пределы данного способа существования, перехода в “другое” основана на взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Каждое данное явление в его взаимосвязи с “другими” представляет собой специфический способ существования, связанный сотнями переходов в “другое”, обусловленности “другим”, представленности в “другом”. Такую представленность в другом С.Л.Рубинштейн считает присущей отражению сознанием бытия и любому другому отражению. Тем самым, как это ни парадоксально, он развивает собственное положение об ординарности человеческого существования, т.е. в который уже раз утверждает отсутствие качественных различий между законами человеческого и иного существования. Его утверждение обосновывается универсальностью закона причинного детерминизма, который интерпретируется С.Л.Рубинштейном как совместное действие внутренних и внешних причин. По С.Л.Рубинштейну, это есть всеобщий закон, составляющий фундамент бытия и определяющий характер бытия на любом уровне его сложности.

Заочный спор между С.Л.Рубинштейном и М.Хайдеггером только на первый взгляд может показаться схоластическим. На самом деле, это спор о наличии или отсутствии качественной особенности, принципиальной специфики законов до-человеческого и человеческого существования. От того, как разрешается этот спор в каждом конкретном случае, какую позицию занимает тот или иной исследователь, зависит очень многое: какая модель человеческого мира станет основой конкретной концепции, теории или науки. Позиция самого С.Л.Рубинштейна как онтологического философа принципиальна в том, что человек у него любым своим действием выходит за пределы самого себя

(эта позиция в дальнейшем выразится в положении о любой деятельности как продуктивной деятельности, о любом мышлении как о творческом мышлении, но философским основанием для этих утверждений является именно это крайнее онтологическое положение С.Л.Рубинштейна).

Казалось бы, абстрактный спор двух философов, приведённый выше, на самом деле при соответственном способе его разрешения утверждает либо рефлекторную, активистическую природу человека и его включённость в объективное бытие как одной из множества причин за счёт механизма причинной детерминации, пусть и более совершенного за счёт наличия сознания, чем другие живые существа; либо утверждает уникальность человеческого существования, т.е. фактическую смену типа развития с появлением человека и возникновения нового механизма включения человека в объективное бытие.

С нашей точки зрения, человек начинает новый тип развития и отрицает причинную детерминацию.

Рубинштейн-философ и Рубинштейн-психолог решают этот спор в пользу неизменного и всеобщего, по их мнению, закона причинной детерминации. Именно в силу этого, а не в силу каких-либо других факторов, сам Рубинштейн-психолог приходит к рефлекторному объяснению человеческой психики и признанию ключевой категорией не предметную деятельность, а активность. Тем самым он, вольно или невольно, дал начало активистическому толкованию сущности человеческого существования, которое в последние годы заметно укрепилось свои позиции.

Поскольку глубинный философский смысл причинной детерминации заключается в адаптивности (т.е. механизм причинной детерминации – это базовый механизм процессов адаптации), то наконец-то становится понятным, почему именно в этом ключе подаётся специфика человеческого существования в психологической литературе и используется единая терминология одновременно по отношению и к человеческому, и к до-человеческому существованию. Вполне закономерно, что и в современных книгах по теоретической психологии мы находим обоснование активности как всеобщей характеристики жизни, в том числе и человеческой, указание на активность как на фундаментальное понятие, позволяющее описывать особенности существования живых существ, в том числе и человека: “Всеобщей характеристикой жизни является активность – деятельное состояние живых существ как условие их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении. Оно содержит в себе источник своего собственного движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения” [12, с.176]; “Активность – понятие, указывающее на способность живых существ производить спонтанные движения и изменяться под воздействием внешних или внутренних стимулов-раздражителей” [13, с.651].

Современные теоретики рефлекторной природы человеческой психики указывают на главную содержательную характеристику самой активности – её воспроизводящий характер: “... живое существо, будучи активным, воспроизводит свои жизненные отношения с миром” [12, с.177].

С рефлекторных позиций в терминах активности описывается и человек — как существо на высшем уровне активности. Субъектный характер рефлек-

торной парадигмы человека, как мы уже неоднократно отмечали, заключается в её атрибутивности. В этом смысле активность не является исключением. А именно, главным свойством активности считается её принадлежность конкретному человеческому индивиду. При этом утверждается, что вне человеческого индивида она не существует, т.е., по-видимому, имеется в виду, что активность не существует как культурно-исторический феномен, как всеобщее, а существует только как единичное. И самое главное, утверждается, что именно активность есть субъектная (субъективная) характеристика человека, в отличие от деятельности, которая таковой быть, по-видимому, не может.

Специфика человеческой формы активности заключается в её социальной детерминации, поэтому именно активность признаётся особым качеством, содержательно характеризующим человека как субъекта в системе социальных взаимодействий. Во всех активистических концепциях активность есть объяснительный принцип специфики человеческого способа существования, а деятельность интерпретируется как производная от активности, как её человеческая форма. Именно активность представляется как динамическая составляющая в самой “рутинной” и “ригидной” деятельности. В связи с этим, деятельность как теоретическое понятие в активистических концепциях трактуется исключительно как проявление активности.

Более детальное рассмотрение структурных различий между активностью и деятельностью приводят сторонники активистических взглядов на человеческую психику к выводу о том, что активность как высший по отношению к деятельности уровень человеческого бытия, вызывается потребностью в деятельности. Несколько иная интерпретация детерминации активности заключается в признании у неё потребности в предмете таким же детерминирующим фактором, как и у деятельности.

По мнению современного теоретика субъектно-деятельностной концепции, активность, в отличие от деятельности, имеет глубинный, смысловой характер: “Активность отвечает не только на вопрос, как человек делает дело, но и на вопрос, зачем и почему” [14, с.83]. Признание за активностью первичности по отношению к деятельности приводит к необходимости каким-то образом обосновать самоё активность. Одним из вариантов является признание предмета деятельности таким же детерминирующим фактором и самой активности. Но различие заключается в том, что если предмет для деятельности является непосредственным детерминирующим фактором, то для активности он является опосредованным через деятельность.

В некоторых случаях различие детерминирующих факторов деятельности и активности проводится на различии мотива и уровня притязания. В других – различие осуществляется на уровне соотношения цель-мотив. Но как бы ни проводилось различие деятельности и активности, какие бы критерии при этом ни использовались, везде неизбежно просматривается всеобщий адаптивный характер активности как способа существования. В любом случае, активистическая природа человеческой психики выражается в том, что активность признаётся единственной в своём роде движущей силой человека.

В процессе становления жизнедеятельности человека активность являет-

ся показателем сформированности человека как субъекта деятельности. А именно, активность ответственна за собственный особый стиль деятельности.

Существенное методологическое положение, на которое мы уже обращали внимание ранее, выражая свое несогласие с ним, — о том, что субъектом человеческой формы активности является не индивидуальный, а совокупный субъект. Вне совокупного субъекта индивидуального субъекта как самостоятельной психологической действительности не существует. Как известно, в психологии соотношение деятельности и активности, соотношение психологического содержания деятельности и психологического содержания активности, соотношение активности и деятельности как психологических понятий является скорее проблемой, нежели сформированной областью психологического знания. Эта ситуация, в том числе, сложилась и из-за недопустимо расширительного толкования деятельности и некритического отношения к психологическому содержанию понятия “активность. Всё это приводит к тому, что без особого на этот счёт необходимого генетического и содержательного обоснования, активность объявляется некоей “сверхкатегорией”, вобравшей в себя (или породившей из себя) все ключевые понятия современной психологии. В связи, например, с этим так называемую ситуативную активность объявляют всеобщей основой любого существования и связывают её адаптивный характер с предустановленной целью (которая сама трактуется автором в беспрецедентно расширительном контексте).

Признавая активность в качестве базовой категории, некоторые авторы не избегают методологических казусов. В основном, это происходит в тех случаях, когда они пытаются соединить вместе рефлекторную природу естественной (физиологической) активности с рефлексивной природой марксистской категории “предметная деятельность” — то есть когда две несовместимые по определению категории пытаются свести воедино как форму и содержание одного и того же явления.

Активизм в обосновании человеческой природы, с нашей точки зрения, автоматически выводит деятельность (предметную деятельность) в разряд второстепенных категорий, хотя марксистская официозность по привычке проявляется в подчёркивании деятельностной природы человека. Но, рассматривая деятельность как человеческую форму активности, невозможно самое деятельность трактовать иначе, чем взаимодействие (взаимовоздействие).

Несмотря на то, что активность подчас признаётся единственной в своём роде психологической категорией, эвристические возможности которой в объяснении человеческой психики представляются безграничными, тем не менее, в недрах самой активистической парадигмы формируются направления, пытающиеся преодолеть адаптивную природу активности. Такая необходимость возникает тогда, когда психологи наконец-то начинают понимать казалось бы очевидные вещи, например такие, что человек — это не адаптивное существо и не является причиной в ряду других причин. В попытках разрешить эту проблему авторы апеллируют к категории “деятельность”, но не как к самостоятельной, а опять как к производной от активности.

Но, тем не менее, попытка преодолеть адаптивный характер (ситуативной) активности осуществляется пока только в рамках самих активистических

концепций и средствами этих же самых концепций. В данном случае этот подход конкретно выражается в том, что как решение проблемы предлагается иная активность — надситуативная.

Содержательной характеристикой неадаптивной активности является рассогласование цели и результата активности. Рассогласование порождает неадаптивность как новый психологический феномен и неадаптивную активность как способ разрешения возникшего противоречия. Неадаптивная активность содержательно характеризуется особой мотивацией: действовать в ситуации неопределённого (непредрежённого) исхода.

Если, по В.А.Петровскому, адаптивность в широком смысле (надо отметить, что этот широкий смысл может и не совпадать с распространённым пониманием адаптивности как приспособления к внешним условиям) характеризуется соответствием цели и результата, то неадаптивность характеризуется несоответствием (противоположностью) цели и результата. Используя неадаптивность как главный критерий субъектности, В.А.Петровский связывает субъектность с выходом за пределы, с преодолением ситуации.

В идее неадаптивности и надситуативности при ближайшем рассмотрении мы можем увидеть идею трансцендирования как способа преодоления своих конечных пределов за счёт собственной деятельности. Только в этом случае в качестве механизма трансцендирования предлагается средство из активистического арсенала. Этим средством становится опять же активность, но только надситуативная. Таким образом, в концепции надситуативной активности она сама представляется в качестве механизма трансцендирования. Надситуативная активность как механизм трансцендирования действует в первую очередь как механизм избыточного. Именно за счёт такого избыточного целеобразования возникают новые возможности, которые уже потом реализуются в форме надситуативной активности как преодоление ограниченности исходной ситуации, т. е. как трансцендирование.

Сам факт практического завершения деятельности, имеющей индивидуальный смысл, кардинально изменяет характер последующей активности. Изменение заключается в смене предметов активности. Если исходно предметом активности являлся объект достижения, то после завершения деятельности её предметом становятся сами оптимальные условия получения значимого результата. А это, в свою очередь, приводит к возникновению ретроспективной и перспективной форм рефлексии. Здесь мы также можем увидеть известную идею о том, что главным признаком человеческого способа существования является способность делать сами условия собственного существования предметом собственной деятельности. Кстати, именно об этом говорится ещё в одной современной концепции человека, — концепции “идеальной формы” Б.Д. Эльконица. Но на самом деле, как известно, эта идея принадлежит К. Марксу.

Таким образом, можно утверждать, что в концепции надситуативной активности механизмом преодоления ситуации (преодоления адаптивности), т.е. механизмом трансцендирования признаётся рефлексия, существующая сразу в двух формах: ретроспективной и проспективной. Идея надситуативной активности, по нашему мнению, несовместима с причинным механизмом детерминации. Это отчётливо показано ее авторами именно в той части обоснования

надситуативной активности, когда описывается процесс трансцендирования и рефлексия утверждается в качестве её механизма. По нашему убеждению, рефлексии ни при каких условиях невозможно вывести из причинной детерминации. Поэтому мы утверждаем, что концепция надситуативной активности — это попытка преодолеть адаптивный характер механизма причинной детерминации и утвердить качественно новый рефлексивный характер механизма детерминации, детерминацию нового типа.

3.2. Логика онтогенеза человека как субъекта активности

Любая концепция индивидуального развития в рефлексорной парадигме человека основана на фундаментальной идее эволюционного происхождения человеческой психики из органического субстрата. А принадлежность конкретной концепции к материалистической парадигме определяется признанием субстратной (естественной) природы человеческой психики. При этом, главная особенность человеческой психики, в отличие от психики животных (и растений), в том, что, хотя она и возникает в процессе непрерывного исторического развития (эволюции) психического отражения, в то же время, в процессе онтогенетического развития психика человека по наследству не передаётся, но эта её эволюционная преемственность и непрерывность сохраняется. Кроме того, в отличие от до-человеческой, естественно-природной психики, человеческая психика представляет собой единство природного и социального.

С точки зрения рефлексорной природы психики, человек, прежде всего, является существом естественным. Буквально — это организм, имеющий человеческую природу. Таким природным фактором является человеческий мозг, генетически наследуемый, с одной стороны, и обеспечивающий человеческий способ развития, с другой стороны.

Надо сказать, что рефлексорные идеи возникновения человеческой психики и по сей день оказывают весьма серьёзное влияние на психологическую науку. Достаточно только вспомнить о том, что даже непримиримый оппонент субъектно-деятельностной концепции и одновременно создатель не менее известной культурно-исторической концепции человеческой психики, — А.Н. Леонтьев, сам всё же неоднократно высказывался в духе рефлексорной парадигмы.

В отличие от ортодоксальных рефлексорных концепций происхождения психического, субъектно-деятельностная концепция человеческой психики утверждает исходную социальность человеческого индивида. Важнейшим достижением субъектно-деятельностной концепции, с нашей точки зрения, является положение о том, что человек в своём онтогенетическом развитии не проходит животной стадии, а сразу развивается как человеческий индивид. В этом концепция С.Л.Рубинштейна, по нашему мнению, выгодно отличается от культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, который, как известно, утверждал обратное. Мы считаем, что в этом пункте критика концепции Л.С. Выготского со стороны представителей субъектно-деятельностной концепции вполне обоснованна.

Как мы уже говорили, понятие “развитие” и его психологическое содержание имеет разнообразные, подчас противоположные интерпретации. Доста-

точно сложно и в некотором смысле противоречиво это понятие представлено и у С.Л.Рубинштейна. Оно основано в первую очередь на фундаментальном положении о качественном характере изменений в процессе развития. В глобальном масштабе единства человека и человеческого мира развитие как качественное изменение ведет к тому, что возникновение человека в историческом процессе развития природы приводит уже к возникновению качественно новой – человеческой – характеристики бытия в целом.

На основании анализа этих текстов самого С.Л.Рубинштейна можно сделать ясный вывод о том, что психическое развитие он понимает как ступени качественного преобразования, приводящего к переходу с одной качественно определённой стадии на другую. Важнейшей особенностью рубинштейновской концепции психического развития является положение о том, что качественно новая стадия не отменяет предыдущих, но качественно их перестраивает. Значит, общая модель процесса психического развития выглядит как последовательность качественно различных стадий психического, генетически связанных между собой (т.е. связанных не генетическим – природным – способом, а связанным одним способом происхождения, одним законом происхождения).

Правда, современная трактовка позиции С.Л.Рубинштейна в отношении понятия “развитие” привносит возможность различной интерпретации понимания “качественного изменения”. Такая неоднозначность порождается утверждением, что качественные изменения не распространяются на законы функционирования нижележащих уровней и, более того, что их закономерности остаются неизменными. Изменения же происходят только лишь с условиями функционирования, а не с самими законами.

Нам представляется, что данная трактовка качественного изменения как раз и является ярким примером спорного толкования содержания термина “качественные изменения”. Такая свободная трактовка в дальнейшем как раз и позволяет говорить уже о совмещении (или даже об отождествлении) развития как процесса качественного изменения с функционированием как процессом качественного воспроизводства.

Как известно, главным достижением рубинштейновской концепции человека является рассмотрение его как онтологического субъекта. И если сам факт онтологизации человека не вызывает никакого сомнения, поскольку находится в рамках онтологической концепции человека, сформулированной ещё К.Марксом, то способ онтологизации, применённый С.Л.Рубинштейном, в отличие от способа онтологизации человека, применённого К.Марксом, уже не так бесспорен. По С.Л.Рубинштейну, онтологизация человека означает приписывание ему естественной природы и рассмотрение его как осуществляющегося по одним и тем же, одинаковыми со всеми природными законами существа. Эта фундаментальная позиция проявляется при рассмотрении восприятия как исходного природного процесса взаимодействия человека и объективного мира.

Проблема заключается в том, что С.Л.Рубинштейн в качестве человеческого утверждает непосредственный (естественный; природный) способ связи человека и объективного мира. Он сам, его последователи и ученики считают этот факт безусловным достижением субъектно-деятельностной концепции.

Именно потому в рубинштейновской концепции человек есть природное существо, его способ отношения (способ связи; способ взаимодействия) с объективным миром является естественным (непосредственным; природным). Другими словами, по своему внутреннему содержанию человеческий способ существования у С.Л.Рубинштейна принципиально не отличается от способа существования высших животных (и вообще других субъектов). Рефлекторная (естественная; нерелексивная) природа человека – это как раз то, что объединяет, а не различает человека и другие живые существа. Характер причин, вызывающих рефлекторную деятельность (естественных – у животных, социальных – у человека), не изменяют внутреннего содержания самого рефлекторного процесса. Именно этот факт позволяет говорить о непрерывном характере психического развития, но именно он как раз и противоречит, по нашему мнению, дискретному характеру развития как процесса качественного изменения.

По нашему мнению, процесс, не приводящий к качественному изменению самого способа осуществления (существования), не может рассматриваться как развитие. Непрерывность процесса развития заключается не в непрерывности способа функционирования (качественного воспроизводства), а в непрерывности способа возникновения (возникновения нового качества). Опираясь на это положение, в антагонистической работе общий способ возникновения нового качества мы и называем логикой развития.

Рефлекторная природа человеческой психики была оформлена С.Л.Рубинштейном в соответствующую концепцию индивидуального развития. Его концепция базируется на трёх фундаментальных положениях: во-первых, психика формируется в процессе собственного функционирования; во-вторых, характер сформированной психики непосредственно зависит от объективного содержания, на котором она формируется; в-третьих, индивидуальный способ функционирования прямо зависит от конкретного характера социальных отношений, в которые непосредственно включён человек.

В социально-деятельностной концепции принято подчёркивать функционально-генетический характер концепции индивидуального развития, в отличие от структурно-генетического характера многих других психологических концепций развития. Акцент на функциональном характере концепции развития подчёркивает, по мнению её авторов, зависимость процесса развития от способа и характера взаимодействия, в противоположность структурно-генетическим концепциям, где сам процесс развития, а также последовательность стадий и характер способа их преодоления изначально внутренне заданы (предзаданы).

Придавая решающее значение генетической составляющей психического развития, которая выражает естественную природу психики и процесса её формирования, С.Л.Рубинштейн, тем не менее, неустанно подчёркивает специфику человеческой психики. Для него эта специфика заключается в её социальной детерминированности, которая выражается в непосредственной зависимости природного процесса развития (созревания) психики от её социального характера функционирования.

Непосредственным предметом функционально-генетической концепции психического развития является, как следует из рефлекторной природы психи-

ки, способ функционирования. Именно он является основанием для стадийной и иерархизированной модели развития. При этом, вне поля зрения функционально-генетической концепции развития (по крайней мере, не в её центре) находится сам способ возникновения нового способа функционирования. Но это легко объясняется тем обстоятельством, что функционирование (проявление) одновременно объявляется и формированием, и развитием. Сам факт проявления является одновременно и фактом развития. В этом случае действительно нет необходимости вводить как предмет специального рассмотрения ничего иного, кроме способа функционирования, поскольку именно функционирование является одновременно и развитием.

Именно характер функционирования непосредственно детерминирует возникновение нового способа функционирования. Это положение является, на наш взгляд, фундаментальным не только для концепции индивидуального развития, но и для всей рефлекторной парадигмы психики. На наш взгляд, оно является методологической основой произвольного (неосознанного, нерелексивного) характера человеческого развития, его страдательного характера. Именно таким образом необходимо понимать психологическое содержание принципа единства психики и деятельности, на теоретическом уровне закрепляющего произвольность и нерелексивность человеческого существования. Эта мысль, выраженная в разных интерпретациях, неоднократно встречается в работах современных психологов.

Категория “функционирование”, являющаяся центральной в функционально-генетической концепции психического развития, и, вообще, в субъектно-деятельностной концепции человека, позволяет теоретически решить главную задачу рефлекторной парадигмы – связать в едином процессе развития его качественно различные этапы животной и человеческой психики. Принцип единства структуры и функции, положенный в основу функционально-генетической концепции развития и обеспечивающий на теоретическом уровне непрерывность перехода от животной к человеческой форме психического, в свою очередь, базируется на положении о том, что сам факт реализации исходных возможностей приводит к возникновению новых возможностей.

По мнению современных теоретиков субъектно-деятельностного подхода, значение функционально-генетического принципа для построения психологической концепции развития состоит в том, что он позволяет решить проблему непрерывности качественно различных этапов развития психики. На наш взгляд, это решение само нуждается в серьёзном обосновании, поскольку закрепляет тождество совершенно различных по своей природе процессов – функционирования и развития. Кроме того, оно утверждает в теоретическом и практическом плане историческую неизменность эволюционного подхода к происхождению психики (и к проблеме развития вообще).

В результате, можно сделать вывод о том, что функционально-генетическая (эволюционная) концепция развития базируется на понимании развития как вневшим образом детерминированной последовательной смены способов функционирования, при этом подразумевается, что сам способ изменения уровней функционирования (базовый механизм развития) в процессе развития не изменяется. Подтверждение этому выводу мы находим в работах

С.Л.Рубинштейна, а именно, там, где он обсуждает как единично возможным механизм развития действие внешних причин через внутренние условия.

Примечательно то, что нигде, ни в работах самого С.Л.Рубинштейна, ни в работах его учеников и последователей, не обсуждается проблема развития в аспекте качественного изменения самих механизмов развития. С нашей точки зрения, это означает, что рефлекторная парадигма психики построена на предположении о том, что развитие как последовательная смена форм и способов существования (в том числе, форм психического) осуществляется по одному и тому же причинно-следственному механизму детерминации, который в процессе развития сам качественно не изменяется.

На наш взгляд, это положение находится в явном противоречии с известным положением марксистской диалектики о том, что развитие – это прежде всего изменение типа развития, его качественного характера, который задаётся сменой, качественным изменением самих механизмов развития. Утверждение о том, что смена форм психики не приводит к изменению самого причинно-следственного механизма развития, как раз и является, на наш взгляд, подтверждением внутренней противоречивости самой функционально-генетической концепции развития (в том числе, концепции развития форм психики).

Как известно, свою концепцию развития С.Л.Рубинштейн создавал как альтернативу идеалистическим концепциям психического. Это выразилось в его особом внимании как исследователя к объективному методу исследования психического, онтологизации человека как субъекта активности и ведущей роли объекта в субъект-объектных рефлекторных (отражательных) отношениях. Единство субъекта и объекта выразилось в единстве сознания и деятельности, при котором способ функционирования деятельности является одновременно способом формирования сознания.

Своей формулой единства сознания и деятельности С.Л.Рубинштейн утверждает ведущим в психическом развитии субъект-объектное отношение, а само развитие у него не просто сближается, а прямо отождествляется с функционированием. Этот вывод следует из того факта, что ни в текстах самого С.Л.Рубинштейна, ни в текстах его учеников и последователей мы не находим сравнительного содержательного сопоставления и различения этих двух действительностей – функционирования и развития

Основным понятием функционально-генетической концепции развития является понятие психического как процесса. Это фундаментальное для всей субъектно-деятельностной концепции понятие теоретически закрепляет и оформляет эволюционный характер развития, по сути дела сводящий его к функционированию, хотя так категорично сами авторы субъектно-деятельностной концепции стараются не выражаться.

Эволюционный и непреднамеренный (непроизвольный) характер развития, основанный на принципе единства сознания (психики) и деятельности, предполагает понимание деятельности как рефлекторного воздействия, в результате которого и происходит формирование, т. е. “перенос”, превращение формы объекта в форму психического как процесса, в том числе и интеллекта. Именно так понимает С.Л.Рубинштейн и его последователи практическую дея-

тельность, которая после К.Маркса считается исходной формой возникновения и изменения (формирования) всего субъективного, и эта позиция является основанием для критики так называемой “знакоцентристской” концепции Л.С. Выготского.

Особое методологическое значение для понимания рефлкторной парадигмы психического и субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития психики имеет эволюционная концепция происхождения сознания. Само сознание при этом рассматривается в рамках гносеологической парадигмы, в рамках познавательного отношения и соотносится со знанием, содержанием которого является объективная реальность. Возникновение сознания непосредственно связывается с рефлексией, которая понимается как “чистое” познавательное отношение, как способ происхождения (отношение) знания из непосредственной чувственности. Осознание как психическая деятельность (рефлкторный процесс) нового качества возникает одновременно с разделением исходного непосредственного единства чувственной действительности и действительности знания об этой чувственной действительности. Само это отношение понимается как рефлексия, а под осознанием понимается способ соотнесения знания и непосредственной чувственности.

Таким образом, эволюционная концепция происхождения сознания объясняет возникновение сознания из рефлекса (рефлкторной деятельности) путём фактического разделения (и различения) действительности чувства и действительности знания. Различный характер этого различения определяет различные уровни сформированности самого сознания и различные типы человеческого поведения. Мы полагаем: теперь можно с уверенностью утверждать, что в эволюционной парадигме развития психики как рефлкторного процесса психологическим содержанием единства проявления и развития на самом деле является отождествление факта проявления с фактом развития. В действительности здесь обосновывается, что собственное развитие человека не становится и не может стать непосредственным предметом его деятельности. Это очень серьёзный довод, где утверждается, что человек может быть причиной собственного развития, наряду с другими такими же равноправными причинами, но не может преодолеть естественную природу причинного характера собственной детерминации. Тем самым, для человека как субъекта существует объективный предел, который никогда не может быть им преодолен, и этот предел – причинный механизм детерминации его существования.

Социальный характер детерминации человеческого существования сторонники рефлкторной концепции психики выводят из специфического характера рефлкторной деятельности человеческого мозга, особенностей его нервной системы. Отсюда следует, что особенностью человеческого исторического существования является социальная детерминация его естественно-природных рефлкторных (психических) процессов, которая становится возможной только за счёт наличия второй сигнальной системы.

В этом смысле, представляет особый методологический интерес интерпретация человеческой культуры не как истинной (“искусственной”) природы человека, а как внешнего фактора, способствующего совершенствованию природных (условных и безусловных) рефлексов. Тем самым, культура рассматри-

вается как фактор естественной эволюции системы природных рефлексов человека, а не как фактор преодоления этой естественности. В этом смысле культура, культурные образцы, усваиваемые в процессе обучения, должны рассматриваться не столько как носители значений и смыслов, сколько как внешние причины, призванные обеспечивать эволюцию системы рефлексов головного мозга

Для любой психологической концепции проблема начала индивидуального развития имеет особое значение, поскольку одновременно обозначает её философско-психологические основания и её глубинные внутренние проблемы и противоречия. Не является исключением и рефлекторная концепция индивидуального развития. Как известно, в ней присутствует утверждение об одновременной историчности и природности человека. Если говорить прямо, то в рефлекторной концепции индивидуального развития человек рассматривается как организм, включённый в процессы исторического развития. Предпосылка человеческих возможностей, с точки зрения рефлекторной концепции, заключена в генетике человеческого мозга. Таким образом, специфика человеческой биологии является предпосылкой возможности становления человека как исторического существа. Сам мозг рассматривается как биологический (природный) механизм, некое биологическое устройство, порождающее и осуществляющее абсолютно все виды человеческой деятельности.

По существу, рефлекторная концепция индивидуального развития базируется на том, что различия человека и животного заключены в различии их биологий. При этом, до сих пор остаётся проблемой возникновение человеческой психики в онтогенезе. Но найти решение этой проблемы в рамках рефлекторной парадигмы предполагается всё же исходя из принципа непрерывности (недизъюнктивности). То есть, в духе рефлекторной парадигмы происхождения человека предполагается, что человеческая психика происходит непрерывным образом из до-человеческой психики, что психофизиологические рефлексы головного мозга человека происходят из его физиологических рефлексов. Сторонники ортодоксальной точки зрения на рефлекторную природу человека и человеческой психики считают даже, что исходной формой истинно человеческих потребностей является не что иное, как безусловные рефлексы. Впрочем, по нашему мнению, идея непрерывности психического развития, конституирующим моментом которой является положение о происхождении психического из психического же (другими словами, рефлекторной деятельности мозга из рефлекторной же деятельности мозга, а не из внешней предметной деятельности человека), пока недостаточно обоснована именно потому, что остаётся неясным самый первый шаг онтогенеза — когда и, главное, как психическое возникает из не-психического?

Как следует из теоретических оснований рефлекторной парадигмы человеческой психики, положенной в основу субъектно-деятельностного подхода, исходным для психического развития является субъект-объектное отношение, причём, ведущим в процессе возникновения психики является объект-субъектная его составляющая, т. е. непосредственное воздействие объекта на субъект

Уже здесь, в самом начале, в самих методологических основах и понимании содержания субъект-объектного взаимодействия заложена, по нашему мнению, проблема, которая в дальнейшем оформляется в противоречие между рефлекторной парадигмой психики и рефлексивной сущностью человека как универсального субъекта. А суть этой проблемы заключается уже в её исходных основаниях, в утверждении исходной нерефлексивности субъект-объектного отношения. С нашей точки зрения, если мы утверждаем принципиальную методологическую опосредованность развития субъекта объектом, то это значит, что одновременно мы отрицаем рефлексивную природу человеческого существа.

Подтверждение нашего вывода мы находим у самого С.Л.Рубинштейна, когда он излагает собственную точку зрения на характер взаимодействия объективной и субъективной логик, отдавая предпочтение объективной логике вещей: “Сила объективной логики вещей обычно такова, что она скорее использует личные мотивы человека как приводной ремень, для того чтобы подчинить его деятельность объективной логике задач, в разрешение которых он включен” [15, с.42]. Тем самым, признавая логику объекта (вещи) в качестве единственной детерминанты субъективной логики (а не наоборот), он интерпретирует опредмечивание (объективирование) как способ формирования субъективной логики (логики субъекта). По-видимому, это надо понимать как адаптацию логики субъекта к логике объекта. Собственно, также, по нашему мнению, интерпретирует механизм объективирования-субъективирования как механизм развития самого субъекта и К.А.Абульханова-Славская, известный ведущий современный методолог рефлекторной парадигмы психического.

В субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития сами механизмы развития рассматриваются, исходя из общей установки рассматривать любое психическое явление или процесс как функцию мозга. Понимание психического как рефлекторного процесса отражения позволяет и процесс развития интерпретировать в гносеологических терминах. Это означает, что развитие осуществляется за счёт насыщения субъекта познавательным содержанием, источником которого является отражаемый объект.

Но чтобы обосновать возможность психического развития посредством накопления познавательного содержания, необходимо предположить и постулировать некую исходную, генетически присущую любому человеческому рефлексу изменчивость, непрерывно, всегда и обязательно переходящую в развитие. Таким образом постулируется, что способность развития человеческой психики является атрибутом её условно-рефлекторной природы и осуществляется произвольно, непреднамеренно, непрерывно и под действием любого внешнего причинного фактора. Тем самым, извечная проблема развития в рефлекторной парадигме решается просто: оказывается, развитие имманентно присуще естественной природе вообще и естественной природе человека, оно, в частности, осуществляется произвольно, непреднамеренно, необходимо и всегда. Нам же представляется, что такое решение может быть приемлемо и для до-человеческого мира, но, поскольку мы утверждаем, что развитие – это прежде всего смена типов развития, а возникновение человека непосредственно мы связываем как раз с таким изменением типа развития, его глубинных

механизмов, то считаем рефлекторный вариант решения проблемы развития неприемлемым для человека и человеческого мира в целом.

Как мы уже подчёркивали, главным для рефлекторной парадигмы человека является понятие психического как процесса. Но оказывается, оно не только выражает условно-рефлекторную природу человеческой психики, но одновременно является центральным понятием рефлекторной концепции психического развития. А именно, термин “процесс”, понимаемый в рефлекторной концепции человеческой психики как процесс рефлекторного отражения и ассоциирующийся с психорефлексом И.М. Сеченова и В.М. Бехтерева, по мнению некоторых авторов, является по сути дела синонимом для термина “развитие”. Это означает очень многое. И самое главное, что формирование (развитие) есть имманентно присущий психическому как процессу способ существования. Отсюда следует, что развитие человеческой личности является следствием имманентной естественной природы условного рефлекса. В связи с этим, даже интериоризация, как предмет непрекращающихся споров между деятельностными школами, имеет своё рефлекторное объяснение.

Чрезвычайно важным для нашего анализа рефлекторной концепции индивидуального развития является даже не само утверждение об объекте как непосредственной и единственной объективной детерминанте мышления (и всего психического в целом), а тезис о неосознанном (непроизвольном; непреднамеренном) характере этой детерминации. Особое значение для нас он имеет в связи с тем, что продуктом непроизвольного и непреднамеренного (неосознаваемого) процесса является психологическая структура деятельности.

Как известно, в субъектно-деятельностной концепции психического процесса (в том числе и мышления как психического процесса) ключевое значение имеет его механизм — анализ через синтез. Рефлекторная природа этого механизма, определяемая изначальной физиологической способностью организма к анализу-синтезу уже на уровне любой элементарной сенсорной системы, на уровне развитого мышления выражается в способности мысленного моделирования отражаемого объекта в различных системах отношений и тем самым обнаружения всё новых и новых его качеств. Таким образом, анализ и синтез есть основные механизмы психики (мышления), на базе которых осуществляются её вторичные механизмы: абстракция, обобщение, классификация, сравнение и др.

Мы считаем уместным немного остановиться на психологическом содержании этих базовых механизмов, чтобы внести определённую ясность и высказать свою точку зрения в известном споре о продуктивности и репродуктивности, творчестве и стереотипности мышления и деятельности. Известно, что, начиная с И.Канта, принято рассматривать два вида мышления (и деятельности): продуктивное и репродуктивное. Эта классификация и сейчас широко распространена и принята многими психологами. Некоторые авторы продуктивность и репродуктивность связывают с внутренней логикой осуществления самого мышления. В этом случае характер и тип мышления определяется типом его внутренней логики. На основании логического критерия различают эмпирический тип мышления (осуществляющийся на основании формальной

логики; на основании логики формы; на основании логики воспроизводства, функционирования) и теоретический тип мышления.

После работ В.В. Давыдова, обосновывающих культурно-историческую природу теоретического мышления и вообще идеальных действий, в свою очередь базирующихся на работах Э.В. Ильенкова, обосновавшего культурно-историческую природу идеального, можно говорить о том, что в психологии уже много лет имеет место теоретическое обоснование двух типов мышления и, соответственно, двух типов анализа и синтеза, им соответствующих. Теперь стало возможным именно по характеру психологической процедуры анализа-синтеза устанавливать, о каком именно типе мышления (и о какой конкретно парадигме человека — рефлекторной или культурно-исторической) идёт речь.

В этом смысле можно с уверенностью утверждать, что в субъектно-деятельностной концепции представлен только один из типов мышления, а именно, формально-логический, что однозначно доказывается типом анализа-синтеза, описываемого в качестве его механизма, и более сложных процедур, выполняемых на их основе.

Надо сказать, что единственный (формальный) тип анализа-синтеза, представленный в субъектно-деятельностной концепции как вообще единственно возможный, не является случайным, а, наоборот, является внутренне присущим и единственно возможным, но только в рефлекторной (адаптивной) парадигме человека и человеческой психики. Невозможность иного типа мышления и невозможность иного типа механизма мышления (и иного механизма любого психического условно-рефлекторного процесса) естественным образом вытекает из самой природы рефлекса, из физиологической структуры сенсорной системы (анализатора), которая самой естественной биологической и физиологической природой предназначена только для такого (формального) анализа-синтеза, и ни для какого другого. Являясь общим механизмом осуществления любого психического процесса, формальный анализ-синтез является механизмом эволюционного перехода от данного к искомому в реальном процессе человеческого мышления. А развивающимся такое мышление принято называть только потому, что оно основано на динамическом процессе условно-рефлекторного отражения, которое по своей природе аксиоматически и эмпирически признано изменяющимся (развивающимся).

Довольно неожиданно, но вполне закономерно, исходя из вышеизложенного, выглядит то, что непрерывная преемственность условно-рефлекторного процесса мышления означает, по сути дела, невозможность качественного изменения предмета мышления. Это как раз является подтверждением исключительно формального типа мышления (и любого психического процесса, понимаемого как процесс осуществления условного рефлекса), представленного в субъектно-деятельностной концепции, и исключительно эволюционного типа динамики условно-рефлекторного (психического) процесса, выдаваемого за единственно возможное содержание развития.

В свете этого вполне понятным становится исключительно эволюционный характер развития в рефлекторной концепции индивидуального развития. Он подтверждается, во-первых, постоянной акцентуацией авторов субъектно-деятельностной концепции на всеобщем характере формального типа анализа-

синтеза как механизме любого психического процесса, и, во-вторых, на формально-логическом характере происхождения нового через включение “старых” продуктов в новые связи. Именно этой процедурой “включения” решается проблема непрерывности условно-рефлекторного процесса мышления, и объясняется творческий характер любого акта мышления любого человека.

В связи с вышесказанным, чрезвычайную важность приобретает методологическое положение С.Л.Рубинштейна о непрерывном выходе субъекта за пределы ситуации за счёт процедуры анализа (т.е. расчленения ситуации на составные элементы). С.Л.Рубинштейн описывает процесс трансцендирования и формально-логическую процедуру анализа-синтеза в качестве механизма такого трансцендирования. И хотя с позиций рефлексивной парадигмы человека с этим очень трудно согласиться, но с точки зрения рефлекторной парадигмы, признающей непреднамеренность и непроизвольность эволюционного развития, трансцендирование действительно характерно не только для психического процесса, но и для любого процесса вообще. Правда, в этом случае качественная особенность и определённость самого человека как уникального существа исчезает.

Подчёркивание творческого характера любого акта мышления наводит на мысль о критериях новизны и творчества, которые используются в субъектно-деятельностной концепции. Безусловно, гуманистическим выглядит на первый взгляд утверждение о творческом характере любого мышления (и, стало быть, любого человека). Но это только на первый взгляд. Это положение, по крайней мере, явно противоречит реальной практике, например, практике образовательной. Но если исходить из положения Гераклита о невозможности войти в одну и ту же реку дважды, то утверждение о творческом характере любого мышления становятся в какой-то степени разумными. Но разумность эта оправдана и объяснима исключительно с позиций эволюционной интерпретации развития, развития как изменения вообще. Только в этом случае, в случае отождествления развития и любого изменения (а эти изменения происходят везде и всегда), опираясь на максимум “движение есть способ существования материи”, опираясь на любое изменение как на критерий развития, а не на критерий качественного изменения, можно отождествлять движение и развитие, развитие и творчество.

Но описываемая здесь феноменология имеет отношение только к эмпирическому типу мышления, основанному на формальной логике обобщения эмпирических данных. Есть другой тип мышления, теоретический (В.В. Давыдов), исходной ситуацией для которого является не эмпирическая ситуация, а некая теоретическая абстракция (“теоретическое знание”), а логикой – не логика эмпирического (формального) обобщения экспериментальных данных, а логика восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому далеко не всякое мышление начинается с анализа (расчленения) эмпирических данных, а только эмпирический тип мышления. Как известно, эмпирический тип мышления (формально-логическое мышление) описывает не процессы развития как процессы происхождения нового качества, а процессы функционирования как процессы воспроизводства старого качества в новых конкретно-практических (пользуясь терминологией В.В. Давыдова) способах (формах). Поэтому, когда

Андрей Владимирович Брушлинский говорит о возникновении новых способов мышления, произвольно возникающих в результате процесса осуществления мышления, то это надо понимать так, что таким путём могут возникнуть только эмпирически новые, конкретно-практические новые способы мышления, которые не приводят к качественному изменению оснований мышления, вопреки его же утверждениям.

Уже давно проблема индивидуального развития обсуждается среди психологов в терминах соотношения обучения и развития. Очевидный и всеми признанный факт – социально организованный онтогенез, осуществляемый в форме обучения, имеет совершенно различные и неочевидные интерпретации. Своё решение традиционной проблемы имеется и в рамках рефлексорной парадигмы.

Субъектно-деятельностная концепция индивидуального развития предпочитает рассматривать возможность решения этой проблемы со своих методологических и теоретических позиций и оснований. Таковыми являются непрерывность и причинная детерминация. Исходя из причинного характера детерминации развития, С.Л.Рубинштейн неоднократно подчёркивал, что процессы развития и обучения не осуществляются последовательно во времени, один за другим, а существуют одновременно. Действительно, обучение не только является результатом созревания и развития, но, в свою очередь, само детерминирует эти процессы. В этом контексте выглядит как весьма важное положение о ведущей роли обучения в онтогенетическом развитии человека. Сам С.Л.Рубинштейн всегда утверждал, что онтогенетическое развитие человека совершается только в условиях обучения.

Как известно, положение С.Л.Рубинштейна об одновременности обучения и развития противоречит положению Л.С.Выготского о последовательности обучения и развития, что неоднократно отражалось в острых очных и заочных дискуссиях как самих основателей психологических школ, так и их учеников и последователей. Идея единства обучения и развития является выражением более общей идеи С.Л. Рубинштейна о непрерывном (“недизъюнктивном” как позднее стал говорить А.В. Брушлинский, что, на наш взгляд, мало добавило понимания в эту проблему) характере развития вообще и человеческого развития, в частности, основанном на единстве продукта и субъекта деятельности.

В субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития проблема способностей имеет особое значение. Как известно, сам С.Л.Рубинштейн психологическое содержание развития определял в терминах способностей. Важное значение способностей для проблематики онтогенетического развития подчёркивают и современные исследователи рефлексорной парадигмы психики.

Надо сказать, что проблема происхождения и развития способностей в рамках рефлексорной парадигмы психики решается характерным для этой парадигмы способом. А именно, утверждается непрерывный эволюционный характер их происхождения: более высшие происходят из более низших. Особенностью рефлексорной интерпретации психологического содержания человеческих способностей, в отличие от его культурно-исторического варианта,

является ещё более энергичное утверждение условно-рефлекторной природы человеческой психики. По С.Л.Рубинштейну, человеческая способность – это не что иное, как обобщённый рефлекс. Такой же точки зрения придерживаются и современные авторы, обосновывающие в рамках субъектно-деятельностной концепции рефлекторную природу человеческой психики.

Исходя из общих соображений, можно утверждать, что с точки зрения рефлекторной парадигмы человеческой психики способности – это чисто природное явление, выражающее и характеризующее органические свойства важнейшего органа человеческого организма – мозга. В основе такого вывода лежит известное положение И.М.Сеченова об условно-рефлекторной деятельности головного мозга.

Бессознательный характер способностей, выражающий общий рефлекторный принцип человеческой психики вообще, интерпретируется нами таким образом, что человеческие способности (как и любые другие психические процессы, любая другая психическая деятельность) предметом человеческой деятельности не становятся и никогда стать не могут. Нерелективная природа человеческой психики является главным и конституирующим субъектно-деятельностную концепцию фундаментальным философским положением, нарушение которого (в случае рассмотрения иной, рефлективной природы психического) приводит к разрушению самой рефлекторной парадигмы.

Условно-рефлекторный механизм человеческих способностей, даже имеющих культурно-историческую природу, не является неожиданным утверждением, поскольку как раз и выражает самую сущность рефлекторной (нерелективной) парадигмы человека и его психики. Характерным в этой связи является описание С.Л.Рубинштейном механизма превращения культурно-исторических способов деятельности в рефлексы. Как известно, по его мнению, именно этот механизм превращения культурно-исторических феноменов в феномены условно-рефлекторные является психологическим выражением тезиса К.Маркса о природе человека как продукте его исторического развития.

Мы уже упоминали, что в субъектно-деятельностной концепции большое значение придаётся обучению как форме, в которой осуществляется индивидуальное (онтогенетическое) развитие. Как известно, С.Л.Рубинштейн утверждал принцип единства обучения и развития, в противовес принципу опережения обучением развития, выдвинутом Л.С.Выготским. Но недостаточно конкретное понятие о содержании термина “единство” вообще, и в данном случае, в частности, как правило, приводит к различному толкованию конкретного содержания этого термина. Такое различие имеет место и в рамках самой субъектно-деятельностной концепции, и даже у самого С.Л.Рубинштейна. Именно такой вывод напрашивается сам собой при сопоставлении предыдущих и последующих вариантов конкретизации психологического содержания единства обучения и развития.

Если в культурно-исторической концепции индивидуального развития, критикуемой С.Л.Рубинштейном, всё-таки достаточно ясно прописана эта последовательность обучения и развития, то в субъектно-деятельностной концепции такой необходимой чёткости нет и по настоящее время. Вполне вероятно, что это является следствием нечёткости более общих положений, напри-

мер, таких, как утверждение о том, что реализация способностей одного уровня развития неизбежно и непреднамеренно приводит к переводу их на более высокий уровень развития. С нашей точки зрения, это, не до конца понятное положение, не может быть интерпретировано как механизм качественного изменения, поскольку мы разделяем точку зрения, согласно которой способ существования человека (как и любой другой реальности) имеет два, не сводимые друг к другу и не выводимые друг из друга вектора – вектор функционирования (т.е. способ воспроизводства собственного качества) и вектор генезиса (т.е. способ производства собственного нового качества). Генезис не выводим из функционирования так же, как формальная логика не является этапом содержательной логики.

Очевидная важность обучения для индивидуального развития ещё не объясняет сама по себе способа осуществления этого развития. В субъектно-деятельностной концепции, исходя из общей установки на внешнюю причинную детерминацию всех психических процессов формирования и развития, обучение также рассматривается как способ внешнего воздействия. Именно внешнее воздействие, по С.Л.Рубинштейну и его ученикам, является главным формирующим фактором и приводит к развитию.

Необходимо отметить, что характерной чертой эволюционной модели развития, принятой в субъектно-деятельностной концепции, является его непреднамеренность и произвольность. С точки зрения образовательных ситуаций эта непреднамеренность и произвольность выступает в первую очередь как ситуативность. И это очень важно, поскольку подчёркивает вероятностный характер всех психических процессов, а также процессов их формирования и развития. Привлекающим наше внимание положением является положение о ситуационном (случайном), способе формирования, в частности, мотивационной сферы человека. Весьма важным в этом контексте для нас является то, что как проблему авторы выдвигают не сам по себе вероятностный (непроизвольный; непреднамеренный) характер процессов обучения и развития (вообще психических процессов), а способ превращения случайно возникших мотивов в устойчивую личностную черту характера.

На наш взгляд, это весьма знаменательно и только лишний раз свидетельствует о том, что непреднамеренность и произвольность – а в нашей интерпретации “нерефлексивность” – человеческой психики есть методологическая установка рефлексивной парадигмы в целом и субъектно-деятельностной концепции, в частности. В свете этого вывода очень странно выглядят настойчивые попытки утвердить человека (и ребёнка в том числе) в качестве субъекта, а тем более в качестве субъекта собственного воспитания.

Одно из несомненных достоинств субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития, безусловно, — утверждение проблемности как исходной характеристики процесса индивидуального развития. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что эта позиция не является какой-то уникальной и оригинальной, поскольку проблема как источник индивидуального развития рассматривается и в культурно-исторической концепции индивидуального развития (теория развивающего обучения (Д.Б.Эльконин – В.В. Давыдов), да и в педагогике она имеет популярность уже не один век.

По С.Л.Рубинштейну, механизмом возникновения проблемы является отношение имплицитного и эксплицитного в самой ситуации. И, как ни странно, этим же механизмом он объясняет и произвольный “выход” (рефлекторно-трансцендирование) человека за пределы ситуации. Тем не менее, несмотря на непреднамеренность процесса решения проблемы, и тем более трансцендирования, видимо, неудовлетворённый хорошо разработанной и подробно описанной интериоризационной концепцией обучения Г.С.Батищев явно в положительных тонах отмечает проблемную природу образовательного процесса, выражающую основные идеи условно-рефлекторной парадигмы человеческой психики: “Многообещающим и весьма перспективным направлением в общей и педагогической психологии следует признать то, которое изучает становление субъекта и весь воспитательно-образовательный процесс как пронизанный от начала и до конца общением и как имеющий проблемную природу (А.М. Матюшкин и др.)” [16, с.136].

Надо понимать так, что с точки зрения рефлекторной парадигмы происхождения человеческой психики, проблема есть просто конкретно новая ситуация, характеризующаяся новыми условиями и новым характером причинной детерминации, а общим способом решения любой проблемы, по видимому, является общий способ осуществления и развития психического процесса – анализ через синтез. Следовательно, на бессознательном уровне, осуществляя психический процесс анализа и синтеза, человек произвольно и неизбежно содействует качественному изменению этих самых анализа и синтеза.

Сама способность мыслить (т.е. осуществлять анализ и синтез) проявляется у человека в способности видеть (по-видимому, осознавать) проблему. Данное утверждение несколько расходится с тем, в котором А.В.Брушлинский утверждает, что исходно проблема — это ситуация бессознательная. Надо полагать, что, по К.А.Абульхановой-Славской, видеть — значит за счёт механизма анализа-синтеза превращать неосознанную проблемную ситуацию в осознанную проблему. Таким образом, способность проблематизировать (т.е. видеть проблему) становится не только необходимым условием вообще психического развития в процессе обучения, но и необходимым условием возникновения индивидуального сознания.

Самое спорное утверждение для нас в субъектно-деятельностной концепции состоит в том, что развитие (в данном случае, развитие мышления) осуществляется в пространстве самого мышления. Но особенно спорно и совершенно неочевидно для нас утверждение, что характер реальных (а именно так мы понимаем отношения, о которых обычно говорится в таких случаях) субъект-объектных отношений изменяется в результате акта мышления. Но что в высшей степени спорно, – так это то, что тот же самый акт мысли не только вызывает реальное изменение проблемной ситуации, но даже приводит к реальному развитию самого мышления.

Неоднократно подчёркивая решающую роль обучения для онтогенетического развития, С.Л.Рубинштейн постоянно отмечал, что индивидуальное развитие осуществляется только в условиях обучения. Только за счёт обучения, т.е. усвоения культурных норм и форм деятельности, человеческий индивид

может развиваться и проявить свою индивидуальность. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что, во-первых, процесс обучения С.Л.Рубинштейн (и его последователи, соответственно) понимал как процесс усвоения ребёнком исторически сложившейся до него системы знаний. Т.е. для него принципиальным является тот факт, что в процессе обучения человеческий индивид усваиваемые знания не создаёт, а превращает в средства своей индивидуальной жизнедеятельности. Во-вторых, система человеческого знания (шире – культура), по С.Л.Рубинштейну, предстаёт для человеческого индивида в качестве только объекта усвоения, но не предмета порождения. Это позволяет нам утверждать, что в субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития образования понимается исключительно как культуропотребляющее.

Культуропотребляющий характер обучения (и образования в целом) был присущ субъектно-деятельностной концепции со времён её основания. Уже в самом начале становления своей психологической концепции сам С.Л.Рубинштейн интерпретировал обучение только таким образом, и не иначе: "... процесс обобщения совершается в основном как опосредованная обучением деятельность по овладению созданными предшествующим историческим развитием понятиями и общими представлениями, закрепленными в слове, в научном термине" [8, с.382]. Он подчёркивает, что обучение с точки зрения человеческого индивида – это не созидание новых знаний, а освоение (усвоение; "присвоение", как говорил А.Н. Леонтьев, вслед за К.Марксом) уже созданных до него знаний: "Учение заключается в освоении знаний и умений, выработавшихся в результате исторического развития" [8, с.77].

Понимать образование как процесс культуропотребления свойственно, по-видимому, многим авторам, рассматривающим человеческую психику через призму категории "активность". В этом смысле не является исключением и современная активистическая концепция психического В.А.Петровского. Он недвусмысленно употребляет термин "трансляция" при описании процесса обучения: "обучать" — означает "направленно транслировать тот или иной опыт другим индивидам" [10, с.217].

Несмотря на приписывание культуропотребляющего характера обучению (и образованию), у С.Л.Рубинштейна есть замечательная мысль о характере взаимосвязи индивидуального и исторического процессов развития. По мнению С.Л.Рубинштейна, их единство должно строиться на основании их общей логики: "В целях обучения материал знания должен действительно подвергаться специальной обработке. Определить общие принципы этой специальной обработки – дело дидактики ... Логическое, которое выделяется в процессе исторического развития познания, и образует то общее, что объединяет и историческое развитие сознания и процесс учения: в нём их единство" [15, с.78]. Мы предлагаем обратить особое внимание на приведённое положение о логическом как едином основании исторического и индивидуального развития. Противоречивость этого утверждения, вернее, противоречивая сущность субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития, будет обсуждаться подробно нами ниже. Но сейчас нам хотелось бы привести цитату С.Л.Рубинштейна, которая, на наш взгляд, как раз и выражает эту внутреннюю противоречивость. Противоречие заключено в очевидном на первый взгляд ут-

верждении, что познание не является способом порождения, в то время как исторический процесс является как раз процессом порождения, а историческая логика есть логика порождения: “Познание не создаёт и не изменяет сущности объекта. Но оно выявляет эту сущность в “чистом виде”” [17, с.412].

В своей теоретической и практической работе С.Л.Рубинштейн исходил из исключительного значения обучения для индивидуального развития. Именно поэтому он считал особенно серьезным первичное восприятие материала, которое, в свою очередь, непосредственно зависит от его подачи (изложения) учителем. Поэтому именно характер изложения материала (по С.Л.Рубинштейну) в большой степени определяет характер дальнейшего онтогенетического развития.

Хотелось бы специально обратить внимание на то, что, С.Л.Рубинштейн в качестве объекта учебной деятельности рассматривал знания, а не практическую проблемную ситуацию. Для него восприятие объекта – это восприятие знаний в качестве объекта учебной деятельности. Именно поэтому (по С.Л.Рубинштейну) необходимо сосредоточиться на подаче материала, на необходимой обработке самих культурных образцов знания, а не на способах организации практической ситуации исследования с целью выведения этих знаний самими учащимися. Поэтому и неслучайно, что особый интерес у С.Л.Рубинштейна вызывали именно способы организации восприятия, способы изложения учебного материала.

Особый интерес в связи с психологическим анализом структуры обучения представляет для нас известный дидактический принцип наглядности. Исходя их рефлекторной концепции происхождения человеческой психики, С.Л. Рубинштейн придавал большое значение этому принципу как основанию организации процесса обучения. Эта оценка С.Л.Рубинштейном принципа наглядности только подтверждает высказанные прежде оценки культуропотребляющего характера обучения.

В связи с этим хотелось бы напомнить известную критику принципа наглядности, с которой часто и резко выступал в своё время В.В.Давыдов. Как известно, его критическая оценка принципа наглядности базируется на основном методологическом положении о формировании эмпирического типа мышления. По В.В.Давыдову, образовательные ситуации, построенные и практически осуществлённые на основании принципа наглядности приводят к формированию только одного типа мышления – эмпирического, реализующего законы формальной логики. Эта его позиция философски и методологически была обоснована ещё в 1972 году в его известной книге “Виды обобщения в обучении”. В свете этой работы позиция субъектно-деятельностной школы представляется как односторонняя, поскольку, во-первых, исходит из одностороннего предположения только об одном возможном типе мышления, а именно, формально-логическом. Это предположение, на наш взгляд, адекватно выражает рефлекторную природу мышления (и психики вообще), исходя из которой процесс психического отражения и не может быть построен иначе, как на законах формальной логики. Этот тип мышления является непосредственным следствием глубинной адаптивной природы условного рефлекса и не предполагает иного (любая концепция психического, исходящая из положения, что

человеческая психика возникает в результате внешнего воздействия, неизбежно приходит к эмпирическому — формально-логическому — типу мышления).

Рефлекторная природа психического и причинная детерминация психического как её естественное следствие в обучении, привели разработчиков субъектно-деятельностной концепции к формулированию довольно специфического метода обучения (развития). Он заключается в том, что в случае затруднения учащегося при решении мыслительной задачи учитель может сдвинуть ситуацию с “мёртвой” точки, предъявив учащемуся необходимые средства анализа-синтеза. Особенность этих средств заключается в том (и это как раз является самым существенным в этом методе подсказок), что они должны быть по силам самому учащемуся. Именно это считается способом “научить мыслить”. На наш взгляд, здесь имеет место применение ещё одного дидактического принципа, который в своё время так же резко, как и принцип наглядности, критиковал В.В.Давыдов. Речь идёт о принципе доступности, который, как и принцип наглядности, способствует формированию эмпирического типа мышления.

В данном случае, принцип доступности выступает как принцип организации образовательной ситуации усвоения, в которой подсказка выступает в качестве внешней причины, изменяющей внутренние условия. Принцип доступности заключается в том, что подсказка может быть эффективно использована только в случае её соответствия уровню развития учащегося, т.е. внутренним условиям. Таким образом, получается, что оптимальным является соответствие внешних средств анализа сформированным внутренним способам анализа. Только в этом случае выполняются требования принципа доступности и только тогда внешняя подсказка может выступить в качестве внешней причины, детерминирующей изменение внутренних условий, т. е. развитие.

Субъектно-деятельностная концепция индивидуального развития неслучайно формально и содержательно противостоит культурно-исторической концепции развития. В их споре всегда фактически решается один и тот же вопрос: что и каким образом должно детерминировать индивидуальное развитие в онтогенезе — культура или актуальный социум? На наш взгляд, в этих двух вопросах заключается всё философское и психологическое содержание очного и заочного нескончаемого спора между двумя деятельностными концепциями.

В субъектно-деятельностной концепции развития принято онтогенез описывать как жизненный путь личности. Принимая во внимание ведущую роль социальной детерминации в индивидуальном развитии, принято считать, что жизнедеятельность личности, определяющая его индивидуальное развитие, сама непосредственно детерминирована конкретно-социально, буквально, даже конкретным местом (ролью) в трудовом коллективе.

Именно детерминация любой индивидуальной жизнедеятельности конкретными, актуальными социальными отношениями является, с одной стороны (со стороны последователей и приверженцев рефлекторной парадигмы психики), несомненным теоретическим достоинством субъектно-деятельностной концепции, а с другой (со стороны представителей культурно-исторической концепции психики) является её наибольшим недостатком. По-видимому, и

смысл жизни, как критерий развития личности, так же детерминирован социально и выражает степень гармонизации индивида и социума.

Утверждая невозможность внешних критериев оценки индивидуального развития (человеческой жизнедеятельности), в качестве ещё одного внутреннего критерия предлагается удовлетворённость/неудовлетворённость жизнью. Этот критерий, по всей видимости, тоже должен выражать степень согласованности (или рассогласования) с ближайшим социумом (и даже с конкретным трудовым коллективом).

Описывая процесс индивидуального развития в терминах жизненного пути, субъектно-деятельностная концепция претендует на решение проблемы социально детерминированной человеческой индивидуальности. Она решает её по-своему, находит собственной решение, отличающееся от предлагаемых другими психологами решений.

Однако, одной из главных внутренних проблем субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития, по нашему мнению, является так и не разрешённое ею противоречие между исторической и индивидуальной формами развития. Наиболее отчётливо эта проблема выступает при интерпретации труда как генетически исходной формы индивидуального развития.

Как известно, С.Л.Рубинштейн строил свою психологическую концепцию на основании известных марксистских категорий “предметная деятельность” и “труд”. Он неоднократно подчёркивал роль труда как единственно возможной генетически исходной формы человеческой деятельности, в условиях которой только и может осуществляться индивидуальное развитие человека. У него труд есть основной (и единственный) способ формирования (развития) личности в процессе онтогенеза. Именно труд есть способ развития собственного бытия человека, способ созидания, творчества человеком собственной жизнедеятельности. С.Л.Рубинштейну принадлежит формула: труд – это основной закон индивидуального развития человека. Труд как основной (всеобщий) закон развития является единственным законом, определяющим развитие человека как в его онтогенезе, так и в процессе исторического развития человека как рода. С этой точки зрения можно утверждать, что логика и исторического, и индивидуального развития одна и та же. И начинается индивидуальное развитие так же, как и историческое (по Ф.Энгельсу: то, что было первым в истории, является также первым и в логике).

Признание генетической исходности труда как исторически и логически первой формы человеческой деятельности и всеобщей детерминанты исторического и индивидуального развития, даёт полное основание С.Л.Рубинштейну производить психологический анализ онтогенеза психики, выводя все онтогенетические формы деятельности (жизнедеятельности) человека из труда как из их исходной, базовой, генетически первой формы.

Основной принцип субъектно-деятельностной концепции – принцип единства субъекта деятельности и продуктов деятельности – выражает собой, на наш взгляд, не что иное, как признание труда в качестве исходного и единственного способа человеческого развития. Только порождая предметное бы-

тие человеческой природы, одновременно человек сам развивается, сам развивает свою собственную психическую природу.

Историческое значение труда для человеческой жизнедеятельности делает возможным использовать его в качестве критерия онтогенетического развития. А именно, по мнению К.А.Абульхановой-Славской, об истинном развитии можно говорить только в том случае, когда труд из необходимости превращается в жизненную потребность. Сам С.Л.Рубинштейн неоднократно подчёркивал, что в психологическом смысле труд есть основной способ формирования личности. Именно поэтому как психологическая категория, труд является, по С.Л.Рубинштейну, основным психологическим законом онтогенетического развития человека.

Как мы уже упоминали, субъектно-деятельностная концепция развития психики внутренне противоречива (как и сама психологическая позиция С.Л.Рубинштейна). Одним из таких важных внутренних противоречий является, с нашей точки зрения, “труд” как психологическое понятие. Уже в своих “Основах” 1940-го года С.Л. Рубинштейн чётко обозначает суть этого противоречия: из его текстов и из глубинного смысла его философско-онтологической методологии можно было заключить, что он утверждает труд как единственную генетически исходную форму развития человеческой личности в онтогенезе. Но, однако, имеется достаточно много его собственных высказываний, где он утверждает, что если для исторического развития труд действительно является генетически исходной формой развития человека как рода, то для индивидуального развития это не так: “Не существует человеческого общества без труда, но у каждого человека в его индивидуальном развитии существует период – детство, когда его психическое развитие совершается не на основе его труда” [18, с.129].

На наш взгляд, имеет место явное методологическое противоречие между этим утверждением и приводимым выше, в котором тот же С.Л.Рубинштейн с уверенностью заявлял: труд – основной закон развития человеческой личности. Таким образом, мы утверждаем, что субъектно-деятельностная концепция индивидуального развития внутренне противоречива и противопоставляет историческую и индивидуальную формы развития. Хотя сам С.Л.Рубинштейн, вместе с тем, неоднократно говорил, что их единство задаётся той исторической логикой, которая **как закон** [выделено мной – В.А.] определяет характер и исторического и индивидуального развития. Указывая для индивидуального развития иной закон, нежели для исторического, более того, предполагая, что у человека на различных онтогенетических этапах развития действуют различные законы, С.Л.Рубинштейн, на наш взгляд, действительно отождествляет развитие и функционирование, утверждает функционирование как главную категорию, и тем самым окончательно стирает качественную границу не только между человеком и животным, но и человеком и любым субъектом любой формы движения.

Несомненный интерес в связи с проблемой индивидуального развития, представляет взгляд С.Л.Рубинштейна на индивидуальное развитие как на самодвижение. Нам представляется, что он не случайно использует термин, производный от термина “движение”. А не от термина “развитие”. Правда, в свете

обсуждавшейся выше проблемы труда как генетически исходного способа формирования личности и признания обучения, а не труда как генетически исходной формой индивидуального развития, утверждение, что развитие есть самодвижение может означать только одно: развитие – это любое изменение, а самодвижение – это любое изменение, вызванное собственным действием. Учитывая жёсткую социальную детерминированность индивидуального развития, самодвижение (саморазвитие) есть способ неосознанного преобразования внешних социальных воздействий в результирующие собственные изменения: “... не само по себе имманентное саморазвитие ... определяет изменение их [людей – В.А.] образа жизни ... , а изменение ... их [людей – В.А.] образа жизни ... определяет новые ступени в развитии” [2, с.159].

Онтологическая концепция человека С.Л.Рубинштейна представляет значительный интерес, поскольку предполагает, как известно, рассматривать человека как естественно-природное существо. Т.е. существо, которое по своей естественной природе является сознательным выразителем и осуществителем собственной естественной сущности, но никогда не делает её предметом преодоления.

На самом деле, онтологическая концепция человека С.Л.Рубинштейна является глубоко адаптивной по своей философско-психологической сути, но адаптивность эта понимается в высшей степени широко (как и у В.А.Петровского). Человек, по С.Л.Рубинштейну, – это существо, смысл существования которого заключается в адаптации к своей собственной естественной природе (к собственной естественной сущности). Но поскольку его собственная индивидуальная сущность есть всего-навсего индивидуальный способ выражения глобальной естественной сущности, постольку он должен с этой глобальной сущностью иметь постоянную, непрерывную (недизъюнктивную, по А.В.Брушлинскому) и непосредственную связь. Такая непосредственность связи обеспечивается, во-первых, бессознательно-сознательной структурой самого человека, и, во-вторых, имплицитно-эксплицитной структурой ситуации его существования (осуществления). Именно такая структура жизненной ситуации человека позволяет имплицитному всё время проглядывать сквозь эксплицитное и, тем самым, постоянно осуществлять непосредственную связь человека с его истинным и вечным источником существования.

Стало быть, у С.Л.Рубинштейна, несмотря на наличие сознания, тем не менее, человек утверждается как существо непосредственное. А сознание есть способ сделать эту непосредственность максимально адекватной. На уровне непосредственного, а у человека – на уровне бессознательного, за счёт онтологического общения сущих происходит распространение любых изменений и всеобщих закономерностей на всё возможное пространство взаимодействий. Именно такое общение даёт возможность говорить о Вселенной как целостности, где все её составляющие живут по одним для всех законам.

Очень многое из того, что мы обсуждали выше, наводит на мысль, что процесс индивидуального развития зарождается и осуществляется прежде всего на непосредственном, бессознательном уровне. Этот вывод непосредственно следует из общих установок рефлекторной парадигмы психики, главной из которых является неосознанный характер психического как процесса. Психи-

ческое как процесс, таким образом, является генетически исходной формой, в которой возникает динамика, приводящая к преобразованию просто процесса изменения в процесс развития. Это положение относится к любому психическому процессу, в том числе и к мышлению.

Как известно, генеральным методологическим положением, на котором строится основная концепция индивидуального развития в рамках рефлекторной парадигмы психического, является положение о том, что сам факт освоения (усвоения) человеком знаний непосредственно является актом развития его мышления. Это развитие осуществляется в результате причинной детерминации и превращена внешней логики усваиваемого объекта (знаний) во внутреннюю логику мышления.

Психический процесс (условно-рефлекторный процесс отражения) по своей естественной (физиологической) природе непрерывен и пластичен. Именно эта непрерывность условного рефлекса, по А.В.Брушлинскому, является естественным основанием перехода от просто процесса к процессу развития (по-видимому, к процессу качественного изменения). Т.е. с позиций рефлекторной парадигмы психического, развитие – это естественная ситуация, естественное состояние условного рефлекса. Поэтому за счёт такого, поистине чудесного естественного качества условного рефлекса, любой условно-рефлекторный процесс отражения (при определённых условиях) развивается и превращается в способность.

Таким образом, можно констатировать, что любой психический процесс (в том числе и мышление) в основном осуществляется бессознательно (сознательно неконтролируемо) и, в связи с этим, процесс решения мыслительных задач и, соответственно, умственное развитие, происходит непреднамеренно и независимо от сознания самого субъекта. Бессознательность (естественность и непосредственность) процесса индивидуального развития задаётся бессознательным характером базового механизма осуществления, формирования и развития человеческой психики – анализа и синтеза. Очевидность этого факта становится окончательной, как только мы вспомним, что природа самого анализа-синтеза сводится к физиологическим процессам, происходящим в рецепторах и анализаторах (сенсорных системах), своей анатомией предназначенных для выполнения жизненных функций человеческого организма.

В связи с этим, вполне логичным выглядит буквальное противопоставление сознательного и бессознательного уровня психической деятельности, но вместе с тем, и одновременное признание того факта, что ведущую роль в процессах развития всегда играет бессознательный (естественный) уровень психики. Всё это означает, что, в конечном счёте, в человеческой жизнедеятельности (и в процессе индивидуального развития) сознание играет вспомогательную роль, поскольку само по себе является лишь способом выражения естественной природы психического, а не способом её преодоления. Именно потому, что генетически исходной сферой для всего человеческого в человеке, источником его индивидуального развития является сфера его условно-рефлекторных процессов, главной проблемой психологии, как она видится в рамках субъектно-деятельностной концепции, является проблема изучения условий преобразования случайно и стихийно складывающихся на основе зако-

нов социальной адаптации условно-рефлекторных связей в устойчивую структуру мотивационной сферы личности.

Поводом для такой интерпретации процесса индивидуального развития стали многочисленные высказывания самого С.Л.Рубинштейна о решающей роли жизненных обстоятельств как внешних причин для формирования человеческого характера, смысл которых можно трактовать по-разному. Но безусловным подтверждением интерпретации индивидуального развития как процесса непреднамеренного, бессознательного и нерелексируемого является комментарий С.Л.Рубинштейна и его интерпретация условно-рефлекторной деятельности мозга как естественного (рефлекторного, а не рефлексивного) способа выражения человеческих потребностей: “Психическая деятельность мозга выступает в новом качестве, поскольку она участвует в регуляции деятельности индивида, выражая его потребности и интересы, его тенденции и отношение к миру. Поскольку она при этом осуществляется непосредственно, независимо от рефлексии, обращённой на её состав и результаты, она выступает той своей стороной, которую имеют по большей части в виду, когда говорят о “душевной деятельности”” [19, с.168].

Мысль о нерелексивной природе психического процесса (процесса условно-рефлекторного отражения) разделяют и современные теоретики и идеологи субъектно-деятельностного подхода.

В свете предыдущего анализа процесса индивидуального развития, становится ясно, что именно имеется в виду, когда говорится, что человек есть продукт собственной деятельности, причина самого себя. Собственно говоря, самопричинность человека как субъекта активности, как известно, – это центральная идея онтологической концепции человека как онтологического субъекта С.Л.Рубинштейна. Как нам удалось выяснить, психологическим содержанием способа онтологизации человека является утверждение его естественной природы, которая, прежде всего, выражается в условно-рефлекторной природе человеческой психики. В связи с этим, развитие человеческой психики (и человека как субъекта вообще) есть естественный атрибут динамичного характера условного рефлекса, а неизбежность, случайность и непреднамеренность развития говорит только о том, что в рефлекторной парадигме человека под развитием понимается любое изменение. Об этом неопровержимо свидетельствует то настойчивое приписывание любой человеческой деятельности и любому акту человеческого мышления творческого и созидательного характера.

В свете этих выводов очевидным представляется произвольный характер индивидуального развития, который, на наш взгляд, прямо следует из рефлекторной природы психики и процесса её развития. Таким образом, субъектно-деятельностная концепция базируется на положении о преднамеренном и сознательном субъект-объектном отношении и на бессознательном, непреднамеренном и нерелексивном субъект-субъектном отношении, именно поэтому преобразование объекта – это сознательный процесс, а развитие субъекта как следствие преобразования объекта – произвольный, случайный и нерелексивный процесс.

Ещё одной важной особенностью субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития является достаточно сильное утверждение об от-

сутствии общих для всех процессов индивидуального развития объективных критериев. Исходит оно из того положения, что детерминантой индивидуального развития является образ жизни и то конкретное познавательное содержание, которым овладевает (усваивает) конкретный индивид в процессе своего индивидуального жизненного пути. На основании этого в субъектно-деятельностной концепции утвердилось убеждение в уникальности индивидуального развития в том смысле, что нет общих закономерностей, регулирующих онтогенез каждого конкретного человека.

Положение о том, что высшая стадия не вытесняет, а перестраивает низшие стадии, в субъектно-деятельностной концепции становится обоснованием индивидуальности процессов онтогенетического развития. При этом утверждается, что этапы (ступени) развития не подчинены какой-то единой внутренней логике, а непосредственно и полностью зависят от внешних условий, образа жизни и познавательного содержания, которое усваивает ребёнок в процессе своего индивидуального развития. Примечательно то, что поскольку психологическое содержание стадий развития однозначно определяется усвоенным содержанием, то различное усвоенное содержание может определять различные, характерные именно для этого конкретного познавательного содержания уровни развития.

Методологическим итогом исследования проблемы критериев индивидуального развития, на наш взгляд, является недвусмысленное высказывание современного теоретика и методолога рефлেকторной парадигмы человека К.А. Абульхановой-Славской. Из него явно следует вывод о невозможности существования как общих критериев индивидуального развития, так и общих закономерностей его протекания.

Безусловно, важнейшим для решения проблемы индивидуального развития является вопрос о его собственной внутренней логике. В этом смысле в теории субъектно-деятельностного подхода сам С.Л.Рубинштейн предполагал, что каждая индивидуальная жизнь есть процесс реализации (или порождения) некоторой индивидуальной логики. Эту мысль Рубинштейна в дальнейшем развивает К.А.Абульханова-Славская, говоря об индивидуальном развитии как об индивидуальной логике развития человеческой субъективности.

В проблеме индивидуальной логики развития главной, на наш взгляд, следует ставить проблему соотношения индивидуальной и исторической логик развития. Она непосредственно связана с проблемой сущего: может ли человеческий индивид рассматриваться как сущее, т.е. как реальное бытие, порождающее самоё себя?

Будучи марксистом, по его собственным неоднократным признаниям, С.Л.Рубинштейн отмечает историческую роль К.Маркса в разработке проблемы человека и подчёркивает его основную мысль уже применительно к психологии о том, что формирование человеческой психики опосредовано продуктами деятельности самого человека. Это марксистское положение, как известно, стало философской основой рубинштейновского принципа единства психики (сознания) и деятельности.

Что же касается соотношения исторического и индивидуального развития, то С.Л.Рубинштейн, во-первых, считал, что оно должно быть подчинено

логике познания, а не логике практического порождения, и, во-вторых, что в основе их соотношения должна лежать логика развития объективного познавательного содержания

Он никогда явным образом не говорил о существовании одной логики, но неоднократно утверждал “некоторую аналогию” процессов исторического и индивидуального развития. Различие же этих процессов, по С.Л.Рубинштейну, состоит в том, что в процессе исторического развития объективное познавательное содержание создаётся, а в процессе индивидуального развития это объективное содержание усваивается. При этом он неоднократно подчёркивает, что именно предметное (познавательное) содержание обуславливает развитие человеческих способностей. Нам представляется, что именно в этом положении о культуропорождающем характере исторического развития и культуропотребляющем характере индивидуального развития и заложена методологическая проблема, сведшая образование только к его культуропотребляющему аспекту.

Различие же, по С.Л.Рубинштейну, исторического и индивидуального процессов развития познания заключается в том, что в результате исторического развития познания объективная логика предмета была сформулирована и зафиксирована в культурных средствах в зависимости от конкретно-исторических условий развития человека-рода. В процессе индивидуального развития познания, т.е. в процессе обучения индивидуального человека, историческая логика объекта (предмета) становится не предметом порождения, а предметом усвоения, осуществляющегося в зависимости от конкретно-исторических условий индивидуального развития. На основании этого С.Л.Рубинштейн делает вывод о том, что хотя объективная логика развития познания одна и та же, но различие условий и различное отношение к ней в историческом и индивидуальном развитии делает эти процессы различными.

Рассматривая развитие как развитие познания (в историческом и индивидуальном планах), С.Л.Рубинштейн сознательно дистанцируется от крайних точек зрения на соотношение исторического и индивидуального процессов развития познания. Первая из них может быть охарактеризована как теория тождества, или рекапитуляции. Она отождествляет путь учения с историческим путём познания, не усматривает между ними никаких качественных различий и считает, что учение должно воспроизвести, рекапитулировать ход исторического развития познания [2, с.494]. “Противоположная точка зрения, также находящая себе приверженцев среди педагогов, исходит из признания полной принципиальной независимости пути учения и процесса познания. ... Эта задача решается ... установкой исходить из ребенка ... Ошибки этой точки зрения коренятся в разрыве логического и исторического” [2, с. 497].

Также настойчиво, как он утверждает единство и различие исторического и индивидуального процессов познания, С.Л.Рубинштейн старается обратить внимание на особый характер законов индивидуального развития, в отличие от всеобщих законов исторического развития. При этом он неоднократно и в разных местах особо отмечает, что индивидуальное развитие осуществляется только в условиях усвоения (хотя в других строках можно найти утверждение, что личность формируется только в условиях труда).

Но уже в самых первых обобщающих и фундаментальных своих работах С.Л.Рубинштейн стал настойчиво проводить мысль о том, что труд является способом происхождения человеческой психики из психики животных и что, якобы, биологическая форма психики и историческая форма психики есть разные формы одного и того же процесса развития психики. Тем самым, в теоретических основах субъектно-деятельностной концепции окончательно утвердилось положение о едином и общем законе развития, характерном как для биологического, так и для исторического этапов развития психики. Данный закон природного развития, по-видимому, должен означать, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, что человек возникает в качестве результата действия законов естественно-природного развития, и что развитие – это не обязательно изменение самого типа развития, его механизмов, т.е. не обязательно изменение качества и механизмов самого развития.

Несколько иначе, даже может быть более категорично и остро выражается А.В.Брушлинский. Ссылаясь на якобы непрерывный характер развития животной и человеческой психики, он делает вывод, который можно было бы сформулировать как “непрерывность дискретного”: “Постановка и решение любого вопроса, связанного с проблематикой развития, до предела заостряет рассматриваемую здесь общую проблему недизъюнктивности и непрерывности психического. Поэтому последнее необходимым образом характеризуется непрерывностью и преемственностью, значит, и то и другое сохраняется даже в случае возникновения качественно новых психических свойств” [4, с.188].

Немного проясняет вопрос утверждение К.А.Абульхановой-Славской о том, что развитие есть реализация природных возможностей. Причём, это такая реализация, которая неизбежно и моментально приводит к изменениям (читай – развитию) самих этих возможностей: “развитие личности есть в известном смысле реализация ею всех природных возможностей, обнаружение новых, их развитие и соотнесение с действительностью” [11, с.166].

Необходимо отметить, что С.Л.Рубинштейн описывал процесс индивидуального развития только как процесс развития познания. Правда, познание предстаёт у него как единство отражательной и воздействующей части. Поэтому предполагается, что в процессе естественного развития происходит всё большая дифференцировка познавательного образа, и происходит его всё большее внутреннее расчленение. Именно с развитием познавательного содержания он связывал развитие человеческой субъективности, психической составляющей деятельности.

Как известно, субъектно-деятельностная концепция индивидуального развития построена на основании идеи о непрерывности филогенетического процесса развития психики. В свете настоящей идеи человеческая психика рассматривается как результат действия всё тех же естественно-природных законов психического развития, характерных для до-человеческого, биологического (организменного) этапа эволюции. На наш взгляд, это означает, что С.Л. Рубинштейн понимает под глобальной моделью развития вообще (и психического развития, в частности) последовательность филогенетических (эволюционных) этапов различной сложности (различного качества), связанных одним и тем же, неизменным, не зависящим от самого процесса эволюции законом раз-

вития. Поэтому, можно говорить, что субъектно-деятельностная концепция индивидуального развития основана на предположении о независимости законов (и механизмов) развития от самого процесса развития. Это предполагает наличие только одного типа развития (естественно-природного), который всегда остаётся неизменным. Такое развитие не приводит к смене типа развития. Именно с этих позиций С.Л.Рубинштейн анализирует филогенез психики и в результате своего анализа опять, как и ранее, утверждает неизменность биологических природных закономерностей (хотя и в преобразованном виде) развития человеческой психики.

С.Л.Рубинштейн всю свою концепцию развития строит на идее непрерывности психического (т.е. неизменности законов развития и независимости их от самого процесса развития). Но, в отличие от того же А.В.Брушлинского, он делал акцент на стадиальности и качественном различии стадий психического развития. Качественная определённость стадий (как и стадиальность вообще) всегда является, по С.Л.Рубинштейну, следствием одновременного воздействия внешних и внутренних причин. Для человеческого существования психологическое содержание стадий развития в большей степени определяется соотношением внутреннего самоопределения и внешнего определения.

Стадиальность является не единственной особенностью, характерной для субъектно-деятельностной концепции психического развития. Другой немаловажной особенностью является иерархичность развития. Нам представляется, что именно иерархичность есть то свойство, которое в полной мере выражает функционально-генетическую идею развития. В связи с этим, и сам С.Л.Рубинштейн, его ученики и последователи неоднократно и настойчиво отмечали функциональный характер субъектно-деятельностной концепции развития с её главным положением о том, что генетическая последовательность стадий психического развития зависит не от внутренней логики её развития, а от конкретного социально-заданного характера функционирования психики. Ещё в 1940 году С.Л.Рубинштейн писал о том, что ступени развития определяются не внутренней логикой, а внешней социально-исторической детерминацией.

Несмотря на то, что логика индивидуального развития является продуктом и результатом совместного действия внешних и внутренних причин, С.Л.Рубинштейн, так же как и Л.С.Выготский с А.Н.Леонтьевым, считает, что её основой должна стать логика смены ведущего (основного) типа деятельности. В связи с этой установкой, он предлагает очень похожую на леонтьевскую схему онтогенетического развития, основанную на принципе смены ведущего (основного) типа деятельности.

Поскольку, как мы отмечали выше, рефлекторная парадигма психики в основном разработана на материале мышления, то получилось так, что анализ логики индивидуального развития человека как субъекта активности возможно проводить только на материале формирования мышления в процессе его индивидуального развития. В этом смысле логика формирования мышления в первую очередь соотносима с логикой конструирования пространства “чистых” сущностей. Более конкретно, логика развития мышления заключается в логике перехода от непосредственной формы к опосредованной форме мышления. Т.е.

логика развития – это логика порождения искусственных средств мышления, которые позволяют ему превратиться из практического – в теоретическое.

Основываясь на общем принципе перестройки предыдущих уровней при возникновении нового уровня развития, С.Л.Рубинштейн и развитие мышления представляет как процесс качественной перестройки (изменение уровня) старых видов мышления при возникновении нового вида мышления.

Индивидуальное развитие человека как субъекта активности, его индивидуальная логика развития во многом, если не во всём, детерминирована характером и конкретными условиями его обучения. Социальная детерминация, которая в субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития признаётся в качестве главного и практически единственного детерминирующего фактора, как раз и обеспечивается в первую очередь процессами обучения и воспитания. Но социальная детерминация индивидуального развития не сводится только к обоснованию социальной природы человеческого индивида. Она значит гораздо больше, и в первую очередь потому, что фактически полностью определяет этапы и уровни онтогенетического развития и их психологическое содержание.

Подробно анализируя логические этапы индивидуального развития мышления, С.Л.Рубинштейн приходит к выводу, что для начальной школы характерно развитие эмпирического (рассудочного) типа мышления. Этот закономерный и обоснованный с точки зрения рефлекторной парадигмы развития психики вывод С.Л.Рубинштейна, полностью опровергается многолетней экспериментальной практикой, реализующей иную парадигму психического и индивидуального развития психики. Мы имеем в виду широкомасштабный эксперимент по развивающему обучению (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов), убедительно показавший, что образование, построенное не на логике формирования условного рефлекса, а на логике восхождения от абстрактного к конкретному, позволяет не только формировать теоретический тип мышления в младшем школьном возрасте, но вообще сделать ведущим в любом детском возрасте процесс формирования рефлексивного сознания.

Нам представляется, что основная методологическая ошибка субъектно-деятельностного подхода заключается в том, что в качестве детерминанты индивидуального развития принимается конкретное усваиваемое эмпирическое содержание знаний, а не логика происхождения этого содержания. Поскольку под содержанием образования в теории учебной деятельности понимается не эмпирическое содержание уже сформированных знаний, а способ их выведения, то и результаты обучения кардинально отличаются от результатов, получаемых на основании рефлекторной парадигмы.

Признание социальной детерминации индивидуального развития человека в качестве главной и основной, в конце концов, приводит к неизбежному и имеющему далеко идущие последствия признанию предзаданности человеческого индивида закономерностями общественного бытия. В силу принятия естественной природы человеческой психики и вообще человеческой субъективности, общественное в рефлекторной парадигме не несёт самостоятельной функции, а выступает главным способом развития природного в самом человеческом индивиде. Но будучи способом развития естественной природы чело-

века, социальное (общественные отношения) в то же время является мерой становления человека как субъекта собственной жизнедеятельности, тем пределом, социальной границей, выше которой и дальше которой человеческий индивид не в состоянии подняться. Более того, индивидуальная жизнедеятельность, оказывается, ограничена (обусловлена) не всеобщим человеческим родовым (культурой), и даже не всеобщим социальным, а местом в коллективе. Если к тому же иметь в виду, что место в коллективе должно способствовать превращению труда в потребность, то субъектно-деятельностная концепция индивидуального становления личности становится очень похожей на прежние идеалы коммунистического воспитания в условиях коллектива и в духе подчинения коллективу.

Но этот вывод, к сожалению, не является следствием идеологического прессинга, на который в те времена можно было бы списать гипертрофированные оценки важности социального детерминизма, а является следствием методологических и теоретических установок причинной природы условно-рефлекторной деятельности головного мозга. Поэтому наш вывод о социальном как социальном пределе не является следствием идеологических издержек, а полностью выводится из методологических оснований субъектно-деятельностной концепции человека. В этом смысле довольно странно выглядит искренний пафос “выработки своей траектории”, поскольку в любом случае “свое” изначально определяется как превращённое социальное, действующее на основании социальных законов.

Вторичная роль индивида по отношению к социуму отчётливо проявляется при обсуждении проблемы индивидуального развития не как процесса самоусовершенствования человеком себя и своего социального мира, а только как его участия в более широком и независимом от него социальном движении. В этом, на наш взгляд, полностью раскрывается идея вторичности человека, поскольку его изначально уже предполагают не в качестве творца социальности, а только как её выразителя, исполнителя или потребителя.

3.3. “Внешние причины через внутренние условия” как адаптивный механизм онтогенеза субъекта активности

В основе философской и психологической концепций человека как онтологического субъекта лежит фундаментальное понятие “причина” и фундаментальный механизм причинной детерминации. Причинная проблематика имеет глубокие культурно-исторические корни и ведёт свой начало ещё с Аристотеля. У С.Л.Рубинштейна причинная детерминация отождествляется с принципом детерминизма и выражается как единство внешней и внутренней детерминации. У С.Л.Рубинштейна механизм “внешнее через внутреннее” служил теоретическим фундаментом его психологической концепции, более того, положение “внешние причины действуют через внутренние условия” считались у него единственно возможным диалектическим выражением принципа детерминизма вообще. Принцип “внешнее через внутреннее” как принцип причинного детерминизма он распространял не только на способы осуществления (или функционирования) жизнедеятельности субъекта, но и на его развитие,

причём понимал этот принцип как единственно возможное основание развития.

Как известно, принцип причинного детерминизма “внешнее через внутреннее” и понятие “деятельность” были для С.Л.Рубинштейна средствами преодоления функционализма в психологии, преодоления понимания человеческой активности как исключительно внутренним образом детерминированной. Представление такого рода о механизмах активности было необходимо и объективно обусловлено ещё и потому, что и в наше время имеет место интерпретация (человеческой) активности как исключительно внутренне детерминированного способа поведения.

По сути дела, утвержденное С.Л.Рубинштейном равноправие внешней и внутренней детерминации стало стратегической методологической основой субъектно-деятельностного подхода в психологии. Но этот тезис, на самом деле, имеет гораздо большее значение. Он утверждает приоритет взаимодействия как единственного способа отношения существ и сущностей в мире. Тезис о том, что внешние воздействия формируют внутренние условия стал всеобщим методологическим принципом, распространившимся также и на любые процессы развития. Сама же рефлексорная теория человеческой психики и её онтогенеза (субъектно-деятельная концепция онтогенетического развития психического) должна рассматриваться как распространение принципа причинного детерминизма на рефлексорную деятельность мозга человека.

Принцип “внешнее через внутреннее” имеет одну очень важную особенность. А именно, не любая внешняя причина может вызывать последствия, а только та, которая соответствует внутренним условиям. Именно факт непосредственной зависимости эффективности воздействия внешней причины от внутренних условий для С.Л.Рубинштейна становится основным при объяснении человеческой природы. Именно ведущая роль внутренних условий при любого рода взаимодействиях является методологической основой моделирования человеческой субъективности (внутреннего мира человека. В связи с этим, логично рассуждать об отображении человеческой личности через систему внутренних условий (т.е. через систему условных рефлексов головного мозга). Поскольку внутренние условия (сформировавшиеся условно-рефлексорные связи) сложились в результате предыдущих внешних воздействий, можно сделать вывод (на основании теоретических положений субъектно-деятельностной концепции) о том, что актуальное причинное воздействие всегда опосредовано историей развития личности (точнее, историей формирования мозговых условно-рефлексорных связей).

Этот факт даёт основание современным теоретикам субъектно-деятельностного подхода (К.А.Абульхановой-Славской и А.В.Брушлинскому) утверждать, что детерминизм является более широким принципом, нежели историзм. С другой стороны, принцип историзма ими трактуется как способ накопления общих для всех живых существ рефлексорных реакций, составляющих, на уровне человека генетический фонд его личности. На основании таким образом понимаемого принципа историзма делается оригинальная трактовка единства единичного, особенного и всеобщего. С точки зрения рефлексорной природы человека это означает наличие в системе условных и безусловных

рефлексов человека исторических (скорее природно-генетических) следов эволюции животных, человеческого рода и индивидуального человека.

Как мы уже отмечали выше, с точки зрения причинной природы механизмов происхождения психики, принципиальным является адаптивный (рефлекторный; отражательный; гносеологический) характер человеческой психики. Адаптивная парадигма человека, выраженная в субъектно-деятельностной концепции в форме рефлекторной природы человеческой психики, заключается в ответной – адаптивной – деятельности мозга как единственном носителе рефлекторной ответной реакции человеческого организма на внешнее раздражение.

Благодаря тому, что внешняя детерминация является генетически первой по отношению к внутренней, благодаря тому, что внутренняя детерминация (внутренние условия как система условно-рефлекторных мозговых связей) является производной от внешней детерминации, возможна (и очень распространена) интерпретация их взаимосвязи как неразрывного единства. Нам представляется, что это единство необходимо понимать таким образом, что и человеческое внешнее, и человеческое внутреннее есть социально детерминированное природное. Именно поэтому сам С.Л.Рубинштейн выводит единство психики и поведения из их внутреннего содержания (психика есть регулирующий поведенческий фактор, поведение есть формирующий психику фактор). Поэтому интерпретация им мотивации вполне соответствует его исходной методологической установке о единстве внешнего и внутреннего, а, следовательно, сама мотивация должна рассматриваться как внутренняя причинность. Неслучайно, что одной из главных проблем психологии личности, с точки зрения субъектно-деятельностного подхода, остается проблема превращения ситуативной внутренней детерминанты в устойчивое личностное качество.

Причинно-следственная детерминация феноменологически выражается в ещё одном фундаментальном методологическом положении адаптивной парадигмы человека: осуществление возможностей изменяет исходную возможность. Это очень важно, поскольку здесь утверждается произвольность и непреднамеренность развития, качественного самоизменения. В отличие от концепций развития Б.Д.Эльконина и В.И.Слободчикова, где ситуация развития соотносится с “событием”, уникальным состоянием, “чудом”, в рефлекторной парадигме ситуация развития – это обычная, рядовая, будничная ситуация. Но особо интересно то, что здесь как раз и появляется необходимость в активности для того, чтобы как-то объяснять процесс развития самой деятельности.

Внутреннее содержание любых адаптивных механизмов, построенных на причинной детерминации, заключается в том, что результатом простой реализации исходной возможности является новая возможность. Результатом осуществления исходного способа функционирования является новый способ функционирования. Результатом осуществления способа существования является новый способ существования. Эта адаптивная максима в терминах “причина-следствие” у С.Л.Рубинштейна выразилась а том, что причина и следствие принадлежат одной и той же системе. Общее состояние этой системы изменяется следствием. Такую схему он называет обратной связью, которая в полной мере описывает взаимодействие причины и следствия. Таким образом,

единая система причина-следствие связана внутренним взаимодействием (обратной связью) и является генетически исходным отношением (содержанием) любой реальной системы, в том числе и человеческой психики.

Методологическое единство причины и следствия становится средством описания феномена самодетерминированности исходного для рефлексорной парадигмы понятия – психического как процесса. Самодетерминированность (экзистенциальность) психического является внутренним содержанием онтологической концепции С.Л.Рубинштейна. Она проявляется в том, что детерминанты психического процесса изначально не заданы, а складываются в результате его осуществления.

Продолжая и развивая идею онтологической самодетерминации, современный теоретик рефлексорной парадигмы психики А.В.Брушлинский формулирует современный вариант концепции самодетерминации психического. Это его известная концепция недизъюнктивности психического, основанная на недизъюнктивном механизме происхождения причинной детерминации.

Онтологическую традицию субъектно-деятельностной концепции ещё более усиливает К.А.Абульханова-Славская, включая человека в объективную онтологическую причинно-следственную связь. Интересно то, что для неё базовым является даже не наличие у человека воли и сознания самих по себе, а то, что, обладая волей и сознанием, он реально включается в цепь причин и следствий как реальная объективная причина и реально опосредует их отношение. При этом подчёркивается значение принципа воспроизводства как объяснительного принципа человеческой субъективности. В результате оказывается, что наиболее высоким уровнем анализа человеческого существования является анализ процессов изменения индивида не только под воздействием внешних обстоятельств, но самое главное, в процессе изменения этих обстоятельств, которые, в свою очередь, изменяются с участием самого изменяющегося индивида.

Важнейшее значение в субъектно-деятельностной концепции имеет понятие самодетерминированности. В соответствии с основными методологическими установками, оно понимается как самопричинность, т.е. человек есть причина себя, причина своего собственного развития. Самодетерминированность (самопричинность) в субъектно-деятельностной концепции выступает как средство воспроизводства человеческого способа существования. Именно таким образом, через воспроизведение, в этой концепции интерпретируется самодвижение человека в процессе осуществления его жизнедеятельности.

Идея самодетерминированности человека как его способности спонтанно начинать новые причинно-следственные ряды и цепи имеет долгую историю. Своё решение этой вечной проблемы предложил С.Л.Рубинштейн, предположив, что самодетерминация как движение самой причины внутри самой себя является выражением качественной определённости самой причины, её стабильности, неизменности и устойчивости. Таким образом, самодетерминация, по С.Л.Рубинштейну, – это механизм самовоспроизводства, механизм сохранения качества причинной определённости. Ясно, что самодетерминация в субъектно-деятельностной концепции понимается отнюдь не как механизм качественного самоизменения, а самодвижение не является саморазвитием.

Соответственным образом надо понимать и психический процесс как самодетерминируемую действительность. А именно, онтологическое содержание психического как процесса заключается в том, что система причина-следствие как базовая онтологическая характеристика человека человеческого существования не может изменить своего исходного качества, а только может самопреобразовываться в пределах одного и того же качества. Т.е. воспроизводиться в одной и той же качественной определённости, функционировать.

С этой точки зрения, конкретный сформировавшийся способ детерминации психического процесса при всех возможных конкретных изменениях внешних и внутренних условий остаётся неизменным, независимо от конкретной складывающейся ситуации. Изменяются лишь конкретные “значения” причины и следствия в пределах неизменного базового способа детерминации. Следовательно, с точки зрения адаптивной (рефлекторной) парадигмы человека, сущностная характеристика психического процесса (сущность человеческой психики) всё же задана, но не конкретными причинами и следствиями, а конкретно-социальным способом существования.

Говоря о самодетерминации, обычно подчёркивают отсутствие жёсткой, изначально заданной детерминации, не учитывая того, что на самом деле детерминация не задана конкретными причинами, но детерминация задана самим способом существования. Более того, этот способ, складывающийся для каждого индивида по-разному и разный для разных людей, задан чрезвычайно жёстко, настолько жёстко, что конкретный индивид его не в состоянии преодолеть и даже что-либо противопоставить. С этой точки зрения, свобода выбора – это свобода выбирать конкретные причины, но не свобода выбирать причинные или не-причинные способы существования. Другими словами, свобода выбирать причины, но не свобода выбирать социальные условия и социальные отношения, их порождающие.

Именно с точки зрения свободы выбора необходимо рассматривать проблемные и непроблемные ситуации в рамках субъектно-деятельностной концепции. Непроблемная ситуация – это такая, которая не требует и не предполагает выбора, а проблемная – это ситуация, требующая от субъекта выбора. Но поскольку в рефлекторной парадигме выбор – это выбор причин, а не способов существования, то и проблема – это не проблема способа существования, а проблема конкретного пути его осуществления.

В связи с основными положениями рефлекторной (адаптивной) парадигмы человека, главным свойством сознания, его важнейшим предназначением может быть способ осознания самого себя как причины изменения объективной реальности. Осознать, но не преодолеть свою причинную природу, не выйти за пределы существования в качестве причины. Вполне понятно, закономерно и логично поэтому определение человека как субъекта активности через способ его собственного воспроизводства (через способ функционирования). С этой точки зрения, именно тот человек является субъектом активности, который является причиной собственного существования, т.е. воспроизводит себя, свой способ существования в рамках заданного социального способа.

Фундаментальным и генетически исходным методологическим положением для всей субъектно-деятельностной концепции онтогенеза человеческой

психики является марксистское положение о социальной природе человека. Приняв его буквально, С.Л.Рубинштейн, тем самым, уже в начале создания своей психологической концепции, заложил в ней глубокие внутренние противоречия.

Позиция С.Л.Рубинштейна в вопросе о социальной сущности человека и о социальной природе детерминации человеческого индивида позволила его ученикам перенести акцент с культуры, с социума вообще на конкретный социум (буквально, на конкретный коллектив, на конкретное сообщество людей) как на непосредственный фактор социальной детерминации. Поэтому роль деятельности заключается не в приобретении трудового опыта, не в научении, не в приобретении широкого социального опыта, а в обеспечении детерминации человеческого индивида непосредственными социальными отношениями, характерными для данного конкретного социума (мини-социума). То есть, человек в процессе его индивидуального развития формируется не в культурно-исторической ситуации “везде и всегда”, а в конкретно-социальной ситуации “здесь и теперь”. Но это и означает, что формируется он не как культурно-исторический человек, а как конкретно-социальный функционер.

Конкретно-социальная природа человека и его конкретно-социальная детерминированность настолько принята апологетами субъектно-деятельностного подхода, что они предпочли разместить социальные детерминанты не только извне, но ещё и внутри человека. Это осуществляется за счёт аксиоматизации социальной природы индивида и конкретно, за счёт аксиоматизации общественных отношений как генеральной конкретно-социальной детерминанты. Поскольку такая конкретно-социальная детерминация на индивидуальном уровне носит сущностный характер (т.е. полностью определяет индивидуальный способ жизнедеятельности), постольку социальная детерминация есть внутренняя детерминация (это, кстати, непосредственно вытекает из природы внешне-внутренней детерминации вообще как механизма “внешнее через внутреннее”).

Для субъектно-деятельностной концепции процедура переноса социальной детерминации извне внутрь не просто рядоположенная процедура, но фундаментальная, поскольку позволяет завершить обоснование конкретно-социальной природы внутреннего мира человеческого индивида. Перенос социальной детерминации внутрь осуществляется не за счёт механизма интериоризации, а за счёт некоего общественного способа побуждения (принуждения). Этот ход позволяет окончательно теоретически обосновать социальную природу условно-рефлекторной деятельности человеческого мозга и доказать, что психическое (т.е. условно-рефлекторная деятельность) возникает из психического, а не из внешней материальной деятельности (как в культурно-исторической концепции психики).

Окончательную точку в обосновании внутреннего характера социальной детерминации ставит К.А.Абульханова-Славская ссылкой на С.Л.Рубинштейна и её интерпретацией, смысл которой заключается в том, что онтологическая природа субъекта выражается в онтологической сущности человеческого сознания, которая проявляется в феномене переживания. Именно переживание (“практическое сознание”) выражает социальную природу индивидуального

способа существования (индивидуальной онтологии), и именно поэтому социальная детерминация оказывается внутренней. Этой процедурой заканчивается теоретическое “замуровывание” человеческого индивида в социальную границу, причём граница эта имеет конкретно-социальный, а не всеобще-социальный, и тем более – не культурно-исторический характер.

Настойчиво проводя и далее в своих многочисленных работах философское, методологическое и теоретическое обоснование конкретно-социальной природы человеческого индивида, К.А.Абульханова-Славская в недвусмысленных выражениях формулирует свою методологическую позицию: человек должен быть рассмотрен как производная от конкретно-социальных, а ни в коем случае не от всеобщих форм социального бытия. Несмотря на очевидную методологическую ограниченность этого положения, закрывающего возможность конкретному человеческому индивиду формироваться сразу как универсальному существу (что как раз и соответствует его родовой сущности), тем не менее, приведённое положение остается методологическим фундаментом и современного варианта субъектно-деятельностного подхода и концепции онтогенеза человека как субъекта активности.

Как уже было отмечено выше, социальная детерминация не является чем-то внешним по отношению к индивиду. Исходя из теоретических основ субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития, социальная детерминация есть внутренняя сущность человеческого индивида, выражающая его истинную — социальную — природу. Сама социальная детерминация осуществляется непосредственно через взаимоотношения людей. Междусубъектная природа человеческого индивида, сформулированная ещё К.Марксом, стала одним из основополагающих теоретических положений философской концепции человека С.Л.Рубинштейна. В его психологической концепции междусубъектность представляет собой адекватную среду существования и действия социальных причин. На наш взгляд, отношение к другому человеку как источнику собственного существования, и другой человек как причина моего существования – это не одно и то же. Более того, эти утверждения в каком-то смысле взаимоисключают друг друга.

Психология с самого своего основания и по настоящий день имеет тяготение к субъект-объектной модели происхождения и развития человеческой психики. Эта тенденция не ослабевает и в наше время. В одной из современных психологических концепций, разработанной в рамках адаптивной парадигмы человека, при анализе психологического содержания человеческой деятельности делается вывод, что субъект-субъектное отношение есть необходимое условие для осуществления главного – субъект-объектного – вектора. Данное утверждение сопровождается ссылкой на К.Маркса, как обычно это делается в подобных случаях, но особый интерес вызывает неожиданный вывод автора о том, что из субъект-субъектного характера отношений вытекает необходимость воздействовать, влиять и транслировать другому собственные мотивы (В.А.Петровский).

Общественная природа человека непосредственно связана с новым типом детерминации – социальной детерминацией, которая отсутствует у животных. Теперь уже внешние условия для человека выступают как условия соци-

альной жизни, детерминирующим содержанием которых является уже не факт непосредственного воздействия, а значение. Специфичность существования человека требует особых средств для его осуществления. Таким особым средством, как известно, становится сознание. Именно через сознание становится возможной смысловая социальная детерминация.

В концепции субъекта активности С.Л.Рубинштейна имеет место как бы два взаимодействующих пространства — пространство онтологическое и пространство гносеологическое. Они существуют в единстве, в непосредственной связи и взаимодействии. Более того, гносеологическое пространство является средством регулирования существования в онтологическом пространстве. По С.Л.Рубинштейну, сознание (как и психическое вообще) выполняет гносеологическую функцию и раскрывается как гносеологическое отношение. Онтологический аспект концепции выражается категориями “активность” и “деятельность” (воздействие, взаимодействие). И даже тот факт, что одним из значимых компонентов сознания является онтологическая его форма — переживание, ничего не меняет в самом гносеологическом содержании сознания.

Гносеологический характер сознания выражен, во-первых, в его отражательной функции и знаниях как главном средстве осуществления сознания, и, во-вторых, в его регуляторной функции, которая выражается в форме цели и программы будущей деятельности.

Сознание как специфическая форма отражения бытия выполняет три регуляторные функции: психических процессов, отношения и деятельности. Поскольку, цели человека детерминированы, в том числе и индивидуально, это даёт основание говорить о жизненном пути как детерминирующем факторе личности

Социальная детерминация, обеспечиваемая сознанием, может осуществляться не только на рациональном уровне. Чувственная (онтологическая) форма сознания – переживание – является реальным фактором детерминации, что отмечается представителями различных конкурирующих концепций.

В некоторых современных психологических концепциях детерминирующая роль сознания конкретизируется и отмечается, что если цель как таковая является причиной, детерминирующей деятельность, то переживание есть причина самого целеполагания. В адаптивной парадигме такой ход необходим, чтобы теоретически обосновать возможность целеполагания, т. е. возникновение новых целей, не вытекающих из предыдущих целевых ориентаций. Здесь переживание есть важнейшее теоретическое средство, позволяющее в рамках адаптивной парадигмы решить проблему происхождения нового качества.

В философии и психологии принято считать, что возникновение нового как продукта человеческой деятельности непосредственно связано с рефлексией, т.е. с деланием самой деятельности предметом особого рассмотрения. Мы уже говорили о том, что в адаптивной парадигме человека принята установка на отождествление во многих существенных моментах процессов развития животной и человеческой психики. В том числе, это касается и психической деятельности (активности) и деятельности вообще.

Некоторые исследователи видят переход от до-человеческой психики к человеческой в смене внешних детерминант функционирования (развития) с

естественных (природных) на искусственные (социальные). Другие склонны рассматривать общебиологические закономерности как неотъемлемую характеристику человеческой деятельности, более того, готовы приписать одному из видов рефлексии биологический характер. Считается, что условия осуществлённой деятельности становятся предметом самой деятельности (предметом познания) на основании общебиологических закономерностей (что, с нашей точки зрения, противоположно точке зрения К.Маркса). Это так называемая ретроспективная рефлексия. Её предметом становится история осуществлённой деятельности и условия самой деятельности. Результатом ретроспективной рефлексии является образ условий, которые обеспечили эффективное осуществление деятельности. Проспективная рефлексия ориентирована в будущее и непосредственно связана с динамикой переживания потребностей в ходе осуществления деятельности. Поскольку стихийно складывающиеся условия могут случайным образом ориентировать последующую деятельность, возникает необходимость поиска средств деятельности. Этими средствами (по В.А. Петровскому) являются продукты и результаты уже осуществлённой деятельности, до этого пока не осознававшиеся в качестве таковых. Именно они в результате проспективной рефлексии начинают выступать в качестве избыточных по отношению исходной цели возможностей. Осуществление обоих планов рефлексии (осознание) позволяет расширенно воспроизвести исходный образ ситуации и тем самым “увидеть” в старых результатах деятельности её новые возможности.

По сути дела, описанный механизм двойной рефлексии иллюстрирует уже отмечавшийся тезис о том, что факт осуществления возможности есть уже факт возникновения новых возможностей. Мы уже говорили выше, и считаем необходимым подчеркнуть ещё раз: с нашей точки зрения это есть глубинное содержание адаптивной парадигмы развития.

В адаптивной парадигме человека и его психики деятельность, как известно, не является самодетерминируемой действительностью и требует своего объяснения и обоснования другими, недействительными факторами. Как правило, таким главным фактором и психологическим понятием является активность, которая является причиной как осуществления, так и развития самой деятельности. Только в случае развития ситуативная активность превращается в надситуативную активность. Важным для нас здесь является не сам детерминирующий деятельность фактор, будь он назван активностью, или надситуативной активностью, а то, что этот фактор сам более никак уже не обосновывается и вводится по сути дела аксиоматически. Правда, история эволюции и развития психики подсказывает нам, что на самом деле является психологическим содержанием этого постулируемого фактора. И хотя в концепции надситуативной активности её автор сам прямо не указывает на условно-рефлекторную деятельность мозга, на самом деле другой активности нет и не может быть.

В этом смысле субъектно-деятельностная концепция находится в теоретически более выигрышной позиции, поскольку прямо и открыто обнажает свои методологические основания в преломлении их на психологию человека. Таким образом, активность является объяснительным принципом деятельности

и процесса развития деятельности. Поскольку в процессе достижения исходной цели используются не все возможности, зафиксированные в образе предметных условий, то постепенно в процессе реализации деятельности (активности) создаётся и накапливается резерв нереализованных возможностей. В результате осуществления ретроспективной и проспективной форм рефлексии эти нереализованные возможности становятся непосредственным предметом познавательного отношения. Возврат к нереализованным возможностям, зафиксированным рационально в форме познавательного образа, создаёт реальную предпосылку надситуативной активности — возникает возможность выйти за пределы заданной конкретной ситуации.

Одним из преимуществ субъектно-деятельностной концепции по отношению к другим концепциям индивидуального развития является признание деятельности в качестве движущей силы психического развития. Но понятие развития в субъектно-деятельностной концепции основывается, как известно, на понятии психического как процесса, служащего теоретическим средством обеспечения непрерывности психического как непрерывности бессознательно и сознательно.

Принцип непрерывности психического обосновывает бессознательный, нерелексивный характер процессов формирования и развития человеческой психики. Но не только, а также нерелексивный характер и самих базовых механизмов формирования и развития, одним из которых является анализ через синтез. Таким образом, можно говорить о том, сам психический процесс, являющийся способом отражения объекта и развития субъекта с точки зрения субъектно-деятельностной концепции сам не рефлексивируется, не осознаётся, не становится предметом рефлексии.

Как известно, ведущей формой, в которой осуществляется процесс индивидуального развития в онтогенезе, с точки зрения субъектно-деятельностной концепции индивидуального развития, является обучение. Согласно этой концепции, онтогенез как процесс формирования личности должен осуществляться на основании общего закона формирования и развития психики – закона “внешние причины через внутренние условия”. Но здесь необходимо иметь в виду, что классическую проблему обучения и развития (образования и развития) с точки зрения субъектно-деятельностного подхода следует решать с учётом характера внешних воздействий и природы внутренних условий. А они таковы, что не все внешние воздействия целесообразны, а только те, которые адекватны сформированным внутренним условиям. Отсюда, вообще говоря, следует, что ведущими в обучении и онтогенетическом развитии являются внутренние условия, которые как самый главный критерий определяют возможную эффективность внешних психолого-педагогических воздействий.

Эта зависимость внешних воздействий от внутренних условий некоторыми авторами предлагается в качестве содержательной основы образовательного процесса. Резонантность этого положения непосредственно вытекает из положения С.Л.Рубинштейна о личности как системе внутренних условий, формирующихся в течение всей истории развития личности. Эффективная педагогика, в связи с этим, не может не учитывать детерминизма и историзма как главных принципов организации индивидуального развития в форме обучения.

Учебно-воспитательный процесс как процесс усвоения знаний с точки зрения С.Л.Рубинштейна представляет собой диалектику внешнего и внутреннего. В процессе усвоения знаний, как и в любом процессе формирования и развития психики, построенном на основе принципа непрерывности, причина и следствие (усваиваемые и усвоенные знания) непрерывно меняются местами. Интересно то, что С.Л.Рубинштейн не отрицает интериоризацию саму по себе (хотя такое впечатление может сложиться на основании изучения методологических споров между представителями рефлекторной и культурно-исторической парадигм происхождения психики), но объясняет её иначе, нежели Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев. Для него интериоризация – это не механизм возникновения психики из деятельности, а механизм последующего развития психики из психики.

В одном из своих фундаментальных трудов С.Л.Рубинштейн ещё раз подчёркивает собственное понимание психологического содержания интериоризации, где совершенно отчётливо видно, что он имеет в виду именно преобразование способов осуществления психического процесса, но ни в коем случае не возникновение психического из внешней материальной деятельности: “На самом деле, интериоризация ведёт не от материальной внешней деятельности, лишённой внутренних психических компонентов, а от одного способа существования психических процессов – в качестве компонентов внешнего практического действия – к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия” [20, с.368].

Нам представляется, что на основании приведённого выше анализа психологического содержания причинного механизма функционирования и развития психики можно сделать вывод о том, что по своей природе человеческая психика включена в бесконечную цепь естественно-природной детерминации в качестве причины и следствия. Следовательно, в субъектно-деятельностной парадигме человеческая психика по своей природе представляется как особая рефлекторно-адаптивная действительность, описываемая исходной категорией “активность”.

Основываясь на понимании С.Л.Рубинштейном содержания причинной детерминации, можно утверждать, что сама причина как детерминирующий фактор, как философско-психологическая категория представляется собой базовый элементарный, фундаментальный акт трансляции воздействия по причинно-следственной цепочке. Сама же причинная субстанциальность интерпретируется С.Л.Рубинштейном как стабильность, неизменность самого причинного способа детерминации. По его мнению, подтверждение такого понимания субстанциальности являются известные законы сохранения и причинности. Это положение подкрепляется ещё одним обстоятельством, где постулируется принадлежность причины и следствия к одной и той же системе. Но при этом необходимо иметь в виду, что все изменения причин и следствий в рамках исходной системы не приводят (да и не могут привести) к изменению самой причинно-следственной системы, т. е. причинно-следственные отношения не способны изменить, не способны преодолеть причинно-следственный способ детерминации.

На наш взгляд, глубинное содержание причинно-следственного механизма взаимодействия в полной мере выражает адаптивную сущность причинных связей и причинно-следственных цепочек. Причинно-следственное отношение нерелексивно по своей природе и не способно изменить исходный характер причинной детерминации. Вследствие этого, любой акт причинно-следственной детерминации есть акт адаптивный, имеющий целью транслировать структуру причины в структуру следствия. Сама же структура причины не становится предметом преодоления, предметом изменения, предметом рефлексии.

По нашему мнению, из приведённых выше положений может быть только один вывод: причинно-следственный характер человеческой психики, обоснованный в субъектно-деятельностной концепции, исходя из адаптивного характера самой причинно-следственной связи, означает только одно – человеческая психика по своей природе и механизмам осуществления является адаптивной по своей природе.

Цитируемая литература

1. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
3. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
4. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М., - Воронеж, 1996.
5. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1983.
6. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.
7. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
8. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 1. М., 1989.
9. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
10. Петровский А.В. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
11. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
12. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. М., 1996.
13. Немов Р.С. Словарь // Психология. Кн. 1. М., 2000.
14. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
15. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Т. 2. М., 1989.
16. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
17. Комментарии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
20. Рубинштейн С.Л. Проблема сознания и деятельности в истории советской психологии // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.

Литература, использованная при подготовке Главы III

- Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Послесловие // Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1999.
- Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1980.
- Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М., 1961.
- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
- Брушлинский А.В. Главное – это взаимодействие человека с миром // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Брушлинский А.В. Ответ на возражения и недоразумения // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям. М., 1982.
- Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.
- Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
- Краткая философская энциклопедия. М., 1994
- Краткий психологический словарь-хрестоматия / Под ред. Платонова К.К. М., 1974.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Общая психология. / Под ред. В.В. Богословского, А.Г. Ковалева, А.А. Степанова. М., 1981.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997.
- Психология / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- Психология / Под ред. В.В. Богословского, А.А. Степанова. М., 1981.
- Рубинштейн С.Л. О личности // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л. О мышлении // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л. О сознании // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л. О философских основах психологии. Ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии. 1959 // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рубинштейн С.Л. Основные положения теории сознания // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. Вопросы психологической теории // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса. 1934 // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.
- Современная психология. М., 1999.
- Судаков. К.В. Тайны инстинкта. М., 1967.
- Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси., 1961.
- Фролов Ю.П. От инстинкта до разума. М., 1947.
- Хонин С.Т. Индивид как субъект жизнедеятельности. Куйбышев, 1990.

Глава IV.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

(объектно-деятельностная концепция человеческой психики)

- 4.1. Человек как субъект присвоения
- 4.2. Логика онтогенеза человека как субъекта присвоения
- 4.3. Интериоризация как механизм культурно-адаптивного опосредования

4.1. Человек как субъект присвоения

Мы знаем, что философско-методологическим базисом всех деятельностных концепций человека в психологии является широко известный тезис Маркса о социальной природе человека, где сущностью человека, личности заявляется совокупность его общественных отношений, “но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельности” [1, с.201]. Этот тезис до сих пор является базисом не только для деятельностных психологических концепций (как субъектно-деятельностной концепции С.Л.Рубинштейна, так и для культурно-исторической Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева), но и по сей день остаётся незаменимым фундаментом для гуманитарной науки в целом. А.Н.Леонтьев, конкретизируя марксистский тезис, пишет: “Каково центральное отношение, характеризующее жизнь человека? Я бы выразился, пользуясь словами Макаренко, очень просто: главное отношение, от которого зависит всё дело, есть отношение между личностью и обществом” [2, с.244].

Такая философско-методологическая позиция, задающая всю понятийно-категориальную рамку рассмотрения существования человека, в том числе и в психологическом аспекте, была задана ещё Л.С.Выготским, в своё время утверждавшим социальную природу человека в терминах приспособления. Данный тезис может быть для кого-то прозвучит достаточно неожиданно, поскольку применяется по отношению к автору культурно-исторической психологической концепции, но в дальнейшем мы неоднократно убедимся в том, что и Л.С.Выготский строил свою психологическую концепцию человека как существа адаптивного. Просто в качестве среды адаптации и предмета адаптации у него уже выступала культура.

Исходя из принятия марксистского положения (разделявшегося, например, французской социологической школой) о социальной природе человека, Л.С.Выготский формулирует главную идею своей культурно-исторической концепции развития человека: социум является единственным детерминирующим фактором поведения человека (известно, что Л.С.Выготский, как правило, употреблял как синонимы термины, которым уже А.Н.Леонтьев приписывал различные значения – “активность”, “поведение”, “общение”, “деятельность”). Именно принятие марксистского положения о социальной природе человека привело Л.С.Выготского (как в своё время С.Л.Рубинштейна) к обоснованию того, что человеческий индивид есть продукт социума, системы социальных

отношений, которые как единственно возможные детерминанты задают и определяют индивидуальное развитие человеческого индивида.

Далее, в логике последовательного проведения указанного марксистского тезиса, Л.С.Выготский уже закладывает в самоё основу культурно-исторической концепции онтогенеза человеческого индивида еще более напористое утверждение о том, что источником индивидуального существования является не создание самим человеческим индивидом нечто нового, не изобретение некоего нового общего способа действия, а применение безотносительно к его созидательной индивидуальной инициативе возникшего социального отношения как внешнего средства к себе за счёт переноса (интериоризации) своей внешней социальной организации в свою внутреннюю психическую организацию.

Тем самым, было завершено создание методологической основы для обоснования процесса и механизма происхождения человеческой психики. Как следствие, из общей методологической установки на социальную природу человеческой психики вообще, А.Н.Леонтьев говорит и о социальной природе сознания. Вслед за К.Марксом и Л.С.Выготским, он проводит идею о социальной природе и опосредованности человеческой психики, в том числе — индивидуального сознания. По-видимому, именно из-за того, что индивидуальное сознание, как исходно социальный продукт, является главной особенностью и отличительной чертой человеческого способа существования, Л.С.Выготский в качестве предмета своих психологических исследований выбрал именно его.

Идея внешнего (социального) источника происхождения внутреннего мира человека, в том числе его психического мира, ставшая главной идеей культурно-исторической психологии, имела своих приверженцев среди многих учёных, в том числе её разделял и Джон Дьюи [3, с.133]. На идее происхождения внутреннего из внешнего, где под внешним понимается социальное, а под внутренним — психологическое, основывается не только российский вариант психологического культурно-историзма, а, например, и современный американский, который оперирует не принятыми у нас терминами “орудия” или “культурные образцы”, а термином “артефакты”.

В связи с этим, в культурно-исторической концепции психики, в отличие от её рефлекторного аналога, подчёркивается принципиальное отличие опосредованной природы человеческой психики от непосредственной (рефлекторной) природы психики животных. Правда, конкретный характер социальной детерминации человеческой психики не является таким общепринятым, как её культурно-опосредованный характер. В этом смысле представляет интерес точка зрения современных психологов на возможность полифункциональной детерминации в современной социально-культурной ситуации.

Принятие как генеральной идеи социальной природы человеческой психики и адаптивного характера её функционирования неизбежно приводит к необходимости следующего шага — к обоснованию способа происхождения индивидуальной психики из социально-культурной среды. Как известно, для человеческой среды существования характерным и конституирующим является наличие культуры как социальной среды и социальной детерминанты процессов происхождения и функционирования индивидуальной психики человека.

Сама этимология термина “культура” свидетельствует о том, что его смыслом издревле является способ ухода за растущим и становящимся. С другой стороны, современное понимание термина “культура” предполагает и иное его значение, а именно, как средство аккумуляирования общесоциальных (исторических) потенций развития, которые для последующих поколений становятся реальным средством их собственного становления как человеческих индивидов. Эта “история в настоящем” представляет собой поистине чудесное средство, обеспечивающее непрерывность и историчность процесса человеческого развития. При этом, культура выступает как средство опосредования индивидуального развития, опосредования индивидуальной истории развития историй развития общечеловеческой.

Деятельностная парадигма предполагает, что при историческом и опосредованном взаимодействии общечеловеческой и индивидуальной историй культура выступает в качестве “культурных образцов” и “культурных эталонов” всеобщих способов деятельности, которые люди передают друг другу из поколения в поколения, тем самым, обеспечивая общение поколений, непрерывность и историзм своего существования. Особое значение имеет тот факт, то устоявшееся и не подвергающееся серьёзной критике положение, что развитие, как исторический процесс, обеспечивается экзотерическим способом.

За этим философско-методологическим положением естественным образом следует на первый взгляд очевидное, но имеющее стратегические последствия утверждение о социальной культуре как единственном, неизбежном и исключительном предмете человеческой деятельности. Социальная культура, таким образом, становится и является единственно возможным для человека средством существования (осуществления), главной особенностью которого является единство внешнего и внутреннего. Такая чудесная особенность культуры (культурного средства), интерпретируемая в работах М.Коула и М.Вартофского¹ как системы артефактов, имеющей двойную природу, даёт реальную возможность человеческому индивиду за счёт её распремечивания и присвоения делать собственной познавательную способность, превращать её в содержание своего индивидуального познания.

Таким образом, марксистская культурно-историческая концепция человека заключается в том, что родившийся человек имеет собственным предметом не неосвоенную человечеством природу, а культуру, которая для него является истинной объективной реальностью. Но освоить эту человеческую реальность он может только в процессе собственной индивидуальной деятельности, которая должна быть непременно адекватной определенченной в артефакте. Однако, этот мир предметов, воплощающих человеческие способности, сложившиеся в процессе развития общественно-исторической практики, в этом своём качестве не дан индивиду изначально. Чтобы это качество, эта человеческая сторона окружающих объектов открылась индивиду, он должен осуществить активную деятельность по отношению к ним, деятельность, адекватную (хотя, конечно, и не тождественную) той, которую они в себе кристаллизовали [4, с.195].

---

¹ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988

Исходной и важнейшей посылкой культурно-исторического подхода в психологии и культурно-исторической концепции деятельности, в частности, в отличие от концепции деятельности как формы рефлекторной активности, является положение об опосредованном характере человеческой деятельности. Этот фундаментальный факт опосредованной культурой природы человеческой деятельности является ключевым в культурно-исторической теории человека. Именно опосредованность деятельности как истинно человеческого отношения позволяет воспроизводить в индивидуальном опыте опыт всего человечества. Но орудийный способ отношения одновременно является способом производства форм общения, т.е. способом производства социума.

По концепции С.Л. Рубинштейна, непрерывность психического развития задаётся причинным механизмом детерминации, обеспечивающим, по его мнению, развитие как происхождение “внутреннего из внутреннего”, и тем самым как бы устраняющего разрыв в схеме “внутреннее из внешнего” (на самом деле эта проблема только меняет свою “географию”, переносится внутрь и превращается в проблему непосредственного характера превращения внешней причины во внутреннее следствие, в отличие от опосредованного характера развития в культурно-исторической концепции).

Культурно-историческая концепция трактует и развитие, и непрерывность этого процесса принципиально иначе. К тому же, ключевым и самым фундаментальным положением для культурно-исторической парадигмы является её временной характер. Культурно-опосредованный человеческий мир – это особый мир, мир, который бесконечен как в будущее, так и в прошлое. Опосредованная природа человеческой психики является бесконечным пространством, непрерывно распространяющимся как в прошлое, так и в будущее. При этом, характер детерминации опосредованной культурой психики определяется непрерывным актуальным единством “здесь и теперь” бесконечного прошлого и бесконечного будущего.

Эпистемологическая природа российской культурно-исторической психологии выражается в главенствующей роли принципа отражения и в системообразующем характере понятия “познание” как в культурно-исторической концепции самого Л.С.Выготского, так и в культурно-исторической концепции деятельности А.Н.Леонтьева (возможно, у последнего акцент на отражательный характер психического выражен даже более явно, чем у самого Л.С.Выготского).

Нам представляется, что суть самого процесса познания, говоря словами Г.С.Батищева, можно выразить в сжатой форме в следующей фразе: “... только подобное постигается подобным” [5, с.113]. Для нас эта лаконичная формулировка имеет глубокий и весьма значимый смысл, который определяет, с нашей точки зрения, внутренние возможности и внутренние ограничения как самой культурно-исторической парадигмы психики, так и её деятельностного варианта. Здесь заложено глубокое понимание, дающее возможность распознать большинство проблем психолого-педагогического свойства.

Философским основанием гносеологизации культурно-исторического подхода в психологии служат работы философов, обосновывающих ключевое значение познавательного отношения в происхождении и развитии психиче-

ского отражения. На это философское положение накладывается характерный для российской психологии биологический аспект. А именно, во множестве известных психологических концепциях, в том числе, и в культурно-исторической, как само собой разумеющееся предполагается, что человеческая психика возникла в результате развития психики животных на основании общих закономерностей, породивших и психику животных, и психику человека. Именно поэтому, как утверждал, например, А.Н.Леонтьев, человеческая психика возникла фактически из биотического отношения за счёт его дифференциации и выделения сигнального отношения в самостоятельное отношение. Он, тем самым, фактически утверждает одинаково адаптивную природу и психики животных, и человеческой психики. Примерно такую же позицию в этом вопросе занимает и П.Я.Гальперин, который предполагает один способ происхождения и для животной, и для человеческой психики. Он явно говорит о приспособительной (адаптивной) функции психики, не разделяя при этом психику животных и психику человека.

Такой же подход сохраняется в культурно-исторической концепции и при обосновании происхождения человеческой деятельности, возникновение которой, по аналогии с человеческой психикой, связывается с возникновением психического отражения на основании раздражимости и чувствительности. Тем самым, устанавливается, что имеет место общая закономерность происхождения элементарной раздражимости и человеческой познавательной деятельности, и подтверждается неявное исходное положение об идентичности законов развития животного и человека.

Принципиальную важность в культурно-исторической концепции приобретает такое свойство психического отражения, как предметность, которое понимается в деятельностной концепции А.Н.Леонтьева как объективная отнесённость отражения к свойствам внешней среды. И, наконец, в обосновании человеческой психики делается последний и главный шаг: человеческая деятельность интерпретируется как деятельность познавательная, т.е. как способ преобразования отражаемого в отражение. Это ключевое для культурно-исторической концепции деятельности положение завершает теоретическое обоснование не только отражения как внутреннего содержания психического, но, что на наш взгляд гораздо важнее, завершает обоснование человеческой деятельности как деятельности познавательной.

При этом, культурно-историческая концепция психического отражения полностью опирается на материалистическое положение о решающей роли человеческой активности, человеческой деятельности в процессе осуществления отражения. Исходя из положений марксизма, под генетически исходной формой познавательной деятельности понимается её чувственно-предметная форма. В связи с этим, в культурно-исторической концепции познавательной деятельности ключевым понятием является марксистская категория “практика”, но практика как основа познания и его источник происхождения. Именно в гносеологическом аспекте практика используется в деятельностной концепции в качестве фактора, обуславливающего развитие познания, психического отражения.

Известно, что культурно-историческая концепция познавательной деятельности А.Н.Леонтьева базируется на субъект-объектном отношении как на своём методологическом содержании. Деятельный (активный, субъективный) характер отражения основывается на механизмах опредмечивания-распредмечивания, которые интерпретируются как процессы перехода субъекта в объект, и объекта - в субъект. Здесь же всегда особо подчеркивается адаптивный характер субъект-объектного отношения, который в деятельностной концепции А.Н.Леонтьева представляется как единственно возможный, а предметность, понимаемая как адаптивная способность, для сторонников культурно-исторической концепции деятельности становится критерием оценки приемлемости или неприемлемости других психологических концепций.

Гносеологическая интерпретация деятельности как познавательной активности, характерная для всей культурно-исторической концепции в целом, дала основание Л.С.Выготскому провести аналогию между познавательной деятельностью человека и деятельностью органа человеческого организма. Для такой интерпретации есть основания. В философии имеет место толкование идеальных форм как средств воздействия на самоё отражаемую действительность. Данная интерпретация характерна для диалектической традиции, объясняющей развитие природы из самой природы, как её саморазвитие, а в качестве средства детерминации саморазвития признающая сами идеальные формы. Но не любая идеальная форма может стать средством саморазвития, а такая, содержанием которой становится собственная логика развития действительности (по-видимому, именно это и имел в виду Алексей Фёдорович Лосев, когда говорил о понятии, способном воздействовать на реальную действительность).

Используя отмеченные философские идеи, А.Н.Леонтьев в разработке своей психологической концепции опирался на несколько иное, с нашей точки зрения, положение, которое зиждется на гносеологической природе развития, что, на наш взгляд, недостаточно очевидно и, по крайней мере, требует дополнительного фундаментального обоснования применимости этого тезиса ко всем формам и видам развития. Описывая механизмный уровень процесса развития, А.Н.Леонтьев исходил из ведущей роли динамики предметного содержания, детерминирующего развитие самого психического отражения. Если сопоставить этот тезис с предыдущим, то становится очевидным несоответствие между активностью отражения и ведущей ролью в развитии только реальных (предметных) форм действительности. Что и позволяет нам делать вывод о подчинённом характере отражения, о его адаптивном характере, конституирующем деятельностную концепцию А.Н.Леонтьева. Следовательно, из адаптивного (подчинённого своему предмету) характера отражения вообще, и психического отражения, в частности, А.Н.Леонтьев выводит адаптивный (подчинённый) характер индивидуального сознания, причём, в качестве предмета адаптации в данном случае выступает социум, а индивидуальное сознание представляется как его продукт. Таким образом, отражение как базовый механизм развития выступает и в качестве механизма происхождения индивидуального сознания. Т.е. отражение как всеобщий механизм возникновения порождает собственные индивидуальные формы.

Всеобщий характер отражения как системообразующего процесса для объективной действительности и его значимость для обоснования специфики психического отражения, при детальном анализе его структуры позволяет говорить о психическом отражении и как о процессе, и как о результате (как об образе, свёрнутом в процессе). В этом смысле А.Н.Леонтьев различал мышление как процесс мыслительной деятельности и мышление как результат, мышление как понятие; восприятие как процесс воспринимания и восприятие как образ восприятия (необходимо иметь в виду, что процесс по А.Н.Леонтьеву, и процесс по С.Л.Рубинштейну – это принципиально различающиеся действительности).

Поскольку сам А.Н.Леонтьев придавал первостепенное значение отражению и через него описывал психику как психическое отражение, постольку в разряд первостепенных задач психологической науки он естественным образом вводил задачи исследования переходов более простых уровней отражения в более сложные. Т.е. по сути дела, как главнейшие задачи психологии А.Н.Леонтьев предлагал решать задачи развития психического отражения. Но, являясь объективно важнейшим аспектом психического, само по себе психическое отражение полностью не исчерпывает всего содержания психического. А именно, рассматривая психику как способ отражения, мы, по сути дела, искусственно сужаем сферу психического до пределов адаптивности и не рассматриваем психику как способ порождения объективной предметности. Стало быть, мы исключаем из рассмотрения активный объективно созидательный аспект психики.

Считаем необходимым отметить, что процедура изъятия из сферы психического её порождающего, объективно-созидательного аспекта неадекватно раскрывает самоё психологическую действительность в целом и в конечном итоге приводит к внутренним противоречиям в деятельности парадигме психического, которые в настоящее время до предела обострили противоречия между внутренней рефлексивной (практически-созидательной) сущности человека как универсального субъекта и вынужденно-адаптивным характером его социального существования. Но нельзя утверждать, что в психологических исследованиях аспект порождения совсем отсутствует. И хотя сам А.Н.Леонтьев нечасто пользуется этим термином, но он, в то же время, ссылается на К. Маркса, подчёркивая его приоритет в описании процессов происхождения общественной и индивидуальной форм сознания в терминах порождения.

К сожалению, в психологической литературе нет описания порождения как психологического феномена, но зато интерпретацию содержания термина “порождение” мы находим у А.Ф.Лосева. Со своей стороны, мы полностью разделяем и пользуемся в своих собственных работах именно предложенным А.Ф.Лосевым толкованием этого термина : “ ... “порождает” в этом случае значит “понимает” ту же самую объективную вещь, но в ее внутренней закономерности, а не в хаосе случайных закономерностей” [6, с.65].

Таким образом, материалистическое понимание порождения заключается не в выдумывании, не в действовании исключительно в идеальном плане, в плане сознания, а рационализации глубинной и закономерной основы самих же

реальных вещей и действие уже на основании этой объективной логики самих вещей. Нам представляется, что именно только такая трактовка термина “порождение”, правда, применённого к способу происхождения образа отражения вещи, а не самой вещи, дало основание для утверждения о принципиальном сходстве процессов отражения и процессов порождения. Именно в этом гносеологическом смысле термин “порождение” используется самим А.Н.Леонтьевым для обоснования социальной природы социального и индивидуального сознания и описания способа его происхождения.

Но, обсуждая проблематику порождения, необходимо иметь в виду, что порождение как всеобщий феномен может рассматриваться в двух различных аспектах. Недоучёт этого обстоятельства сильно затуманивает и без того сложную картину происхождения и развития психики. В этом отношении небесполезно будет напомнить точку зрения Гегеля на процессы порождения, когда он говорит о том, что порождение может рассматриваться и как процесс самосохранения, самовоспроизводства: “Органическое не порождает чего-либо, а лишь сохраняет себя; иначе говоря, то, что порождается, в такой же мере уже имеется налицо, как и порождается” [7, с.139].

Важнейшим тезисом культурно-исторической концепции деятельности является тезис об опосредованном характере человеческого существования. Эта опосредованность как существенная характеристика человеческого существования обнаруживается уже на самых ранних этапах индивидуального развития (человеческого онтогенеза). Современные исследователи проблемы психического развития, работающие в рамках культурно-исторической парадигмы, описывая специфику человеческого существования как осуществления в терминах идеальной и реальной форм деятельности (в этом они видят продолжение традиций Л.С.Выготского), неоднократно подчёркивают чрезвычайную важность опосредования как истинно человеческого способа существования и развития.

Культурное опосредование, по Л.С.Выготскому, есть способ организации рефлекторной активности культурными средствами. И, по-видимому, неслучайна, на наш взгляд, его спорная в методологическом отношении установка на тезис о наличии у человека в процессе его индивидуального развития фазы натурального развития, характеризующейся динамикой натуральных, естественно-природных, а по сути рефлекторных, форм человеческой активности. В теоретическом плане это положение, согласно Л.С.Выготскому, оказывается просто необходимым, поскольку позволяет описать модель культурного развития как процедуру смены “естественных средств” организации рефлекторной активности на культурные средства организации рефлекторной активности без изменения самой естественной природы этой рефлекторной активности. Это же положение заложено и в основу понимания культурного развития М.Коулум, когда он говорит о системе культурных артефактов как надиндивидуальной оболочке (или внешних средствах организации рефлекторной активности) [3, с.167]. Та же самая мысль проводится им и при описании возникновения психических процессов за счёт возникновения новых форм поведения, приводящего к производству материальных средств организации собственного поведения.

С точки зрения культурно-исторической психологии, психологическая особенность орудийного опосредования состоит в том, что включение орудий (и знаков) в деятельность человека создаёт специфически человеческие структуры, особенностью которых является совместное детерминирующее воздействие культурных и естественных средств. Сторонники культурно-исторического подхода отмечают, что орудийность психической деятельности – это один из гениальных шагов на пути материалистического решения проблемы происхождения и развития человеческой психики. Правда, этот шаг принято приписывать исключительно Л.С.Выготскому, хотя орудийность как принцип психологии известен был и до него.

Идея Л.С.Выготского о двойном опосредовании процесса “врастания” в социально-культурную ситуацию, легла в основу его экспериментально-генетического метода и задала методологическую базу для дальнейших исследований в сфере всей культурно-исторической психологии.

Обсуждая орудийный и знаковый характер опосредования, необходимо ещё раз подчеркнуть, что культурно-историческая концепция Л.С.Выготского, а также “дочерняя” культурно-историческая концепция деятельности А.Н.Леонтьева по всему внутреннему содержанию, по своей сущности — концепции адаптивные. При этом глубинный смысл опосредования в данных концепциях заключается в приспособлении человеческого индивида к социально-культурной среде за счёт использования им средства самой этой среды. Иногда Л.С.Выготский и А.Н.Леонтьев прямо указывают на это, но чаще этот важнейший аспект культурно-исторического подхода ими не подчёркивается.

Необходимо отметить, что действительным достижением культурно-исторической психологии считается положение об опосредованном характере человеческой активности (поведения, деятельности). Но в качестве средств такого опосредования выступают не только материальные орудия, но и орудия психологические, и в первую очередь “естественные” знаки – речь и язык.

Знаменитой новацией Л.С.Выготского стало применение в качестве психологического инструмента опосредующей функции материальных орудий, хорошо известной до него и описанной во многих психологических и философских концепциях, в том числе и в концепции социального происхождения человека К.Маркса, где орудийная деятельность (труд) является центральной категорией концепции человека. Применение орудийного опосредования в психологическом смысле и породило культурно-историческую психологию, а также позволило Л.С.Выготскому сформулировать его знаменитый тезис об особенностях высших психических функций: их отличительной особенностью по отношению к функциям естественным или натуральным, является знаковая опосредованность: “... знаковая организация – важнейший отличительный признак всех высших психических функций” [8, с.55].

Причём, сам Л.С.Выготский многократно подчёркивал сходство и различие опосредования орудийного и опосредования знакового. Главным отличием знакового опосредования является, в отличие от орудийного, направленность его эффекта вовнутрь, на себя, на организацию собственного поведения. С другой стороны, общее между материальным орудием и его психологическим аналогом является их опосредующая функция в деятельности человека.

Мы уже отмечали, что опосредование как существенный признак человеческого существования, отмечали не только российские культурно-исторические психологи. Такое же значение ему придавали и во французской социологической школе, которая была в какой-то степени предтечей российской культурно-исторической психологии. В современной американской культурно-исторической психологии также отмечается решающее значение для человеческого существования опосредования, в том числе символического опосредования.

Б.Д.Эльконин, один из заметных современных культурно-исторических психологов, считает, опираясь на идеи культурно-исторической психологии Л.С.Выготского и понятие интериоризации, что вся проблема опосредования, вся загадка этого механизма кроется в акте интериоризации значения. Разделяя многие иные положения концепции идеальной формы Б.Д.Эльконина, мы не можем согласиться с ним в этом моменте. Поскольку, если говорить о развитии и опосредовании в терминах культуру-порождения, а не в терминах культуру-потребления (что предлагает делать сам Борис Данилович), необходимо опосредование понимать не как приёмку-передачу значения, а как их порождение самим развивающимся человеком. Но это уже другая версия культурно-исторической психологии, для которой позиция Л.С.Выготского – это уже история.

Мы уже отмечали, но считаем необходимым подчеркнуть ещё раз, стимльно-реактивную природу и характер культурной психологии Л.С.Выготского. Как правило, эта сторона культурно-исторической психологии остаётся в тени, не обсуждается, но для понимания концепции индивидуального развития, сформулированной Л.С.Выготским, просто необходимо обратить внимание на этот аспект, чтобы понять, что именно побудило революционера и подвижника в психологии, одним из первых (наряду с С.Л.Рубинштейном) преодолеть барьер внутренней детерминации психического, причём оригинальным, в отличие от С.Л.Рубинштейна, способом через знаковое опосредование, но, тем не менее, по поводу индивидуального развития ребёнка утверждавшего и обосновывавшего необходимость не-человеческого, натурального этапа развития. На наш взгляд это не случайно, наоборот, это есть выражение глубинной философии, которая состоит в том, что знак есть средство организации, но не средство превращения естественной природы психики животного в “искусственную” природу человеческой психики. Именно потому Л.С.Выготский как синонимами пользуется терминами “реакция”, “активность”, “поведение”, “деятельность”, поскольку предполагает рефлекторную природу человеческой психики единственно возможной.

Нам представляется, что фундаментальное противоречие между опосредованием как истинно “искусственным” способом существования человеческой психики и рефлекторной природой психических процессов, являющейся, безусловно, естественной и остающейся без изменения в результате знакового опосредования в концепции Л.С. Выготского, является тем внутренним пределом, той двойной детерминацией, преодоление которой в пользу искусственности опосредования только и позволит культурно-исторической концепции психики достойно развиваться. Не случайно поэтому, что даже такую “искус-

ственную” действительность, как знак, сам Л.С.Выготский описывает в естественных терминах стимула.

Подобное неразличение внутреннего противоречия между искусственным и естественным в человеческом существовании и не понимание ведущей роли искусственного в человеческом существовании приводит к тому, что даже известные теоретики психологии продолжают настойчиво отстаивать архаичный тезис о неотчуждаемости и непосредственной атрибутивности психики по отношению к человеческому телу и мозгу, который прямо противоречит основным положениям культурно-исторической парадигмы человека.

Знаковое опосредование как человеческий способ овладения собственным поведением является, как известно, центральным моментом российской версии культурно-исторической психологии. Но не только, поскольку не только в России и не только на основании марксистской философской концепции проблема опосредования была достаточно популярной и распространённой (похожие взгляды можно обнаружить у ведущих немецких, французских, британских и американских учёных (Дж. Дьюи, И. Штерн, Л. Леви-Брюль и др.).

А.Н.Леонтьев, вслед за Л.С.Выготским, утверждал, что особенности человеческой психики задаются особенностями орудийной структуры человеческой деятельности и порождаемой ею системой социальных отношений. В своё время эту особенность человеческого поведения Л.С.Выготский описал таким образом: человек подчиняет своей власти не только внешнюю среду и свои отношения с ней, но и собственное поведение. Придавая особое значение речи и выделяя её из возможных знаковых систем, он считал, что с помощью речи само человеческое поведение становится объектом преобразования, наряду с другими объектами естественной природы. Овладение поведением осуществляется за счёт возможности предварительной организации и планирования поведения, т.е. за счёт опережающей функции знака. Широко известный пример Л.С.Выготского об “узелках на память” наглядно демонстрирует процесс превращения натуральной внутренней функции запоминания в культурную внешнюю деятельность, что даёт возможность человеку управлять самим процессом запоминания, сделать его предметом собственной преобразовательной практической деятельности.

Мы уже отмечали внутреннюю противоречивость позиции Л.С.Выготского в вопросе соотношения “естественного” и “искусственного” в человеке и в человеческой жизнедеятельности в целом. Вот и знак как “чисто” искусственную действительность он опять описывает в терминах естественной стимуляции, в терминах “стимула”.

Ещё одним подтверждением этого противоречия является стимульно-реактивная схема, которая используется Л.С.Выготским для описания опосредованной операции. Но знаковое опосредование, осуществляющееся по схеме порождения самим человеком искусственного пространства собственного будущего (значения знака), детерминирующего его собственную актуальную деятельность, и рефлекторная активность по стимульно-реактивной схеме, где стимул (причина) никогда не становится и не может стать предметом порождения (продуктом) рефлекторной активности, никогда не могут быть совмещены в одной схеме. Тем не менее, Л.С.Выготский настаивает на этом, причём

никакой другой схемы при описании структуры знакового опосредования они в одном из своих трудов не предлагает. Поэтому, для него знакопорождение – это создание искусственных стимулов второго порядка, психологическим содержанием которых является более или менее развёрнутая программа стимуляции поведения. Но самое дело, такого рода стимуляция может осуществляться только при преодолении (разрушении) стимульно-реактивной схемы, поскольку целенаправленно создаваемая программа собственного поведения, опосредованно, через культурное средство воздействующее на само поведение, есть практическое осуществление самодетерминации поведения, которая никак не укладывается в указанную схему.

Можно предположить, что поскольку под программой поведения Л.С.Выготский понимал структуру объекта, вынесенную за пределы самого объекта и зафиксированную в специальном средстве – знаке, то в этом случае эта структура действительно выступала в качестве отсроченного (вторичного) стимула. Но при этом надо подчеркнуть, что само человеческое поведение (структура рефлекторной активности, структура деятельности и пр.) предметом планирования не становилась.

В этом смысле, порождение есть процесс реализации собственного поведения на основании “отсроченных” внешних стимулов, приобретших психологическое значение самостоятельных регуляторов поведения за счёт их абстрагирования от натуральных предметов. Именно такого человека, способного построить собственное поведение на основании “отсроченных” стимулов и называет Б.Д.Эльконин, вслед за Л.С.Выготским, субъектом, точнее, субъектом собственного поведения.

Такая интерпретация психологического содержания процесса порождения даёт основание Б.Д.Эльконину говорить о субъектности поведения как психологическом феномене и утверждать, что субъектность есть глубинный смысл культурно-исторической концепции Л.С.Выготского. На наш взгляд, это в определённой степени противоречит его собственному пониманию субъектности, поскольку знак в концепции идеальной формы самого Б.Д.Эльконина и знак в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского – это разные знаки.

Особое, даже решающее значение для культурно-исторической парадигмы имеют процессы распрямления-опредмечивания, которые могут осуществляться только в специфической ситуации, в ситуации особых культурных предметов (артефактов, орудий, средств). Как известно, отличительной особенностью культурных средств является их реально-идеальная природа, за счёт которой они могут аккумулировать в себе совсем нематериальные свойства. Наличие идеальной формы культурного средства как способа человеческой деятельности придаёт культурному материальному предмету значение – в “чистом” виде способ деятельности, который в процессе изготовления этого культурного образца был в качестве реального процесса его употребления.

Как известно, предметом исследований самого Л.С.Выготского была структура сознания, а не деятельность, которой он не придавал ни такого смысла, ни такого значения, как она того заслуживала. В связи с этим, проблему происхождения индивидуального сознания он решал интериоризацией значений, поэтому целью его исследований был процесс развития понятий. И хотя

сам Л.С.Выготский не ставил вопроса таким образом, что психологическим содержанием значений (и соответствующих понятий) является структура деятельности, тем не менее, в 60-х годах А.Н.Леонтьев косвенно всё же приписывал ему такой предмет психологического исследования: “Кто не понимает после Выготского, что за значениями лежит система операций, что адекватную характеристику значения получают в системе возможных операций, что характеризовать операции или характеризовать значения – это одно и то же. Это, собственно, и есть характеристика значений. В сущности, исследование понятий на уровне, достигнутом Выготским, есть исследование операций. И это адекватные исследования, конечно” [9, с.146].

Признание опосредованной природы человеческого способа существования и признание исходной опосредованности человеческого онтогенеза приводит к однозначному пониманию того, что любой человеческий образ отражения (в том числе и чувственный) имеет значение: “Чувственные образы представляют всеобщую форму психического отражения, порождаемого предметной деятельностью субъекта. Однако у человека чувственные образы приобретают новое качество, а именно свою означенность. Значения и являются важнейшими “образующими” человеческого сознания” [1, с.175]. Это весьма серьезное высказывание подтверждает исходную опосредованную природу человека, в том числе и с самого начала его онтогенеза. Мы склонны предположить изначальную опосредованность, т.е. исходную человечность ребенка, и не можем согласиться с утверждением о животной стадии развития ребенка в онтогенезе. Считаем, что опосредование как человеческий сущностный способ деятельности не выводимо из рефлекса как животного способа существования. Именно поэтому мы разделяем точку зрения С.Л.Рубинштейна на исходную социальность (человечность) онтогенетического развития. Правда, мы не согласны с его способом объяснения этой исходной социальности через известный механизм “внешне причины через внутренние условия”, и предлагаем собственное решение этого вопроса.

В отличие от Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьев под психологическим содержанием значения понимал возможный способ действия. Другими словами, значение представляет собой идеальную деятельностную форму существования предметного мира, освоение которой возможно за счёт присвоения значений.

Несомненным достижением культурно-исторической теории деятельности А.Н.Леонтьева является сформулированная им и привлекавшая его особое внимание, особенно в конце жизни, структура сознания, в которой уже наряду с известными составляющими – знаниями и значениями, особую нагрузку несли смыслы. Правда, понятие “смысл” так, как оно было введено в психологию А.Н.Леонтьевым, и так, как оно впоследствии разрабатывалось его последователями, по психологическому содержанию от значения не отличалось, а использовалось исключительно для того, чтобы различить социальные и индивидуальные характеристики значения.

Сам А.Н.Леонтьев личностный смысл определял через универсальную характеристику деятельности – предметность. Он говорил, что если предмет объективного пространства становится для меня предметом моего индивиду-

ального действия, то, стало быть, этот предмет имеет для меня личный смысл. Такая предметно-деятельностная трактовка личного смысла позволяет говорить о том, что возможно описывать личный опыт через личный смысл. В этом случае психологическим содержанием смысла становится след предшествующей деятельности, в котором фактически аккумулируется вся деятельностная жизнь человека. И одновременно, этот личный смысл, эта индивидуально-деятельностная история выражает отношение человека к предмету его деятельности.

Внутри самой культурно-исторической концепции деятельности, как известно, не было единого мнения, монолитного взаимоприятия позиций не только в мелочах, но даже и в понимании предмета психологии. Одним из спорных моментов являлось понимание психологического содержания самого значения. Как известно, сам Л.С.Выготский понимал термин “значение” как значение слова, а значение слова – как понятие. В соответствии с этим он и строил свои психологические исследования процесса формирования и развития понятий. Но это понимание не является бесспорным, по крайней мере, если под понятиями понимать формальные понятия, как это было у самого Л.С.Выготского. Современные психологи более конкретно критикуют понимание Л.С.Выготским психологического содержания значения, в основном, за его объектность, за то, что значение не отражало самой деятельности, порождающей значение. В связи с этим, в современных версиях культурно-исторической концепции деятельности под психологическим содержанием знака предлагается понимать не объектное отношение деятельности к собственному объективному предмету, а отношение деятельности к деятельности. На наш взгляд, эта тенденция понимать значение как выражение отношения деятельностей имеет большое будущее, и на её основе мы сможем решить проблему человека как самодетерминированного, универсального существа.

В культурно-исторической концепции Л.С.Выготского опосредованная природа человека и его поведения непосредственно связана с общей идеей происхождения внутреннего из внешнего. Это как раз та самая идея, которая позволила говорить современникам о теории Л.С.Выготского как революционном, выдающемся культурном явлении. Нам представляется, что эта концепция выражает более общий принцип оформления душ, сформулированный М.М. Бахтиным, и именно он подходит к концепции Л.С.Выготского, так как предметом его исследования было именно сознание. Идея социальной природы человеческого индивида, реализующейся через принцип происхождения внутреннего из внешнего, является её глубинным содержанием, нервом, её несомненным достоинством и таким же её несомненным недостатком.

Наиболее последовательный, с нашей точки зрения, как в самом культурно-историческом подходе, так и в её деятельностном варианте исследователь, – это Пётр Яковлевич Гальперин, который хоть и имел существенно отличную от Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева точку зрения на предмет психологии, тем не менее, наиболее последовательно и настойчиво выражал и осуществлял главное положение культурно-исторического подхода о внешней природе человеческой психики: “В отличие от животных, психика человека вся задаётся извне и все её структуры подлежат усвоению” [10, с.128 - 135].

П.Я.Гальперин, как один из самых видных теоретиков интериоризации, всегда настаивал на том, чтобы внутренняя (психическая) деятельность рассматривалась не только как построенная по образцу внешней, но и как её разновидность, живущая не по своим внутренним законам, а в своём существовании полностью зависящая от внешней деятельности. С другой стороны, не менее известный и не менее заслуженный теоретик и практик деятельностного культурно-исторического подхода, Д.Б.Эльконин предостерегал от рассмотрения внутренней (психической) деятельности как ориентировочной части внешней деятельности, особенно от сведения психической деятельности к умственной. В связи с этим он полагал, что психическая деятельность есть ориентировочная деятельность независимо от того, внешней или внутренней является её исполнительная часть. Поэтому он считал ошибочной постановку вопроса о становлении и развитии умственной деятельности в ущерб изучения психики как ориентировочной части любой деятельности.

В рамках культурно-исторического подхода есть и совершенно иное решение вопроса о соотношении сознания и деятельности. Если в концепции С.Л.Рубинштейна на основании принципа единства сознания и деятельности очень легко и без ущерба самому содержанию этого принципа сознание и деятельность интерпретируется как различные действительности, которые необходимо связать воедино, то культурно-историческая концепция трактует сознание (как и всю психику) как форму внешней деятельности. Поэтому проблема сведения к одному различных модальностей заменяется на проблему выведения разных модальностей из одного основания.

По поводу принципа единства сознания и деятельности со стороны культурно-исторических психологов всегда была резкая критика в адрес сторонников рефлекторной концепции психики. Она, в основном, объясняется исходно внутренней природой психического и двойной детерминацией человеческого поведения. А поскольку представители культурно-исторического подхода в психологии все, как правило, сторонники монотеории, то и предметом критики концепции сознания С.Л.Рубинштейна была хорошо проглядывающаяся у него двойная детерминация.

На самом деле, с точки зрения культурно-исторического подхода, основным является другой принцип – принцип предметности, который для субъектно-деятельностной концепции такого существенного значения, как для культурно-исторической концепции, не имеет. Но именно принцип предметности позволяет теоретически решить проблему происхождения индивидуального сознания, которое в данном случае представляет собой превращённую форму внешней деятельности и своих особых, отличных от законов существования внешней деятельности, признаков не имеет.

Несмотря на расхождения во мнениях на место и функцию внутренней деятельности, ещё Л.С.Выготский (по словам П.Я.Гальперина) утверждал, что внутренняя (психическая) деятельность воспроизводит своим строением деятельность внешнюю. Идеи, которые привели Л.С.Выготского к такой точке зрения, известны. Они навеяны марксизмом и его анализом труда как генетически исходной формой орудийной деятельности. По аналогии с деятельностью трудовой, Л.С.Выготский и высказал предположение о том, что и психи-

ческая деятельность человека должна быть построена аналогично, т. е. ору-
дийно.

Но только А.Н.Леонтьев в своих работах и в работах своих сторонников практически осуществил исследование психики с собственно деятельностных позиций. Уже после А.Н.Леонтьева стало общепринятым и общим методом различать действия внешние, предметные и действия внутренние, психиче-
ские. И хотя сам А.Н.Леонтьев в обосновании созданного им деятельностного подхода неоднократно ссылаясь на К.Маркса и на его категорию “предметная деятельность”, теперь уже можно сказать, что и сама деятельность, и предмет-
ность в психологии были реализованы в недостаточной степени. Тем не менее, А.Н.Леонтьев, продолжая разрабатывать собственную версию марксизма в психологии, утверждал исходное единство внешней и внутренней деятельно-
стей, а не их противопоставление. Самым главным критерием различения внешней и внутренней деятельности была особенность их предметов.

Что же касается структур внешней и внутренней деятельностей, то их изоморфизм сам А.Н.Леонтьев, как известно, считал одним из замечательных открытий психологической науки. Таким образом, изоморфизм структур стал методологическим основанием культурно-исторической концепции деятельно-
сти, и на его основе и теоретически и практически были решены многие про-
блемы формирования и развития познавательной деятельности и человека как её субъекта.

Настойчиво проводя в жизнь тезис о производности внутренней деятель-
ности из внешней, утверждая, по сути дела, тезис о том, что внутренняя дея-
тельность есть образ (отражение) внешней деятельности, П.Я.Гальперин на-
стаивал на том, чтобы психическую деятельность необходимо понять как раз-
новидность внешней деятельности. И он, так же, как и все психологи культур-
но-исторической школы, был категорически против рассмотрения психики в
качестве деятельности мозга (на чём настаивают, в свою очередь, сторонники
рефлекторной парадигмы психики, которые категорически отказываются рас-
сматривать психику в качестве формы внешней деятельности).

Главной идеей самого П.Я.Гальперина, как идеолога интериоризацион-
ной концепции деятельности, была идея рассматривать психическую деятель-
ность как предметную деятельность (по-видимому, предметность здесь должна
пониматься в духе предметной деятельности К.Маркса, т.е. как действитель-
ность, имеющая собственную внутреннюю логику, а не только как отнесён-
ность к вещи объективного реального мира). При этом, психика как предмет-
ная деятельность не должна в принципе отличаться ничем от внешне-
предметной деятельности. В этом смысле Д.Б.Эльконин, продолжая развитие
собственной точки зрения на проблемы в культурно-исторической теории дея-
тельности, на наш взгляд, поддерживает позицию П.Я.Гальперина. А именно,
предлагая рассматривать умственную внутреннюю деятельность как всеоб-
разный труд, он настаивает на том, чтобы она рассматривалась не как вспомо-
гательная для внешней, а как такая же предметная деятельность [11, с.167]. И в
подтверждении этого предположения Даниил Борисович чётко и однозначно
высказывается в пользу того, чтобы внутреннюю (психическую, умственную)
деятельность рассматривать как самостоятельную, имеющую самостоятельный

статус и равноправную с внешней деятельностью. Только при таком подходе, по его мнению, можно поставить вопрос об ориентировочной деятельности как об истинном предмете психологической науки.

Важнейшим для культурно-исторической концепции индивидуального развития является понятие “идеальная форма”. Как известно, огромный вклад в разработку этого вопроса с культурно-исторических позиций внёс российский философ Эвальд Васильевич Ильенков. Благодаря его философским работам, наиболее полно реализованным в психологической концепции учебной деятельности Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова, стало окончательно возможным рассматривать индивидуальное развитие как процесс взаимодействия идеальной и реальной форм деятельности. Работы Э.В. Ильенкова позволили на конкретном уровне описать процесс интериоризации как многоступенчатый процесс распрямления, т.е. преобразования самой идеальной формы из её натурального “тела” культурного предмета в собственно идеальную форму психического. Но современная культурно-историческая психология уже пытается пересмотреть само исходное понимание идеальной формы. Для решения проблемы субъектности человека уже недостаточно традиционного объектного понимания идеальной формы как натуральной формы культурного предмета, имеющей смысл способа деятельности с этим предметом. И хотя для самого Л.С.Вygотского понятия “реальное” и “идеальное” не совпадали с понятиями “внешнего” и “внутреннего”, тем не менее, традиционного (объектного) понимания идеальной формы уже недостаточно для современного решения насущной проблемы человеческой субъектности.

Культурно-исторический подход сам по себе открывает интересные возможности рассмотреть самую жизнь людей как детерминанту их поведения и деятельности. Такие основания можно найти даже в версии культурно-исторической психологии Майкла Коула, несмотря на то, что, на наш взгляд, она достаточно далека от марксистской версии. Главное, что позволяет нам сделать такой вывод, - это содержание понятия “деятельность” у М.Коула, которую он понимает (и приписывает своё понимание К.Марксу) не как всеобщий и универсальный принцип, специфический для человека и конституирующий всё его существование, а как повседневную деятельность людей (фактически, те обычные, повседневные занятия, составляющие культурные особенности групп людей и выражающие специфику их культуры). Он признаёт исторически развивающуюся деятельность в качестве реальной детерминанты психического развития человеческого индивида (более конкретно и более научно, на наш взгляд, этот вопрос поставлен в трудах Е.Ю.Артемовой, которая фактически утверждает приоритет индивидуальной жизни в качестве реальной детерминанты развития человеческой психики).

С её точки зрения, непосредственным психологическим фактором, детерминирующим психическую жизнь, являются так называемые “следы деятельности”, которые, кроме того, выражают сформировавшиеся отношения человека к предметному миру, являющемуся предметом либо условием деятельности человеческого индивида. Следы прошлых деятельностей составляют субъективный деятельностный опыт человека, который фактически является средством воздействия всей его прошлой жизни на будущую. В связи с этим

Е.И.Артемяева делает чрезвычайной важности вывод: образ мира как интегральная детерминанта психической жизни человека несёт на себе следы всей его предыдущей жизни. Или, иначе говоря, образ мира есть реальное культурно-историческое средство самодетерминации человека.

Все предыдущие рассуждения подвели нас, наконец-то, к главному вопросу: что представляет собой человек в культурно-исторической концепции деятельности, в её российской версии? На этот вопрос А.Н.Леонтьев, как последовательный культурно-исторический психолог, отвечает: человек – это деятельность, которую он осуществляет. Такой ответ дали бы многие сторонники культурно-исторической концепции деятельности, в том числе и наши зарубежные коллеги-марксисты. Но А.Н.Леонтьеву мало того, что деятельность (познавательная деятельность) является реальной и единственной основой человека, он усиливает свой тезис и утверждает абсолютный приоритет деятельности перед любыми своими проявлениями. Конечно, такая радикальная позиция, как мы знаем, порождает вопросы, на многие из которых ответ до сих пор не получен (если его вообще можно получить). Например, один из самых популярных: как объяснить психологический парадокс, когда, в соответствии с основными базовыми теоретическими положениями деятельностной концепции, возможна ситуация внешней практической деятельности без наличия внутренней психической. Хотя по теории внутренняя психическая деятельность является обязательным способом регуляции деятельности внешней практической. Тем не менее, А.Н. Леонтьев настаивает на том, что личность есть момент и продукт деятельности, но признаёт и проблемность такого утверждения: “Изучение личности как момента деятельности и её продукта составляет специальную ... психологическую проблему” [1, с.186].

Поскольку в культурно-исторической концепции деятельности познавательная деятельность есть первооснова (сущность) человеческого существования, то вполне логичным выглядит утверждение, что личность есть субъект деятельности. Причём субъект деятельности в культурно-исторической психологии – это совсем не тот субъект деятельности, который описан в субъектно-деятельностной психологии. Таким образом, можно заключить, что в леонтьевской концепции деятельности субъект деятельности есть наиболее общая и содержательная категория, и поэтому понятия “личность” и “субъект деятельности” совпадают, причём личность остаётся подчинённым моментом деятельности.

Теперь для того, чтобы окончательно определить статус человека в культурно-исторической концепции деятельности, остаётся только определить психологическое содержание субъекта деятельности. Здесь поясним, что обширно распространено мнение, что субъект деятельности – это человек, освоивший деятельность и способный её самостоятельно осуществлять. Некоторые авторы (среди них, например, В.В.Давыдов) в понятии субъект деятельности делают акцент на самостоятельном целеполагании и через способность к целеполаганию определяют субъекта как свободного человека.

При попытках соотнести понятия “личность” и “субъект деятельности” в культурно-исторической психологии, как правило, отдаётся предпочтение понятию “субъект деятельности”, что и понятно, если исходить из конституи-

рующей роли самой деятельности в человеческой жизни и в самой культурно-исторической концепции. Исходя из продуктивного понимания деятельности, личность, понимаемая как субъект деятельности, трактуется как человек-производитель, человек-творец новых духовных и материальных продуктов. В конце концов, наиболее соответствующим философскому содержанию деятельности, на наш взгляд, является определение личности как субъекта деятельности, т. е. способного к свободному целеполаганию человека.

Таким образом, мы видим, что и в определении субъекта деятельности нет однозначности. Но, кроме того, в последние годы появились новые версии определения субъектности. Одна из них связана с концепцией учебной деятельности и одним из её авторов, В.В.Давыдовым. Он уже не ограничивается определением субъекта как способного осуществлять деятельность человека. На первый план выходит уже иная характеристика человека. Это – способность изменять и совершенствовать самого себя. Но это возможно только тогда, когда человек знает свои ограничения и умеет их преодолевать. Поэтому главным свойством человека самоизменяющегося становится рефлексия, т.е. способность практически относиться к основаниям собственной деятельности. И, наконец, как логический конец трансформации понятия “субъект деятельности” в культурно-исторической психологии мы находим необходимое положение о том, что субъектность есть способ превращения собственного поведения в предмет собственной деятельности: “Субъект есть, бытийствует тогда, когда выражен и объективирован сам сдвиг, переход от натуральной к культурной форме – переход к превращению своего поведения в предмет, к использованию средств обнаружения и видения своего поведения вне себя ” [12, с.16]. Нам представляется, что в рамках классической версии российской культурно-исторической психологии, основанной на интериоризации, положение Б.Д. Эльконина о субъектности как превращении поведения (деятельности) в собственный предмет является самым высоким теоретическим достижением за все последние годы.

4.2. Логика онтогенеза человека как субъекта присвоения

Понятие развития как таковое и по сей день трактуется настолько по-разному, что всегда является по сути дела вынужденной интерпретацией, поскольку, как правило, мало кто из авторов даёт однозначную и прозрачную его формулировку. Нам представляется, что это происходит, с одной стороны, из-за объективной сложности самого процесса развития, а с другой, потому, что взявшемуся за разработку этого понятия неизбежно приходится строить глобальные модели, включающие в себя и весь мир, и всего человека. Понятно, что такие задачи по плечу немногим.

Как известно, историческая роль, например, Л.С.Выготского как психолога заключается в том, что он построил собственную развёрнутую научную концепцию социального происхождения индивидуальной психики на основе её знакового опосредования, опираясь на известные ему философский опыт К. Маркса и психологический опыт Пьера Жанэ. Их работы помогли ему развить открытый П.Жанэ фундаментальный закон психологии в одну из самых фундаментальных и признанных современных психологических парадигм.

Исторический анализ динамики поведения живых существ позволил Л.С. Выготскому установить, что общая историческая закономерность до-человеческих форм поведения может быть выражена трёхступенчатой схемой развития: “Первую ступень образует инстинкт, или врождённый, наследственный фонд способностей поведения. Над ней возвышается вторая ступень, которую вместе с Бюлером можно назвать ступенью дрессуры или, иначе, ступенью навыков или условных рефлексов, т.е. заученных, приобретённых в личном опыте условных реакций. И, наконец, ещё выше надстраивается третья ступень, ступень интеллекта, или интеллектуальных реакций, выполняющих функцию приспособления к новым условиям и представляющих, по выражению Торндайка, организованную иерархию навыков, направленных на разрешение новых задач” [13, с.139].

На основании открытия знакового опосредования человеческого поведения, Л.С.Выготский смог построить генетическую последовательность поведения, включив в него её культурную форму поведения самого человека. Исходя из генетической схемы, он делает историческое предположение о том, что высшие психические функции человека исходно были внешними. Если предположить, что знак первоначально является средством общения, то из этого следует, что культурное развитие полностью основано на употреблении знаков. В противоположность естественному (натуральному) развитию, которое осуществляется как развертывание изначально данных потенций и представляет поэтому исключительно созревание (количественный рост), *культурное развитие осуществляется как возникновение новых потенций в результате приспособления (адаптации)* [курсив мой – В.А.] к внешней социальной среде.

Социальность в онтогенетическом развитии человеческого индивида – это, прежде всего, социальные (межличностные) отношения. Поэтому, в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского роль коллектива в происхождении высших психических функций имеет первостепенное, решающее значение. Поскольку все исходные принципы, методологические основания и психические механизмы характеризуют культурно-историческую концепцию Л.С.Выготского не иначе, как концепцию адаптивную, то и развитие в ней соответственно понимается так же как адаптивный (приспособительный) процесс. Необходимо подчеркнуть, что при внимательном анализе становится заметно, что это положение (явно или неявно) проходит через все фундаментальные работы Л.С.Выготского, посвящённые проблеме происхождения высших психических функций.

Энергично утверждая в собственном подходе диалектическое понимание развития (впрочем, как и С.Л.Рубинштейн – в своем), Л.С.Выготский так же, как и С.Л.Рубинштейн, говорил о движении как самодвижении и возникновении нового. Иногда возникновение нового он связывал с отмиранием старого (а иногда подчеркивал снятие как включение старого во вновь образовавшееся новое).

Деятельностная концепция А.Н.Леонтьева на первый взгляд является продолжением (или как ещё говорят, ответвлением) культурно-исторической психологии Л.С.Выготского. На наш взгляд, психологическая концепция деятельности является культурно-исторической наполовину. А именно, в части

признания социальной природы психики и культурного образца в качестве средства индивидуального развития. В этом смысле А.Н.Леонтьев утверждал, что индивидуальное развитие идёт “сверху вниз”, т. е. от суперструктуры социальных отношений к индивидуальной инфраструктуре психики. Более того, инфраструктура психики просто не существует и не может существовать вне социальной суперструктуры. И уж если А.Н.Леонтьев (как и сам Л.С.Выготский) и признавал условно-рефлекторную основу человеческой психики, то никак не признавал процесс её формирования “от мозга” к жизни, а настаивал на том, что этот процесс идёт “от жизни к мозгу”.

Сделав центральной категорией в своей концепции категорию “отражение”, А.Н.Леонтьев и развитие психики описывал как развитие психического отражения. У него важнейшими, на наш взгляд, были положения об опосредовании как истинно человеческом способе существования и об исходности опосредования для онтогенетического развития человека.

В отличие от Л.С.Выготского, который термин “деятельность” употреблял наряду с такими терминами, как “активность”, “поведение”, “реакция” и не придавал ей решающего значения в культурном развитии ребёнка, А.Н.Леонтьев в своих исследованиях опирался на деятельностную природу человека. Поэтому и культурное развитие он трактовал как процесс преобразования социальной деятельности в индивидуальную, но признавал проблемность и недостаточную исследованность этого перехода (впоследствии В.В.Давыдов также отмечал как проблему процесс преобразования совместной деятельности в индивидуальную, который он принимал за содержание интериоризации).

В любом случае, для нас совершенно очевидно, что изучение процесса индивидуального развития в онтогенезе должно строиться как изучение процесса постоянного происхождения человека, как в общественно-историческом, так и в конкретно-индивидуальном плане.

Культурно-историческая концепция индивидуального развития (Л.С.Выготский) полностью построена на тезисе о социальной природе человека. В плане продуктивном конкретно это означает то, что онтогенетический человек существует в социальном пространстве, которое сам не создаёт. В плане процессуальном это конкретно означает то, что смысл онтогенетического существования человека заключается во “вращивании” [термин и понятие Л.С.Выготского – *В.А.*], т. е. другими словами, в приспособлении (адаптации), к внешней социально-культурной среде. Хотелось бы подчеркнуть, что основным положением культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, как известно, является знак (или более широко, культурное средство), которое сам адаптирующийся в социум человек не производит, а берёт готовым как продукт социума-субъекта. Это положение является центральным и системообразующим при нашем анализе культурно-исторического подхода в психологии.

Следует особо отметить, что процесс развития, осуществляющийся за счёт созревания, инициируемого “вращиванием”, по сути дела в культурно-исторической концепции имеет содержание приспособления (адаптации), а сами способы осуществления и этого вращивания, и высших психических функций не создаются самим онтогенетическим человеком, а присваиваются как образцы, уже существующие до начала онтогенеза. Сущность социальной при-

роды индивидуального человека в культурно-исторической психологии означает только одно: как люди относятся ко мне, такой я и есть. Иначе в культурно-исторической психологии быть и не может. Не может быть такого: каков я есть, так люди и относятся ко мне.

Сформулированное в предельно сжатой форме положение о социальной природе индивидуального человека можно представить таким образом: человек есть продукт переноса социальных отношений внутрь. В какой степени полно осуществлён этот перенос, в такой степени (более или менее) индивид является социальным существом, т. е. человеком. В связи с этим, теперь понятно, почему сам Л.С.Выготский и его сторонники подчеркивают не создание самим индивидом способов собственного поведения, а именно присвоение социальных отношений, так как такой процесс не разрушает основной тезис о социальной природе. Но на наш взгляд, это противоречило бы не столько социальной природе человека, сколько тому представлению о социальной природе, положенной в основу культурно-исторической психологии (мы пока не подвергаем сомнению самоё постановку вопроса о необходимости утверждения социальной природы человека).

Значит, для человеческого индивида социум есть и его собственна природа, и одна из двух главных детерминант его онтогенетического развития. Причём, эта детерминация осуществляется, во-первых, как внешняя детерминация, и, во-вторых, как принудительная детерминация. Второй тезис, менее очевидный, чем первый, полностью обосновывается, по нашему мнению, характером употребления любого культурного средства (в том числе и знака) в самом начале процесса его присвоения. Именно в самом начале знак для ребёнка не имеет смысла знака, и поэтому он не может не быть ничем другим, только как стимулом, наряду с остальными другими (Л.С.Выготский не случайно очень часто употребляет стимульно-реактивную терминологию, поскольку она ему необходима именно для обоснования самого первого, “бессмысленного” этапа присвоения знака. В дальнейшем, принудительный характер социальной детерминации онтогенетического развития ещё больше упрощается тезисом о принципиально внешнем характере социальной детерминации развития. Собственно говоря, именно на внешнем характере детерминации и построена вся концепция онтогенетического развития в культурно-исторической психологии.

Внешний характер исходной формы любой высшей психической функции, справедливо переведший концепцию Л.С.Выготского в разряд революционных, имеет некоторые стороны, которые обычно не акцентируются. В первую очередь к ним относится, с одной стороны, очевидное до банальности, а с другой, в высшей степени содержательное положение о том, что ребёнок не участвует в производстве, порождении, созидании собственной психики, собственного внутреннего мира. Этот мир он присваивает готовым, приспособляясь и приспосабливая его к себе. Но не производит. На наш взгляд, именно эти моменты составляют и главное содержание перехода интерпсихического в интрапсихическое, и психологический пафос социальной природы человека в её культурно-историческом варианте.

В этом случае овладение собственным повелением (а иногда этот процесс трактуют как порождение собственного поведения и субъектности) происходит как превращение не своих внешних средств управления – в свои внутренние. Для нас самым главным моментом является исключение самого индивида из производства средств управления или порождения собственного поведения. Поэтому мы интерпретируем это положение как зависимость, заданность (но в негативном смысле), как ограниченность индивида внешними средствами. Если он не способен производить средства собственного развития, он не способен и самостоятельно развиваться (если социальность понимать как ограниченность социально-культурными средствами, то в этом случае прав В.В.Давыдов, когда говорит, что индивиду не свойственно саморазвитие, саморазвертывание и пр.).

Не изменяется положение вещей в отношении социальной природы человека и его психологического содержания и в деятельностной психологии, которая по одним данным является вариантом культурно-исторической психологии, а по другим – самостоятельной психологической теорией. Здесь вместо высших психических функций, что было характерно для Л.С.Выготского, предметом анализа является деятельность. И онтогенетическое развитие интерпретируется как развитие деятельности, и не просто деятельности, а деятельности воспроизводящей (отражающей), т. е. деятельности присваивающей. Поэтому онтогенетическое развитие в деятельностной теории выглядит как одновременно совершающиеся процессы: во-первых, качественно изменяется сама деятельность присвоения, во-вторых, качественно изменяется и сам предмет присвоения – способности. Но решающее значение социальной среды (совместной деятельности с взрослым) для осуществления присвоения остаётся неизменным.

Наиболее ортодоксальные авторы представляют процесс присвоения как присвоение индивидом социально признанных и социально одобренных норм. С их точки зрения, только в этом случае, когда внешний социум не оставляет индивиду ни малейшей возможности для манёвра, возможно успешное формирование психологической структуры индивидуальной деятельности и самого индивидуального субъекта деятельности. В таких концепциях социальная природа человека отождествляется даже не просто с социальными нормативами деятельности (или её культурными образцами), а именно с одобренными нормативами. Такие акценты, во-первых, иллюстрируют и теоретически обосновывают предельно тоталитарный характер такой интерпретации культурно-исторической психологии, а с другой стороны, в предельно гипертрофированной форме выражают истинный смысл социальной природы человека как его полную подчинённость социальным и культурным нормам и неспособность их преодолеть в процессе собственного индивидуального развития. Можно утверждать, что, признавая одновременно и культуру-историзм, и социальную природу, мы утверждаем человека-присваивающего, человека социально-нормированного и неспособного эти нормы в индивидуальной жизни преодолеть, а вынужденного только приспособляться и приспособиться к ним, социально-культурно адаптироваться.

Такая позиция человека по отношению к внешнему социуму является не неким побочным фактором, а является методологической основой и культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, и последовавшей за ней деятельностной концепции психики А.Н.Леонтьева. Это положение является, на наш взгляд, фундаментально утверждающим подчинённую природу человека и призванного воспроизводить им достижения социума, но не в коем случае производить их.

В деятельностной парадигме, особенно в концепции учебной деятельности, присвоение (интериоризация) стало пониматься несколько иначе, чем даже у самого А.Н.Леонтьева. Но главная идея присвоения не изменилась. И в этом случае онтогенетическое развитие трактуется в терминах присвоения, более того, уже утверждается, что обучение и воспитание как социально организованная форма присвоения выступает как всеобщая (и необходимая) форма индивидуального развития. Философским основанием для понимания присвоения в качестве всеобщей формы развития выступают основные положения марксистской теории познания, в рамках которой, как правило, обосновывается преимущественное положение социума в базовом для индивида отношении социум-человеческий индивид и ведущей роли социальной нормировки как средства и способа онтогенетического формирования человеческого индивида.

Главным теоретическим и практическим средством обеспечения присвоения как всеобщей формы онтогенетического развития, как известно, является общение. Правда, история становления культурно-исторической психологии показывает, что имеет место определённая историческая динамика, которая привела к изменению первоначально сформулированных в культурно-исторической психологии понятий. Это в полной мере относится и к понятию “общение”, которое, как известно, Л.С.Выготским понималось как отношение сознаний, а А.Н.Леонтьевым стало пониматься как отношение деятельностей (общение как совместная деятельность).

Одним из главных теоретических положений деятельностной концепции психики является положение о двойной опосредованности человека как субъекта с миром: миром вещей и миром людей. Эта двойная опосредованность является стратегической детерминантой онтогенетического развития человека, становясь ведущей реальной основой происхождения внутреннего субъективного мира человека.

Продолжая развивать положение о социальной природе человека и присвоении как единственно возможном способе его онтогенетического развития, А.Н.Леонтьев, в отличие от Л.С.Выготского, рассматривает присвоение не как способ взаимодействия общественного (культурно-исторического) и индивидуального сознаний, а как способ реального (деятельностного) практического отношения человека к человеческому миру.

Социальная природа человека у А.Н.Леонтьева выражается в полной заданности (подчинённости) человеческого индивида внешним социальным условиям, которые от конкретного индивида не зависят и зависеть не могут (иначе нарушается постулат о его социальной природе). Поэтому перспективу онтогенетического развития сам А.Н.Леонтьев видит в таком (справедливом, по

его мнению) устройстве социума, которое обеспечит каждому человеческому индивиду возможность полноценного присвоения.

Не менее признанный теоретик в психологии образования, Майя Ивановна Лисина, общение рассматривает как способ социальной детерминации развития, выражающий и обеспечивающий важнейшее положение культурно-исторической психологии о социальной природе человека [14, с.28]. Другой известный представитель культурно-исторической психологии и корифей детской и возрастной психологии Д.Б.Эльконин видел в общении важнейший способ присвоения самой потребности в человеческом общении. Он считал, что общение как способ присвоения культурных образцов есть, собственно, способ развития, который осуществляется только в процессе общения и обеспечивается воспроизводством (подражанием) культурных способов в способах своей индивидуальной деятельности [15, с.8].

Значение общения в процессе происхождения высших психических функций подчёркивал и П.Я.Гальперин, который, описывая процесс интериоризации и ссылаясь при этом на Л.С.Выготского, обосновывал их происхождение из форм речевого общения. Несколько иначе описывал интериоризацию В.В.Давыдов, который в конце своей научной карьеры полагал, что новая психическая функция есть своеобразное индивидуальное продолжение коллективной деятельности.

Деятельностный подход к онтогенезу предполагает осуществление индивидуального развития через практическое отношение к предметам человеческого мира, которое становится возможным только через других людей. Общение становится тем единственно возможным способом освоения деятельностного отношения, который и называется научением.

С нашей точки зрения, культурно-историческая психология (и её деятельностная версия) разрабатывают марксистское положение о социальной природе человека, сознательно отдавая в отношении “человек - социум” приоритет социуму. Для нас сейчас не столь важно историческое обоснование настоящего методологического положения, сколько те следствия, которые, на наш взгляд, в определённой степени послужили поводом (если не причиной) современного методологического кризиса в психологии.

Приоритет социума и его преимущественное положение перед человеческим индивидом состоит в двух базовых положениях. Во-первых, опираясь на распространённую, но не единственно возможную, интерпретацию марксистской концепции человека как производного и генетически зависимого от социума, Л.С.Выготский, а после него и А.Н.Леонтьев, и их последователи, установили как главный постулат культурно-исторической психологии постулат происхождения индивида из социума. Причём, неоднократно обсуждая проблематику внешне-внутреннего превращения, мы ни в одном культурно-историческом психологическом тексте не находим обсуждения проблемы происхождения культуры и социума как именно психологической проблемы. Это означает, что культурно-исторический приоритет социума постулируется, а не обосновывается, как этого следовало бы ожидать. Хотя у самого К.Маркса есть положения, из которых однозначно следует, что социум (и, следовательно, культура) есть продукт взаимодействующих индивидов. А не наоборот.

Во-вторых, поскольку в культурно-исторической психологии социум рассматривается в качестве единственного субъекта культуры, то вполне закономерным и логичным является следующее не менее фундаментальное положение о способе онтогенетического происхождения индивидуального человека в условиях приоритетного для социума отношения “социум - человек”. В культурно-исторической психологии, принимающей социальную природу человека, таким способом может быть только присвоение, т.е. делание своим того, что произведено другими. В данном случае, делание своими культурных средств, которые сам индивид не производит. Для А.Н.Леонтьева это всё вместе взятое, по-видимому, и означает, что человек становится человеком только в результате присвоения, а другие способы онтогенетического становления человека в культурно-исторической психологии и деятельности психологии просто не рассматриваются. В результате А.Н.Леонтьев приписывает человеку, по аналогии с животным миром, способ онтогенетического присвоения как единственно возможный способ социальной наследственности.

В некоторых концепциях, отстаивающих биологическую природу человека, присвоение понимается буквально, как способ превращения биологического существа в существо социальное. Справедливости ради надо сказать, что эту идею разделял и сам создатель культурно-исторической (смысловой) концепции человека Л.С.Выготский.

В парадигме социальной природы человеческого индивида его онтогенетическое становление, как правило, описывается в терминах превращения социальных (культурных) норм в нормы индивидуальные. Эти нормы, усвоенные в процессе онтогенетического развития, становятся системообразующими факторами индивидуального познания (сознания). Такая точка зрения в психологии обосновывается философией, разрабатывающей познание как отражение и способ развития человека как субъекта познания. Таким образом, философской основой культурно-исторической психологии стала марксистская теория познания, трактующая человека как субъекта познания, а развитие как присвоение социальных познавательных эталонов и норм.

В культурно-исторической психологии процессу присвоения всегда придавалось особое значение, которое непосредственно связывалось с главным постулатом о социальной природе человеческой психики и о внешней форме её культурного существования. Поскольку человеческий индивид в культурно-исторической концепции человеческого онтогенеза рассматривается только как субъект присвоения социально-культурных норм, но не их создатель (т. е. можно сказать, что культурно-историческая психология Л.С.Выготского - это психология человека, потребителя культуры и социума как её создателя), постольку процесс присвоения является единственно возможным процессом, в условиях образовательной практики технологически обеспечивающим тезис о социальной природе психики.

При этом, социальной функцией индивида-проекции является деятельность в соответствии с теми социальными нормами, которые он может только воспроизводить, но не производить. Именно таким образом представляют себе многие культурно-исторические и деятельностные психологи процесс формирования индивидуальной структуры деятельности. Не стоит, наверное, после

этого удивляться, что в результате такого образования мы не имеем людей, способных самостоятельно действовать в ситуациях отсутствия готовых нормативов и культурных образцов (что как раз и характерно для проблемных ситуаций и ситуаций творчества).

Не изменяя главному постулату культурно-исторической психологии о нормативном и потребляющем характере человеческого онтогенеза, современные культурно-исторические психологи продолжают рассматривать в духе классической культурно-исторической психологии социально-культурные нормы как границы и пределы индивидуального сознания и деятельности. И хотя в общей парадигме социальной природы человека и её культурно-историческом варианте нормативной психологии очевидна подчинённость и полная зависимость становящегося человека от социума, это не осознаётся как проблема, а становится поводом для обоснования самостоятельной активности ребёнка, несмотря на очевидную парадоксальность ситуации.

В культурно-исторической психологии деятельности есть понятия, которые широко используются, но от этого они не становятся более понятными. Примером могут служить “развитие” и “формирование”. Ни то, ни другое на конкретно-понятийном, содержательном уровне, развёрнуто и обоснованно так до сих пор в культурно-исторической литературе и не описано. Несмотря на это, понятия “развитие” и “формирование” являются центральными как в культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, так и в культурно-исторической концепции деятельности А.Н. Леонтьева. Но их неоднозначность даёт основания для их интерпретаций. Одной из таких возможных интерпретаций является их отождествление.

Иногда процесс присвоения отождествляется с процессом (результатом) присвоения, который характеризует возникновение у индивидов человеческих способностей. Один из возможных вариантов интерпретации формирования связывает последнее, как нормативный процесс преобразования социальных норм в нормы индивидуальные, с самоизменением. В данном случае под самоизменением индивида понимается буквально изменение внешних по отношению к индивиду обстоятельств. Эта, на первый взгляд, довольно странная для социально-нормативного взгляда, постановка вопроса становится более понятной, если вспомнить, что парадигма социального происхождения человека предполагает не столько непосредственное воздействие социальных норм на индивида, сколько участие его в социальных процессах, основывающихся на социальных нормах. В этом случае сам индивид, осуществляя социально-нормативную практику, реально участвует в изменении обстоятельств собственной деятельности. Тем самым он как бы самоизменяется, хотя на самом деле он просто действует как “социальный орган” и сам осуществляет воздействие социальных норм на самого себя, при этом не принимая участия в создании самих этих социальных норм (или принимая весьма и весьма опосредованное участие).

“Развитие”, как главная категория культурно-исторической психологии, и “присвоение” — как основной способ реализации социальной природы человека, — как правило, в культурно-исторической психологии всегда связываются друг с другом. Сам Л.С.Выготский эту связь видел в том, что присвоение

(усвоение) есть способ осуществления развития. А.Н. Леонтьев, интерпретируя развитие как результат (продукт), в основе развития предполагал процесс присвоения. Л.Ф.Обухова, например, интерпретируя присвоение общественного исторического опыта как основной фактор развития, относит эту точку зрения ко всем советским авторам (по-видимому, ко всем советским психологам).

Но понимание присвоения (усвоения) как способа осуществления индивидуального развития не вполне соответствует первоначальному пониманию самим Л.С.Выготским связи присвоения и развития, И хотя в его работах встречаются противоречивые высказывания по поводу того, является ли усвоение началом или концом развития, в целом логика культурно-исторической психологии Л.С.Выготского стоит на том, что усвоение (присвоение) инициирует процесс развития, который осуществляется в дальнейшем уже по механизму созревания. У А.Н.Леонтьева же, на наш взгляд, такой чёткости в различении присвоения и развития нет, что создаёт дополнительные трудности при анализе механизмов онтогенетического развития. В данном случае недостаточно понятна роль присвоения в развитии: либо присвоение есть способ развития, либо усвоение есть фактор, запускающий механизмы развития.

Особая позиция П.Я.Гальперина, как теоретика культурно-исторической психологии, выразилась и в его особой точке зрения на процесс развития. Он полагал, что развитие как процесс формирования внутреннего психического (ориентировочного) плана деятельности является результатом процесса присвоения внешней структуры ориентации во внутреннюю структуру ориентации, а присвоение (усвоение) ориентировочной основы и есть способ развития. О присвоении как о процессе, характеризующем психическое развитие, писал и В.В. Давыдов. Здесь присвоение можно понять скорее как одну из характеристик развития, а не как всеобщий способ развития [16, с.4].

Подчёркивая особый способ, каким развитие осуществляется именно у человека и который отличает его от других живых существ, называя этот способ “самоизменением” В.В. Давыдов фактически раскрывает процесс развития как процесс изменения способов индивидуальной деятельности за счёт преобразования мира внешней культуры в собственный индивидуальный мир. Таким образом, развитие есть способ присвоения внешнего мира культуры, приводящее к изменению собственного внутреннего мира. А самоизменение – это и есть изменение себя за счёт собственной деятельности присвоения. В более поздних работах В.В.Давыдов изображал процесс психического развития не только как процесс последовательного присвоения всё новых и новых культурных образцов (например, способностей), но что представляет, на наш взгляд, наибольший интерес, как процесс качественного изменения самой деятельности присвоения (самой способности присваивать).

Раскрывая процесс онтогенетического развития восприятия, другой корифеей культурно-исторической концепции деятельности, А.В. Запорожец, указывает на решающую роль присвоения (усвоения) общественного опыта, правда, не останавливаясь на конкретном уровне психических механизмов этого усвоения, и давая понять, что усвоение – это и есть сам механизм развития [17, с.92]. В некоторых случаях усвоение трактуется как условие психического развития, но опять-таки конкретно не обсуждаются сами психические механизмы

развития, что снова дает основания предполагать, что таким механизмом, скорее всего, является само усвоение. Для такого вывода сам автор даёт веские основания, когда говорит о том, что психическое (умственное) развитие осуществляется за счёт усвоения [18, с.137]. Примерно также трактует соотношение присвоения (усвоения) и развития и широко известный в настоящее время педагог и непосредственный ученик Л.С.Выготского Леонид Владимирович Занков [19, с.305].

Менее конкретно показывается соотношение присвоения и развития в зарубежных концепциях, разрабатываемых на основании социальной природы человека. Как правило, для описания онтогенеза человека применяются термины “социализация”, “приобщение” и прочие: для зарубежных психологов не характерно углубление в изучение психических механизмов, а скорее они оперируют самими психологическими явлениями, поэтому и термин “усвоение” используется как изначально данный и всем психологам понятный термин, не требующий специальной конкретизации.

Развитие человеческой личности, отождествляемое с присвоением, некоторые психологи склонны интерпретировать как “самтворчество”. На наш взгляд, это достаточно смелое и недостаточно обоснованное утверждение, поскольку в парадигме социальной природы и присвоения как способа её осуществления не предполагается (да и не может предполагаться) творчество как создание самим индивидом предмета собственного присвоения. А если это так, то сознательное творчество самого себя получает очень узкую трактовку, задаваемую известными пределами культурного образца и способа присвоения, которые индивид по своей социальной природе преодолеть никогда не в состоянии.

В результате можно констатировать, что термины “присвоение” и “усвоение” до сих пор по разному интерпретируются в отношении к термину “развитие”, но не стоит забывать, что их необходимо всё же различать.

Как известно, культурно-историческая концепция психики создавалась и формировалась как гносеологическая концепция. Главным и системообразующим её понятием является познание. Особенно явно гносеологический характер культурно-исторического подхода проявился в концепции деятельности, которая, как мы знаем, исходит из предположения, что генетически исходным для человеческого существования является познавательное (гносеологическое) отношение человека к внешнему предметному человеческому миру. Было установлено даже, что уже, по крайней мере, дошкольник реальным предметом познавательной деятельности имеет не что-нибудь, а целостный мир.

Исходная гносеологическая установка культурно-исторической парадигмы рассматривать человека в первую очередь как субъекта познания, на уровне психических механизмов была реализована в понятиях “интериоризация – экстерииоризация”. А именно, интериоризация (“вращивание” по Л.С.Выготскому, т. е. преобразование внешнего мира во внутренний мир) есть способ познания (отношения “мира к человеку”) как способ присвоения культурно-исторических норм функционирования человеческого мира и делания их собственными индивидуальными нормами функционирования индивидуального человека. Обратной стороной интериоризации является экстерииоризация -

способ практического отношения индивидуального человека к миру, осуществляющийся человеческим индивидом на основании культурно-исторических норм самого этого мира. Именно интериоризация и экстериоризация в совокупности полностью описывают познавательное отношение в целом.

Специфика гносеологической трактовки человека как субъекта познания отнюдь не означает отрицания роли онтологии, практики, практического отношения и практической деятельности. Наоборот, адекватное отражение и адекватное познание предполагает практическую форму отношения (практическую деятельность) как необходимое условие адекватного отражения. Поэтому проблема человека как субъекта познания заключается не в противопоставлении гносеологического и онтологического, а в противопоставлении (разделении) человека как воспроизводящего социально-культурные нормы и социума как производящего эти же самые социально-культурные нормы. Поэтому критерием адекватного познания считается умение воспроизводить (применять на практике), а не производить, т.е. создавать новые нормы.

В связи с гносеологической природой человека как субъекта познания и его психологическим содержанием как отношением воспроизведения, имеет место и соответствующая логика присвоения (усвоения, овладения). Она строится на том, что внешняя социально-культурная норма может быть присвоена (познана, усвоена, освоена) только в процессе и в результате собственной деятельности учащегося (в некоторых случаях под такой деятельностью понимается мыслительная деятельность, в некоторых – практическая деятельность). Причём, деятельность присвоения осуществляется как процесс движения от частичного освоения внешней нормы к её полному освоению. Именно этот процесс в культурно-исторической концепции рассматривается как развитие, а критерием его успешности является адекватность воспроизведения человеческим индивидом внешнего культурного образца.

Понимание познания и присвоения как его деятельностной формы предполагает наличие у учащегося деятельности, адекватной внешнему культурному образцу. При отсутствии необходимого уровня сформированности учебной деятельности, присвоение осуществлено быть не может. Эту мысль в учебниках психологии часто иллюстрируют примерами, правда, как правило, не обсуждая вопроса о том, а как же возникает и как совершенствуется сама эта способность усваивать [20, с.132].

Мы уже обсуждали выше проблемы и варианты соотношения присвоения, развития и формирования. Теперь нам хотелось бы ещё больше подчеркнуть ярко выраженный гносеологизм культурно-исторического подхода, выражающийся в утверждении присвоения как центрального процесса, обеспечивающего социальную природу человеческого индивида, и являющегося по сути дела познанием (познавательным отношением к социально-культурным нормам, порождаемым социумом). Поэтому для нас гносеологическое (познавательное) отношение – это не противопоставляемое онтологическому (непосредственно-практическому) идеально-созерцательное отношение. Вовсе нет. Мы разделяем точку зрения на то, что исходной формой адекватного познания (отражения) является чувственно-практическая, непосредственно-преобразовательная форма деятельности. Но онтологизм, в отличие от гносео-

логизма, мы связываем не с непосредственно-практической формой отношения (которая имеет место и в случае познавательного, и в случае практического преобразовательного отношения), а с результатом этого отношения.

Основное методологическое положение для нас состоит в том, что гносеологическое (познавательное) отношение (неважно в какой форме – в идеальной или в практической) не порождает собственного предмета познания. На это способно только онтологическое (порождающее) отношение. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением о том, что познание есть способ формирования и особенно — развития деятельности, хотя эта точка зрения чрезвычайно распространена и популярна в психологии деятельности. Мы не можем согласиться и с утверждением о том, что именно новое знание изменяет познающего субъекта, поскольку считаем, что новое знание само порождается самим субъектом, а самоизменение субъекта является средством такого порождения. В этом смысле, с нашей точки зрения, является нонсенсом утверждение, будто бы акт познания порождает предмет познания. На наш взгляд, оно противоречит материалистическому пониманию принципа детерминизма и предполагает самодостаточность идеальной сферы и её способность к саморазвитию.

Мы уже говорили, что полностью разделяем методологическое положение о том, что акт познания не является (и не может таковым быть по определению) актом развития познаваемого предмета (и, следовательно, не может быть актом развития и познающего субъекта) и считаем, что именно на основании этого положения разработка понятия “психическое развитие” как гносеологического понятия перспектив не имеет. Эта проблема может быть решена только в том случае, когда развитие будет разрабатываться как онтологическая категория. Нам представляется, что эту мысль очень хорошо выразил В.В. Давыдов, когда утверждал, что для того, чтобы познать, понять новое, надо сначала это новое самому человеку сделать. Другого пути познания и понимания нет: “Чтобы увидеть новое, следует сделать нечто новое” [21, с.99].

А.Н.Леонтьевым обосновано, что хотя человеческие потребности генетически обусловлены, но реализовать их можно только в деятельности. Тем самым первопричина человеческой деятельности, по А.Н.Леонтьеву, человеческой деятельностной сущности изначально генетически детерминирована и лишь после начала действия из исходной предпосылки и первопричины деятельности первопричина человеческой деятельности трансформируется в её результат. Определив таким образом начальную точку индивидуального развития человека и утвердив деятельность в качестве необходимого способа его осуществления, в культурно-исторической концепции деятельности фактически сформулирована методологическая основа социально организованного онтогенеза. Как известно, онтогенетическое развитие с точки зрения культурно-исторической психологии осуществляется в форме обучения и воспитания, но только в том случае, когда они имеют деятельностную форму и представлены соответствующим содержанием.

Роль деятельности (познавательной деятельности) в онтогенетическом развитии ребёнка обосновал в своей культурно-исторической психологии и М. Коул, который, как известно, разделял основные положения культурно-

исторической психологии, разработанной в России. Одним из таких главных положений является решающая роль культурно организованной деятельности (познавательной деятельности) в онтогенетическом развитии ребёнка. Сам М.Коул считал, что из всех характеристик культуры как фактора онтогенетического развития, деятельность (познавательная деятельность) является одной из важнейших.

Методологической основой культурно-исторического подхода к индивидуальному развитию человека, в том виде, в каком он реализован в культурно-исторической психологии Л.С.Выготского и в культурно-исторической концепции деятельности А.Н.Леонтьева, является понимание онтогенетического человека как человека, воспроизводящего социально-культурные нормы-продукты деятельности субъекта-социума, и развития как способа воспроизведения этих образцов в способах индивидуальной деятельности. Таким образом, присвоение как процесс представляет собой не что иное, как процесс воспроизведения индивидом социально-культурных норм и образцов человеческой деятельности. Это воспроизведение и обеспечивает адаптацию во внешнюю социально-культурную среду за счёт обеспечения социальной наследственности. Иногда А.Н.Леонтьев прямо указывал на процесс присвоения (усвоения) как на процесс воспроизведения общественно-исторических способностей [22, с.79]. Таким же образом описывал процесс присвоения и В.В.Давыдов, но уже более конкретно и явно отождествляя процесс развития с процессом воспроизведения [16, с.4]. Считая, что воспроизведение в индивиде способностей человеческого рода является содержанием процесса усвоения, В.В.Давыдов полагал, что именно воспроизведение делает человека полноценным субъектом собственной жизни [23, с.146].

Мы уже отмечали, что философско-методологической основой культурно-исторической психологии являются фактически два её основных положения. Первое заключается в том, что человеческий индивид в отношении социум – человек находится в подчинённом состоянии, занимает производную от социума позицию. Это выражается в признании марксистского тезиса о социальной природе человека, который в культурно-исторической психологии закрепил генетически вторичную роль человеческого индивида и генетически первичную роль социума. Более конкретно это проявилось в известном положении о внешнем (имеется в виду социально-культурное внешнее, не производимое самим индивидом) как факторе, порождающем внутреннее. Второе заключается в том, что человеческий индивид в онтогенезе возникает как продукт превращения внешнего — социального во внутреннее — индивидуальное: чтобы стать человеком, индивиду надо присвоить то человеческое, что создать самостоятельно он никогда по своей подчинённой природе не в состоянии. Именно эти базовые положения приводят к необходимости утверждать: неизбежный и единственно возможный порождающий индивидуального человека фактор — воспроизведение, присвоение.

Проведённый нами анализ методологических оснований концепции онтогенетического развития человека в рамках культурно-исторического подхода в психологии, а также конкретного психологического содержания основных понятий и процессов культурно-исторической психологии, позволяет утвер-

ждать, что культурно-историческая психология в том виде, в каком её сформулировал Л.С.Выготский; работу над которой продолжил и развил далее А.Н. Леонтьев и его школа; культурно-историческая психология, которую на основе культурно-исторической психологии Л.С.Выготского разрабатывает М.Коул, — это психология, философским фундаментом которой является человек как социально-культурное адаптивное существо, а методологическим основанием является метод восхождения от абстрактного к конкретному на основании единства идеальной и реальной форм поведения (деятельности) как общий способ социально-культурной адаптации. В борьбе против “внутренней детерминации” Л.С. Выготский напрочь исключил её из своей концепции. Но вместо уникального, самодостаточного и замкнутого только на себя человека мы взамен получили полностью “открытого”, внешним образом детерминированного “тотального” человека. Вместо абсолютного Духа Гегеля подчинила человека и стала править миром отчуждённая от него Культура.

Проблемы организации онтогенеза как присвоения культурных образцов являются важными, но не единственными. Как подчёркивают многие авторы, очень важно не забывать, что онтогенез – это в первую очередь процесс не столько присвоения, сколько изменения самих способов присвоения. В этом смысле совершенно прав Ж.Пиаже, когда утверждает, что онтогенетическое развитие ребёнка идёт по линии формирования самих схем познавательной деятельности. Это же подчёркивает и В.В.Давыдов, обсуждая вопросы оптимальной организации учебно-воспитательного процесса. Он выводит, что только тогда деятельность педагога достигнет своей цели, когда тот будет иметь представление об уровне сформированности деятельности усвоения и её специфике на этом уровне развития. М.Коул считает, что процесс изменения способов присвоения вообще является главным и определяющим весь процесс онтогенетического развития ребёнка.

Проблема соотношения обучения и развития, известная ещё со времён Л.С.Выготского и до конца ещё не решённая, является тем краеугольным камнем, на котором проверяется добротность психологической концепции развития и её методологических оснований. Эту проблему невозможно обсуждать без определения того, что понимается как под обучением, так и под развитием. И если со вторым дело обстоит достаточно неоднозначно, то по поводу первого достаточная определённость имеется.

Под обучением в концепциях, ориентированных на социальную природу человека, как правило, понимается присвоение (или усвоение), т.е. процедура превращения внешнего социального образца во внутренний индивидуальный способ или средство поведения (деятельности). Важнейшим, принципиальным моментом в этой процедуре присвоения (усвоения), который мы неоднократно подчёркивали и будем подчёркивать, является отчуждённость присваиваемого образца от индивидуальной созидательной деятельности присваивающего субъекта. В ситуации обучения (присвоения) человек как субъект присвоения не является субъектом порождения присваиваемого образца. Этот образец является продуктом порождающей деятельности другого субъекта – социума. Таким образом, ситуация присвоения для человеческого индивида как субъекта присвоения исключает деятельность порождения.

А.Н.Леонтьев считал, что средством передачи опыта является значение, но подчёркивал именно словесное значение обучения как передачи и присвоения этих словесных значений и речи как механизма передачи этих значений.

Для Л.С.Выготского обучение как процесс передачи и присвоения культурных образцов имеет первостепенное значение, поскольку является единственным социальным средством обеспечения онтогенетического развития ребёнка. По Л.С.Выготскому, процессы присвоения (или “вращения”) являются главными детерминирующими факторами, которые инициируют (начинают, “запускают”) внутренние процессы развития. Именно таким образом формируется зона ближайшего развития, т. е. особое динамическое состояние ребёнка, которое характерно тенденцией его самоизменения. Такая схема развития, когда внутренний (генетический) механизм созревания может быть инициирован только внешним социальным образом, и предопределила методологическую позицию Л.С.Выготского по поводу соотношения обучения и развития. Здесь обучение не может не вести за собой развитие, иначе приведённая выше схема (а за ней и социальная природа человека, и натуральный этап развития как предшествующий культурному этапу) разваливается.

Другой аспект обучения как присвоения представлен в теории поэтапного формирования П.Я.Гальперина, где предметом присвоения являются не сами научные знания, не сами способы деятельности (общие или конкретно-практические), а ориентировочная основа деятельности. Здесь обучение в большей степени понимается как процедура формирования ориентировочной основы деятельности.

Как известно, то особое значение, которое придаётся обучению в культурно-исторической психологии, всегда служило поводом для критического отношения к любым психологическим концепциям, в которых роль обучения в онтогенетическом развитии интерпретировалась иначе. Из истории психологии известны горячие споры по этому поводу между Л.С.Выготским и Ж.Пиаже, между В.В.Давыдовым и Л.В.Занковым, между С.Л.Рубинштейном и Л.С. Выготским. Нам представляется, что и сегодня этот спор ещё далёк от разрешения, хотя в силу объективных обстоятельств он уже не так актуален, как был когда-то во времена неоспоримого лидерства культурно-исторического и деятельностного подходов в психологии. Мы считаем необходимым напомнить об основных моментах этого спора, поскольку полагаем, что действительно, проблема соотношения обучения и развития может стать той точкой отсчёта, с которой может начаться новая эра психологии развития.

Как известно, среди концепций, так или иначе решающих проблему соотношения обучения и развития, принято выделять три их группы. Первая группа психологических концепций исходит из отождествления процессов развития и обучения (обучение есть форма развития). Вторая — из того, что обучение должно следовать за развитием (развитие независимо от обучения). Третья группа психологических концепций — из положения о ведущей роли обучения в развитии (развитие не только зависит от обучения, но прямо им определяется).

Теории, которые основаны на отождествлении обучения и развития, исходят из того, что обучение есть особая форма развития, и не разделяют эти

процессы как различные действительности. Сторонники независимости обучения от развития, как правило, разделяют генетическую (генетически детерминированную) точку зрения. Они не разделяют точки зрения на социальную природу человека, и уж тем более, не принимают положения о социальной детерминированности онтогенетического развития. Эта философия и психология развития зиждется на признании естественной природы человека и механизмов его развития и рассматривает социум как вариант естественной среды, кардинально не изменяющий естественных законов существования человека. Иная философская и методологическая установка российской культурно-исторической психологии приводит к тому, что отечественные психологи (в основном) разделяют противоположную точку зрения, которая в большой степени была задана повсеместно гипертрофированным подчёркиванием марксистского положения о социальной природе человека и о социальных отношениях как внутреннем содержании субъективного мира человеческого индивида. Тем не менее, говорить об окончательности марксистского варианта решения этого спора преждевременно, поскольку каждая психологическая концепция по-своему понимает содержание и роль обучения, по-своему понимается и психологическое содержание процесса развития. На наш взгляд, если уж и спорить об этом соотношении, то необходимо обсуждать не собственно это соотношение, а целостные концепции, их философские и методологические основания и перспективу решения ими главного вопроса о соотношении человека и человеческого мира.

Неоднозначность и малую полезность категорических решений, предлагаемых, в том числе и культурно-исторической психологией, подтверждает интересная и оригинальная точка зрения на соотношение обучения и развития А.В. Запорожца. Как известно, он не разделял оптимизма других психологов по поводу рассмотрения обучения в качестве всеобщего способа развития. Нам представляется, что его призыв, различать процессы обучения и процессы развития и не рассматривать обучение в качестве способа развития, полностью соответствует положениям самого Л.С.Выготского по этому поводу. Но в данном случае нам представляется, что отстаивая позицию Л.С.Выготского в этом вопросе, А.В.Запорожец объективно отстаивает понимание развития как естественного процесса созревания, в то время как крен в сторону обучения как формы развития всё-таки, на наш взгляд, свидетельствует о тенденциях рассматривать процесс развития как “искусственный” процесс, в качестве механизма которого всё-таки выступает опосредование как внешний механизм развития (заявленное самим Л.С.Выготским, правда, по другому поводу), а не созревание (которое у Л.С.Выготского фактически выступает в качестве базового внутреннего механизма развития).

Как мы уже говорили, точка зрения Л.С.Выготского на соотношение обучения и развития заключается в их различении и приписывании ведущей роли обучению. Эти процессы находятся, по словам Л.С.Выготского, в очень сложных взаимоотношениях, но главная роль обучения заключается в определении всего хода и содержания психического развития. Необходимо отметить, что разделение и даже в чём-то противопоставление обучения и развития становится возможным на основании важнейшего допущения о наличии внутрен-

них механизмов созревания, которые запускаются внешним фактором обучения-присвоения.

Процесс культурного развития ребёнка Л.С.Выготский описывает в терминах присвоения (и даже “прививания”), причём подчёркивает, что имеет место не только процесс присвоения как таковой, но и процесс переработки исходно природного (животного) характера поведения. А средством такой переработки становится культура (культурное средство, знак). Хотелось бы обратить внимание на то, что развитие как превращение природного (животного) типа поведения в культурный тип поведения и Л.С.Выготским, и другими психологами описывается больше на феноменологическом уровне как явление чисто эмпирическое, имеющее место быть. Но ответов на многие вопросы до сих пор нет: почему природное превращается в культурное, какова логика это превращения? Каким образом, каким конкретно способом происходит это превращение? Как понимается созревание при “запуске” механизма превращения природного в культурное? Какое свойство ребёнка позволяет ему осваивать всё более сложные способы поведения (деятельности) при постоянном преодолении своих наличных возможностей? И есть много подобных вопросов.

Как известно, детерминирующий характер обучения основан на всеобщем законе взаимодействия идеальной и реальной формы. Роль взрослого в процессе его взаимодействия с ребёнком как раз и заключается в том, чтобы, пользуясь этой идеальной формой как культурным средством, организовать процесс присвоения её самим ребёнком. Обучение как процесс присвоения и развитие как процесс перестройки реальной формы поведения ребёнка под воздействием идеальной формы и есть то единство обучения и развития, которое в результате обеспечивает выход ребёнка на новый уровень способностей.

С этой точки зрения понятен тезис Л.С.Выготского о том, что накопление знаний (т.е. накопление присвоенных культурных средств и образцов поведения) неуклонно ведёт к развитию научного мышления. И хотя в свете работ Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова это утверждение выглядит ошибочным, но оно остаётся логичным в свете понимания механизма развития самим Л.С.Выготским. А он, по Л.С.Выготскому, состоит в том, что любое присвоенное знание (любой присвоенный культурный образец) инициирует процессы созревания понятия, т.е. присвоение любого знания приводит к развитию мышления. Именно это положение об автоматическом запуске процесса созревания присвоенным в результате осуществления познавательной деятельности культурным образцом, на наш взгляд, и давало основание Л.С.Выготскому утверждать, что “обучение всегда идёт впереди развития” [24, с.243].

Несмотря на возможность иначе трактовать роль обучения в развитии, В.В.Давыдов, ссылаясь на Л.С.Выготского, тем не менее, основывался на понимании развития в большей степени как искусственного процесса и настаивал на том, что обучение и воспитание есть всеобщая форма развития. Особенность такой трактовки обучения заключается в том, что в ней созревание, которое у самого Л.С.Выготского было постоянно на первом плане, уходит на второй план, хотя и подразумевается. В связи с этим, необходимо отметить и противоречивость позиции самого В.В.Давыдова, в которой, с одной стороны, утверждается обучение как всеобщая форма развития, а с другой, он настаива-

ет на разделении обучения и развития как самостоятельных действительностей. Здесь имеется явное противоречие, поскольку смешаны два взаимоисключающих друг друга моменты. А именно, если обучение есть форма развития, то это, по нашему мнению, означает только одно: обучение есть механизм развития. И тогда нет необходимости предполагать ещё один дополнительный механизм развития – созревание, поскольку обучение в этом случае прекрасно выражает искусственную опосредованную сущность развивающегося человека. Но если обучение и развитие — это две различающиеся действительности, то тогда особый механизм развития, отличающийся от способа присвоения (и от способа опосредования) просто необходим. Иначе невозможно объяснить, что происходит после того, как присвоение осуществилось, а развитие ещё не началось (то есть, в этом случае теоретически невозможно обособить зону ближайшего развития). И созревание есть именно такой механизм, который связывает две разъединённые действительности обучения и развития.

В целом, признавая присвоение в качестве главного способа формирования и развития человека в онтогенезе, В.В.Давыдов считал, что именно присвоение культуры обеспечивает возможность человеческому индивиду развитие как универсального субъекта. Из этого следует, что только присвоение является единственным способом формирования человека как универсального субъекта. Многие известные психологи, в том числе и не разделявшие основных идей культурно-исторической психологии, придерживались похожей точки зрения на значение присвоения для психического развития. Так, например, Б.Г.Ананьев, не являющийся сторонником ни культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, ни культурно-исторической концепции деятельности А.Н.Леонтьева, тем не менее, признавал значение воспитания (присвоения социально-культурных норм поведения) как реальной детерминанты в формировании индивидуального опыта [25, с.30].

Одним из парадоксов культурно-исторической психологии, на наш взгляд, парадоксом, вообще говоря, объяснимым, но от этого не менее очевидным, является модель онтогенетического развития человека, построенная на единстве животной (естественной) и человеческой (культурной) линий развития. И хотя основной идеей культурно-исторической психологии, как известно, является идея социальной детерминации онтогенетического развития человека, допущение естественной детерминации как равноправной по отношению к культурной, на наш взгляд, является данью естественной парадигме человека и естественным механизмам его развития. На самом деле, половинчатость истинно революционной теории Л.С.Выготского и заключается как раз в том, что утвердив решительно и настойчиво социально-культурную детерминацию, он оставил и тоже настаивал на этом, естественный механизм развития – созревание.

Фундаментальной особенностью культурно-исторического подхода к человеку и его онтогенетическому развитию является целевой тип детерминации, который принципиально отличается от причинно-следственной детерминации. Культурные средства (в том числе знаково-символические системы) создают (по словам Л.С.Выготского), уникальное временное поле, недостижимое для причинно-следственной детерминации единое пространство “прошлого — на-

стоящего — будущего”, которое до бесконечности расширяет возможности человека, давая ему возможность проектировать и осуществлять свою деятельность одновременно и в настоящем, и в будущем. Это поистине волшебное свойство культурного опосредования М.Коул называл “пролеписом” [культурным механизмом, переносящим конец развития в его начало — В.А.] и связывал его возникновение с идеальным характером социально- культурного ограничения действий ребёнка, существующего и развивающегося в социально-культурном контексте. Мы не совсем согласны с трактовкой пролеписа Майклом Коулом, поскольку в его интерпретации будущее детей очень сильно похоже на прошлое их родителей. Нам представляется, что суть этого явления в другом. Но мы полностью разделяем общее понимание пролеписа как представление о развитии как о уже осуществившемся: “Культурный механизм, переносящий “конец в начало”, называется пролепис, что означает по словарю Уэбстера: “Представление будущего действия или развития как уже существующего”” [3, с.209].

Мощный гуманистический потенциал культурно-исторического подхода заключается, на наш взгляд, как раз в том, что к человеку относятся не как к эмпирическому субъекту, пытаясь строить его развитие “от наличного в ребенке”, а в том, что к каждому ребенку относятся как субъекту культуры, видя “наличное в ребенке” как предмет преодоления. М.Коул, по-своему интерпретируя культурно-исторический подход, тем не менее, выводит сущность человека из опосредованного характера способа его существования. На наш взгляд, такая позиция заслуживает пристального и глубокого изучения, поскольку утверждает “искусственный” (т. е. опосредованный) характер существования как истинно человеческий и пытается на этом основании сконструировать онтогенетические механизмы развития, опираясь на механизм опосредования, а не созревания. Он описывает этот механизм как способ прогнозирования культурного будущего на основании культурного прошлого. Для нас в данном случае не так важно, что, по версии М.Коула, культурное будущее фактически воспроизводит культурное прошлое (впрочем, он и сам этого не отрицает, подчёркивая относительно низкую динамику развития культуры по сравнению с динамикой онтогенетического развития). Главным является то, что онтогенетическое развитие строится как взаимодействие идеальной и реальной действительностей, а идеальная действительность имеет культурную природу.

Интересные мысли высказывает М.Коул при описании пролеписа как психического механизма учебно-воспитательного процесса. Можно действительно согласиться с цитируемыми им авторами, что многие неудачи педагогики и педагогической психологии заключаются в том, что педагоги на самом деле строят свою педагогическую практику на основании ожидания того, что дети их должны понять, а не на основании того, что они должны формировать само это понимание. Второе оказывается гораздо сложнее и большинству из педагогов просто не по плечу: “Эддисон Стоун и его коллеги ... используют понятия пролеписа для описания способов, которыми учителя пытаются добиться понимания детьми того, как надо выполнять сложные когнитивные задания; в действительности учителя предполагают, что дети понимают, чему их пытаются научить, и это является предварительным условием для возникнове-

ния понимания” [3, с.210]. Но так же, как и в российской версии культурно-исторической психологии, самые главные, на наш взгляд, вопросы о глубинных механизмах (всеобщих и универсальных способах) онтогенеза остаются и по сей день проблемой, так и в культурно-исторической психологии М.Коула открытым остаётся вопрос о способах (механизмах) онтогенеза как способах превращения структуры будущего в структуру настоящего.

Нас наш взгляд, исторической заслугой культурно-исторической психологии, наряду с утверждением опосредования как истинно человеческого способа существования, является разработка индивидуального развития человека в онтогенезе как способа взаимодействия идеальной и реальной форм его жизнедеятельности. Это был поистине прорыв в понимании психических механизмов онтогенеза и гигантский шаг в направлении создания модели человека как исходно “искусственного” существа.

Но версия Л.С.Выготского культурно-исторической психологии, и основанные на ней психолого-педагогические концепции человека, базируются на принципиальном предположении о том, что идеальная форма может быть продуктом только социальной деятельности, и носителем и источником её может быть только социум. Для российской (впрочем, и не только для российской) версии культурно-исторической психологии это положение является фундаментальным, системообразующим и непререкаемым. Изменение этого положения приведёт к деструкции самой культурно-исторической психологии, как если бы из фундамента целостного здания был бы вынут его самый большой камень.

Абсолютно все культурно-исторические версии онтогенетического развития человека исходят из очевидного для них факта, что идеальная форма уже имеет место до человека и существует в качестве общественных образцов. Поэтому процесс онтогенетического развития всегда рассматривается как осуществляющийся “от идеальной формы”, а под развитием как взаимодействием идеальной и реальной форм всё же понимается изменение (деформация) реальной формы под воздействием идеальной. При этом, заданность (как любят говорить в этом случае культурно-исторические психологи) означает наличие “матрицы”, которая находится не внутри, а вне ребёнка, и формы, которую он должен неизбежно принять за счёт процесса её присвоения (в противном случае он не сформируется как человек.

На самом деле развитие, как понятие культурно-исторической психологии, достаточно неоднозначно и трактуется довольно разнообразно. По-видимому, и этот факт дал основание Л.В.Занкову критически отозваться о возможностях культурно-исторической психологии как теории психического развития. Но при всех различиях конкретного толкования процесса развития, его культурно-исторический смысл заключается в смене характера предыдущего и последующего этапов развития. Как известно, средством таких перемен в культурно-исторической психологии является культура в её различном проявлении, в том числе и в виде знака.

Мы уже отмечали синонимичность многих терминов в текстах Л.С.Выготского, терминов, с нашей точки зрения, представляющих (выражающих) различные действительности, иногда даже и просто не совместимые

между собой. Например, это относится к терминам “активность” и “деятельность”, которые Л.С.Выготский довольно часто привлекал для описания процесса культурного развития. Мы полагаем, что это не является каким-то недо-разумением или небрежностью. Нам представляется, что некритическое использование терминов, на самом деле, должно говорить только о том, что Л.С. Выготский, с одной стороны, утверждая опосредованный характер детерминации человеческого существования, в отличие от непосредственного характера детерминации существования животных, с другой стороны, всегда основывался на положении о том, что качественное изменение типа и механизма детерминации не приводит к изменению натуральной природы человеческой психики.

Именно поэтому Л.С.Выготский говорит о двух системах активности, которые различаются средствами организации, но остаются подобными, имея общую рефлекторную природу. Более того, исходя из концепции Л.С.Выготского, человеческая психика должна иметь условно-рефлекторную природу, поскольку именно она является питательной средой для обеспечения культурного развития. Без природного основания не было бы и культурного развития. Поэтому культурное развитие, по Л.С.Выготскому, надо понимать как смену средств организации поведения, в результате которой остаётся без изменения её условно-рефлекторная основа.

Как известно, ещё одним весьма значимым понятием культурно-исторической психологии является высшая психическая функция (высшее поведение). Поэтому культурное развитие может быть описано и в этих терминах. Культурное развитие психики, или возникновение высших психических функций, Л.С.Выготский описывает по аналогии с изменением поведенческой активности при употреблении орудия. Так же как первое, употребление орудия качественно изменяет характер поведенческой активности, первое употребление знака качественно изменяет характер психической активности. Таким образом, культурное развитие как переход от непосредственного характера активности к опосредованному характеру активности приводит к возникновению высшей психической функции. Таким образом, идея культурного развития для Л.С.Выготского является средством обоснования единства всех форм психических функций (это происходит за счёт приписывания всем психическим функциям единой рефлекторной природы). Исходя из единой рефлекторной природы, можно обосновать культурное развитие как переход от непосредственной организации психических функций к организации опосредованной. Это даёт повод Л.С.Выготскому говорить о том, что высшие психические функции возникают из низших путём развития [8, с.67].

Но чаще всего Л.С.Выготский описывал процесс культурного развития в терминах “поведения”. Культурное развитие в терминах “поведения” предстаёт как процесс изменения натуральных структур поведения, обусловленных биологическими особенностями психики, высшими, генетически более сложными структурами поведения, обусловленными культурно-историческими (опосредующими) особенностями психики. Как выражается Л.С.Выготский, “в чистом виде” процесс культурного развития означает переход от одной стимульно-реактивной схемы поведения к другой. При этом одна схема поведения

(низшая) отличается от другой схемы поведения (высшей) тем, что в первом случае поведение строится на основе внешней стимуляции, а во втором случае – на основе автостимуляции. Внешняя стимуляция принципиально отличается от автостимуляции тем, что во втором случае средства стимуляции поведения создаются самим человеком и им же используются для регуляции собственного поведения.

Рассмотрение процесса культурного развития как смены типов поведения наглядно показывает, что для культурно-исторической психологии её предметом является историческая логика развития поведения. Это обстоятельство даёт возможность утверждать, что характер актуального поведения может быть понят только в историческом аспекте, как способ происхождения поведения.

Разумеется, Л.С.Выготского, как и любого другого глубокого автора, можно читать по-разному, тем более, что зачастую он сам создаёт читателю такую возможность и даже необходимость. Вот и в данном случае, читая описание культурного развития как изменения форм поведения, мы неизбежно наталкиваемся на мысль, что поведение в процессе культурного развития хоть и изменяет свои формы, но остаётся поведением, тем способом жизнедеятельности, который одинаково характерен и для животного, и для человека (собственно говоря, в этом и видит Л.С.Выготский единство этапов развития). Но тогда культура выглядит как специфическое средство, видоизменяющее деятельность психических функций, не изменяя природу самих этих функций, но меняя только средства из их организации.

Уверенность в правильности этого вывода мы черпаем из рассуждений самого Л.С.Выготского о психологическом содержании высших психических функций. Исходя из описания Л.С.Выготского, высшие психические функции имеют некую двойную структуру, некие два слоя, один из которых образуют процессы опосредованные, процессы присвоения культурных средств; а другой – процессы непосредственные, но тоже относимые Л.С.Выготским к высшим психическим функциям. Есть все основания предположить, что вторые неопосредованные (непосредственные) психические процессы потому им относятся к высшим, что они в структуре опосредованных представляют высший уровень развития натуральных (естественных) психических функций. Наличие натуральных функций в составе высших необходимо Л.С.Выготскому потому, что они являются той первичной средой, без которой невозможно культурное развитие, тем материалом, при отсутствии которого нечего было бы перестраивать культурными средствами.

Описывая процесс культурного развития в терминах поведения и реакции, Л.С.Выготский не ошибается и не невольно искажает картину происходящего. Он вполне сознательно и адекватно характеризует картину культурного развития исходя из своих концептуальных установок. А они таковы, и это необходимо признать, что при описании культурного развития как смены средств организации поведения (или реагирования) речь вовсе не идёт о том, что само реагирование превращается в другой способ отношения. Вовсе нет. А наоборот, именно предполагается, что при смене средств организации реаги-

рования природа самого реагирования не изменяется, а остаётся у человека такой же, какой она имеется у животного.

Поэтому опять же совсем не случайно, и это не является опиской, а сознательно применённым термином, когда Л.С.Выготский пишет о культурном развитии как о приспособлении. Более того, термин “приспособление” является вполне логичным и соответствует как исходному марксистскому термину о социальной природе человека, так и тезису самого Л.С. Выготского о происхождении внутреннего из внешнего: “... мы установили, что оно [развитие ребенка – В.А.] идёт по пути глубокой смены самой структуры детского поведения и что на каждой новой ступени ребенок не только меняет форму реакции, но и осуществляет её в значительной степени по-новому, привлекая новые средства поведения и замещая одни психические средства другими. ... развитие идёт прежде всего в направлении опосредования тех психологических операций, которые на первых ступенях осуществлялись непосредственными формами приспособления. Усложнение и развитие форм детского поведения и сводится к смене привлекаемых для этой задачи средств [курсив мой – В.А.], к включению в операцию прежде незаинтересованных психологических систем и к соответствующей перестройке психического процесса” [8, с.77].

Не случайно поэтому Л.С.Выготский настаивает на том, что целостный процесс онтогенетического развития человека представляет собой как бы два слоя, две логики: логика природной детерминации и логика культурно-исторической детерминации. По Л.С.Выготскому, они не могут рассматриваться отдельно, но всегда должны учитываться как одинаково необходимые компоненты единого целого. Эта двойственность детерминации онтогенетического развития, которая в иных текстах Л.С.Выготского слишком явно и навязчиво, с нашей точки зрения, проступает и в тексте, и в контексте, в других текстах выглядит совсем иначе. Особенно тогда, когда Лев Семёнович говорит о культурном развитии как переходе от естественной истории психики к её культурной (“искусственной”) истории: “С переходом к знаковым операциям мы не только переходим к психическим процессам высшей сложности, но фактически покидаем поле естественной истории психики и вступаем в область исторических формаций поведения” [8, с.62].

Но наиболее значимым достижением культурно-исторической психологии, по нашему мнению, наряду с утверждением опосредования как истинно человеческого способа существования, является положение о развитии как смене типов развития. И хотя опять неоднозначная трактовка развития и как собственно развития, и как поведения не даёт полной уверенности в истинной позиции автора, тем не менее, этот тезис в корне отличает культурно-историческую концепцию психики от рефлекторной концепции психики С.Л. Рубинштейна.

Известно, что главный тезис С.Л.Рубинштейна, на котором построена его собственная концепция онтогенетического развития, прямо противоположен тезису Л.С.Выготского. А именно, С.Л.Рубинштейн утверждал и всей своей научной работой обосновывал концепцию развития как непрерывного процесса, всегда совершающегося на основании одних и тех же механизмов. Это и было обоснование тезиса о непрерывности процесса развития. Среди базовых

механизмов развития С.Л.Рубинштейн, как известно, выделял главный – “внешние причины через внутренние условия”, универсальность, всеобщность и неизменность которого использовал для построения своей психологической концепции онтогенетического развития. Нам представляется, что в этом смысле концепция С.Л.Рубинштейна значительно слабее концепции Л.С.Выготского и по сравнению с ней имеет гораздо меньшие эвристические возможности. Культурно-исторический подход Л.С.Выготского тем и отличается от социально-генетического подхода С.Л.Рубинштейна, что в нём фактически детерминирующим фактором индивидуального развития признаётся сама история человечества, своим возникновением породившая принципиально новые (культурные) механизмы развития. Устанавливая новый (культурный) тип механизмов развития человека и противопоставляя его естественным (причинно-следственным) механизмам развития всей до-человеческой организменной формы жизни, культурно-историческая концепция делает прорыв к пониманию опосредованной сущности человека как особого, не сводимого и не выводимого из способа существования организмов, принципиально отличающего его от всего живого способа существования.

Известно, что Л.С.Выготский имеет достаточно спорную точку зрения на характер соотношения естественного и культурного компонентов онтогенетического развития. Но даже при всей спорности этой точки зрения, она основывается на принципиальном различии механизмов развития этих двух видов развития, на различии естественных механизмов органического развития и “искусственных” механизма культурного развития.

Л.С.Выготский всегда подчёркивал, что, по его мнению, онтогенез человека представляет собой достаточно сложное единство и достаточно неоднозначную обусловленность органического и культурного типов развития. При этом, отличие онтогенеза от филогенеза он видел как раз в том, что в онтогенезе представлены оба типа психического развития. В этом факте он видел специфическую особенность человеческого развития и, одновременно, его сложность. Фактически, индивидуальное развитие человека (по Л.С.Выготскому) – это превращение биологического существа (животного) в существо культурное (в человека).

Такое действие происходит в условиях двойной детерминации целостного процесса культурного развития ребёнка: с одной стороны, естественными причинами, обеспечивающими постоянство субстрата и его созревание (созревание имеет решающее значение в культурном развитии, поскольку является единственным базовым механизмом, за счёт которого только и может осуществляться ведущая роль обучения), и, с другой стороны, искусственными детерминантами, порождёнными историческим развитием и использующими будущее в качестве детерминирующего фактора.

Здесь уместно напомнить, что двойная детерминация всегда вызывала резкую критику с обеих сторон, хотя каждая из сторон свою версию онтогенеза, тем не менее, строила на допущении двойной детерминации. Как ни странно, это было характерно как для социально-генетической концепции актуально-причинной детерминации С.Л.Рубинштейна, так и для культурно-исторической концепции опережающей детерминации Л.С.Выготского.

Оригинальная и революционная для своего времени психологическая концепция культурного развития человека Л.С.Выготского не могла не нести на себе груз истории собственного создания. Поэтому и заключала в своих недрах противоречие, которое своими силами так и не смогла разрешить. Оно заключается в несоответствии опосредованной (рефлексивной) сущности человека с пониманием его как существа приспособляющегося, как субъекта адаптации. Но реально именно такая модель человека была заложена Л.С.Выготским в свою концепцию онтогенетического развития (хотя нигде в таких терминах ни в одном из его текстов напрямую об этом не говорится). Именно поэтому, на наш взгляд, главными механизмами развития, которые разрабатывались во времена Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева и разрабатываются по настоящее время, являются механизмы подражания и созревания, обеспечивающие присвоение, т. е. приспособление.

Культурно-исторический подход сам по себе неоднороден. Если не говорить о собственной версии культурно-исторической психологии М.Коула, по существу значительно отличающейся от культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, то и в отечественной культурно-исторической традиции есть, на наш взгляд, серьёзные разногласия в интерпретации. Самые значительные из них имеют место между методологическими положениями самого Л.С.Выготского, на основе которых он и сформулировал свою культурно-историческую концепцию сознания (или поведения), и методологическими положениями А.Н.Леонтьева, который, как мы полагаем, сформулировал своё понимание культурно-исторической психологии, вообще-то говоря, заметно отличающейся от концепции Л.С.Выготского. И главное отличие заключается не в деятельности как центральной категории концепции А.Н.Леонтьева и второстепенной категории концепции Л.С.Выготского. Хотя так можно думать в первую очередь. Оно состоит в понимании содержания процесса онтогенетического развития.

Если для Л.С.Выготского развитие – это в первую очередь культурное развитие, которое происходит по механизму смены типов и механизмов развития и знак здесь играет решающую роль, то для А.Н.Леонтьева развитие – это, в первую очередь, отражение и развитие отражения. Если для Л.С.Выготского предметом развития является способ существования (поведение, деятельность), то для А.Н.Леонтьева предметом развития является способ отражения. Если для Л.С.Выготского предмет (культурный предмет) есть средство порождения поведения, то у А.Н.Леонтьева предмет есть предмет отражения. Если для Л.С.Выготского развитие есть способ преодоления (натуральных форм психики и поведения), то для А.Н.Леонтьева предмет есть предмет уподобления. Отсюда и различное понимание субъектности. У Л.С.Выготского субъектность есть способ самопорождения, у А.Н.Леонтьева субъектность есть способ самоосуществления. Эти нестыковки дают серьёзные и обоснованные доводы современным культурно-историческим психологам критически оценивать некоторые результаты развития теории деятельности с позиций культурно-исторической психологии Л.С.Выготского.

Достаточно неожиданным, на наш взгляд, является наличие в концепции Л.С.Выготского многократно повторяющего обоснования необходимости у че-

ловека натуральной формы поведения и описания человеческого поведения в терминах “стимул - реакция”. Станным для нас выглядит стимульно-реактивная терминология Л.С.Выготского при описании культурных форм поведения, при описании им процесса культурного развития. Так до сих и не понятно для нас попытка Л.С.Выготского доказать происхождение знака из недр рефлекторного (естественного, природного) поведения. На наш взгляд, знак есть по самой своей природе “искусственная” действительность, организованная и существующая совершенно по другим – культурно-историческим – законам. Знак не выводим из рефлекса, у его происхождения совершенно иная логика. В этой, иной логике искусственной детерминации человеческого способа развития и заключается, на наш взгляд, огромный эвристический заряд культурно-исторической психологии, ставящей её на голову выше всех рефлекторных концепций психического. Поэтому не иначе, как парадоксом можно, по нашему мнению, назвать противоречивую позицию самого Л.С.Выготского, создателя культурно-исторической психологии, но оставшегося в некоторых вопросах на позициях рефлекторной психологии.

Попытка Л.С. Выготского доказать и обосновать “естественную историю” знака, на наш взгляд, есть попытка вывести “искусственное” из естественного, знак из рефлекса. Это попытка вывести нечто, что по своей природе из этого не выводится. На наш взгляд, она обречена. Л.С.Выготский до конца своих дней настаивал на генетической связи натуральных и культурных форм поведения, не придавая значения тому факту, что невозможно одним указанием на врождённую способность к человеческой форме подражания объяснить превращение натуральной формы в культурную в процессе онтогенеза. Что же именно происходит в этот момент, Л.С.Выготский нигде в своих текстах не обсуждает. Не обосновывая именно этого существеннейшего момента, этой переломной точки, культурно-историческая психология во многом остаётся феноменологической и потому только теряет в своих несомненных достоинствах как теории “искусственной”. Тот факт, что Л.С.Выготский не предполагает иного пути возникновения знака, только как из натуральной формы поведения, убедительно свидетельствует о том, что, несмотря на открытие им самим опосредованного способа существования человека, это открытие не было перенесено на возникновение человека. Поэтому и получается, что ребёнок, родившись биологическим существом, при первом внешнем воздействии на него знаком превращается в существо культурное. За счёт чего это чудо может случиться? А только за счёт созревания.

Именно поэтому Л.С.Выготскому и надо постулировать генетическую исходность натуральных форм поведения (а правильное сказать, натурального механизма развития), потому что другого (“искусственного”) механизма он не предполагает и не предлагает (поскольку врождённое подражание – это тоже естественный, природный механизм). Фактор опосредованности человеческого существования Л.С.Выготский не смог распространить на процесс человеческого возникновения. Поэтому, хотя у Л.С.Выготского человек – это опосредованное (искусственное, культурное) существо, но возникает культурное существо по механизму естественному, натуральному, биологическому. В этом мы

и видим главное внутреннее противоречие культурно-исторической концепции человеческой психики Л.С.Выготского.

Совсем странно выглядят слова Л.С.Выготского при обосновании им культурного поведения человека, когда он делает это на примере соотносимых им безусловного и условного рефлексов. Мало того, что этот материал, с нашей точки зрения, мало подходит (или даже совсем не подходит) для иллюстрации культурного (“искусственного”) опосредования, так ещё и указание на общую инстинктивную основу культурного и натурального повеления, различающихся только способом организации, вовсе стирает границы между искусственным и естественным: “Для того чтобы понять связь между этапами развития, которые интересуют нас в детской психологии, нужно в двух словах отдать себе отчёт в том, какое отношение существует между ними. Отношения носят диалектический характер.

Каждая следующая стадия в развитии поведения, с одной стороны, отрицает предыдущую стадию, отрицает в том смысле, что свойства, присущие первой стадии поведения, снимаются, уничтожаются, а иногда превращаются в противоположную – высшую – стадию. Например, проследим, что происходит с безусловным рефлексом, когда он превращается в условный. Мы видим, что ряд свойств, связанных с его наследственным характером (стереотипность и т.д.), отрицается в условном рефлексе, потому что условный рефлекс есть образование временное, гибкое, чрезвычайно поддающееся влиянию посторонних стимулов и, кроме того, присущее только данному индивиду не по природе и не по наследству, а приобретаемое благодаря условиям опыта. Таким образом, всякая следующая стадия указывает на изменение или отрицание свойств предыдущей стадии.

С другой стороны, предыдущая стадия существует внутри следующей, что показывает, скажем, стадия условного рефлекса. Его свойства те же, что и в безусловном рефлексе; это тот же инстинкт, но только проявляющийся и существующий в другой форме и другом выражении” [13, с.152].

Поэтому вполне приемлемы и уместны аргументы, используемые оппонентами культурно-исторического подхода, поскольку А.Н.Леонтьев, так же как и Л.С.Выготский, человеческие формы поведения (опосредованные формы поведения) связывает не с культурными средствами и “искусственными” механизмами опосредования, а с естественными мозговыми связями и условно-рефлекторными механизмами: “... “все психические свойства и процессы человека представляют собой продукт динамических, прижизненно складывающихся систем мозговых связей – условных рефлексов” (Леонтьев, 1955)” [26, с.189]. И здесь же мы находим у Л.С.Выготского прямо “убийственное” объяснение культурного развития как по своей природе инстинктивного поведения, поведения, имеющего инстинктивную природу. Зачем Л.С.Выготскому понадобилось связывать культурное поведение с инстинктами? Ответ может быть только один: именно в натуральных (в данном случае, инстинктивных) способах поведения, стимульно-реактивных схемах активности заложены, по его мнению, и механизмы человеческой психики, которые превращают натуральное поведение в культурное. Но, превращая поведение, сами механизмы (по Л.С.Выготскому) не превращаются, остаются неизменными. Вот откуда и вот

почему в психические факторы, обеспечивающие зону ближайшего развития, неожиданно и нелогично попадает созревание, и вот почему без “созревания” в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского объяснить культурное развитие, как мы полагаем, невозможно.

Противоречивость концепции Л.С.Выготского отчетливо видна, когда он в который раз пытается доказать невозможное: не вырастает, не развивается культурная (опосредованная) форма поведения из натуральной (неопосредованной). Возникновение опосредованной формы может состояться только как общественно-историческое появление новой действительности опосредования и нового способа опосредования. Это означает, что онтогенетический человек уже рождается человеком – опосредованным существом, а не таким, каким его предполагал Л.С.Выготский. Исторический человек, однажды возникший как феномен истории развития природы, воспроизводится в дальнейшем только как человек, и ни в коем случае как животное. В этом и заключается решение проблемы: “... деятельность ребёнка отличается по организации, структуре и способам действия от поведения обезьяны, не сразу даётся в готовой форме, но вырастает из последовательных изменений психологических структур, связанных генетически, и так образуется целостный исторический процесс развития высших психических функций” [8, с.27].

В отличие от субъектно-деятельностной концепции, культурно-исторический подход предполагает наличие всеобщей логики онтогенетического развития и соответствующих логических этапов психического развития ребёнка. В этом смысле культурно-историческая концепция онтогенетического развития относится к генетическим стадияльным концепциям, и предметом её разработки является общая онтогенетическая схема этапов развития ребёнка как целого. Стадияльность в онтогенетическом развитии психики принимается не всеми психологами и сегодня. Нам представляется, что субъектно-деятельностная концепция развития психики если и не отрицает наличия онтогенетических стадий развития психики, то, по крайней мере, не придаёт им всеобщего характера, предпочитая рассматривать их как индивидуальную особенность онтогенетического развития каждого конкретного ребёнка.

Признав наличие общей логики развития и всеобщий характер психологического содержания его стадий, нам не обойти вопрос о критериях стадияльности и критериях оценки адекватности конкретного психологического содержания всеобщей логике онтогенетического развития при анализе конкретных процессов онтогенетического развития. Известно, что центральной категорией культурно-исторической концепции деятельности является категория “отражение”. В этом случае вполне естественно рассматривать эту категорию и в качестве критерия периодизации онтогенетического развития. Именно так и поступает, например, Джером Брунер, рассматривая онтогенетические этапы развития как уровни сформированности познавательной деятельности [27, с.61].

Такой же подход в принципе характерен и для российской культурно-исторической концепции деятельности А.Н.Леонтьева. Если Дж. Брунер основывает свой выбор в основном на традиционной для мировой психологии и широко распространённой практике психологических исследований интеллектуального развития детей, то А.Н.Леонтьев исходит из теоретического поло-

жения о том, что понятие “отражение” (познание) уже заведомо предполагает понятие “развитие”. К сожалению, вопросу строгого теоретического обоснования данного важнейшего положения и А.Н.Леонтьев и его последователи уделяли недостаточное внимание. Хотя на самом деле это положение не так очевидно, как мы привыкли думать. И сложившаяся привычка отождествлять развитие и познание, особенно в образовательной практике, скорее эмпирический факт, нежели серьёзное теоретическое обоснование.

Надо полагать, что обоснованием для выделения категории “отражение” (и познание) в особую категорию деятельностной психологии стал факт построения Л.С.Выготским своей культурно-исторической концепции с опорой на категорию “отражение”.

Как известно, для Л.С.Выготского главным критерием периодизации онтогенетического развития было психическое новообразование, которое является ведущим на каждом этапе процесса психического развития и которое как системный фактор характеризует психический возраст ребёнка как целого. Вследствие этого на каждой данной возрастной ступени мы всегда находим центральное новообразование, как бы ведущее для всего процесса развития и характеризующее перестройку всей личности ребенка на новой основе [28, с.256].

Поэтому определённая последовательность возникающих в логике развития психических новообразований определяет последовательность онтогенетических возрастов ребенка.

Фактически, Л.С.Выготский своим положением о ведущей роли новообразования для психического развития ребенка предопределил периодизацию психического развития на основании ведущего типа деятельности, которая впоследствии стала широко распространённой среди сторонников деятельностного подхода. Но уже и сам Л.С.Выготский иногда интерпретировал новообразование как деятельность и считал, что под возрастными новообразованиями следует понимать именно структуры личности и ее деятельности. В дальнейшем, реализуемое и полномасштабно разворачиваемое в экспериментальных исследованиях положение о деятельностной природе человека, онтогенетическая периодизация развития была в большей степени сориентирована на структуру деятельности, нежели на структуру личности.

В создании деятельностной модели онтогенетической периодизации психического развития огромная заслуга принадлежит, как известно, Д.Б.Эльконину, который положил в её основу логику развития структуры деятельности и понятие “ведущий тип деятельности”. Такой же точки зрения на критерии периодизации онтогенетического развития придерживался и В.В.Давыдов, соавтор Д.Б. Эльконина в создании широко известной концепции учебной деятельности. Анализируя работы Л.С.Выготского, Д.Б.Эльконина и В.В.Давыдова по данному вопросу, мы заключаем: в культурно-исторической концепции деятельности главной детерминантой психического развития является логика развития деятельности (или логика смены ведущих типов деятельности).

Одним из главных результатов разработки деятельностной модели онтогенетического развития является формулировка базового противоречия любого

развития любого ребёнка, которое, разворачиваясь в реальном процессе конкретного онтогенеза, порождает конкретный вариант логики индивидуального развития и конкретный процесс развития человеческого индивида. Это противоречие выражается в противоречивом соотношении двух векторов отношений: человек-человек и человек-природа. Живая диалектика этого единства и порождает либо продуктивные этапы развития, либо кризисы, в зависимости от того, насколько расхождение или согласованность этих векторов приобретает противоречивый характер.

Культурно-историческая концепция онтогенетического развития тем и отличается от социально-причинной, что в ней постоянно осуществляется попытка построить целостную модель онтогенетического развития как разворачивание базового противоречия, соотношение которого с конкретными условиями индивидуального развития всегда порождает конкретную индивидуальную траекторию развития ребёнка, всегда выражающую единство всеобщих и единичных закономерностей развития. Такой подход позволяет выводить всю бесконечную траекторию онтогенетического развития из единого для всех основания, строить индивидуальную логику развития и делать эту логику предметом собственного созидания.

Следовательно, культурно-историческая концепция деятельности, в отличие от социально-причинной, позволяет в принципе решить проблему целевой самодетерминации, где внутренней детерминантой является не естественная природа, не внутренние причины и неосознаваемые факторы, а собственная логика развития как универсальная детерминанта не только существования человека как универсального субъекта, но всей универсальной природы, всего человеческого мира. И основой такого решения служит решение проблемы онтогенеза через раскрытие его внутреннего противоречия как индивидуальной формы универсального закона развития природы. Поэтому, если критерием периодизации онтогенеза становится внутреннее противоречие субъекта с предметным миром и с социумом, то онтогенетические этапы развития как этапы психологического возраста будут определяться возрастной спецификой данного генетически исходного для онтогенетического развития противоречия.

Как известно, основной идеей культурно-исторической концепции онтогенетического развития ребёнка является идея воспроизведения в индивидуальном развитии развития общественно-исторического. И так как в истории человечества психика проделала свой путь развития от инстинктивной до культурной формы, как так и в процессе онтогенетического развития всякая натуральная функция проделывает весь этот путь непосредственно до того момента, когда она становится высшей психической функцией. По Л.С.Выготскому, онтогенез человека должен строиться и подчиняться этой последовательности этапов психического развития, и другого пути для культурного развития нет и быть не может.

Специфической особенностью культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, как мы это уже отмечали, является совмещение в одной теории двух взаимоисключающих друг друга положений: положения об опосредованном (“искусственном”) способе существования человека и непосредственном (естественном, природном, организмическом) характере его механизма – со-

зрения. Это хорошо просматривается при детальном анализе текстов Л.С.Выготского в описании им процесса культурного развития и процесса возникновения высших психических функций из низших.

Мы также высказывали предположение, что концепция Л.С.Выготского – это концепция адаптивного человека. Но адаптация понимается, разумеется, не как приспособление к естественной ситуации (или к внешней естественной среде). Нет. Здесь под адаптацией как способом существования человека понимается процесс приспособления его к социально-культурной среде. И даже поэтому процесс адаптации не может быть понят как естественный, поскольку предметом социально-культурной адаптации является значение, а это действительность не естественная, а “искусственная”, идеальная. Происхождение её нельзя объяснить из естественного процесса созревания. Значение (смысл) не могут созреть. Их можно только создать искусственным способом разделения самой реальности существования как таковой и её собственного способа существования. Вот это-то пространство “чистого” способа (пространство значений) и есть пространство идеального. А созревание, сколь долго бы и интенсивно оно ни продолжалось, в принципе не может вывести за пределы естественного пространства естественных (натуральных) причин в пространство идеальных детерминант. Но всё же возможна ситуация, когда искусственный процесс может осуществляться естественным образом. Это процесс приспособления естественного процесса к искусственной действительности. При этом они так и остаются разными пространствами, но, в конце концов, согласующимися между собой. А способом согласования (способом адаптации) и является созревание.

Скорее всего, именно потому, что сам естественный процесс не может породить внутреннего идеального пространства, необходимо предложить иной способ его возникновения. Этим способом и стало присвоение внешнего идеального пространства значений, делание его внутренним. Но как в этом случае объяснить развитие, т.е. изменение самой способности присваивать? Только созреванием. Итак, круг замкнулся. А поэтому главный генетический закон происхождения внутреннего идеального пространства из внешнего идеального пространства – внешнее значение перемещается во внутренний план и становится внутренним значением (смыслом) за счёт его присвоения.

Особое значение Л.С.Выготский придаёт постоянству организмического субстрата. Казалось бы, для чего при описании опосредованного процесса культурного развития обращать специальное внимание на постоянство субстрата при всех сопутствующих изменениях? А нужно это для того, чтобы обосновать возможность созревания как главного и необходимого компонента культурного развития.

Специфика внутреннего характера культурного развития, по Л.С.Выготскому, заключается в том, что оно, во-первых, происходит как культурный опыт, как усвоение, и, во-вторых, что результат усвоения прямо зависит от уровня психического развития. Таким образом, культурное развитие есть внутренний процесс созревания, который детерминирован внешним образом “новой формой культурного опыта”. Буквально, созревание как процесс внутренних изменений начинает действовать (“запускается”) только после

внешнего воздействия, которое оказывает на ребёнка сама “новая форма культурного опыта”. Поэтому по своему результату и своей функции процесс развития представляет собой не что иное, как способ устранения возникшего после нового внешнего воздействия рассогласования между культурной формой и внутренними возможностями её “ассимиляции”, говоря словами самого Л.С.Выготского. Усвоение является результатом развития потому, что, по Л.С.Выготскому, развитие-созревание создаёт новые внутренние возможности организма под воздействием необходимости его приспособления к новому внешнему воздействию. Отсюда очевидно, что процесс развития интерпретируется самим Л.С.Выготским в терминах приспособления-ассимиляции (социально-культурной адаптации) и служит целям снятия разбаланса между внутренней поведенческой и внешней социально-культурной средой.

Таким образом, для нас становится вполне очевидным тот факт, что Л.С. Выготский интерпретирует развитие как последовательный (поэтапный) способ освоения культурной операции. Поэтому для него уместной и оправданной является интерпретация развития в терминах накопления внутреннего культурного опыта. Всё это ещё раз свидетельствует о том, что в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского развитие есть по своей внутренней природе процесс адаптивный, понимается как человеческий способ приспособления, как “развитие форм приспособления человека к природе”.

Одним из важнейших в теории развития Л.С.Выготского является понятие “социальная ситуация развития”. Она имеет решающее значения для обоснования и объяснений механизмов психического развития в зоне ближайшего развития, а также выступает в качестве главной социальной детерминанты самого онтогенетического развития ребёнка. Социальная ситуация развития характеризует важнейшую предпосылку возрастного развития и складывается на основании уникального отношения ребёнка и социума, характерного для данного возраста. Социальная ситуация развития полностью определяет психологическую характеристику данного возраста, способы и пути приобретения ребёнком новых свойств для своей личности, которые он черпает из внешней социальной действительности. Она определяет и характерный для данного возраста способ превращения социального в индивидуальное. Таким образом, социальная ситуация развития (социальная структура развития) полностью задаёт ребёнку характер его жизнедеятельности на протяжении всего психического возраста.

Исходя из теории, психологическим содержанием возраста является процесс возрастного развития, благодаря которому трансформируется сама структура возраста. Можно предположить, что для процесса онтогенетического развития характерны две логики: логика смены возрастов и логика возрастного развития. При этом понятно, что возраст характеризуется своей уникальной структурой, но не совсем понятно, в результате какого процесса эта структура возникает.

Складывается впечатление, что, говоря о процессе развития, Л.С.Выготский имеет в виду процесс возрастного развития. Т. е. изменения, происходящие в пределах одного возраста, а развитие как смена возрастов остаётся “за кадром”. Для такого вывода есть известные основания: “... процесс

развития в каждую возрастную эпоху ... представляет собой единое целое, обладающее определённым строением” [28, с.256]. Дополнительным основанием для сделанного вывода является его прямое указание на непосредственное тождество структуры возраста и структуры возрастного развития. Стало быть, существует по крайней мере два типа развития — возрастное (его структура определяет структуру возраста, или даже просто является структурой соответствующего возраста) и развитие междувозрастное, которое остаётся за пределами внимания Л.С.Выготского и интенсивно им не обсуждается.

Как известно, центральным понятием культурно-исторической концепции онтогенетического развития является понятие “зона ближайшего развития”. Заимствованное Л.С.Выготским, оно необходимо ему для обозначения культурных (возрастных) пределов, за которые не может выйти линия биологического созревания организма, если не изменить характер социально-культурного воздействия. С другой стороны, зона ближайшего развития обозначает новый предел биологического созревания, который устанавливается при новом социально-культурном воздействии. Нам представляется, что внутренним содержанием понятия “зоны” является соотношение культурного и биологического как пределов друг друга. Поэтому и считается, что “зона” аккумулирует в себе философское, методологическое и методическое содержание культурно-исторической концепции развития в целом.

Считаем необходимым специально обратить внимание на тот факт, что в “зоне” ведущими являются процессы созревания, т.е. филогенетическая составляющая онтогенеза, её биологический вектор развития. На наш взгляд, именно в этом проявляется парадоксальность позиции самого Л.С.Выготского, удивительным образом синтезировавшего опосредованность с непосредственностью, культуру и биологию. Не случайно, поэтому, в модели возрастного развития он предусмотрел этап, когда усвоение как таковое есть процедура внешнего навязывания, принуждения, наложения на ещё не способный усвоить психический аппарат ребёнка, не готовый к этой процедуре, нового образца усвоения. Но для Л.С.Выготского именно эта ситуация есть необходимая ситуация развития, поскольку, по его мнению, степень разбаланса актуальных способностей и способностей, соответствующих навязываемому образцу, и “запускает” процесс приспособления, снятия этого разбаланса. Но процесс устранения разбаланса, который Л.С.Выготский называет процессом возрастного развития, осуществляется на биологическом уровне, как созревание. Поэтому, говоря о зоне ближайшего развития, Выготский и применяет эти термины: “созревшие” и “ещё не созревшие”. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что культурное развитие – это биологическое созревание, детерминированное культурным образом.

Исходя из этой схемы, в духе этого теоретического положения, должно понимать и обучение как социально организованный способ детерминации биологического созревания. {Кстати, не случайно и сам Л.С.Выготский считал, что психическое развитие заканчивается в основном в подростковом возрасте. Это, по-видимому, объясняется тем, что именно к этому времени уже заканчиваются процессы биологического созревания, которые для него играют решающее значение в культурном развитии}. Поскольку культурное развитие де-

терминировано своим будущим, а это будущее существует как идеальная форма социально-культурных образцов, постольку в процессе обучения идеальная форма, непосредственно воздействуя на реальную, вызывает к жизни созревание как процесс приспособления реальной формы к идеальной, и именно поэтому обучение ведёт за собой развитие.

Объясняя ведущую роль обучения в психическом развитии ребёнка и расшифровывая своё понимание психологического содержания зоны ближайшего развития, Д.Б.Эльконин пишет о том, что в “зоне” ребёнок становится способным делать самостоятельно то, что до этого мог делать только совместно, но, к сожалению, не пишет, почему он это может. А может, по нашему мнению, потому, что в буквальном смысле “созрел” биологически.

Новая философия и новая методология культурно-исторической психологии не только в корне изменили традиционные представления о процессах возникновения и формирования психического, человеческой психики, но и породили новые, до сего времени неизвестные в психологии методы. Они основываются на диалектическом положении о необходимости изучения сущности психологического явления в процессе его становления, в процессе его возникновения, в процессе его развития. Тем самым, принцип развития входит в психологию как новый методологический принцип. Таким образом, возникает идея такого метода в психологии, основной задачей которого является воссоздание процесса происхождения, а не изучение свойств уже ставшего явления.

Необходимость изучения процессов становления психологической действительности в экспериментальных условиях привело Л.С.Выготского к формулированию оригинального экспериментально-генетического метода. Касаясь задач этого метода, Л.С.Выготский отмечал, что главнейшими из них являются три: анализ процесса, а не результата; анализ причинных связей, а не описание; анализ генетический, т. е. воссоздание всех процессов и этапов развития форм поведения.

Другим известнейшим методом культурно-исторической психологии, создание которого связывается с именем П.Я.Гальперина, является метод формирующего эксперимента. В принципе, у обоих этих методов общая основа и они где-то похожи между собой, дополняют друг друга. Но имеют и самостоятельное значение и отличительные особенности. Метод формирующего эксперимента как известно, сложился в результате экспериментальных исследований в рамках концепции поэтапного формирования умственных действий (П.Я.Гальперин). Он основан на управлении процессом формирования умственных действий и целенаправленного и планомерного достижения заранее предполагаемых результатов.

Культурно-историческая концепция онтогенетического развития, исходя из своих теоретических положений, предполагает определённую логику обучения (или логику построения и управления учебно-воспитательного процесса). Эта логика в той или иной степени реализована во всех образовательных технологиях культурно-исторического типа.

Основой любого образовательного процесса культурно-исторического типа являются четыре фундаментальных, базовых, всеобщих этапа, которые проходит в управляемом процессе своего онтогенетического развития каждый

ребёнок. Наличие этой внутренней логики и всеобщая последовательность онтогенетических этапов развития в корне отличает культурно-историческую модель образовательного процесса от представлений об образовании, сложившихся в рамках субъектно-деятельностной психологии.

Основными логическими этапами любого образовательного процесса являются следующие: **ПЕРВЫЙ ЭТАП.** Решение учебной задачи непосредственно, условно-рефлекторным способом. **ВТОРОЙ ЭТАП.** Решение учебной задачи с помощью внешних культурных средств (внешних знаков), не понимая способа их употребления. **ТРЕТИЙ ЭТАП.** Решение учебной задачи с помощью внешних культурных средств (внешних знаков), понимая способ из употребления. **ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТАП.** Решение учебной задачи с помощью внутренних культурных средств (внутренних знаков), понимая способ их употребления.

Принципиальным и весьма примечательным во всей этой схеме образовательного процесса, по Л.С.Выготскому, является то, что ребёнок в процессе присвоения (усвоения), т.е. в процессе обучения-образования, сам не производит ни культурных образцов, ни способов их присвоения. Это очевидное и в то же время весьма существенное положение мы подчёркиваем специально, поскольку именно из него вытекают все важнейшие методологические основания и, соответственно, все проблемы и внутренние ограничения культурно-исторической модели образования. Самыми главными, на наш взгляд, являются основные два внутренних ограничения. *Первое: культурно-исторический процесс образования всегда строится как познавательный процесс. Второе: учащийся в условиях культурно-исторического образовательного процесса всегда является субъектом присвоения (субъектом приспособления, предметом которого является культурный образец; субъектом адаптации к социально-культурному образцу), и никогда – субъектом созидания культурного образца.* В схеме образования, по Л.С.Выготскому, имеет место единственный субъект культуры – это социум.

Одной из самых известных и самых перспективных образовательных концепций, выполненных в рамках культурно-исторической парадигмы человека, является концепция учебной деятельности Д.Б. Эльконина - В.В. Давыдова. Как и вся российская психологическая парадигма культурно-исторического человека, она тоже построена на идее Гегеля о диалектике единичного и всеобщего как необходимом предмете человеческой познавательной деятельности. Исходя из этого, концепция учебной деятельности строится на понятии “сущность” и “целое”, психологическим содержанием которых является всеобщий способ выведения любого конкретного целого из его генетически исходного основания.

Определив в качестве предмета и результата учебной деятельности теоретический тип мышления, В.В.Давыдов в качестве его психологического содержания обозначил рефлексию как опосредованный способ познания по своей природе рефлексивного, опосредованного бытия. Таким образом, на основании экспериментально-генетического метода, сформировавшегося в культурно-исторической психологии, в концепции учебной деятельности Д.Б.Эльконина – В.В.Давыдова предметом формирования в процессе онтогенетического разви-

тия мышления ребёнка стало теоретическое понятие, а его собственным содержанием — развитие как способ бытия целостного предмета.

Философской основой концепции учебной деятельности, как известно, явились труды известного русского философа Э.В. Ильенкова, который продолжал разработку проблем диалектической логики, основываясь на трудах Гегеля. На основании его философских работ, в психологии учебной деятельности был сформулирован предмет учебной деятельности, который должен осваиваться учащимися в том случае, если мы хотим в результате обучения формировать у них рефлексивное мышление. Этим предметом являются условия и способ возникновения познаваемого явления. Настоящий способ и является содержанием самого теоретического понятия.

В связи с утверждением в качестве предмета учебной деятельности способа происхождения явления, который существует в форме теоретического понятия, на основе анализа работ Л.С.Выготского, В.В.Давыдов пришёл к выводу о том, что часть проблем, возникших при разработке теории онтогенетического развития на теоретических основах культурно-исторической психологии связаны с тем фактом, что сам Л.С.Выготский, непосредственно занимаясь формированием понятий у детей, в экспериментальных исследованиях не различал теоретических и эмпирических форм понятия, и, соответственно, не различал формального и содержательного типов обобщения. Эта проблема была решена в концепции учебной деятельности, основная идея которой заключается как раз в том, чтобы содержательное (т.е. теоретическое) обобщение, предметом которого являются не признаки и свойства, а способы происхождения, были положениями основ развивающего обучения.

По сути дела, концепция учебной деятельности является единственной психолого-педагогической концепцией, которая на уровне образовательной технологии пытается решить проблему становления целостного субъекта в условиях освоения им логики становления целостного объекта. Естественно, что при этом, моделируя непрерывный процесс онтогенетического развития на основании логики усложнения целого, возникает необходимость психологического обоснования возможности ребёнка успешно включаться в такую, необычную для традиционного обучения, учебную деятельность. Как одно из главных условий эффективности такой (содержательной) учебной деятельности было исследовано воображение как способность “видеть” целое, ещё не различая его частей.

Такая нетрадиционная задача, как формирование рефлексивного мышления, требует особых способов организации учебной деятельности. Несмотря на то, что с точки зрения базовых процессов и механизмов учебная деятельность, по Д.Б.Эльконину – В.В.Давыдову, базируется на основных теоретических положениях культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, где главное положение – это присвоение и интериоризация, тем не менее, в данной концепции имеются специфические особенности организации этого присвоения. А именно, предметом присвоения (усвоения) является не само понятие как таковое, не как ставшее и завершённое знание, а генетически исходное противоречие (базовое отношение) как внутреннее содержание этого понятия. Кроме того, само присвоение (усвоение) осуществляется в особых условиях, которые

вынуждают (побуждают) учащихся анализировать способы происхождения этих самых понятий. Поэтому-то, в отличие от образовательного процесса, характерного для субъектно-деятельностной концепции онтогенетического развития психики, где в качестве предмета формирования также рассматривается мышление, исходным для формирования теоретического мышления является не эмпирический факт, а абстрактная форма предметного генетически исходного отношения. Именно такая логика формирования позволяет избежать направленности обучения на формально-логический тип мышления (который, как известно, только и может быть сформирован в условиях механизма “внешние причины через внутренние условия”, который в ситуации обучения осуществляется как формально-логический анализ-синтез), и позволяет формировать теоретический тип мышления, который остаётся недоступным в иных условиях обучения.

Концепции онтогенетического развития как формирования мышления ребёнка в процессе его индивидуального развития, разработанные в рамках научно противостоящих друг другу культурно-исторической и социально-детерминистической психологических теориях человека, различаются по существу, по философско-методологическим основаниям и по заложенным в них практическим результатам. Главное же методологическое расхождение заключается в рассмотрении человека, с одной стороны, как эмпирического субъекта, как человека, идущего в своём мышлении от фактов к идее и от своих актуально индивидуальных возможностей; и, с другой стороны, в рассмотрении человека как культурно-исторического субъекта, идущего в своём мышлении от идеи к фактам и от своих потенциально общечеловеческих возможностей.

Таким образом, технологическое решение проблемы развивающего обучения, которая не была решена Л.С.Выготским, была решена в концепции учебной деятельности. Это удалось сделать потому, что был разработан способ содержательного обобщения как способ усвоения общих способов происхождения понятий. Было теоретически и практически показано, что зона ближайшего развития, на самом деле, может быть эффективно организована только в случае особого предмета усвоения, который должен быть представлен теоретическим содержанием. Т.е. предметом усвоения должно стать генетически исходное отношение как содержание соответствующей учебной дисциплины.

Концепция учебной деятельности, специфическим предметом которой является базовое предметное противоречие, а способом его присвоения (усвоения) – рефлексия, нуждается в особом методе организации таких специфических образовательных ситуаций. И хотя проблема метода характерна для любых психолого-педагогических концепций, здесь мы имеем особый случай. Способ, соответствующий поставленной задаче, известен со времён Гегеля и К.Маркса. Это есть единственно возможный в данной ситуации метод восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку только он позволяет решить проблему воспроизводства в специальных средствах и условиях логики развития целостного объекта. Метод восхождения от абстрактного к конкретному является единственным, позволяющим воспроизводить логику исторического процесса и в учебно-воспитательном процессе воспроизводить её как логику самого процесса образования. Только благодаря этому методу может быть сде-

лана предметом познания логика происхождения конкретного знания из общего основания, которая в условиях образовательного процесса осуществляется как логика выведения конкретного знания из общего, генетически исходного основания. Это становится возможным только потому, что образовательный процесс строится на основании содержательного обобщения, т.е. анализа способов выведения конкретного знания из общего его основания, и сведения множества конкретных знаний к их единому генетически исходному основанию: т.е. содержательное обобщение как основа предметной рефлексии.

Основывающаяся на известном положении Л.С.Выготского о ведущей роли обучения в психическом развитии ребёнка, концепция учебной деятельности критически относится к традиционной педагогической практике и соответствующим ей психолого-педагогическим теориям, рассматривающих как исходный момент в развитии сложившихся на момент начала обучения детских способностей. Обучению “от ребёнка” концепция учебной деятельности Д.Б.Эльконина – В.В.Давыдова противопоставляет обучение “к идеальной форме”, тем самым отрицая традиционную практику обучения, при которой образовательная ситуация следует за естественным развитием ребёнка. В этом смысле подвергается критике традиционный способ обучения, когда предметом учебной деятельности является уже состоявшееся знание, функционирующее в культуре и представленное в учебном процессе по аналогии с вещественной (не имеющей истории становления) структурой. Такому подходу к обучению в концепции учебной деятельности противопоставляется собственное видение образовательной ситуации, где предметом учебной деятельности является способ и всеобщие условия происхождения знания. Т.е. в этом случае присваивается не знание как таковое, как структура-результат, не обладающее историей происхождения, а знание-процесс как способ собственного происхождения.

При всех безусловных достоинствах концепции учебной деятельности, её подчёркнутый гносеологизм не позволяет ей на практике достичь потенциально возможных результатов. Фактически, концепция учебной деятельности является классической культурно-потребляющей образовательной технологией, правда, в отличие от других культурно-потребляющих технологий, уровень её содержательности и универсальности значительно выше за счёт того, что предметом учебного познания являются всеобщие (универсальные) характеристики предметного мира. Кроме того, необходимо отметить явный объекториентированный характер концепции учебной деятельности, поскольку, как мы уже говорили, предметом учебной деятельности являются всеобщие характеристики предметного мира, и сама рефлексия как способ присвоения всеобщих характеристик предметного мира носит явно выраженный объектный характер.

Ещё одной проблемой, по нашему мнению, является основное положение концепции, которое, собственно говоря, является базовым для всей культурно-исторической парадигмы. Мы имеем в виду присвоение как единственно приемлемый в культурно-исторической психологии способ происхождения новых психических качеств ребёнка. На наш взгляд, способность к содержательному обобщению как основа логики восхождения не может быть присвоена.

Она должна формироваться иным путём — “обобщение теоретического характера, а затем поставить вопрос о путях усвоения школьниками этого типа обобщения” [29, с.335]. Так же не может быть сформировано присвоением и теоретическое понятие, истинным содержанием которого является не только способ выведения конкретного знания из его общего основания, но и способ самоизменения ребёнка как субъекта деятельности. Недаром же Д.Б.Эльконин подчёркивал, что конечный результат учебной деятельности содержит в себе развитие учащегося как его самоизменение.

Концепция учебной деятельности предполагает, что у учащегося вначале должна быть сформирована учебная деятельность, т.е. способ теоретически относиться к предметному миру. И как показала многолетняя экспериментальная и широкая образовательная практика, такая учебная деятельность может быть сформирована уже в начальной школе.

При практическом осуществлении теоретических положений концепции учебной деятельности, как и везде, есть свои проблемы и трудности. Одним из серьёзнейших является вопрос формирования первого этапа учебной деятельности. В какой-то мере эта проблема решена, в какой-то – нет. Современные психологи, продолжающие разработку теоретических основ культурно-исторической психологии и опирающиеся в этой работе на идеи Л.С.Выготского, видят один из возможных вариантов решения в организации непосредственной ситуации учебной деятельности так, чтобы ребёнок осознавал другое действие в качестве границы или предела собственного действия. Другими словами, не предметный мир, а другое действие должно стать предметом учебной деятельности ребёнка. Пока же проблема первого этапа решается достаточно известным и традиционным (и, скажем, весьма характерным для присвоения) способом — демонстрацией. Правда, в случае концепции учебной деятельности, демонстрируются не знания, а способы деятельности как образцы для воспроизведения.

То, как характеризует процесс формирования учебной деятельности сам создатель этой концепции, не вызывает сомнения в том, что иного способа, как подражание демонстрируемому образцу и последующее повторение и упражнение до полного формирования навыка, в концепции учебной деятельности нет. Но это как раз и свидетельствует о том, что адаптивный характер онтогенеза, основанный на адаптивной модели человека, являющийся сердцевинной культурно-исторической психологии, с успехом воспроизведён и в современной психолого-педагогической концепции культурно-исторического толка. Т.е. формирование учебной деятельности – это процесс передачи её способов от учителя к учащемуся, и роль учащегося в этом процессе всегда пассивная и страдательная в смысле его отношения к происхождению самих образцов подражания. Более того, учебная деятельность формируется (отрабатывается в упражнениях) постепенно, поэлементно ⁱⁱ, и только после того, как учитель убедится в правильности и умении точно подражать, только тогда выполнение ус-

---

ⁱⁱ Некоторые теоретики учебной деятельности прямо указывают на поэлементную отработку компонентов учебной деятельности как на единственно возможный способ её формирования в онтогенезе [30, с.22].

военных элементов может быть разрешено в самостоятельном режиме. Таким образом, мы видим, что учебная деятельность как рефлексивный способ познания предметного мира формируется отнюдь нерефлексивным путём. В этом, на наш взгляд, заключается самое главное противоречие самой концепции учебной деятельности.

Не менее известна другая концепция культурно-исторического типа поэтапного формирования умственных действий Петра Яковлевича Гальперина, по своему реализовавшая идеи Л.С.Выготского, Как известный “ортодокс” культурно-исторической психологии, он был едва ли не единственным, до конца последовательным проводником в жизнь идеи о внешней природе человеческой психики. В своём творчестве П.Я.Гальперин исходил из конкретных жизненных реалий, которые, по-видимому, заключаются в том, что сначала мы принуждаемы к исполнению правил, а потом сами принуждаем исполнять правила других. Но всю свою творческую жизнь он старался сделать этот процесс человеческим и соответствующим внутренней логике развития самого человека.

Концепция П.Я.Гальперина неоднократно критиковалась А.Н.Леонтьевым в основном за то, что предметом учебной деятельности в теории поэтапного формирования были сами способы деятельности, уже сформированные и имеющиеся в наличии в виде образцов для подражания, а не процессы их порождения, поскольку целью планомерного формирования были умения и навыки. При существенном различии целей теории планомерного формирования и концепции учебной деятельности обоих исследователей многое объединяло в подходах к формированию деятельности. Общее заключалось в способах отработки упражнений при освоении учащимся необходимых элементов и свойств деятельности.

Большое значение П.Я.Гальперин, так же как и Л.С.Выготский, придавал внешнеречевому этапу освоения деятельности. В его концепции этот этап является едва ли не самым главным и составляет содержательную основу всей технологии формирования умственных действий. “Этот процесс [материального, или материализованного, действия в громкой социализированной речи, на первом внутреннем этапе – “внешней речи про себя” и, наконец, на заключительном этапе – “действия в скрытой речи”. — В.А.], который обычно называют “интериоризацией”, т. е. переносом действия извне во внутренний план, на самом деле на каждом этапе представляет собой воссоздание действия заново. Это, в свою очередь, ведет к необходимости на каждом этапе еще и еще раз отработать действие по всем параметрам и показателям” [31, с.7].

На наш взгляд, концепция поэтапного формирования учебного процесса представляет собой образец культурно-исторической технологии обучения, вобравший в себя все её основные положения и осуществлённый в строгом соответствии с ними. Поэтому в том факте, что П.Я.Гальперин, создав технологию “чистого” усвоения, тем не менее настаивал на необходимости “самостоятельного построения знаний”, мы видим на самом деле доказательство его собственного противоречия с самим собой: разработчика образцовой технологии присвоения и противника присваивающего типа образовательных технологий. Предложенный им третий тип обучения, на наш взгляд, так и не выразивший до конца его собственной идеи самостоятельного созидания знаний, и давший

толчок к разработке концепции учебной деятельности его учеником В.В.Давыдовым, был не совсем удачен, поскольку механизм усвоения не способен обеспечить развитие познавательного интереса.

Важнейший для нас вопрос о законах происхождения логики онтогенетического развития и о соотношении онтогенеза с другими формами и видами развития, культурно-историческая психология решает по-своему. При конструировании теоретической модели онтогенетического развития и при практическом её осуществлении центральной категорией, на основании которой всё это осуществляется, является культура. Этот фактор является одним из главных отличий культурно-исторической психологии от социально-детерминистической. Там тоже не отрицают существенной роли культуры в человеческом онтогенезе, но придают культуре значение, наряду с социальными феноменами и вообще наряду с любой причиной, так или иначе детерминирующей онтогенетическое развитие. Культуре не придаётся определяющего судьбу фактора и она практически не рассматривается как носитель исторического опыта опосредования. Для культурно-исторического подхода культура имеет совершенно противоположное значение, и в особенности, как единственный и незаменимый источник индивидуального опыта опосредования.

Но опыт опосредования, сосредоточивший в себе историю человеческой сущности, в культурно-исторической психологии осваивается человеческим индивидом с целью воспроизводства, с целью освоения его как результата исторического процесса, с освоения его в качестве уже готового средства опосредования собственной индивидуальной деятельности.

Такая трактовка онтогенеза как способа воспроизводства способов функционирования исторически сложившихся форм человеческой деятельности как уже завершённых этапов истории их собственного происхождения и утративших при опредмечивании собственную историю возникновения, существующих только в качестве способа функционирования, ведёт своё начало от культурно-исторического метода Гегеля. Гегелевская гносеологическая парадигма человека как продукта абсолютного духа вполне естественно рассматривает культуру как результат её собственной истории становления. Поэтому культура представляет собой совокупность состоявшихся в результате миллионов раз повторенных миллионами людьми способов деятельности, “застывших” в предметных формах как окончательно “отлитые”, навеки созданные, приспособленные лишь для воспроизводства способов их функционирования, но и потерявшие при этом в конце концов свою собственную историю происхождения. Отсюда и образование по Гегелю – это прохождение в онтогенезе уже пройденных в общественной истории этапов, последовательное воспроизводство аккумулированного в них потенциала многократного их использования в опосредованной деятельности человечества.

Данная точка зрения, по-видимому, широко распространена и в современной культурно-исторической психологии, о чём свидетельствует, например, позиция М.Коула: “Я не знаю, что ещё может означать утверждение о том, что онтогенез – это более высокий уровень, чем филогенез или история культуры, кроме того, что онтогенез всегда создается последними достижениями филогенеза и истории культуры” [3, с.188]. Таким именно способом по-

нимается культура и в российской версии культурно-исторической психологии в её деятельностном варианте: “Перед вступающим в жизнь индивидом не “ничто” Хейдеггера [так в оригинале — *B.A.*], но объективный мир, преобразованный деятельностью поколений.

Однако этот мир предметов, воплощающих человеческие способности, сложившиеся в процессе развития общественно-исторической практики, в этом своём качестве не дан индивиду изначально. Чтобы это качество, эта человеческая сторона окружающих объектов открылась индивиду, он должен осуществить активную деятельность по отношению к ним, деятельность, адекватную (хотя, конечно, и не тождественную) той, которую они в себе кристаллизовали” [4, с.195].

Гегелевская идея о том, что человек осваивает культуру, чтобы в своей деятельности реализовать ее достижения, а не для того, чтобы самому пересоздавать ее достижения заново, полностью воспринята в культурно-исторической психологии. Нам представляется, что, понимая культуру только как способ аккумуляции результатов её собственного развития, мы тем самым теоретически утверждаем приоритет культурно-потребляющей парадигмы образования и перекрываем возможность для иной интерпретации.

Культурно-историческая психология в настоящее время – это психология познающего человека, формирующегося за счёт овладения культурными средствами познания. При этом в культурно-исторической психологии принято рассматривать способы познания как продукты сразу нескольких процессов развития. Л.С.Выготский строил свою культурно-историческую психологию на центральном положении о том, что процесс культурного развития в онтогенезе должен соответствовать процессу исторического развития общественного человека. В.В.Давыдов рассматривал онтогенез как индивидуальный процесс развития личности, построенный на законах филогенетического развития личности.

Особую и характерную только для него специфику человеческого развития в онтогенезе Л.С.Выготский видит именно в том, что биологическая детерминанта играет такую же роль в онтогенетическом развитии человека, как и его культурная компонента. По сути дела, культурно-историческая психология Выготского закрепляет органическое созревание в качестве неизменных и значительных механизмов человеческого развития, тем самым, сведя гегелевскую идею опосредованности человеческой сущности к другой идее: человек – это опосредованное культурой естественно-природное существо.

Фактически утверждая двойственность детерминации человеческого существования, Выготский на самом деле в своей культурно-исторической психологии утвердил естественную природу происхождения человека. Описывая человека через единство двух систем активности, он, хотел он того или нет, навсегда закрепил органическую природу человека, а его опосредованность носит производный от его же органической природы и потому вспомогательный (не сущностный) характер. Поэтому главной проблемой в теории человеческого онтогенеза Л.С.Выготский считает проблему происхождения орудийной активности из животной активности, хотя, на самом деле, признание исходно опосредованной сущности человека предполагает необходимость реше-

ния другой проблемы: каким образом на первых этапах онтогенеза в способах поведения и деятельности человеческого младенца уже представлена его опосредованная сущность, и что такое опосредованность практически на первом этапе онтогенеза.

Для Л.С.Выготского биологический компонент человеческого онтогенеза всегда представлял особый интерес в силу того, что он исходил из его решающего значения для культурного развития. Но так и остался вне поля зрения и экспериментального исследования вопрос, а каким же образом непосредственный в течении одной человеческой жизни способ (животный рефлекс, инстинкт) превращается в опосредованный способ – предметную деятельность? Как это возможно и за счёт каких свойств животного существо может превратиться в человека, употребив в своей деятельности культурное средство? И хотя Выготский настаивает на том, что каждая психическая функция переходит за пределы органической активности, но способ объяснения, который им предлагается, на наш взгляд, не является и не может являться удовлетворительным. Очень трудно принять, что человеческое существование в такой же степени определяется его органическим созреванием, как и употреблением орудий. И если Л.С.Выготскому “созревание” (и вообще, утверждение необходимости органической компоненты человеческой сущности) как единственно возможный механизм развития крайне необходимо для теоретического обоснования этого процесса, то мы полагаем, что есть другие способы научного объяснения опосредованного характера человеческой сущности, не использующие естественную субстратно-организмическую форму жизнедеятельности человека для обоснования его не-естественной сущности.

Иную позицию по поводу соотношения биологических и культурных компонентов в онтогенетическом развитии человека занимает американский культурно-исторический психолог М.Коул. Существенное отличие его точки зрения заключается в том, что он, в отличие от Л.С.Выготского, считает одновременно онтогенетическое начало и биологического, и культурного вектора. Принципиальная разница заключается в том, что М.Коул предполагает наличие культурного опосредования уже на первых этапах онтогенетического развития, без подготовки его натуральным развитием (как это предполагается у Л.С.Выготского. Для М.Коула онтогенез – это индивидуальное развитие человеческого ребёнка, всегда, с самого начала, с самых первых моментов и этапов осуществляющееся, как он говорит, в условиях культурного контекста. Но особенность культурно-исторической психологии М.Коула заключается в том, что он, так же как и Л.С.Выготский, основывается на предположении, что культурные изменения, по сравнению с онтогенетическими, происходят существенно медленнее и, таким образом, можно рассматривать онтогенез как происходящий на фоне стабильной и неизменной культуры. Для нас это положение является ещё одним вариантом обоснования культурно-потребляющей парадигмы образования как единственно возможной. Но только в данном случае строится оно на различии временных динамик общественно-исторического (социально-культурного) и индивидуального развития. Несмотря на явный культурно-потребляющий характер модели онтогенеза, культурно-историческая психология М.Коула представляет для нас положительный пример концепций,

построенных на важнейшем для нас предположении о том, что человек рождается человеком, а не животным, которое впоследствии очеловечивается.

4.3. Интериоризация как механизм культурно-адаптивного опосредования

Этот раздел, посвящённый анализу психологического содержания процесса интериоризации, является одним из ключевых, поскольку несёт основную смысловую нагрузку всей работы в целом, поскольку мы, как и П.Я.Гальперин, убеждены, что настоящая наука, на самом деле, начинается не с описания феноменов (с феноменологии научной предметности), а с анализа механизмов, порождающих эти феномены.

Понятие “интериоризации” занимает центральное место в культурно-исторической психологии Л.С.Выготского. И хотя интериоризация как научное понятие уже широко использовалась до него психологами как французской психологической (социологической) школы, где, в частности первенство в разработке этого понятия, как известно, приписывают Пьеру Жане, так и психологами субъектно-деятельностной школы приписывают приоритет в разработке этого понятия приписывается русскому ученому И.М.Сеченову, но всё же Л.С.Выготский первым в отечественной психологии применил интериоризацию в качестве системообразующего фактора для построения развёрнутой концепции психики. За понятием интериоризация находится целый огромный культурный пласт, целая философская система, мировоззренческая позиция. Центральное положение этой глобальной мировоззренческой (культурной и философской) системы состоит в том, что индивидуальная жизнь человеческого индивида становится человеческой только в процессе (и главное – в результате) интериоризации родовой жизни.

Как известно, интериоризация имеет множество оттенков, значений и смыслов. Очень часто её психологическое содержание раскрывается метафорически, без конкретного указания на глубинные механизмы этого процесса, без раскрытия самого внутреннего способа преобразования “внешнего” во “внутреннее”, а скорее указанием на начальную и конечную стадию этого процесса. Представители рефлексивной концепции психики, как мы знаем, критически относились к этому понятию, вернее к его интерпретации в культурно-исторической психологии, и имели свой способ его интерпретации. Таким образом способом всегда был механизм “внешние причины через внутренние условия”, сформулированный С.Л.Рубинштейном в конце 40-х годов теперь уже прошлого, XX, века.

Для Л.С.Выготского интериоризация была как раз тем нужным понятием, на основе которого только и могла быть теоретически обоснована марксистская идея, принятая и полностью разделявшаяся им: в отношении “человек – социум” главным и ведущим является социум, а человек является подчинённым. В теоретическом плане ведущая роль социума выражалась культурой как средством, источником и способом возникновения человеческого индивида, а подчинённая роль человека выражалась в утверждении его социальной природы, т. е. в теоретически обоснованном и экспериментально доказанном отсутствии у него всякой возможности в процессе своего онтогенетического воз-

никновения создавать идеальные формы собственного будущего. По определению, излишне подчёркиваемому К.Марксом, Э.Дюркгеймом, П.Жанэ и др. и безоговорочно принятому Л.С.Выготским, на человеческого индивида был наложен запрет на производство моделей собственного будущего. Аксиоматически было установлено право социума через свою идеальную подструктуру – культуру – производить идеальные модели человеческого будущего.

Многие исследователи творчества Л.С.Выготского почему-то совершенно не замечают этого поразительно несправедливого допущения, но вместе с тем, исходя из каких-то, им одним ведомым, убеждениям, продолжают утверждать интериоризацию (собственно, подчинённость индивида социуму) как единственно возможный способ существования человеческого индивида. Правда, при этом они не замечают, что незаметно переходят, в некотором смысле, на позиции С.Л.Рубинштейна и его школы, утверждая, что в отношении человек – культура усваиваются социальные структуры.

Революционная и бескомпромиссная борьба Л.С.Выготского за утверждение внешней психологической природы человека, в противовес традиционному пониманию его внутренней природы психики, в результате привела к отказу (в первую очередь в теоретическом плане) вообще от изначально внутреннего мира человеческого индивида, в том числе и психического. В то время эта позиция имела глубокий смысл, поскольку давала возможность отличить себя, резко и вызывающее противопоставиться сторонникам теории внутренней природы психического. В этом смысле позиция Л.С.Выготского, безусловно, была прогрессивной, поскольку преодолевала половинчатость концепции психического французской психологической школы.

Главная идея Л.С.Выготского – природа человеческого индивида по сути социальная (внешняя); внутренний мир человека возникает вовне индивида и создается не им самим – нашла в интериоризации достойное содержательное обоснование. По Л.С.Выготскому, генетически исходной форма происхождения внутреннего идеального пространства индивидуального человека является внешнее идеальное пространство социальных (межличностных) отношений. Ненатуральность (идеальность) самого социального пространства определяется идеальной формой специфически человеческих средств – орудий и знаков. Именно она, идеальная форма “артефактов” (как говорят М.Коул и М.Вартофский) диктует и задаёт непосредственный характер социальных отношений через культурные способы их употребления. Таким образом, идеальная форма внешних культурных средств через своё значение – “чистый” способ деятельности – становится реальным средством организации социальных взаимодействий людей. Это означает, что первоначально идеальное пространство психики (внутреннее идеальное пространство) существует в форме внешнего идеального пространства культурных значений. Поэтому для Л.С.Выготского интериоризация – это перенос (трансформация) внешнего идеального пространства (пространства культурных значений) во внутреннее идеальное (психическое) пространство. Такой перенос осуществляется как вращивание, или как присвоение значений и трансформация их в смыслы (по А.Н.Леонтьеву и Ж.Пиаже). Поскольку Л.С.Выготский исходит из других методологических предпосылок, в его теории внешнего идеального пространства

не существует, идеальное существует только как внутреннее. Поэтому интериоризация у него есть процесс преобразования внутреннего идеального во внутренне идеальное пространство.

Идею происхождения внутреннего идеального мира человека из идеального мира внешнего Л.С.Выготский положил в основу своей концепции обучения как вrastания ребёнка в культуру. С его точки зрения, онтогенез должен быть организован как совместная деятельность взрослого и ребёнка, роли которых в этом взаимодействии строго распределены. В процессе обучения, организованном взрослым на принципе его взаимодействия с ребёнком, роль взрослого заключается в том, чтобы реальное пространство взаимодействия было организовано в строгом соответствии с культурно-историческим идеальным пространством значений. Культурный характер идеального пространства задается культурными средствами, которые взрослый использует как внешние средства своего взаимодействия с ребёнком (фактически, исходная форма взаимодействия – это культурное воздействие взрослого на поведение ребёнка). Тем самым, идеальная форма – значение, существующая в реальном взаимодействии как непосредственный способ его организации, задаёт противоречие между идеальной формой реального натурального поведения ребёнка и идеальной формой его культурного поведения.

Интериоризация для Л.С.Выготского и является способом разрешения этого противоречия между двумя формами поведения ребёнка за счёт присвоения ребёнком культурной идеальной формы – значения – и делания его средством организации своего собственного поведения. Именно этот процесс “вращения” ребёнка в культуру, присвоения первоначально идеального социального пространства Л.С.Выготский и называл психическим развитием. Для детального понимания механизма превращения социальной идеальной формы поведения в индивидуальную идеальную форму (психику) чрезвычайно важно высказывание Л.С.Выготского, где он утверждает, что переход от социальной формы поведения к индивидуальной вначале резко (качественно) снижает исходно более высокий уровень развития социальной функции (социального способа организации поведения) и переводит его на уровень, соответствующий реальному уровню развития индивидуальной формы поведения. Это в высшей степени заявлено показательно потому, что ещё раз доказывает, что под механизмом развития Выготский понимает не как (внешнее) опосредование, а как внутреннее созревание. Опосредование для него самого является результатом, но не способом развития. “Переход от коллективной формы поведения к индивидуальной первоначально снижает уровень всей операции, поскольку она включается в систему примитивных функций, принимая качества, общие всем функциям этого уровня. Социальные формы поведения более сложны, и их развитие идёт впереди у ребёнка; становясь же индивидуальными, они снижаются и начинают функционировать по более простым законам” [8, с.71].

Схему Л.С.Выготского преобразования внешнего действия во внутреннее впоследствии использовал П.Я.Гальперин для разработки и применения её в своей концепции поэтапного формирования умственных действий. При этом неслучайно, что большое значение у П.Я.Гальперина придаётся этапу громкой речи, поскольку интериоризация понимается им как процесс внешней речи для

себя к внутренней речи для себя. Это вполне соответствует точке зрения Выготского на интериоризацию как “вращивание” значений, которые понимаются им как значения слов.

Несколько иная точка зрения на интериоризацию как способ превращения значений во внутренние средства индивидуальной деятельности имеет место в культурно-исторической концепции деятельности А.Н.Леонтьева. И хотя Л.С.Выготскому часто приписывают (особенно в последние годы) роль разработчика понятия деятельность, надо признать, что это в основном не обосновано. Именно потому, что он не придавал деятельности (особенно чувственной её форме) решающего значения, он и разрабатывал как главный способ интериоризации диалог как речевое взаимодействие. Над признать при этом, что речевое общение (диалог) и чувственная предметно-практическая деятельность — это не одно и то же, и поэтому для Л.С.Выготского чувственная форма деятельности не была такой значимой формой.

Исходя из постулированной самим Л.С.Выготским и не подвергающейся сомнению в рамках самой культурно-исторической парадигмы социальной природы человеческого индивида и его внутреннего мира, символическая деятельность, не является продуктом самостоятельного творчества индивида, не является продуктом заучивания, но является продуктом его развития. Как это может быть? Только в том случае, если существуют некие механизмы и процессы развития, которые не являются и никогда не могут стать предметом деятельности самого ребёнка. Они происходят независимо от самого ребёнка и не могут им регулироваться. Это происходит через созревание, которое может быть, а может и не быть. Созревание зависит от взрослого, культурного средства (орудия или знака), уровня развития ребёнка, но не зависит от его собственной актуальной деятельности. Деятельность его зависит от всех этих условий, а не наоборот. Т.е. знак из внешнего стимула превращается во внутренний стимул, а процедура такого превращения от самого ребёнка не зависит.

Одним из недостатков культурно-исторической психологии Л.С.Выготского является как раз то обстоятельство, что он так и не описал на конкретно-психологическом уровне сам акт перехода, процесс превращения внешней формы во внутреннюю. Одни из самых его подробных вариантов описания мы приводим ниже. Как правило, этот переход описывается Л.С.Выготским как превращение внешнего стимула во внутренний и это не небрежность в использовании терминов, а, наоборот, адекватное выражение его собственного понимания природы происходящего.

Как известно, Л.С.Выготский различал два типа человеческого поведения, два типа способов опосредования – орудийный и знаковый. Но оба способа человеческого существования он описывал в терминах приспособления, что вполне соответствует и его философской позиции, на основании которой человеческий индивид есть продукт социума, и его психологической позиции, которая выражается в описании присвоения (интериоризации) как способа приспособления к культурному средству собственной индивидуальной деятельности. Знаменательно то, что, подчёркивая различие психологической природы орудия и знака, Л.С.Выготский настаивает на том, что знак, в отличие от ору-

дия, не является средством изменения предметного мира (объекта), а есть способ воздействия на собственное (или иное) поведение с целью овладения им.

Описывая вращивание (интериоризацию, присвоение) как превращение внешней операции во внутреннюю и используя при этом “стимульную” терминологию, Л.С.Выготский обращает наше внимание на некие “внутренние мозговые процессы”, соответствующие внешним способам преобразования внешних стимулов. Именно эти “мозговые процессы” ответственны за успешность вращивания, поскольку за счёт них в результате внешнего манипулирования внешними стимулами происходит превращение внешнего значения во внутреннее значение. Т.е. в качестве значения внешнего знака уже закрепляется внутренний способ деятельности (превращение внешнего способа поведения во внутренний способ поведения). Таким образом и возникает психическое как уже внутреннее значение внешнего знака.

Что это за внутренний способ внутренней деятельности и каким образом он может зафиксироваться как внутреннее значение внешнего знака? Внутренняя деятельность – это условный рефлекс (внутренняя реакция, как иногда называет её сам Л.С.Выготский), а внутренний способ есть эта самая условно-рефлекторная связь, зафиксированная как самостоятельная действительность способа, отделённая от непосредственного процесса условного рефлекса. Таким образом, внутреннее значение есть способ осуществления условного рефлекса, который сам складывается по законам ситуации, а не целенаправленно как непосредственный предмет индивидуальной деятельности.

Как известно, интериоризация для Л.С.Выготского есть единственно возможный способ обеспечить осуществление (в теории и на практике) идеи социальной природы человека. При этом главная мысль культурно-исторической психологии зиждется на том, что человек от животного отличается так же, как отличается натуральная (неопосредованная, рефлекторная) форма повеления от культурной (опосредованной). Социальная природа человека непосредственно выражается в культурно-опосредованном психологическом содержании его поведения, психологическим средством которого является значение как “чистый” способ человеческого существования – программирование собственного поведения и управление им.

Но Л.С.Выготский, всё время подчёркивающий принципиальное отличие культурного (опосредованного) поведения от натурального (неопосредованного, непосредственного, рефлекторного), тем не менее, рассматривает культурный способ поведения как результат естественной генетической цепочки развития, в начале которой всегда находится инстинкт (это касается как филогенеза, так и онтогенеза человеческого поведения). Исходя из стимульно-реактивной схемы как основной методологической схемы анализа человеческого поведения, он делает главный для себя (и для нас) вывод: качественная характеристика человеческого поведения определяется характером способа организации естественно-природных рефлекторных реакций. Культурное средство принципиально изменяет характер организации рефлекса (становится средством предвидения его способа и результата). Но не изменяет самоё рефлекторную природу происхождения планируемой реакции. И внешний культурный стимул как раз и есть то единственно возможное средство, которое позво-

ляет овладеть собственной рефлекторной реакцией, но не изменить её собственную природу. При этом опосредование, по Л.С.Выготскому, – это способ осуществления рефлекторной реакции на основании её прогноза. Как раз знак и есть то самое средство, позволяющее осуществить прогнозируемое поведение. Но прогноз осуществляется на основе культурного значения, т. е. идеальной формы, “чистого” способа поведения, который создаётся не самим индивидом, а берётся из культуры как продукт социума — единственного субъекта культуры. Поэтому опосредование есть способ построения, прогнозирования и практического осуществления собственного поведения в соответствии с идеальной формой, которая сама по себе предметом индивидуальной деятельности в парадигме социальной природы человека никогда не становится.

Рефлекторная природа культурного поведения достаточно очевидно просматривается не только в связи со стимульно-реактивной терминологией. Метод экспериментального исследования культурного поведения, который разработал Л.С.Выготский и который был положен в основу многих конкретных методик (например, метод двойной стимуляции Выготского-Сахарова) имеет явно выраженное стимульно-реактивное содержание. Оно заключается в том, что вводя второй слой дополнительных искусственных стимулов, Л.С.Выготский стимулирует и организует сложные реакции ребёнка, по природе своей не отличающиеся от простых его реакций.

Стимулирование, т. е. побуждение действовать под воздействием внешних стимулов в соответствии со значением этих стимулов и в логике этих значений, не изменяет характер принципиально адаптивного поведения как в одном, так и в другом случаях. Главным критерием эффективности культурного поведения по отношению к натуральному поведению является, по Л.С.Выготскому успешное решение стимульно-реактивной задачи в сложной ситуации выбора из большого количества имеющихся стимулов. Когда сложный выбор становится неэффективным из-за ограниченных возможностей натуральных (простых) способов поведения, то тогда культурное средство позволяет оптимально организовать свои простые реакции в единый комплекс управляемых условно-рефлекторных реакций. На наш взгляд, граница между стимульной детерминацией и культурной детерминацией (или рефлекторным поведением и предметной деятельностью) проходит не по линии “простая условно-рефлекторная реакция – сложная условно-рефлекторная реакция”, а по линии “поведение, воспроизводящее способ, зафиксированный в значении – деятельность как способ преодоления внешних границ за счёт порождения значений как средств фиксации новых собственных способов деятельности”.

В теории интериоризации имеется достаточно много разночтений и различных интерпретаций психологического содержания самого процесса интериоризации. К одному такому, не до конца понятному, моменту относится и интериоризация как преобразование внешней деятельности во внутреннюю. Нам представляется необходимым сразу уточнить, что здесь имеет место двойная интерпретация: интериоризация как превращение собственной внешней формы индивидуальной деятельности (индивидуальной формы практической деятельности) в собственную внутреннюю деятельность (в психическую деятельность) и интериоризация как превращение внешней совместной дея-

тельности в деятельность индивидуальную внутреннюю (в деятельность индивидуальную психическую).

Известная интерпретация интериоризации её видным теоретиком П.Я. Гальпериным заключается в подчёркивании не только производности психической формы деятельности от её индивидуальной внешней формы, но и то, что психическая деятельность является неким внутренним аппаратом (внутренним процессом), обслуживающим внешнюю индивидуальную деятельность. Но интериоризация, понимаемая как процесс преобразования внешней формы индивидуальной деятельности в её внутреннюю форму, рассматривается не только как такой процесс преобразования, но, что чрезвычайно важно для всей психологической культурно-исторической парадигмы человека, как механизм его развития. А именно, интериоризация оказывается не только способом преобразования индивидуально-внешнего в индивидуально-внутреннее, но одновременно и способом развития внешней формы деятельности (правда, этот аспект более подробно, как правило, нигде и никем не обсуждается, а просто принимается как постулат, аналогично социальной природе человека и его неспособности производить культурные образцы и значения).

Поскольку в таком случае центральной и генетически исходной категорией становится внешняя (непосредственно-чувственная) форма деятельности, то вполне логично будет предположить, что сознание (как истинно человеческий способ существования) не присуще человеку изначально, а формируется в процессе онтогенеза исходной внешней практической формы деятельности. На самом деле – это довольно слабое предположение, поскольку сразу выявляется два слабых места в культурно-исторической психологии. А именно, во-первых, в онтогенезе имеется некий начальный этап развития, когда внешняя форма деятельности уже имеет место, а внутренней её формы – психики – ещё нет, поскольку ещё не произошло необходимой интериоризации (это положение, как известно, является одним из главных предметов критики со стороны представителей субъектно-деятельностной концепции психики). Во-вторых, утверждение внешней формы как генетически исходной в развитии ребёнка, на самом деле, является обоснованием весьма спорного предположения, будто человеческий ребёнок в онтогенезе имеет не-человеческий (до-человеческий, животный) этап развития, и уже только после прохождения этого онтогенетического этапа переходит на собственно человеческий, культурный этап развития. Несмотря на то, что это положение как раз и является главным положением культурно-исторической психологии Л.С. Выготского, оно, на наш взгляд, только подтверждает её несовершенство и необходимость продолжения содержательной психологической разработки.

Интересно отметить, что при таких имеющихся различных методологических концепциях, где их авторы придерживаются подчас совершенно противоположных точек зрения, в то же время во взглядах на один и тот же вопрос, были единодушны в своём убеждении, что психика не только есть внутренний психологический механизм внешней деятельности, но что именно внешняя деятельность является источником происхождения психики, а не общение (ре-чевое общение), как предполагал Л.С.Выготский.

Так, А.Н.Леонтьев занимал однозначную и прозрачную позицию в этом вопросе и понимал интериоризацию как процесс постепенного преобразования внешних действий во внутренние, необходимый для обеспечения присвоения и развития. При этом Леонтьев в вопросе о психологическом содержании интериоризации был, наверное, одним из самых последовательных представителей культурно-исторической психологии и настойчиво проводил в жизнь идею Л.С.Выготского о “внутреннем – из внешнего”. В вопросе об интериоризации он не знал компромисса и однозначно настаивал на том, что интериоризация – это не перемещение внешней деятельности в некий, существующий до интериоризации, внутренний план сознания, а сам процесс формирования внутреннего плана, самого сознания.

Нам представляется, что именно основополагающие философско-психологические установки (в частности, социальная природа человека, присвоение как способ происхождения человека в онтогенезе, интериоризация как способ происхождения внутренней деятельности из внешней) предопределили гносеологический характер как культурно-исторической концепции психики в целом, так и культурно-исторической концепции деятельности. Именно поэтому центральным понятием, описывающим процесс присвоения (интериоризации), является понятие “отражение”, а сама культурно-историческая концепция может быть отнесена к гносеологическим концепциям.

Мы уже говорили, что представители совершенно различных психологических концепций человека удивительным образом находили общий язык по поводу интериоризации. Это можно сказать и о позиции Б.Г.Ананьева. Он, как и А.Н.Леонтьев, считал, что интериоризация – это не способ перемещения из одного пространства в другое (из внешнего во внутреннее), а способ формирования самого внутреннего пространства деятельности [32, с.166].

Сам А.Н.Леонтьев, автор открытия изоморфизма структур внешней и внутренней деятельности, подчёркивал чрезвычайную важность процесса обмена элементами между обеими формами деятельности. Этот обмен и есть механизм развития внешней деятельности, который осуществляется при переходе внутренних форм деятельности во внешние. Но этот процесс не единственный. Происходит не только обмен и за счёт этого развитие деятельности, но и переход самой деятельности в свои внешние предметные формы. А вот этот процесс, по мнению А.Н.Леонтьева, характеризует уже не столько развитие самой деятельности, сколько развитие материальной культуры, вклад индивидуальной деятельности в развитие всего социума и материальной культуры в целом.

Другая интерпретация внешне-внутренней динамики деятельности заключается в понимании внешней деятельности как деятельности совместной, в которой индивид участвует как органический её элемент. Здесь предполагается, что непосредственным предметом присвоения являются не структуры его собственной индивидуальной деятельности, а её обобщённые культурные способности, исторически выработанные в результате совместной общественной деятельности, или способности собственно совместной деятельности, в которой ребёнок принимает непосредственное участие.

Такой подход, как известно, был осуществлён в концепции поэтапного формирования. Здесь непосредственным предметом (объектом) присвоения

выступали как раз вышепоказанные способы деятельности, а задача ребёнка заключалась в том, чтобы эти общественные образцы способов деятельности превратить в способы своей индивидуальной деятельности. При этом переход “внешняя форма индивидуальной деятельности – внутренняя форма индивидуальной деятельности” отступал на второй план, а на первый план выходил переход “культурные способы деятельности – внутренняя индивидуальная деятельность”.

В последние годы отличную позицию от леонтьевской по отношению к интериоризации занимал В.В.Давыдов. Собственно говоря, идея происхождения целостной индивидуальной деятельности, имеющей полноценную внешне-внутреннюю структуру, из деятельности совместной давно занимала его, и она изучалась во многих его экспериментальных исследованиях.

Интериоризация как преобразование социальной (культурной) структуры деятельности в индивидуальную структуру деятельности всегда подвергалась критике со стороны представителей субъектно-деятельностного подхода. Эта критика как раз и выражала методологические разногласия, которые заключаются во взгляде на социальную природу человека и конкретные способы её осуществления. Если понимать индивида как культурно-исторический феномен, тогда с точки зрения культурно-исторической психологии индивид есть продукт культуры и возникает в результате социально обусловленного присвоения. Если понимать индивида как социальный феномен, тогда с точки зрения субъектно-деятельностного подхода индивид есть продукт собственной индивидуальной деятельности и возникает в результате её социально-причинной детерминации.

Наряду с интериоризацией как способом происхождения внутреннего мира человеческого индивида, в психологических теориях человека рассматривается и экстериоризация как способ выражения, проявления, практического осуществления внутреннего мира, сформированного в процессе интериоризации. В связи с этим, некоторые психологи считают, что только рассмотрение соотношения интериоризации и экстериоризации в единстве даёт возможность говорить о целостной структуре человека как субъекта деятельности. При этом предполагается, что экстериоризация находится в непосредственном генетическом отношении с интериоризацией и зависит от уровня её сформированности.

Именно с экстериоризацией связывают творческий аспект человеческой деятельности, реализующей замыслы и программы созидательной деятельности. Здесь, если интериоризация может интерпретироваться как способ превращения реального в идеальное, то экстериоризация может интерпретироваться как способ превращения идеального в реальное. Именно с экстериоризацией может быть связана субъектность личности, поскольку именно в ней личности проявляется не культуропотребление (характерное в основном для интериоризации), а культуропорождение, характерное как раз для человека как субъекта творчества и субъекта культуры.

Как нами уже рассмотрено выше, в культурно-исторической концепции интериоризация – это способ (или механизм) присвоения как единственно возможный способ происхождения внутреннего мира индивидуального человека. Поэтому для понимания сущности самого присвоения, его внутренних границ

и возможностей, анализ интериоризации как психического механизма представляет для нас интерес первостепенный.

Но, принимая в качестве важнейшего механизма онтогенетического развития, необходимо указать природу происхождения самого этого механизма. Такой природой является естественная натуральная природа человеческого организма. Приходится признать, что подражание – врождённая реакция человека. Поскольку подражание, если оставить на время в стороне другой компонент механизма онтогенетического развития – созревание – является тем базовым генетическим способом происхождения и самого человека, и любых его свойств и качеств, то необходимо, наконец, понять возможности самого подражания, чтобы не приписывать этому механизму невозможного, знать его собственные внутренние пределы и знать его методологические возможности. Подражание в высшей степени важно потому, что какая бы современная концепция онтогенеза ни строилась, какой бы ни был выбран в качестве субъекта (иди объекта) онтогенетического развития параметр, невозможно избежать подражания как самого глубинного механизма человеческого развития. При всей значимости этого механизма, при всём его отличии от подражания животных – это механизм воспроизводства неких образцов культуры, а не механизм их производства. Вот это и есть центральная характеристика подражания, задающая одновременно как его огромные возможности, так и очевидные внутренние ограничения.

Интересен для нас тот исторический (но и содержательный) факт, что представители различных школ, придерживавшихся в некоторых вопросах диаметральных точек зрения на онтогенез и его механизмы, сходились в вопросе о подражании как единственно возможном механизме человеческого развития. По Л.С.Выготскому, подражание является главной формой (всеобщим способом онтогенетического развития) и именно значимостью подражания как механизма развития определяется ведущая роль обучения как ситуации практического осуществления подражания в социально организованном процессе онтогенеза. Зона ближайшего развития, центральная категория культурно-исторической концепции индивидуального развития, фактически обеспечивается возможностями подражания как механизмом её происхождения и разворачивания. Именно подражание, по Л.С.Выготскому, является “самым определяющим” (генетически исходным и порождающим) самое зону ближайшего развития, внутренним источником её собственного происхождения.

При таком значении, которое придаётся подражанию в культурно-исторической психологии, возникает естественная необходимость в оценке её стратегических возможностей. Как правило, при обсуждении возможностей человеческой формы подражания указывают особые его свойства, которые принципиально отличаются от подражания у животных. Считается, что подражание у животных осуществляется в пределах его онтогенетических возможностей и не приводит к его развитию (не приводит к развитию самих возможностей подражания). Установлено, что у человека тоже есть форма подражания, имеющая рефлекторную природу, у которой есть характерные границы и возможности, и которые не относятся к человеческим формам существования, но являются как бы “животным в человеке”.

Отличительной особенностью человеческого подражания, способ обоснования которой, в основном, состоит в указании на имеющий эмпирический феномен онтогенетического развития каждого ребёнка, является выход ребёнка за пределы своих возможностей в результате подражания. Таким образом, если животная форма подражания не приводит к изменениям способности подражать, то человеческая форма подражания приводит к изменению самой способности к подражанию. Этот ключевой момент, по сути дела, является культурно-историческим методологическим обоснованием механизмов индивидуального развития человека и является теоретическим обоснованием тезиса о ведущей роли обучения в индивидуальном развитии.

Внутренним основанием, отличающим человеческое подражание от животного и объясняющим его развивающие возможности, является его особенность воспроизводить образец действия не только при непосредственном его восприятии, но и в плане представления. Именно эта особенность “отсроченного воспроизведения” человеческого подражания наделяет человеческий способ подражания поистине чудесной возможностью, на основе которой строятся все концепции онтогенетического развития в рамках культурно-исторической парадигмы психики: факт осуществления возможности (способности) подражания одновременно есть факт выхода за пределы этих возможностей (способностей). Таким образом, культурно-историческая концепция индивидуального развития (впрочем как и субъектно-деятельностная концепция индивидуального развития) так же базируются на фундаментальном методологическом положении: акт осуществления есть акт развития.

Как отмечает в своей книге Б.Д.Эльконин, А.Н.Леонтьевым в своё время было введено понятие “уподобление” (как практическая процедура осуществления подражания) для объяснения механизма чувственного отражения за счёт уподобления рецепторов сенсорных систем свойствам раздражителя. В дальнейшем уподобление (как способ подражания) стало пониматься более широко как воссоздание (воспроизведение) в деятельности человека существенных свойств и отношений её предмета. Именно таким образом понимаемое уподобление (подражание как воспроизведение собой, как воспроизведение способами собственной деятельности, как воссоздание предмета в способах собственной деятельности) и является механизмом усвоения (механизмом обучения). Можно сказать, что подражание (воссоздание, но не самостоятельное создание) и есть механизм усвоения (обучения), как оно и понимается в культурно-исторической психологии [12, с.30].

Таким образом, подражание (усвоение) как общий способ воспроизводства предмета деятельности (культурного образца деятельности) в её индивидуальных формах лежит в основе теории и методологии индивидуального развития. Исходя из понимания онтогенеза как индивидуальной истории присвоения, можно говорить о том, что присвоение как становление (развитие) предметных действий осуществляется в двух плоскостях (одновременно в направлении двух векторов): вектор присвоения значения (общего способа деятельности) и вектора операционализации этого значения (т. е. освоение конкретно-практических способов и процедур практического осуществления этого всеобщего значения).

Опираясь на постулируемое (аксиоматически введённое как наличный эмпирический феномен и никак теоретически не обоснованное) положение об особенных возможностях человеческого подражания, Выготский, надо сказать, всё же до конца не решил проблему совпадения акта осуществления и акта развития.

Мы делаем этот вывод на основании его собственных, на наш взгляд, противоречивых утверждений о непосредственной связи уровня развития и возможности подражания. Это противоречие, на наш взгляд, заключается во взаимоисключающих друг друга предположениях. А именно, с одной стороны, за счёт подражания ребёнок всегда может сделать больше, нежели самостоятельно. С другой стороны, возможности подражания ограничены наличным уровнем развития и изменяются в соответствии с его развитием. Т. е. ребёнок тоже может подражать только в определённой зоне возможностей, которая задаётся реальным уровнем его собственного развития. Но как изменяется уровень развития за счёт подражания, если сами предельные возможности подражания задаются уровнем развития. На этот вопрос в культурно-исторической психологии внятного ответа нет.

Поэтому мы делаем вывод о том, что один из главных вопросов культурно-исторической психологии так и остался до сих пор нерешённым. Мы имеем в виду социальную ситуацию развития, которая достаточно противоречиво описывается Л.С.Выготским на уровне психических механизмов развития. Если предполагается, что механизмом развития является подражание (а это есть главный тезис культурно-исторической психологии), то остаётся неясным, как это присвоение всё-таки осуществляется на уровне механизмов. Т. е. если, по словам самого Выготского, подражание (присвоение) возможно только при наличии понимания, то как формируется само понимание, которое должно иметь место до подражания, является являющееся его содержательной основой? А как может вообще происходить развитие, если возможности самого подражания (присвоения) задаются уровнем развития?

Человеческое подражание, по Л.С.Выготскому, – это процедура воспроизведения, полностью задающаяся уровнем понимания общего способа деятельности (поведения), который должен быть воспроизведён (значение). Поэтому подражание как механизм развития, основанный на понимании, на самом деле должен предполагать ещё какое-то не психологическое допущение. А именно, что понимание формируется по механизму созревания. Поэтому мы утверждаем, что у культурно-исторической психологии, подражание есть механизм, в основе которого лежит физиология, правда, физиология социально и культурно детерминированная. Л.С.Выготский, сделав поистине революционный ход, приписав человеку и его человеческой сущности опосредование как способ истинно человеческого существования, применил и описал его только к процедурам употребления культурных средств. Сами же механизмы, обеспечивающие возникновение новых возможностей применения культурных средств, т. е. механизмы, обеспечивающие собственно культурное развитие, остались у Л.С.Выготского по-прежнему физиологическими.

Цитируемая литература

1. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 1983.
2. Леонтьев А.Н. Психологическая характеристика деятельности (1949) // Философия психологии. М., 1994.
3. Коул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.
4. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / Изд. 4-е. М., 1981.
5. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
6. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
7. Гегель. Феноменология духа // Гегель. Система наук. Часть I. М., 1959.
8. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1983.
9. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности. (Дискуссия о проблемах деятельности. 15.11.1969; 28.11.1969; 05.12.1969) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
10. Гальперин П.Я. Метод "срезов" и метод поэтапного формирования в исследованиях детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4.
11. Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
12. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-историч. теории Л.С. Выготского). М., 1994.
13. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. сочинений. Т. 3. М., 1983.
14. Лисина М.И. Проблема онтогенеза общения. М., 1986.
15. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
16. Психологические возможности младших школьников в усвоении математики / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1969.
17. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1986.
18. Костюк Г.С. Избранные психологические труды. М., 1988.
19. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М., 1990.
20. Общая психология. Уч. пос. для пед. ин-тов. / Под ред. В.В. Богословского, А.Г. Ковалева, А.А. Степанова. М., 1981.
21. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
22. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1. М., 1983.
23. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1981.
24. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1983.
25. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
26. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
27. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М., 1988.
28. Выготский Л.С. Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1983.
29. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972.
30. Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В. Давыдова, И. Ломпшера, А.К. Марковой. М., 1982.

31. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М., 1985.
32. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1980.

Литература, использованная при подготовке Главы IV

- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Артемьева Е.Ю. Природа элементов семантического слоя субъективного опыта // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Библер В.С. Мышление и творчество. М., 1975.
- Братусь Б.С. Психология личности в контексте мировоззрения // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. - В., 1996.
- Выготский Л.С. Педология подростка // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1984.
- Выготский Л.С. Умственное развитие детей в процессе обучения. М. - Л., 1935.
- Гальперин П.Я. Введение в психологию (К учению об интериоризации). М., 1999.
- Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
- Гончаров Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского. М., 1974.
- Давыдов В.В. Да, нам необходима монистическая теория человеческого бытия // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Давыдов В.В. О понятии развивающего обучения // Педагогика. 1995. № 1.
- Давыдов В.В. Состояние и проблемы исследований учебной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Диалектическая логика. Т. 1. Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата, 1986.
- Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности и психология действия // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в "Капитале" Маркса. М., 1960.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984.
- Ильясов И.И. Структура процесса учения. М., 1986.
- Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата, 1991.
- Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. – М., 1983.
- Коссаковски А., Ломпшер И. О концепции деятельности в педагогической психологии // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Лекторский В.А. Специфика теоретико-познавательного исследования в системе диалектического материализма // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
- Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.
- Лекторский В.А., Швырев В.С. Теория познания, онтология, мировоззрение. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983.
- Леонтьев А.А. "Вершинная" психология и перспективы исследования деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Менчинская Н.А. Проблема учения и умственного развития школьника. М., 1989.
- Научное творчество / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского. М., 1969.
- Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., 1999.
- Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.

- Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности // Вопросы психологии. 1987. № 1.
- Петровский В.А.. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
- Рубцов В.В., Марголис А.А., Гуружапов В.А. Культурно-исторический тип школы // Вопр. психологии. 1994. № 5.
- Сиротский В.Е. Жизнь ученого и судьба науки: Петр Яковлевич Гальперин // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №2 (70).
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. - М., 1995.
- Стеценко А.П. О роли принципа предметности в теории деятельности (критика “извне” и критика “изнутри”) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Талызина Н.Ф. Формирование познавательной деятельности учащихся. – М., 1983.
- Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.
- Эльконин Д.Б. Детская психология. М., 1960.
- Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. М., 1974.

Глава V.

ПСИХОЛОГИЯ И ЛОГИКА ОНТОГЕНЕЗА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ

	<p>“В психологии, из-за её глубокого кризиса, все понятия стали многосмысленными и смутными и изменяются в зависимости от основной точки зрения на предмет, которую избирает исследователь. В различных системах психологии, ориентирующиеся на различные методологические принципы, все основные категории исследования, в том числе и категория генезиса, приобретают различное значение”.</p> <p>Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений. т.3.М.,1983. с.134</p>
--	---

- 5.1. Человек как субъект трансцендированияж.
- 5.2. Восхождение от абстрактного к конкретному. как логика онтогенетического трансцендирования.
- 5.3. Чувственность как исходная форма онтогенетического трансцендирования.
- 5.4. Сложность как психологический критерий онтогенетического трансцендирования.

5.1. Человек как субъект трансцендирования

Особенность современного состояния отечественной психологии заключается в противоречивом отношении психологов к марксизму как к методологической и философской основе психологии. Во многом отношение к марксизму в настоящее время определяется не самим по себе философским учением о предметной деятельности, а его интерпретациями. Такими интерпретациями являются, на наш взгляд, разные деятельностный концепции, в которых, как мы уже показали, представлена не категория “предметная деятельность”, психологическое понятие “деятельность в предметах”. Поэтому во многом

критика философии марксизма фактически является критикой её психологических интерпретаций.

Другим аспектом, осложняющим адекватную оценку содержания марксистской философии, является приписываемый К.Марксу тезис о социальной природе человека. В связи с этим, все значительные отечественные психологические концепции человека сложились на основании этого тезиса, и критика, которая разворачивается в настоящее время должна быть отнесена не к марксизму, а опять же к его интерпретациям. Это в равной степени касается и рефлекторных, и культурно-исторических вариантов, но поскольку в культурно- исторической концепции понятие “деятельность” имеет для человеческой природы сущностный смысл, поэтому больший акцент в критике марксистской методологии делается на теорию деятельности А.Н.Леонтьева. Но и сейчас в рамках этой концепции продолжается традиция утверждения социальной природы человека.

На самом деле философия марксизма — это способ утверждения человека как универсального существа и именно марксистские онтологические рефлексивные категории предметной деятельности и сознания, идею которых впервые высказал Гегель, и позволяют строить конкретно-психологические концепции универсального человека. Если иметь в виду философию К.Маркса, а не его политические и экономические воззрения, то беспристрастный исследователь не может не согласиться с тем, что именно марксистская философская антропология решила проблему человека как онтологического универсального субъекта.

Онтологический метод К.Маркса на сегодняшний день является единственно возможным методологическим основанием для разработки психологических концепций универсального человека. На его основе строятся наиболее перспективные современные психологические концепции человека.

Основным положением марксистской онтологии человека является положение о сущности человека как универсального субъекта. Но человек как онтологический субъект не просто существует наряду с другими онтологическими существами. Как продукт самой природы, он сразу возникает как некий центр Природы, как её исходная, отправная точка. В связи с этим, как считает С.Л.Рубинштейн, миссия человека, его предназначение в природе — быть средством превращения стихийной (слепой, произвольной) природы в природу сознательную [1, с. 385].

В отечественной философии ярким сторонником космического предназначения человека был уникальный и глубочайший философ Генрих Степанович Батищев. В своей философии он утверждал субъектный статус человека не как эмпирического субъекта, а как субъекта созидательного творчества, носителя креативных потенциалов самой природы: “Согласно своему Космическому назначению, человек призван быть сам субъектом далеко не только своего “собственного” эволюционного восхождения – сознательно самоустраемленного со- работником и со-трудником эволюции” [2, с. 201]. Тем самым, Г.С.Батищев на конкретно-философском уровне продолжил традицию рассмотрения человека как особой рефлексивной силы природы, порождающей и конструирующей самой природу. Более того, мы считаем, что его идея о внутренней со-

принадлежности человека космической действительности, о наследовании человеком универсальных потенций природы должна быть обязательно отражена в современных психологических концепциях универсального человека

Конкретно-научная проблема человека как универсального субъекта может быть решена только особыми методами. К числу таких методов в первую очередь относится метод рассмотрения человека в качестве единства единичного, особенного и всеобщего. Необходимо отметить, что реальный результат применения этого метода в конкретно-научных исследованиях будет определяться тем, как действительно будет интерпретироваться соотношение единичного и всеобщего в рамках этого единства. В этом смысле возможны несколько вариантов. Один из них был положен в основу разработанной под руководством С.Л.Рубинштейна психологической концепции человека. Она строится на преимуществе всеобщего в отношении “единичное — всеобщее”.

Как известно, центральным понятием рефлекторной концепции человека является понятие “эмпирический субъект”. Здесь единичное есть продукт всеобщего (бесконечного количества взаимодействий-воздействий), есть способ выразить, отразить, воспроизвести всеобщее (т. е. бесконечность актуальных и потенциальных воздействий). Вполне логично, что человек как эмпирический субъект, восходит к всеобщему, сохраняя свою единичность и неповторимость. Это можно понять только так, что человек как исходная единичность, определяемая единичными воздействиями, восходит к всеобщности через участие в бесконечности воздействий. Не случайно, что в проблематике соотношения единичного и всеобщего С.Л.Рубинштейн отмечает ведущую роль принципа детерминизма.

Последовательное проведение логики эмпирического субъекта в отношении единичного и всеобщего неизбежно приводит к утверждению “человека единичного” в качестве “зеркала”, воспроизводящего всю Вселенную, выражающего, воспроизводящего своим единичным существованием всеобщее существование Вселенной.

На наш взгляд, методология единичного как способа выражения, воспроизведения всеобщего свои корни имеет в сущности, в способе существования, который положен в основу модели человека как эмпирического субъекта. Таким способом существования, как известно, является воздействие (взаимодействие, взаимодействие). Исходя из такого понимания детерминизма (а именно, причинного детерминизма), единичное, единичный человек, человек как эмпирический субъект всегда является итогом, следствием всеобщего, т.е. бесконечных воздействий. Это означает, что и в истории, и в онтогенезе способом происхождения единичного человека есть воздействие на него всеобщего как его причина. Таким образом, единичный человек буквально является следствием всеобщей воздействующей причины, “вытекает” из воздействий, оказываемых на него.

Но возможна иная интерпретация отношения единичного, особенного и всеобщего. Это интерпретация исходит из других посылок, следует не из человека как эмпирического субъекта, а из человека как изначально всеобщего и универсального [3, с. 34]. При этом акцент в отношении единичного, особенного и всеобщего делается не на единичном, а на всеобщем. Человек изначально

но (исходно) рассматривается как всеобщее (универсальное) существо, не “поднимающееся до всеобщего, а сразу возникающий как способ порождения всеобщего всеобщим.

Существенное значение имеет то, какой смысл вкладывается в содержание всеобщего. И если в первом случае под всеобщим подразумевается бесконечность внешних воздействий (что является продолжением естественно-материалистической идеи русской физиологии, приведшей к причинному детерминизму человека и рефлексу как объяснительному принципу человеческого сознания), то во втором случае под всеобщим понимается развитие. Соответственно, если в первом случае единичный человек – это эмпирический субъекта как следствия всеобщего (бесконечных внешних воздействий), то во втором случае человек – универсальный субъект (особенное), порождающий своей единичностью реальность всеобщего.

Универсальность человека как единичной формы всеобщего может быть раскрыта только через его онтологическую природу. Это означает, что появление человека означает возникновение нового способа существования самой природы. В этом смысле великая роль С.Л.Рубинштейна заключается в том, что он своими исследованиями впервые утвердил в психологии идею, парадигму человека как онтологического существа. Продолжая линию К.Маркса, он утвердил такую онтологическую структуру бытия, в которую человек включен на равных правах как существующее, т. е. детерминирующее существование всего Мира, существо. Признание человека онтологическим субъектом позволяет говорить о С.Л.Рубинштейне как об экзистенциалисте (он сам однажды именно так характеризовал свою работу), которые всегда приписывали человеку экзистенциальный (сущностный, онтологический) статус.

Нам близки философские концепции, рассматривающие человека как универсального субъекта, как существо, воспроизводящее и производящее и вне себя и внутри себя природу в целом. В связи с этим, логичным, но в высшей степени неожиданным для психологии выводом является даже не то, что в конкретно-психологическом плане человек должен рассматриваться и реально исследоваться как микрокосм, онтологически связанный с природой - макрокосмом, а его онтологический статус и онтологическая природа духовности.

Такой вывод, вообще говоря, неизбежно следует из красивой модели отношения Человек-Мир, предлагаемой Анатолием Сергеевичем Арсеньевым. На наш взгляд, эта модель (а по существу, философская концепция онтологического субъекта) теоретически обосновывает онтологический статус и онтологическую природу человека как универсального субъекта. Эта схема как раз добавляет к философии К.Маркса то, что не было там прописано в свое время в явном виде и что, на наш взгляд, в настоящее время снимает все претензии к марксистской философии человека.

Мы считаем, что в значительной степени эту модель человека как универсального онтологического субъекта развивает психологическая концепция онтологического рефлексивного сознания В.И.Слободчикова (хотя сам автор явно не указывает и не обозначает подобных схем). Правда, схема А.С.Арсеньева, с нашей точки зрения, предполагает исходность универсального статуса человека, в то время как в концепции В.И.Слободчикова универ-

сальность есть результат человеческого развития, следствие его перехода из не-универсального в универсального человека.

На наш взгляд, признание универсальности в качестве результата, а не исходного момента развития, во-первых, снижают ценность психологической концепции, во-вторых, вносит дополнительные сложности в её теоретическое обоснование. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса, поскольку предполагаем, что человек есть существо онтологически универсальное исходно и всегда. С нашей точки зрения, внутреннее содержание человека на любой стадии его онтогенетического развития (включая самую первую) не только всегда включает универсальные возможности Мира, но и является главным детерминирующим фактором его собственного онтологического развития.

Многие предыдущие рассуждения, как приведённые в настоящей главе, так и в предыдущих главах должны убедить нас в следующем. Марксизм как философская концепция универсального рефлексивного онтологического субъекта в своих главных положениях не только не была воплощена в психологических концепциях, объявлявших приверженность марксизму, но главные её положения были воольно или невольно, субъективно или объективно, в той или иной степени искажены.

В первую очередь это касается не попавшей в поле зрения нескольких поколений психологов рефлексивной природы категории “предметная деятельность”, подметна марксистской “предметной деятельности” — деятельностью, понятой, в свою очередь, как воздействие (пришедшее из физиологии). Исключив из психологического понятия “деятельность” рефлексивное содержание философской категории “предметная деятельность”, психология лишилась единственно возможного теоретического средства различить человека и животного. В конце концов, так и получилось, что уйдя от рефлексивной деятельности как деятельностной природы и сущности человека, психология пришла к животной активности.

Во вторую очередь это касается социальной природы человека, утверждение которой в качестве единственно возможной природы человека традиционно приписывается К.Марксу. В результате мы имеем парадоксальную ситуацию: методологический кризис психологии нуждается в теоретических средствах, которые самой психологией были “выброшены” за ненадобностью. Это привело к тому, что, пройдя мимо марксистской философии онтологического субъекта, психология своими урезанными возможностями не смогла ни на теоретическом, ни на экспериментальном уровне приблизиться к решению проблемы онтологической сущности человека.

Несмотря на явные философско-методологические проблемы, по сей день деятельностная психология продолжает настойчивое утверждение социальной, а не универсальной природы человека. Явный диссонанс и несоответствие с современными тенденциями в исследовании человека виден невооружённым глазом в работах приверженцев социальной природы человека. Нам предлагается духовность (как приобщенность к универсальному и вечному) по-прежнему искать в привычном единстве личного и общественного [4, с. 71]. Но более всего бьёт в глаза и режет слух утверждение, что духовность есть

следование морали (это очень напоминает наше социалистическое прошлое, когда партийные вожди определяли, духовен или не духовен человек, а критерием здесь выступал “Кодекс строителя коммунизма”) [4, с.72]. К счастью, этот тоталитаризм психологической мысли начал расшатывать ещё Рубинштейн-философ (потому что Рубинштейн-психолог как раз строил свою психологическую концепцию человека на утверждении его социальной сущности

С С.Л.Рубинштейном невозможно не согласиться, что человек не является производным от социальных отношений, а внутреннее содержание человека составляет всю бесконечность Мира. И хотя критика социальной природы человека С.Л.Рубинштейном абсолютно справедлива, эта критика всё же больше относится не к самому К.Марксу, а к психологам, таким образом понявшим К.Маркса. Однако, нельзя согласиться с принципиальным решением проблемы социальной природы человека, которое предложил С.Л.Рубинштейн: исходя из своего онтологического метода, он предлагает понимать человека как естественно-природное существо, способом существования является социальная жизнь. В этом смысле критика С.Л.Рубинштейном К.Маркса и стратегия его “преодоления” марксистской философии вызывает у нас сомнение, поскольку её философско-психологическим содержанием является естественная (рефлекторная) природа человека и его сознания, а не “искусственная”, культурно-историческая природа. В любом случае, заслуга С.Л.Рубинштейна в разрушении социологизаторской методологии весьма велика и сродни научному подвигу (особенно учитывая конкретную ситуацию его научной жизни). Эту линию С.Л.Рубинштейна на создание психологической концепции универсального человека продолжают наиболее интересные и перспективные, на наш взгляд, современные психологи, среди которых в первую очередь хотелось бы отметить Виктора Ивановича Слободчикова.

По нашему пониманию и убеждению, идея об исходной универсальности и онтологичности человека, его внутренней причастности и соразмерности Миру может быть адекватно выражено только в психологическом понятии “трансцендирование”. Именно она — идея трансцендирующего человека, раскрывающая психологическое содержание человека как универсального субъекта, — является не только центральной идеей философской антропологии, но должна стать центральной и для психологической антропологии.

Традиционно идея трансцендирующего человека разрабатывалась в экзистенциальной психологии. Главным в ней стало понимание границ человеческого существования и трансцендирования как человеческого способа их преодоления [5, с. 54]. Очень мощной, с нашей точки зрения, является экзистенциальная идея о возможности трансцендирования не только в отношении социального или деятельностного предела, но также в отношении физической действительности и собственного тела. В принципе, эту точку зрения разделяют не только зарубежные психологии, работающие в “чистой” экзистенциальной традиции. Похожая точка зрения характерна и для некоторых современных отечественных психологов, в принципе принимающих идею деятельности как существенной характеристики человеческого индивида. В этом случае трансцендирование интерпретируется в психологических терминах “адаптивности-неадаптивности” [6, с. 24].

Можно сказать, что как психологическое понятие трансцендирование выражает идею бесконечности развития, в том числе, развития человеческого индивида, включая его онтогенетическое развитие. В рамках деятельностной парадигмы человека трансцендирование можно понимать как бесконечное преодоление любой конечной формы деятельности (т. е. любого сформированного способа деятельности, любого умения, любого навыка). В этом смысле есть все основания трактовать трансцендирование в терминах творчества, поскольку творчество, по мнению некоторых учёных, есть в первую очередь творчество самого себя, преодоление в себе того сложившегося и сформированного, что закрывает путь к созданию нового.

Понятие трансцендирования оказывается одним из тех понятий, которые являются критериями методологической ориентации того или иного исследователя. Оно же является тем характерным понятием, интерпретация которого позволяет определить отношение исследователя к “естественной” или “искусственной” природе. Характерным в этом отношении является заочный спор С.Л.Рубинштейна с М.Хайдеггером о содержании трансцендирования и о его специфике как человеческого способа существования.

Замечательной в этом отношении является позиция С.Л.Рубинштейна. Не надо повторять, что она и в вопросе о психологическом содержании трансцендирования в полной мере выражает его общую методологическую установку на человека как исходно естественное, природное существо. В данном случае это означает, что С.Л.Рубинштейн не выделяет человека и его способа существования из природы и её способа существования. Поэтому человек действует по законам, по которым действует вся естественная природа. Тогда становится понятным настойчивое отстаивание неизбежности (естественной произвольности) постоянного выхода человека за собственные пределы. Но этот выход, действительно характерный для всей трансцендирующей природы, на естественном уровне развития природы осуществляется спонтанно, случайно, непреднамеренно. Для естественной природы он никогда не становится предметом, а осуществляется как естественное следствие, как фатальная неизбежность естественного способа развития природы. Это всё так и с этим нельзя не согласиться в отношении естественной природы. Но человеческое трансцендирование радикально отличается от естественного трансцендирования, потому что для его осуществления необходимо сознание и необходимо возникновение самого человека. Вот этого-то и не фиксирует естественная парадигма человека.

При описании процесса трансцендирования (или самотрансценденции) отмечается необходимость отношения к чему-то внешнему по отношению самого человека. Такое понимание трансцендирования предполагает выход за свои пределы к чему-то внешнему. Нам представляется, что это понимание трансцендирования требует существенной корректировки. Она заключается в том, что универсальный субъект трансцендирует не от себя к внешнему по отношению к себе, а от себя прошлого к себе будущему. Поэтому трансцендирование универсального человека есть преодоление себя в себе самом в направлении собственного развития.

Человек как универсальный субъект – это человек, способный делать предметом преодоления все свои пределы, в том числе естественные. Он по определению не может быть естественным и природным, он по природе своей искусственен (культурно-историчен). Именно поэтому человек не выразитель, а созидатель и творец мира.

Необходимость рассматривать человека как способного преодолевать все природные и естественные пределы вытекает из существа самого мира. Поэтому существенной характеристикой человека в мире является не его естественная реальность взаимодействия, а его тенденция преодолевать любые способы взаимодействия. Человек способен преодолевать самую природу, потому что он и есть сама природа, только взятая в своей “искусственности”, как осознание себя собственным предметом.

Понятие трансцендирования в его рефлексивном содержании становится психологическим основанием происхождения субъектности. Свобода действующего человека, психологически выражающаяся в его рефлексивности, позволяет говорить о свободном человеке как субъекте трансцендирования. Субъектность как способность делать себя предметом собственного преодоления естественно соотносится с рефлексией. И тогда рефлексивный человек, являющийся основанием самого себя (основанием собственного развития) — это и есть человек трансцендирующий, и чем совершеннее способность к рефлексии, тем развитие способность к трансцендированию.

Признание человека универсальным субъектом, реальной формой существования которого выступает трансцендирование, с необходимостью приводит к анализу человеческого сознания как рефлексивной действительности. Исходя из признания деятельностной, рефлексивной природы человека, само понятие рефлексии должно определяться как онтологическое понятие, как способность человека делать самого себя предметом собственной деятельности. В то же время рефлексия как психологическое содержание универсального человека позволяет интерпретировать субъектность как рефлексивную категорию, как рефлексивную онтологическую категорию.

Таким образом, человек как онтологический субъект — это человек, способный самого себя делать предметом собственного созидания, порождения, конструирования и т. д. То есть главной категорией, через которую может быть описан онтологический субъект (человек как универсальный субъект), является понятие “отношение”. Отношение, по мнению некоторых психологов, является центральным понятием современных гуманитарных наук. Но тем не менее, оно не имеет общепринятого значения и недостаточно содержательно разработано ни в философии, ни в психологии. Имеющиеся примеры определений отношения, в частности, у В.Н.Мясищева, С.Л.Рубинштейна, В.И.Слободчикова, не могут нас удовлетворить, поскольку не выражают специфику отношения как внутренней характеристики самодостаточного универсального человека.

В своей работе мы исходим из основного тезиса, заключающегося в том, что человеческий индивид как онтологическое рефлексивное, а потому универсальное культурно-историческое существо всю свою жизнь в качестве человека обращён на самого себя, его способ существования — делать самого

себя собственным предметом преодоления и созидания. А поскольку реальной формой человеческого существования является трансцендирование как преодоление в себе внешних и внутренних пределов, постольку понятие отношения должно быть понято не как результат сравнения, а как способ превращения соотносящихся компонентов друг в друга. В этом случае рефлексия как внутренняя онтологическая (психологическая) категория есть способ преобразования одного своего способа существования в другой. А отношение вообще есть способ взаимного превращения соотносящихся элементов друг в друга. Это определение позволяет, с нашей точки зрения, выразить в человеке главное — рефлексию как способность превращать свой собственный способ существования.

Мы уже отмечали, что можно говорить о двух традициях рассмотрения человека вообще и сознания, в частности. Речь идёт о гносеологическом и онтологическом подходах. Более того, сознание и по настоящее время по большей части рассматривается как познавательное отношение. Именно так рассматривал сознание, например, Пьер Тейяр де Шарден, на которого часто ссылаются исследователи, пишущие о рефлексивном сознании. Но до сих пор продолжает оставаться общепринятой интерпретация сознания как знания, познания, как категории гносеологической. И даже психологи, рассматривающие сознание как онтологическую категорию, при его описании в отношении с трансцендированием интерпретируют сознание как созерцание, интроспекцию.

В принципе гносеологическую позицию в отношении сознания занимал и С.Л.Рубинштейн, но он вводил в структуру сознания наряду со знанием – его обязательным компонентом — практическое отношение. Но несмотря на это, в концепции Рубинштейна сознание тем не менее носит отражательный характер, выступает в качестве всеобщего и явного знания, причём онтологическое переживание выступает в качестве неявного знания.

И всё же можно говорить, что онтологическая интерпретация сознания начинает завоёвывать сознание психологов, правда, преимущественно тех, кто так или иначе пытается решить задачу целостного человека. Методологической основой для онтологической интерпретации сознания служит онтологическая философия К.Маркса, которая и по сей день остаётся ещё во многом до конца не изученным источником.

Как известно, онтологическая интерпретация сознания непосредственно следует из рефлексивного содержания категории “предметная деятельность”, однозначно понимаемой как самодеятельность. Именно предметная деятельность как деятельная сущность человека является философско-методологической основой происхождения сознания как онтологического отношения в мире, а не только по отношению к миру.

Исходя из марксистской методологии, человеческое сознание изначально включено в практику как её внутренне отношение. В результате необходимо отметить, что сознание как онтологическая рефлексивная категория возникает не в условиях познавательного (субъект-объектного) отношения, а только в условиях практического отношения (изменяющего сам способ существования, т. е. субъект-субъектного отношения).

Пытаясь решить проблему целостного человека как универсального онтологического субъекта, мы неизбежно приходим к необходимости отнестись и определиться в отношении человеческого способа существования. Мы считаем, что в качестве такового необходимо признать сознание как предметное отношение практического преобразования к самому себе. В этом случае вся специфика человеческого существования может и должна быть выведена из этого базового единственного основания. При этом должна быть исключена возможность двойного определения человеческого способа существования, как это принято, например, в концепции С.Л.Рубинштейна.

Утверждение в качестве человеческого способа существования и сознания, и деятельности для нас говорит только об одном: деятельность и сознание имеют разную природу (разные “модусы”). В то время как “предметная деятельность” К.Маркса – это не воздействие, а способность предметно относиться вообще. В этом смысле деятельность-воздействие как предметное отношение – это способ предметно относиться к внешнему миру, а деятельность-сознание – это способ предметно относиться к самому себе. Предметность отношения есть та человеческая особенность, которая объединяет все человеческие отношения в понятие “предметная деятельность”, где ведущим и определяющим является всё-таки сознание как деятельность. Поэтому нельзя соглашаться с С.Л.Рубинштейном, когда он приписывает К.Марксу эту двойственность в определении человеческого способа существования. Только поняв человеческий способ существования в качестве сознания, понятого как предметное практическое рефлексивное отношение, мы сможем создать методологическую базу для психологической концепции целостного человека.

Решить проблему целостного человека как онтологического субъекта можно только задав его единое (единственное) основание. Психологическая концепция целостного, позволяющая задать его через его сущность (способ существования), а самое сущность как генетически исходное базовое противоречие, может быть только “моно-логичной” (в смысле внутреннего логического единства) концепцией. Мы разделяем точку зрения В.В.Давыдова на то, что концепцией целостного человека может быть только моно-концепция, в основу которой положено единое основание, единое противоречие, единое понятие. Сам В.В.Давыдов считал, что таким понятием должна стать деятельность, но мы полагаем, что с учётом анализа понимания деятельности в психологии необходима существенная корректировка. Корректировка заключается в том, что таким базовым понятием, на наш взгляд, должно стать сознание, понятое как предметная деятельность.

В высшей степени продуктивное понимание сущности как способа существования мы заимствуем у С.Л.Рубинштейна. По нашему мнению, этот онтологический подход позволяет раскрыть деятельностьную природу человека не только на философско-методологическом уровне, но что особенно для нас важно, и не конкретно-научном (психологическом) и на методическом. Понятие “способ существования” С.Л.Рубинштейн выводит из онтологической структуры Мира, где человек представлен равноправным (а зачастую и определяющим) компонентом онтологического пространства Мира. Для него способ существования стало тем базовым понятием, которое позволило ему ре-

шить проблему единства Мира, представив его как иерархическую онтологическую структуру различных способов существования. Понятие “способ существования” позволяет С.Л.Рубинштейну описать мир как единое иерархизированное целое, связать все формы материи в единую историю их развития и понять человеческий способ существования как способ существования мира, с появлением человека являющийся определяющим в существовании самого мира.

Всю свою научную жизнь самоотверженно решая проблемы онтологического метода, С.Л.Рубинштейн совершил открытие, поняв сущность как способ существования, а существования как осуществление этого способа. Это открыло реальную перспективу решить проблему онтологического субъекта в конкретно-психологических исследованиях и методически понять человека как онтологического субъекта. И если само понятие способа существования может быть принято как мощное теоретическое средство исследования онтологической природы человека, то содержание человеческого способа существования, предлагаемого С.Л.Рубинштейном, не может не вызывать сомнения. Как известно, он определяет человеческий способ существования через воздействие (взаимовоздействие, взаимодействие). Как мы знаем, этот подход привёл его в конечном итоге к рефлекторной модели сознания и к сознанию как всеобщему явному ми невявному знанию.

Это не случайно, поскольку иного результата в этом случае быть не может (мы имеем в виду исходно рефлексивное содержание сознания). Из воздействия как нерелексивного отношения рефлексивное сознание не может быть выведено, но может быть выведено рефлекторное сознание, что на самом деле и получилось. Более того, известная рубинштейновская функционально-генетическая модель развития, которая на самом деле является моделью функционирующего человека, непосредственно вытекает из понятия “взаимодействие”. В результате им утверждается в качестве человеческого способа существования не развитие, функционирование, т. е. существование как функционирование, в само существование — осуществление способа существования определённого уровня сформированности.

Как мы уже отмечали, С.Л.Рубинштейн задает человеческий способ существования двойственно — одновременно как деятельность, и как сознание. Именно это положение, с нашей точки зрения, в результате привело к его знаменитому “внешне-внутреннему” принципу детерминизма, который он задаёт через соотношение самоопределения (сознания как внутренних условий) и определения внешними условиями (деятельность).

Хотя сам С.Л.Рубинштейн, как правило, не использовал термин “трансцендирование”, тем не менее, мы считаем, что сама идея трансцендирования была им выражена терминах “выход за пределы ситуации”. Поэтому чрезвычайно важным для нас представляется точка зрения С.Л.Рубинштейна на сознание как на способ осуществления трансцендирования. Эта линия на понимание сознания как способа трансцендирования продолжается в современных психологических исследованиях, развивающих онтологический метод С.Л.Рубинштейна и интерпретирующих сознание как онтологическую категорию.

Таким образом, можно утверждать, что истинной жизнью, реальным процессом существования человека как предметного существа является трансцендирование, т.е. практическое изменение себя за счёт собственной деятельности. В понятии “трансцендирование” в полной мере выражена исходная рефлексивность человека и его особая предметная специфика существования, которая, по нашему мнению, выражается в том, что реальным предметом человеческого существования всегда является он сам (как индивид, как род, как универсальный субъект). Особенно справедливо это утверждение по отношению к человеческому онтогенезу, где как бы и к чему бы человек ни относился, это всегда он сам, его будущее, настоящее или прошлое.

Поскольку человек рассматривается нами как универсальное онтологическое существо, в реальной и идеальной форме (в форме трансцендирования и в форме собственного сознания) воплощающий сущность природы (человек есть, собственно, сущность самой природы), поэтому он не может быть рассмотрен вне рефлексивной ситуации, а потому он перестаёт быть человеком, когда перестаёт быть собственным предметом. Смысл существования человека заключается в постоянном изменении способа существования природы как своего собственного. На наш взгляд, именно в этом заключается суть идеи онтологического субъекта и принципиальное конкретно-психологическое решение о возможности моделирования такого человека средствами психологии.

При таком подходе онтологический субъект может быть описан через трансцендирование как реальную форму своего существования, и сознание как идеальную форму (способ) своего существования. Единство идеальной и реальной форм трансцендирования и составляет сущностную характеристику человека как онтологического (рефлексивного и универсального) субъекта.

5.2. Восхождение от абстрактного к конкретному как логика онтогенетического развития

Проблему онтогенеза человека как универсального субъекта можно решить только в рамках культурно-исторической парадигмы. Способов обоснования этого тезиса может быть несколько. Но должно быть ясным одно: если под психологическим содержанием универсальности понимать онтологическую рефлексивность, то средой универсального человека должна быть среда, непрерывно воспроизводящая необходимость в онтологической рефлексии. Т.е. человек как универсальный субъект должен порождать свою среду существования, в условиях которой непосредственным предметом онтологической рефлексии всегда становится его собственный способ существования. Такая среда давно известна — это культура. Именно поэтому проблема универсального человека в психологии может быть решена только на основании культурно-исторической парадигмы.

Но необходимо отметить, что в пределах уже осуществлённых версий культурно-исторической психологии эта проблема решена не была. Не решена она была в основном из-за того, что все культурно-исторические идеи в психологии вращались вокруг понимания культуры как источника индивидуальной человеческой психики, но не как продукта его индивидуальной деятельности. Методологическим основанием этому служило убеждение многих поколений

психологов, что в конкретно-исторических условиях историческое есть социальное. Поэтому на самом деле в культурно-исторических концепциях онтогенеза принцип историзма трансформировался в тезис о социальной природе человека, а процесс психического развития строился не как история возникновения психики (сознания), а как процесс воспроизведения и присвоения социального опыта.

На этой идее, как известно, построена в том числе вся культурно-историческая психология Л.С.Выготского, которая на практике так и не преодолела своего изначального преформистского содержания а потому и не могла решить проблему универсального человека. И хотя можно говорить о внутреннем потенциале культурно-исторических идей самого Л.С.Выготского, но даже его собственная экспериментальная практика (хотя бы экспериментально-генетический метод, да и сама методика Выготского-Сахарова) показала, что эти идеи так и не были реализованы. Однако надо признать, что мощь культурно-исторической парадигмы заключается как раз не в идее человека как субъекта воспроизведения (субъекта присвоения), а, как раз, наоборот: в идее человек как субъекта порождения культуры. Именно в этой способности человека конкретно выражается его универсальность.

При построении психологической концепции универсального (онтологического) человека должна стать, на наш взгляд, онтологическая концепция человека как культурно-исторического субъекта К.Маркса. Мы считаем, что категория “предметная деятельность”, исторический метод анализа, логика восхождения и т. д. — это как раз те теоретические средства, которые фактически уже готовы для их использования в конкретно-психологической разработке культуropорождающего человека. В этом можно убедиться, познакомившись с известными психологическими в которых фактически утверждаются идет К.Маркса о самоценности и культуropорождающей индивидуального бытия конкретного человека. Почему, признанные многими психологами, эти идеи К.Маркса, они до сих пор не нашли своего конкретно-психологического воплощения, для нас остаётся загадкой.

Очень хорошо, на наш взгляд, выражена эта мысль в цитате К.Маркса, приведённой Г.С.Батищевым. Здесь особенно отчётливо видно, что индивидуальный человек участвует в культурно-историческом творчестве не опосредованно, не через свои отдалённые продукты и случайные последствия своей деятельности, а непосредственно, “здесь и теперь”: “Человек, обращающийся все смысловое поле культурной истории, т. е. все ценности, созданные людьми на земном шаре, в свое собственное поле распределения и выращивания своих созидательных сил, тем самым уже не косвенно и не через далекие опосредствования, а прямо и непосредственно претворяет в своей целостной жизни ту истину, что вся история есть “история развития сил самих индивидов”, что она “есть всегда лишь история их индивидуального развития” (Маркс)” [2, с. 362]. Эта мысль чрезвычайно важна, поскольку из неё прямо вытекает необходимость строить онтогенез человека как универсального субъекта как непосредственное (онтологическое) культуротворчество. Но, к сожалению, психология (и культурно-историческая в том числе) до сих пор не придаёт значения онтологическому и культуротворческому статусу человеческого онтогенеза и по-

прежнему продолжает понимать онтогенез как социально-культурную адаптацию, которая основана на дискредитировавшей себя идее о социальной природе универсального человека.

Но современные попытки решить эту проблему и уйти от социальности к универсальности по-прежнему строятся на идее присвоения культуры, а не её порождения. Несмотря на то, что в настоящее время уже предлагаются очень интересные и оригинальные культурно-исторические концепции онтогенеза, фактически отрицающие сам способ присвоения (В.Т. Кудрявцев), сами авторы, тем не менее, почему-то не замечают этого явного противоречия. Это тем более странно, что уже более десяти лет существует замечательная книга, где необходимость отказа от присвоения как онтогенетического механизма была прописана в самом явном виде [6]. И, тем не менее, концепция “диалога идеальных форм” В.Т.Кудрявцева вызывает огромный интерес: ведь он по сути предлагает понимание онтогенеза как реального творчества самими детьми собственных идеальных форм. На наш взгляд, эта концепция, при учёте концепций В.И.Слободчикова и Б.Д.Эльконина фактически подготовила идею прорыва от культурно-исторической парадигмы воспроизводства (присвоения) к культурно-исторической парадигме индивидуального культуротворчества.

На наш взгляд, проблему культурно-исторического преформизма, которую критикуют все (от самого Л.С.Выготского до современных культурно-исторических психологов) можно решить, только отказавшись от присвоения. Но это почему-то становится камнем преткновения при обсуждении будущего культурно-исторической парадигмы. В этом смысле концепция В.Т.Кудрявцева, хотя и неявно, предлагает этот радикальный ход. Он заключается в признании за ребёнком исторического права и возможности порождать свою идеальную форму как главную детерминанту собственного онтогенетического развития.

Особое значение присвоения (интериоризации) в психологической проблематике универсального человека требует её специального обсуждения. Это необходимо потому, что даже самые перспективные концепции, которые намерены рассматривать ребёнка в качестве универсального субъекта и предполагают конструировать его онтогенез как культуротворчество, как будто не замечают, что проблема на самом деле лежит именно в присвоении как способе, который по своей природе невозможно применить для обоснования культуротворческой деятельности ребёнка. Но, тем не менее, как будто не замечая этого, В.Т.Кудрявцев в своих чрезвычайно важных концептуальных предложениях продолжает рассматривать присвоение в нехарактерной для него функции — как механизма саморазвития.

Одна из самых сложных проблем психологической концепции онтогенеза универсального человека является проблема его начала. Для её решения мы намерены исходить из общефилософского положения о внутреннем характере человеческой универсальности (понимая “внутреннее” в духе культурно-исторической традиции как всегда только опосредованное “внутреннее”), которая осуществляется и проявляется через полагание себя вовне. На наш взгляд, это допущение о внутреннем характере человеческой универсальности необходимо потому, что снимает проблему первотолчка, не решённую удовле-

творительно ни в одной из известных концепции человеческого онтогенеза. Она привносит, конечно, дополнительные методологические трудности, но уже не такого уровня сложности.

Точку зрения на внутренний характер человеческой универсальности в принципе разделяют современные культурно-исторические психологи. Очень интересно интерпретирует понятие внутренней исходности В.Т.Кудрявцев, который считает, что такой относительный “нуль” развития характерен именно для человека-субъекта. В своей концепции В.Т.Кудрявцев высказывает мысль чрезвычайной важности. Она заключается в том, что, во-первых, процесс онтогенетического развития — это процесс овладения ребёнком собственной сущностью в процессе её развития, и, во-вторых, что эта рефлексивная сущность задана изначально, когда ребёнок ещё ею не овладел как своей сущностью, не сделал её предметом собственной деятельности.

В связи с этим нам представляется, что имеет смысл предположить существование особых способов наследования универсальной (рефлексивной) сущности, которые не являются генетическими, но которые обеспечивают наследование человеком универсальных свойств природы. Кроме этого факт наследования универсальности ребёнком должен быть непосредственно связан с возможностью освоения им самим этого всеобщего наследия. Такая возможность обосновывается предположением о единстве единичных и всеобщих характеристик конкретной человеческой деятельности. Это исходное единство единичного и всеобщего как присущего любой человеческой деятельности даёт возможность осуществлять вовне исходно внутреннюю форму наследуемой рефлексивной универсальности.

Все предположения об исходно внутренней форме человеческой рефлексивной универсальности, как это ни удивительно будет для современных критиков марксистской философии, в своей основе опираются именно на К.Маркса. Поэтому концепцию универсального человека надо строить не с опорой на внешнюю природу его собственной субъектности (как это делается, например и в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, и в культурно-исторической концепции деятельности А.Н.Леонтьева), а с опорой на его внутреннюю универсальную природу, благодаря которой он сам строит адекватную его способу существования собственную внешнюю среду. Таким образом, по нашему мнению, проблема онтогенеза универсального человека непосредственно связана с необходимостью решения более общей философской проблемы начала, то есть с отысканием ответа на вопрос: каким образом возможность человека стать универсальным субъектом возникает, существует и детерминирует действительность его онтогенетического развития?

Разрабатывая психологическую концепцию универсального деятельного человека, надо иметь в виду двумерный характер самой деятельности и, соответственно, двумерный характер онтогенетического развития деятельного человека. Эта двумерность, присущая деятельности по её природе, заключается в её двойственном характере. Она одновременно осуществляется как бы в двух пространствах: в пространстве собственного функционирования и в пространстве собственного развития. Это свойство двумерности деятельности послужило основой разработки оригинального понятия внутренней формы, психологи-

ческим содержанием которой является способ преодоления собственных стереотипов (сложившихся способов функционирования), сложившихся внешних обстоятельств, объективно превратившихся в “натуральные” (нерефлексируемые) формы. Иногда эта двумерность деятельности и обсуждается как оппозиция цели и замысла, причём цели соответствует режим функционирования, а замыслу – режим развития (Б.Д.Эльконин).

Похожую точку зрения на двумерность деятельности высказывает и разработчик концепции надситуативной активности В.А.Петровский, только оппозицию двух векторов деятельности он обсуждает как оппозицию целенаправленности и целеполагания. В связи с этим он отождествляет целенаправленность с функционированием, а целеполагание – с собственным развитием деятельности.

При обосновании процесса развития деятельности В.А.Петровский пользуется понятием “надситуативная активность”, которая как раз и обеспечивает возможность саморазвития деятельности. Несовпадении цели и результате надситуативной активности автор интерпретирует как исходное противоречие, которое и является, по его мнению, источником существования и развития человеческого индивида. Он тоже рассматривает два вектора осуществления деятельности, один из которых есть функционирование, а второй – собственно развитие. С его точки зрения, целостность деятельности задаётся её диахроническим и синхроническим процессами, среди которых автор не отдаёт предпочтения ни одному из них.

Двухвекторная модель онтогенетического развития имеет важное значение для обоснования его этапов и механизмов. При этом, как это уже следует из предыдущей информации, возможны два варианта соотношения этих двух векторов. Первый: развитие – это особый (далеко не спонтанный) режим человеческой жизни, не детерминированный наличной ситуацией и не являющийся следствием логики функционирования. Иногда этот режим определяют термином “событие”. Второй: развитие – это обыденность человеческой действительности, которая является закономерным (причинно-следственным, случайным) следствием режима функционирования. Причём, характер развития в значительной мере задаётся характером функционирования, и более того, характер функционирования определяет этапы развития и их психологическое содержание.

Как известно, такой позиции придерживался С.Л.Рубинштейн. Примерно такую же точку зрения выражают и современные генетические психологи, которые, по нашему мнению, доводят её до совершенного нонсенса. Из нее следует, что законы развития как законы качественного самоизменения следует начинать с изучения законов функционирования, т.е. с области, принципиально отличающейся по своей способу существования от области развития. На наш взгляд, это свидетельствует только об одном, что законы развития на отличаются по своему качеству от законов функционирования, или сводятся к ним.

Мы не можем согласиться с таким положением и в свою очередь считаем, что эти области не только существенно отличаются друг от друга, но что законы развития никак не сводятся (и не выводятся из законов функциониро-

вания, но в свою очередь сами определяют их, но не непосредственно, а через сложное и до конца не изученное опосредование способов функционирования способами развития.

Всё сказанное выше имеет самое непосредственное отношение к методу конструирования логики онтогенеза. По нашему мнению, основой этого метода должна стать логика трансцендирования как логика развития человеческого способа существования. В качестве этого способа есть все основания принять сознание.

Мы полностью разделяет положение о рефлексивной природе человека, которая является психологическим содержанием человеческой субъективности и в полной выражается в человеческом рефлексивном сознании. Поэтому именно логика развития рефлексивного содержания человека как универсального субъекта должна определять и метод конструирования логики онтогенеза, и стать основой моделирования психических механизмов онтогенетического развития в целом. В этом смысле мы никак не можем согласиться с утверждением С.Л.Рубинштейна о вторичности рефлексии и о первичности “деятельности”. Сама “предметная деятельность”, понимаемая как предметное – рефлексивное – отношение, изначально задаёт рефлексивное содержание человека как универсального субъекта. Поэтому внутренняя рефлексия – это не результат онтогенетического развития, а его исходный пункт и предпосылка. В связи с этим, следует отметить, что рефлексивная природа человека, присущая ему с самого начала онтогенетического пути, не предполагает бессознательного как некой иной, противоположной сознанию действительности. Признавая рефлексивную природу человека мы должны признать изначальность и исходность самого сознания, а не происхождение сознания из бессознательного. Только в этом случае необходимо говорить о различных формах этой рефлексивности, например, так, как это делает В.И.Слободчиков: “Сознательное и бессознательное – это не противоположности, а частные проявления “сознания вообще”, где собственно сознательное есть рефлексивное, а бессознательное – арефлексивное сознание” [7, с. 187]..

Исходная рефлексивность и сознательность являются теми теоретическими средствами, которые позволяют решить проблему происхождения самодостаточного (универсального) человека как действительного порождающего весь Мир центра. Для этого только нужно признать исходную внутреннюю рефлексивность человека, и тогда происхождение способностей легко объясняется из самого человека, а не извне него.

Психологическая модель самодостаточного (универсального) человека должна быть построена на его изначальной внутренней рефлексивности, и тогда нет теоретических ограничений в выведении всех способностей не извне человека, а из его рефлексивности, в том числе и его собственного сознания. В этом случае сознание возникает как продукт деятельности самого человека, а не возникает извне, независимо от самого человека.

В качестве исходной предпосылки или некоего аналога логики трансцендирования мы рассматриваем этапы онтогенетического развития рефлексии, которые предложил В.И.Слободчиков, в свою очередь опирающийся на представления Гегеля. Эту периодизацию мы рассматриваем только в качестве ана-

лога, поскольку к самому психологическому содержанию рефлексии у нас часто возникают претензии. Среди основных форм рефлексии (и одновременно этапов её развития) В.И.Слободчиков, вслед за Гегелем, выделяет три следующие: полагающую, сравнивающую и определяющую [7, с. 202].

В основе развивающегося сознания, по В.И.Слободчикову, лежит исходное противоречие между нерелексивным и релексивным сознанием. Динамика этого противоречия и задаёт онтогенетическую динамику развития сознания и человеку в целом. Но специфика первых трёх онтогенетических форм рефлексии заключается в том, что хотя эти уровни и являются уровнями развития релексивного содержания, но на этих уровнях рефлексия носит конечный характер и не превращается в способ непрерывного развития человека. Исходный уровень так называемой “нулевой” рефлексии сознание как идеальная форма (способ существования) ещё полностью совпадает с реальной формой самим существованием). Дальнейшие этапы развития характеризуются качественным изменением чувственной формы рефлексии (чувственного сознания) при том, что все эти формы при своём развитии всё время остаются чувственными.

Первое различие реальной и идеальной формы (существования и способа существования) происходит на уровне полагающей рефлексии. Она является первым способом различения в человеческом сознании “Я” и “не-Я”. На уровне полагающей рефлексии сознание уже преодолевает единичность психических функций и становится независимым от них.

На уровне определяющей рефлексии сознание осуществляется уже в форме “чистого” способа воспроизводства реальности. Его идеальной формой является понятие, а реальной формой – реальность воссоздания целостного объекта. Определяющая рефлексия впервые различает себя и реальность. Это различие осуществляется за счёт опредмечивания самого себя в формах осознаваемой реальности.

Если три первых уровня развития рефлексии осуществляются в пределах субъект-объектного отношения, то следующие два представляют собой психологическое содержание уже субъект-субъектного отношения.

На уровне синтезирующей рефлексии впервые осуществляется трансцендирование как выход за собственные актуальные пределы. Это становится возможным потому, что, попадая из субъект-объектного отношения в отношение субъект-субъектное, человек впервые делает себя предметом собственной рефлексии, т. е. впервые относится к себе, и относится к себе как к целому. Именно синтезирующая рефлексия позволяет рассмотреть действительность сознания и действительность бытия не как противопоставленные друг другу, но отнести к реальности как к действительности, порождаемой сознанием. И, наконец, трансцендирующая рефлексия позволяет человеку выйти в пространство универсальной бесконечности поняв своё единство с миром и отнести к миру как к себе самому.

Исходя из предложенной схемы онтогенетического развития, собственно субъектность и релексивное сознание начинается в условиях субъект-субъектного отношения и непосредственно связано с синтезирующей и трансцендирующей формами рефлексии. Только эти формы способны решить ис-

ходное противоречие между нерелексивным и релексивным сознанием абсолютным образом, т. е. в пользу релексивного сознания. И в этом случае уже можно говорить о выходе существования человека на истинно творческий уровень. На уровень творчества самого способа развития.

Принятие универсальной природы человека означает признание человеческого индивида единственной реальностью всеобщности и уникальности в мире. Это означает, что всеобщность и универсальность могут реализоваться только в способе существования самого человеческого индивида, а все остальные способы существования (включая социальные и культурные) в этом отношении представляют собой конечные, а потому ограниченные - не универсальные, не всеобщие формы. Потенциал исторического развития несёт на себе только индивид, свободный от социальных и культурных догм.

Но реализовать онтогенез такого человека представляется чрезвычайно сложным делом, поскольку человек в своей конкретной, конечной, индивидуальной жизни должен сформироваться, актуализироваться в качестве универсального существа. И это, учитывая тот общеизвестный факт, что все внеиндивидуальные способы существования имеют ярко выраженную тенденцию фиксироваться, опредмечиваться, овеществляться, стремиться к неизменности в ущерб и за счёт подавления в себе собственной тенденции к постоянному изменению. Это означает, что образование, онтогенетическое становление универсального субъекта есть освоение им логики собственного трансцендирования как логики преодоления собственной стабильности, собственного режима функционирования, собственного режима самовоспроизводства. В этом смысле представляет интерес концепция порогов распредемичивания Г.С.Батищева, на основании которой можно утверждать, что превращение исходной (чувственной) формы человеческой релексивности (универсальности) в её рациональную, адекватную самой себе релексивную форму, есть трудный и противоречивый процесс преодоления собственных порогов распредемичивания и на этом пути создания собственной логики трансцендирования [2, с. 306]. В этом смысле человеческая духовность и является как раз характеристикой приобщенности человеческого индивида к бесконечному процессу трансцендирования природы, а не действие в соответствии с социальной моралью, как считает, например, В.Д.Шадриков [8, с. 13].

Невероятная сложность, в высшей степени произвольность, противоречивость и проблемность ситуации развития (трансцендирования) не позволяют говорить о ней как о некоей обыденности, очевидности и неизбежности (как это принято считать в субъектно-деятельностной концепции онтогенетического развития). Наоборот, ситуация развития требует чрезвычайных и неординарных способов самоорганизации, напряжения всех человеческих сил. Только такое развитие может быть признано человеческим, все остальные (вероятностные, спонтанные, случайные, причинные) формы развития характерны для естественного мира, но не имеют отношения к человеческому способу существования.

Данная концепция произвольного развития явно противоречит концепции спонтанного развития. Но нельзя не согласиться с Б.Д.Элькониним, когда он утверждает, что логика развития не является следствием логики функцио-

нирования (об этом в своё время уже писал В.В.Давыдов) [9, с. 42]. Это означает, что человеческая форма развития не может основываться на причинном механизме детерминации, а идеальная форма как единственно возможная человеческая форма детерминации не выводится из наличной формы и не является её следствием. У идеальной формы есть собственная логика происхождения, которая никакого отношения не имеет к логике воспроизводства (функционирования) реальной формы.

Но сколь очевидно для нас утверждение уникальности ситуации развития (уникальности события), столь неочевидно утверждение о недетерминированности трансцендирования. Мы, безусловно, согласны и принимаем точку зрения о недетерминированности события наличной ситуацией, но не можем согласиться с утверждением о недетерминированности события вообще. По нашему мнению, у события как явления трансцендирования, имеется собственная логика и эта логика есть собственная логика трансцендирования, в которой выражается универсальная природа человека. Для трансцендирования есть своя система обстоятельств, проблемных обстоятельств. Порождающих и детерминирующих возникновение и осуществления трансцендирования как действительности универсального человека. Но эта действительность — не реальное пространство. Она существует как идеальное пространство, а сознание есть как раз тот способ, которым человек делает предметом собственную логику трансцендирования, т. е. реально существует как универсальный субъект.

Проблема онтогенеза универсального субъекта как проблема развития целостного человека может быть решена только на основании логики восхождения от абстрактного к конкретному. Поскольку только это теоретическое средство позволяет сконструировать и реально осуществить онтогенетическое развитие как самодетерминированное качественное самоизменение целостного человека.

Логика восхождения позволяет осуществить процесс развития как переход от одного уровня целого к другому его уровню. При этом человек всегда рассматривается как целое, в том числе и в самом начале онтогенеза, на самом первом его этапе. Например, возможность рассмотрения ребёнка как развивающегося целого основывается на предположении о том, что процесс развития всегда можно представить как единство прошлого, настоящего и будущего, а развивающийся ребёнок всегда представляет собой не только актуальное существо, но и собственную историю происхождения, сам способ собственного онтогенетического возникновения. Онтогенетическое развитие представляет собой культурно-исторический процесс, результаты и способы осуществления которого постоянно включаются в него как его же детерминирующие факторы. Поэтому можно говорить об онтогенетическом развитии ребёнка как о самодетерминированном развитии, которое осуществляется на основании логики восхождения.

Формирование субъекта трансцендирования — это становление человека, способного к качественному самообновлению. Поэтому развитие должно пониматься и осуществляться как порождение ребёнком себя как себя нового, как творение самого себя. Ситуация самотворчества, самодетерминированного развития, трансцендирования может быть реально осуществлена только в том

случае, когда ребёнок как самодействующий субъект будет постоянно фиксироваться одновременно и в настоящем, и будущем.

Средством такой фиксации как модели собственного развития является, на наш взгляд, отношение реальной и идеальной форм деятельности. Их соотношение и является внутренним психологическим содержанием ребёнка как трансцендирующего существа. Поэтому логика восхождения (диалектическая логика) позволяет проектировать самого себя, строить и реально осуществлять процесс собственного возникновения. В этом процессе решающим фактором становится детерминация собственным будущим, а не осознание воздействующих на ребёнка причин.

Замечательным свойством логики восхождения является то, что на самом деле она осуществляется как “двойное” восхождение: от абстрактного к конкретному, и от конкретного к абстрактному. Это позволяет строить реальный процесс развития как процесс выведения (синтеза) всех последующих этапов развития из его исходной чувственной формы, а за счёт обратного движения всегда осуществляется сведение (анализ) всех этапов и форм развития к из общему внутреннему основанию и тем самым всегда развивающийся объект присутствует в процессе собственного развития как единое целое.

Как уже было отмечено выше, ключевым для онтогенеза универсального субъекта как его культурного развития является соотношение реальной и идеальной формы развивающегося субъекта (реальной и идеальной формы предметной деятельности). Мы полагаем, что это отношение является тем генетически исходным внутренним противоречием, которое как внутренняя детерминанта задаёт и определяет всё развитие целостного ребёнка. С нашей точки зрения, это есть как раз то внутренне противоречие, значение которого для саморазвития всегда подчёркивал Гегель. То есть отношение реальной и идеальной формы можно без ущерба для строгости рассуждения интерпретировать как внутренне противоречие, как извечная внутренняя противоположность, как не прекращающийся внутренний диалог Я-реального и Я-идеального. Реальный целостный объект, способный к развитию, по Гегелю, всегда представляет собой некоторое внутреннее раздвоенное единство, некое внутренне отношение, онтологическая рефлексия целостного объекта в самого себя [10, с. 90].

Нам представляется, что, говоря о внутренней онтологической раздвоенности целого, о двух типах отношений человека к себе и к другому, очень может быть, что Гегель имел в виду как раз отношение реальной и идеальной форм деятельности. Во всяком случае, культурно-историческая концепция онтогенетического развития Л.С.Выготского, полностью основанная на идеях Гегеля, построена именно на этом отношении.

Понятие идеальной формы как культурно-исторической детерминанты культурного развития подводит черту между человеческим и не-человеческим типами развития. Именно в понятии идеальной формы (а точнее, в отношении идеальной и реальной форм) в полной мере выражена идея историзма как принципа культурно-исторической (человеческой) формы развития. Исходя из понятия идеальной формы, процесс онтогенетического развития в рамках культурно-исторической психологии представляется процессом присвоения развивающимся ребёнком собственных психических способностей, которые

для него заданы в форме культурного образца, идеальной формой его будущих возможностей. При этом, существенной особенностью версии культурно-исторической психологии Л.С.Выготского является принятое всеми психологами до сих пор положение о независимости идеальной формы от самого ребёнка и о существовании её до и независимо от него.

Тем не менее, культурно-исторические психологи всегда склонны были рассматривать процесс присвоения идеальной формы как творческий, возникающий как разрешение противоречия между внешней заданностью идеальной формы и внутренней сформированностью реальной формы. С нашей точки зрения, такая трактовка творчества является спорной, поскольку предметом детского творчества, в данном случае, является не сама идеальная форма, а способ адаптации (приспособления своей реальной формы) к ней.

Если вспомнить психические механизмы, за счёт которых происходит освоение ребёнком идеальной формы, то процесс порождения собственного поведения (детского творчества) выглядит не иначе как культурная адаптация. В связи с этим, субъектность культурно-исторической концепции Л.С.Выготского, механизмом возникновения которой считается способ “встречи” идеальной и реальной форм, на самом деле — субъектность неполная, неполноценная, субъектность адаптивная.

Существенный прорыв в направлении разработки психологической концепции универсального субъекта сделан, по нашему мнению, Б.Д.Элькониним, который совершенно иначе, в отличие от Л.С.Выготского, интерпретировал понятие “идеальная форма”. В своей концепции он исходит из положения о том, что возможности (новые и старые) существуют как пространство самой опосредованной деятельности, а не как перцептивное пространство, или любое пространство образов отражения [9, с.38]. В связи с этим, он подвергает критике психологическое содержание значения, как оно понималось в школе Л.С.Выготского. Предметом критики стало одностороннее понимание значения Выготским только как обобщённое отражение объекта, но не как отражение самого действия с объектом. В связи с этим Б.Д.Эльконин справедливо замечает, что если понимать идеальную форму как образ обобщённого отражения, то в этом случае реальная форма теряет собственную историю происхождения и может быть представлена только как результат уподобления внешнему образцу [9, с. 34]. Такое положение вещей приводит к тому, что процесс опосредования как механизм развития деятельности начинает вырождаться в “действие по правилу”, а само предметное действие (предметная деятельность) теряет способность к развитию и натурализуется.

По Б.Д.Эльконину, под идеальной формой следует понимать обозначенную реальность предметного мира, по её реальной формой следует понимать сами реальные связи, свойства и отношения, а сам переход между реальной и идеальной формами есть процесс обозначения [9, с.31]. Основная мысль, которая отличает “идеальную форму” Б.Д.Эльконина и “идеальную форму” по Л.С.Выготскому, заключается в том, что во втором случае идеальная форма — это уже случившийся результат опосредования, который как бы “потерял” собственную историю возникновения, а в первом случае идеальная форма — это и есть как раз способ опосредования, способ человеческого развития.

Открытие, сделанное Б.Д.Элькониным, представляется для нас весьма существенным, поскольку открывает путь к построению модели онтогенеза, основанного на опосредовании, порождаемом и осуществляемом самим развивающимся ребёнком. Если в случае идеальной формы Л.С.Выготского такой возможности нет, поскольку идеальная форма существует как уже свершившийся результат, требующий лишь воспроизведения (причём, это свершение случилось до и без участия самого ребёнка), то в случае идеальной формы Эльконина имеет место противоположная картина: теперь не только порождается самим ребёнком идеальная форма как результат его индивидуальной деятельности, им порождается сам способ её порождения. По крайней мере мы так видим возможность предложенной идеальной формы.

В связи с этим, открываются новые перспективы и новое видение того пространства индивидуальной деятельности ребёнка, которое теперь уже связано не с воспроизводством идеальной формы-образца, а с производством её самой и способов её порождения. Это двойное пространство опосредования, представленной символами продуктов деятельности и знаками самой деятельности. В символах зафиксированы “переходы” деятельности в собственный результат (отношение идеальной формы деятельности и её реальной формы), а в знаках – переходы самой деятельности (отношение самих идеальных форм деятельности). Нас наш взгляд именно отношение идеальных форм деятельности ребёнка как содержание процесса его развития обсуждает сам Б.Д.Эльконин, когда обсуждает ситуацию взаимодействия деятельности взрослого и ребёнка.

В связи с этим, именно потому можно говорить о продуктивном действии как способе развития, что рефлексивный компонент деятельности, обеспечивающий её трансцендирование, как раз и ответственен за продуцирование новых собственных идеальных форм. Развитие как отношение идеальных форм уровня начинается в идеальном пространстве, а уже заканчивается в реальном пространстве реальных форм деятельности, превращающих натуральное предметное пространство в пространство значений и смыслов.

Таким образом, принимая во внимание, что деятельность двумерна и осуществляется в пространстве, порождённом отношением её идеальных и реальных форм, можно понять переходной формы события идеальной формы деятельности. Это есть процесс возникновения самой идеальной формы, которая действительно не является следствием ни причин, ни целей сложившихся обстоятельств только потому, что эти сами обстоятельства, причины и цели сами порождены идеальной формой деятельности. Для того, чтобы осуществить развитие, необходимо преодолеть самоё идеальную формы, которая определена в обстоятельствах, причинах и целях. В связи с этим, есть определённый смысл интерпретировать событие как недетерминированное явление, имея в виду особый (неактуальный, неситуативный) характер детерминации – детерминации собственной логикой развития идеальных форм.

В связи с проделанным нами анализом уже не выглядит неожиданным наш вывод, который, вообще говоря, идёт вразрез с классической версией культурно-исторической концепции деятельности: идеальная и реальная форма деятельности в процессе трансцендирования существуют и осуществляются

одновременно потому, что идеальная форма есть способ превращения самой деятельности.

Учитывая эти результаты, вполне логично предположить, что стратегия конструирования онтогенеза универсального человека совпадает со стратегией порождения собственной идеальной формы самим развивающимся ребёнком. Необходимость такой постановки вопроса вытекает из формирующейся и постепенно укрепляющейся тенденции в современной психологической науке делать предметом своего внимания не какие-то эмпирические конкретные свойства и процессы их воспроизводства, а главное в человеке – его универсальность как онтологического предметного существа.

На этом пути весьма своевременны предостережения о роковой натурализации исконно “искусственного” и опосредованного по своей природе процесса человеческого развития. Эта натурализация всегда связана с непосредственностью отношения, с превращением рефлексивного отношения в отношение адаптивное. Логика этого превращения в конечном итоге заключается в признании человека конкретно-историческим, а не универсальным существом. В этом случае сразу же укореняются как всеобщие и универсальные на самом деле всего лишь конкретно-исторические закономерности и формы деятельности. Тем не менее, они провозглашаются вечными и не подлежащими преодолению, превращению в продукт индивидуального творчества.

Чтобы избежать такого превращения рефлексивного отношения трансцендирования в адаптивное отношение уподобления необходимо последовательно и ответственно проводить в жизнь (реализовывать в моделях человека и в практике его онтогенеза) идею универсальности как способности преодолевать любые границы за счёт бесконечного порождения всё новых и новых собственных возможностей.

На этом пути много трудностей и нерешённых пока ещё проблем. Но самой главной из них, так сказать, “системной” является всё-таки проблема психологии самого культурно-исторического психолога. Она заключается в том, что действительное решение проблемы психологии универсального человека лежит не на пути усовершенствования заложенных Выготским культурных механизмов трансляции внешней для ребёнка идеальной формы и её буквального воздействия в качестве обязательного образца для подражания на реальную форму деятельности ребёнка (присвоение, распремечивание, интериоризация, уподобление), а отказ от них и переход к пониманию идеальной формы не как продукта социума, а как продукта индивидуальной деятельности самого ребёнка. На наш взгляд, это и означает, что идеальная форма становится открытой к изменениям в процессе индивидуального развития ребёнка, не выступает в качестве дамклова меча, не существует как натуральная, т. е. нерелексивируемая форма.

Психическое развитие ребенка как универсального субъекта будет реально осуществлено только в том случае, когда реальный процесс его онтогенетического саморазвития будет полностью основан на его свободном продуцировании собственных идеальных форм. Это как раз и есть те самые необходимые степени свободы, при наличии которых ребенок формируется в самостоятельного, универсального онтологического субъекта, а потенциал неосво-

енных возможностей заложен в самом историческом процессе его развития, как внутренняя логика его самостоятельного трансцендирования.

Здесь под избыточной возможностью следует, на наш взгляд, понимать логику возникновения конкретной операции, но источники возможностей освоения этого потенциала находятся, на наш взгляд, не в возможностях присвоения, а в его возможностях самостоятельного порождения. Но для этого ситуации онтогенетического развития должны быть сконструированы таким образом, чтобы непосредственным предметом деятельности ребёнка стала как раз сама логика трансцендирования, превращая которую в свою порождающую способность он и будет осваивать универсальные потенции самой бесконечно самотворящей природы. В этом случае речь должна идти как раз не о навязанном влиянии идеальной формы взрослого на реальную форму ребенка, и даже не о взаимном влиянии идеальных и реальных форм взрослого и ребенка, а о взрослом как условии возникновения и осуществления порождающей собственной идеальной формы индивидуальной деятельности ребенка. Тогда действительно единственным путём решения проблемы становится путь отказа от монологизма любой идеальной формы, но это станет возможным только в случае принятия идеи свободного творчества самим ребёнком собственных идеальных форм.

5.3. Чувственность как исходная форма онтогенетического развития

Ключевой для конструирования модели онтогенетического развития универсального субъекта является проблема начала и непосредственно связанной с ней проблема всеобщности и универсальности чувственной сферы. Здесь для нас теоретическим основанием является идущая от Гегеля традиция рассматривать чувственность в качестве начала и источника познания и развития [11, с. 69]. Эта традиция основана на предположении о всеобщем характере самой чувственной сферы, что позволяет строить развитие как выведение рациональных уровней познания и развития из его чувственного основания.

На основании этой традиции развитие рассматривается с точки зрения взаимодействия единичного и всеобщего, где под единичным следует понимать чувственную (непосредственную) форму всеобщего, а под собственно всеобщим – его превращённую, рациональную форму. Таким образом, чувственная сфера приобретает весьма важное и определяющее значение для всего последующего онтогенетического развития, поскольку именно в пространстве непосредственного, в пределах чувственной сферы сущее дано человеку как таковое, само по себе. Всё это означает, что, принимая приоритет существования перед сущностью, чувственности перед рациональностью, мы должны признать приоритет чувственности и перед мышлением.

Значение человеческой чувственности неоченимо, поскольку только за счёт чувственности человек имеет возможность сущностью (по способам существования) быть непосредственно связанным с бытием, с существующим предметным миром. Если значение чувственной сферы и её определяющая роль в существовании человека для нас очевидны, то далеко не столь очевидны способы ее осуществления, предлагаемые, например, С.Л.Рубинштейном.

Проблема заключается в том, что, признавая восприятие самой чувственной сферой, мы допускаем некоторую неточность, которая при проектировании онтогенеза может оказаться решающей. Дело в том, что, по нашему мнению, не следует говорить о восприятии как число чувственной сфере человеческой действительности. Как и любой уровень развития человека, уровень восприятия характерен соотношением идеальной и реальной формы. Нам представляется, что хотя в восприятии образ и реальность не различаются, но само восприятие уже осуществляется как рационально опосредованное (интуицией). А поскольку это так, то мы оказываемся на самом деле не в сфере непосредственного, а уже в сфере опосредованного и тем самым уже интерпретированного мира.

Неучтение этого обстоятельства приведёт к тому, что мы за сам предметный мир станем принимать его интерпретацию. Последствия этого очевидны и неприятны, поскольку в этом случае мы не предполагаем некоторых механизмов, реально детерминирующих нас, но нам неизвестных. Не делая их предметом собственного сознания, мы рискуем жить не в мире, а в иллюзиях о реальном мире. Поэтому нам трудно согласиться с утверждением о том, что воспринимать, значит автоматически онтологизироваться. На наш взгляд, у человека ещё существует слой до восприятия, который характерен наличием идеальной формы, но не в виде устойчивого образа, а в виде спонтанного чувства наличия предметного мира.

Особое значение всеобщность чувственности имеет для конструирования онтогенеза универсального субъекта, поскольку только благодаря её всеобщности онтогенез может быть осуществлён как процесс универсализации человека, но не за счёт привнесения её извне, а за счёт выработки её “изнутри. Чувственная сферы является наиболее богатой из всех сфер человеческой действительности, именно она детерминирует как собственное развитие, так и развитие всего целостного человека. Отсюда следует, что чувственное и рациональное – не последовательные ступени развития, а необходимые составляющие любого уровня и этапа развития. Чувственные формы деятельности, обладающие безусловной и богатой всеобщностью, имеют свою специфику. Воплощая в себе всеобщность, они воплощают её не в расчленённой и развёрнутой форме, а в форме нерасчленённой, в форме мгновенного интуитивного “схватывания” и удерживания самой исходной целостности, её генетического основания. Поэтому, безусловно, был прав С.Л.Рубинштейн, когда писал о единстве и взаимопроникновении чувственного и рационального (логического) [12, с. 206].

Значение чувственной сферы для формирования мышления и сознания всегда отмечалось в деятельностных психологических концепциях, на основании которых строился онтогенез ребенка как превращение чувственных форм его деятельности в её рациональные формы. Но чувственная сфера человеческой действительности не только является по своей природе всеобщей и универсальной сферой. Она является реальной и генетически единственной детерминантой всего онтогенетического развития, задающая особенности и характер его протекания. Некоторые современные психологи считают чувственную сферу ответственной за самые значительные психические процессы – за пре-

вращение психических возможностей в действительность человеческой психики. С этой точки зрения, именно в сфере человеческой чувственности и за счёт чувственных механизмов переживания осуществляется развитие, начинающееся с порождения целей развития. Именно чувственная сфера является той фундаментальной детерминантой, которая задаёт не только способы воспроизводства, но самое главное – способы развития человека.

Очень важным для нас моментом и значением чувственной формы является то, что она не только является реальным детерминирующим фактором собственного развития человека, но самое главное – это то, что самая главная способность универсального субъекта – его способность к трансцендированию – задана исходно и непосредственно, существует как изначально внутренняя характеристика человека, а способом её существования является чувственная сфера человека.

5.4. Сложность как психологический критерий онтогенетического развития

Необходимость в разработке психологического содержания категории (понятия) сложность возникает только тогда, когда осуществляется попытка построить процесс онтогенетического развития как выводимый из единого общего основания переход с одного качественного уровня на другой, с одного уровня сложности на другой. Только в рамках такой схемы развития можно говорить о способе качественного самоизменения, о логике развития, о логике трансцендирования.

Если не настаивать на необходимой и целенаправленной смене качества развивающегося объекта, а принять за развитие спонтанное осуществление каких-либо изменений (в том числе и качественных), то проблема с критериями развития и, следовательно, с понятием “сложность” не возникает вообще, потому что в этом случае само развитие (т.е. как говорит Б.Д.Эльконин, сам переход) предметной деятельности ребёнка никогда не становится,

Наша позиция заключается в том, что такие спонтанные формы развития имеют право на существование, реально существуют в действительности предметного мира и имеют более широкое распространение, чем развитие неспонтанное. Но мы убеждены в том, что такое спонтанное развитие не несёт на себе специфики и особенности человеческого существования, поскольку мы разделяем точку зрения об особом статусе человека в мире и его особом характере существования, которое есть трансцендирование. Поэтому сознание возникает в предметном мире не спонтанно, а как историческая необходимость возникновения способа опосредования этого трансцендирования для превращения его в произвольное и целенаправленное. Сознание как раз и фиксирует (опредмечивает) эти способы трансцендирования в смыслах и значениях.

Поэтому человеческая форма развития и человеческий способ организации онтогенеза таков, чтобы непосредственным предметом человеческой деятельности сделать её собственную логику трансцендирования, способ его собственного развития. Поэтому человеческий онтогенез – это такие ситуации человеческой деятельности, когда логика сама развития деятельности становятся предметом и целью деятельности ребёнка.

Двумерность способа существования предметного мира, с одной стороны, и его внутренняя структура (отношение идеальной и реальной формы), с другой, позволяют сконструировать понятие “сложность предметного мира”, с одной стороны, выражающую его качественную определенность как реального мира (онтологический план), а с другой стороны, являющуюся критерием, позволяющим “видеть” эту качественно определенную реальность.

Есть все основания предположить, что существование возможно только как взаимодействие реальной и идеальной формы. При этом это взаимодействие разворачивается в двух направлениях: в “горизонтальном” как процесс порождения идеальной формой своей реальной формы, и трансцендирования (развития) как процесс порождения идеальных форм.

Существование предметного мира задаётся возможностью (или уже наличием) порядка. Порядок — это некоторое отношение, наличие которого делает возможными способы существования. Таким образом, возможность сущности как способа существования определяется самим предметным миром, существованием его в качестве упорядоченной реальности. Эта упорядоченность бывает двух типов: упорядоченность формальная (пространственная), порождающая пространство предметных форм, и упорядоченность содержательная (временная, генетическая), порождающая сам порядок.

Первым уровнем сложности предметного мира является мир спонтанный, вероятностный. Он существует “здесь и теперь”, способов как таковых нет, так же, как нет и процессов, и они никак не зафиксированы. Формирование и генез осуществляются одновременно с исчезновением их результатов. Мир как бы всё время возникающий и одновременно исчезающий. Такому миру соответствует спонтанное сознание, функция которого заключается в удерживании самой возможности его существования как вероятностного. Поэтому сознание необходимо как форма существования самой возможности исчезающего мира, оно обеспечивает воспроизводство такого вероятностного мира и является необходимой онтологической его характеристикой, наряду с реальной формой. Реальная форма никогда не существует без своего аналога – идеальной формы. Она аккумулирует самоё возможность существования предметного мира и потому онтологическая структура предметного мира всегда состоит из его реальной и его идеальной форм. В самом предметном мире как его идеальная форма существует возможность его существования в качестве предметного мира. В этом заключается замечательная функция идеальных форм – они есть способ, каким предметный мир сохраняет возможность собственного существования.

Следующим уровнем предметного мира является структурированный мир, мир устойчивых предметных взаимодействий и “структур” (форм) как возможностей существования предметных взаимодействий. Этому структурированному миру соответствует интуитивное сознание, которое в форме интуиции фиксирует способ преобразования взаимодействующих предметов в “структуры” их взаимодействия. На уровне структурированного мира “структура” есть способ существования возможности взаимодействий между предметами.

Третьим уровнем сложности предметного мира является мир целостный. Это мир, упорядоченный логическим образом. Логика является тем всеобщим способом, той универсальной “структурой”, которая является порождающим принципом и способом воспроизведения любого типа и любого характера взаимодействий в предметном мире. Этому миру соответствует смысловое сознание, которое в смыслах фиксирует способы осознания предметного мира, т.е. способы его преобразования из реальной формы предметного пространства в знаково-символическое пространство. Процедура осознания – это процедура воссоздания исходной целостности мира, а смысловое сознание – это идеальная форма, которая обеспечивает самоё возможность существования целостно-предметного мира.

Таким образом, логика развития (усложнения) предметного мира состоит в возрастании его целостности за счёт обобщения способов его предметной организации. Такими базовыми способами, одновременно являющимися этапами развития способов его существования, являются следующие: вероятностное предметное взаимодействие (ему соответствует спонтанное сознание); структурный характер взаимодействия (ему соответствует интуитивное сознание); гармонический характер предметных взаимодействий (ему соответствует смысловое сознание).

Вероятностное, структурное и гармоническое типы взаимодействий принципиально отличаются следующим образом:

ВЕРОЯТНОСТНОЕ взаимодействие: предметный мир “здесь и теперь”. У него нет ни прошлого, ни будущего. Есть только настоящее. Причём возможность настоящего существует только в настоящем, поскольку сознание имеет место только в момент “здесь и теперь” осуществляющегося взаимодействия. У предметного мира нет будущего, у него нет прошлого. Возможность его существования имеет место только в момент существования самого взаимодействия и исчезает вместе с прекращением взаимодействия. Вероятностный предметный мир имеет сущность только в момент “здесь и теперь” существования. Возможность вероятностного предметного мира возникает вместе с возникновением взаимодействия и исчезает вместе с исчезновением взаимодействия.

СТРУКТУРНОЕ взаимодействие: предметный мир существует в настоящем. Но его настоящее есть его прошлое. Возможность настоящего существует как его прошлое. Идеальная форма – возможность его существования как структурированного предметного мира – это его прошлое, определяющее существование структурированного предметного мира в настоящем. Существование как реальная форма предметного мира и сущность как его идеальная форма (возможность его существования) уже разделены и существуют как две самостоятельные и структурно автономные действительности, но сам способ их разделения-связи предметом осознания не становится. Это позволяет структурированному миру устойчиво существовать, сохраняя устойчивость структурированности на протяжении всего своего настоящего.

Если вероятностный мир характерен тем, что в нём отсутствует всякая устойчивость, упорядоченность и предсказуемость, а взаимодействия осуществляются спонтанно и все происходящие изменения никак не зависят от уже

произошедших, а детерминация изменений осуществляется самими изменениями в момент из существования, то структурированный мир – это мир предсказуемый и упорядоченный, детерминированный своим прошлым в виде “структуры” как его идеальной формы, задающий и детерминирующий характер будущих взаимодействий. Таким образом, в структурированном мире появляется то, чего не было в вероятностном мире: устойчивый характер детерминации настоящих событий прошлыми за счёт воспроизводства “структуры” взаимодействий как идеальной формы реального структурированного мира. Но структурированный мир – это мир настоящего, мир постоянно воспроизводящийся и воспроизводящий свои идеальные формы. Поэтому сознание как способ происхождения идеальных форм имеет интуитивный характер, то реальная генетическая связь идеальной формы и реального структурированного пространства воспроизводится, но как способ она не фиксируется и потому она не ещё становится непосредственным предметом сознания, поскольку в структурированном мире не существует проблемы выхода за пределы своей идеальной формы.

ГАРМОНИЧЕСКОЕ взаимодействие – это взаимодействие целостного мира с самим собой. Теперь предметный мир существует одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Идеальная форма его существования – возможность существования предметного мира как целого – существует как логика его развития (логика его возникновения как целого, логика трансцендирования). Эта логика трансцендирования существует как идеальная форма в виде смыслового сознания, она есть возможность существования целостного мира как способ воспроизводства логики генетической его происхождения. Поэтому гармонический мир существует теперь одновременно в прошлом, настоящем и будущем. Теперь с появлением смыслового сознания, логики как идеальной формы целостного предметного мира сам предметный мир приобретает устойчивость не только как устойчивость воспроизводства, но и как историческую устойчивость – устойчивость его трансцендирования как целого.

В форме генетической логики трансцендирования возникает особая детерминация, неизвестная в структурированном предметном пространстве - детерминация будущим. Возникает смысловое сознание как способ фиксации способов происхождения идеальных форм. Поэтому смысловое сознание есть особая идеальная форма, форма фиксации способов происхождения идеальных форм, ставший предметом сознания. После возникновения смыслового сознания, детерминация будущим осуществляется как детерминация логикой происхождения идеальных форм. Поэтому целостный предметный мир – это существо, целенаправленно производящее свои собственные идеальные формы, которые, в свою очередь, становятся детерминантами его собственного существования. Поэтому человек – это особое рефлексивное существо (осознавшая себя природа), целенаправленно производящее собственные детерминанты существования (собственные идеальные формы). В этом заключается его коренное отличие от всех других существ.

Но существование целостного мира – это трансцендирование, т.е. непрерывный выход за актуальные пределы и возможности, задаваемые наличными идеальными формами. Когда идеальные формы становятся внутренними пре-

делами, мешающими дальнейшему развитию, тогда-то и возникает необходимость в трансцендировании. Оно осуществляется за счёт порождения новых идеальных форм и реализации своего существования уже на основании этих, порождённых самим человеком идеальных форм.

Логика развития предметного мира, порождающего свои идеальные и реальные формы, развивающее своё онтологическое сознание как способы существования своих идеальных форм, является, на наш взгляд, единственно возможной логической основой при проектировании онтогенеза человека как универсального субъекта. Эта логика должна стать логикой становления человеческого индивида а процессе его онтогенеза, в противном случае мы всегда будем получать в результате “частичного человека”.

В реальном процессе социально-культурного онтогенеза (в процессе образования) логика трансцендирования предметного мира может быть воспроизведена логикой развития научного знания, воспроизводящей генетическую логику возникновения самого предметного мира. Эта логика в условиях образовательного процесса должна быть представлена в виде генетической последовательности учебно-исследовательских предметных задач, динамикой сложности своей структуры воспроизводящих историческую динамику сложности самого предметного мира. Это можно сделать только воспроизведя в учебных задачах культурно-историческую логику развития предметного научного знания.

Структура каждой учебно-исследовательской задачи, которые связаны между собой генетической логикой их усложнения, должна воспроизводить структуру сложности объективного способа их решения, соответствующего структуре сложности соответствующего уровня развития предметного мира. Поскольку учебно-исследовательская задача – это проблемная ситуация, общим способом решения которой является опосредование, т.е. делание себя предметом собственной рефлексии, и поскольку возможность такой генетической рефлексии задаётся внутренней логикой усложнения проблемных ситуаций, постольку при решении этих проблемных ситуаций будет формироваться рефлексивная структура индивидуальной деятельности, соответствующая уровню сложности самой проблемной ситуации.

Исходя из объективной логики усложнения предметного мира и соответствующей ей логики усложнения проблемных учебно-исследовательских ситуаций, можно говорить о сложности способа решения и, соответственно, о сложности рефлексивной деятельности, которую должен осуществлять решающий эти проблемы ребёнок. Т.е. можно говорить о психологической сложности учебной ситуации, учебной деятельности и об сложности как психологической характеристике уровня развития самого развивающегося ребёнка.

На наш взгляд, психологическая сложность должна определяться характером и структурой того класса идеальных пространств, которое должен построить ребёнок, чтобы сформулировать необходимый практический общий способ решения учебной задачи, соответствующий сложности учебно-исследовательской ситуации.

Структуры проблемных ситуаций и соответствующие им общие способы решения могут быть следующими:

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ. Проблемная ситуация вероятностного типа, соответствующая спонтанному характеру вероятностного предметного мира. Этот тип учебных ситуаций характерен для первого онтогенетического этапа. Представляет собой предметную ситуацию, реальная форма которой представляет собой отдельные, на связанные между собой явления предметного мира, в отношении которых ребёнок должен осуществлять спонтанные, немотивированные, не связанные между собой предметные действия. Учебная проблема вероятностного типа – необходимость различать между собой упорядоченные и неупорядоченные явления. Способом решения такого типа учебных задач является чувственное реагирование на наличие или отсутствие порядка, возможность такого реагирования складывается и существует в условиях чувственного общения с близким взрослым, средствами такого реагирования является как сам ребёнок, его собственные естественные “орудия”, так и взрослый, используемый ребёнком в качестве орудия для выражения своего предметного отношения и для проверки правильности своих оценок.

Продуктом индивидуальной деятельности ребёнка в условиях такого непосредственного (чувственного) общения является его возможность реагировать на наличие или отсутствие порядка в предметном мире, а средством фиксации этой возможности (её идеальная форма) является сформированное эмоциональное переживание порядка или отсутствия его в условиях манипулирования предметным миром. Психологическое содержание манипулирования – непосредственная проверка наличия или отсутствия порядка в предметном мире. Это переживание порядка есть та базовая способность, которая формируется у детей к концу вероятностного (сенсорного) этапа их онтогенетического развития.

Особенностью проблемных ситуаций вероятностного типа является то, что и сама проблема, и способ её решения находятся в одном и том же чувственном пространстве предметного мира и не требует для своего решения создания дополнительных идеальных пространств, как это становится необходимым уже на следующем онтогенетическом этапе развития.

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ. Проблемная ситуация структурного типа, соответствующая упорядоченному характеру структурированного предметного мира. Этот тип учебной ситуации характерен для второго онтогенетического этапа развития. Представляет собой предметную ситуацию, реальная форма которой представляет собой структурированные явления предметного мира, в отношении которых ребёнок должен осуществить структурированную целесообразную деятельность. Учебная проблема структурированного типа – необходимость упорядочить форму явлений предметного мира. Способом решения такого типа учебных задач (проблем) является “схема” деятельности, которая выступает в качестве её цели и является идеальной формой как средством упорядочивания собственной индивидуальной предметной деятельности. Деятельность в этом случае представляет собой структуру, т.е. осуществляемую последовательность действий, порядок осуществления которой задаётся идеальной формой – “схемой”, которая сама возникает путём преобразова-

ния реальной формы структурированного предметного мира в его идеальную форму - “структуру”. Вот эта “структура”, вначале существовавшая как идеальная форма самого структурированного предметного мира, в результате осуществления интуитивной формальной рефлексии становится идеальной формой деятельности самого ребёнка.

Таким образом, учебные задачи структурного типа требуют для своего решения создания идеального пространства идеальных форм – “структур”, которые являются способом решения учебно-исследовательских проблем структурного типа. В качестве средства решения структурных учебных задач выступает вторичный образ представления, “значением” которого является уже “схема” деятельности как последовательность процедур установления отношения в реальном предметном мире. Поэтому, чтобы решить проблемную ситуацию структурного типа, ребенок должен самостоятельно построить сначала идеальное пространство “структур” предметного мира, затем преобразовать его в идеальное пространство “структур” (“схем”) собственной деятельности.

Возможность построения первого идеального пространства – пространства предметных “структур” – задаётся необходимостью формирования формальной интуиции, т.е. способа превращения реальной пространство упорядоченных предметов в идеальное пространство “структур”. Поэтому необходимо решение учебных задач структурного типа способствует возникновению формальной интуиции (интуиции формы). Но не толь неё. Следующая процедура превращения идеального пространства предметных “структур” в идеальное пространство “схем” деятельности предполагает возникновение интуитивной формы сознания, т.е. интуиции как способа происхождения идеального пространства деятельности из идеального пространства предметных “структур”.

Это означает, что учебной задачи структурного типа принципиально отличаются от учебных задач вероятностного типа тем, что для их решения недостаточно одного только непосредственно-чувственного пространства манипулирования, а необходимо конструировать идеальное пространство представлений, которое является пространством возможностей решения этого типа задач, “значением” которого является “схема” деятельности, а результатом – новые предметные структуры и новые образы восприятия.

Продуктом индивидуальной деятельности ребёнка в условиях “структурированного” онтологического общения является его возможность ребёнка осознанно строить свою предметную деятельность в структурированном предметном мире, а средством фиксации этой возможности (её идеальная форма) является “структура” как принцип построения предметной деятельности в структурированном предметном мире. Психологическим содержанием целесообразной предметной деятельности является упорядочивание предметного мира на основании его собственной идеальной формы (т.е. на основании возможности быть упорядоченным за счёт наличия предметной “структуры” как возможности его структурирования).

Но главным результатом решения учебных задач структурного типа является формирование интуитивного типа сознания и интуитивной формы рефлексии как способа превращение идеальной формы предметного пространства в иде-

альную форму предметной деятельности. Таким образом, на этом уровне впервые формируется (правда, пока в форме интуиции) способ трансцендирования как способ выхода за границы чувственной сферы за счёт создания дополнительного идеального пространства новых собственных возможностей.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ. Этому уровню сложности соответствует проблемная ситуация гармонического типа, соответствующая гармоническому характеру предметного и мира. Представляет собой гармонизированный предметный мир, реальная форма которого представляет собой генетическую последовательность усложняющихся предметных структур, связанных между собой единой логикой происхождения. Учебная проблема гармонизированного типа – необходимость генетически упорядочить усложняющиеся предметные структуры, т.е. представить предметный мир как развивающееся целое. Способом решения этого типа учебных задач (учебных проблем) является генетическая логика деятельности, которая выступает в качестве её смысла и которая порождает конкретные её цели. Предметная деятельность в этом случае представляет собой внутреннее рефлексивное (генетическое) отношение её собственного происхождения, способ осуществления которой задаётся её идеальной формой – “генетической логикой деятельности”, которая сама возникает в результате преобразования реальной формы гармонизированного предметного мира (предметного мира, сконструированного как развивающееся целое) в его идеальную форму – “генетическую логику формы”. Вот эта самая генетическая логика формы, вначале существовавшая как идеальная форма гармонизированного предметного мира, после специальной процедуры преобразования, превращается в идеальную форму – “генетическую логику деятельности” – самой предметной деятельности развивающегося ребёнка.

Таким образом, учебные задачи гармонического типа для своего решения предполагают создание уже третьего идеального пространства, пространства идеальной формы целостного предметного мира. Все решения учебных задач этого типа находятся в идеальном пространстве логик, поэтому сложность предметной деятельности, необходимая для решения задач третьего типа принципиально отличается от сложности деятельности второго уровня.

Главным результатом решения проблемных ситуаций третьего типа становится формирование смыслового типа сознания и осознанной формы рефлексии. На этом уровне сформированности предметной деятельности и сознания предметом деятельности становятся смыслы, а пространством её осуществления — знаково-символическое пространство.

Итак, в своем онтогенетическом развитии предметная деятельность ребёнка и сам ребёнок как универсальный субъект последовательно проходит три основные стадии развития, которые характеризуются тремя уровнями сложности предметной деятельности, рефлексии и сознания:

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ характеризуется возможностью осуществления её в чувственном непосредственном пространстве манипулирования в соответствии с чувственной же идеальной формой. Для решения вероятностных учебных задач кроме непосредственно-чувственного пространства ничего не надо, необходимо только всегда устанавливать соответствие между чувственной идеальной формой и чувственным пространством деятельности

манипулирования. Любой родившийся ребёнок способен решить любую задачу вероятностного типа.

ВТОРОЙ УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ характеризуется двойной структурой пространства предметной деятельности: реальным и идеальным. Чтобы решить учебную задачу второго типа необходимо достроить реальное пространство идеальным, и уже в идеальном пространстве построить необходимое решение. Этот тип задач может решить ребёнок, у которого в достаточной мере сформирована формальная и рефлексивная интуиция. Если во время образования на это не было обращено специальное внимание, тогда у ребёнка могут начаться трудности, которые окажут серьёзное влияние на всё его последующее развитие.

ТРЕТИЙ УРОВЕНЬ СЛОЖНОСТИ характеризуется тройной структурой пространства предметной деятельности. Она представляет собой реальное пространство предметной деятельности, первое идеальное пространство, где осуществляется решение задач структурирования предметного пространства, и второе идеальное пространство, где, собственно, и находится способ решения задач генетического упорядочивания.

В результате решения учебных задач первого типа (первого уровня сложности) у детей формируется чувственное сознание. В результате решения задач второго типа (второго уровня сложности) у детей формируется интуитивное сознание. В результате решения задач третьего типа (третьего уровня сложности) у детей формируется смысловое сознание.

Цитируемая литература

1. Рубинштейн С.Л. Человек и Мир // Проблемы общей психологии. М., 1973.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
3. Кудрявцев В.Т. Психология развития человека (Основания культурно-исторического подхода). Рига, 1999.
4. Шадриков В.Д. Происхождение человечности. М., 1999.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
6. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
7. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1981.
8. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М., 1995.
9. Шадриков В.Д., Голубева Л. Индуцируя мысль (Трансцендентальная дидактика М. Мамардашвили) // Вестник высшей школы. Alma mater. Москва, 2000. №3.
10. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-историч. теории Л.С. Выготского). М., 1994.
11. Гегель. Феноменология духа // Гегель. Система наук. Часть I. М., 1959.
12. Гегель. Лекции по истории философии // Гегель. Сочинения. Т.9. М., 1932.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940.

Литература, использованная при подготовке Главы V

- Аббасов А. Сложность. Время. Синергетика: Общетеоретический анализ проблем сложности и развития ложных систем. Баку, 1991.
- Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М., 2000.
- Библер В.С. Мышление как творчество. М., 1975.
- Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М., 1999.
- Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5.
- Грэйс К. Психология развития. СПб., 2000.
- Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998.
- Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990.
- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М., 1960.
- Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата, 1991.
- Максименко С.Д. Генетическая психология. М. Киев, 2000.
- Научное творчество / Под ред. Микулинского С.Р., Ярошевского М.Г.. М., 1969.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. (Предмет психологии). М., 1999.
- Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. М., 1998.
- Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. М., 1999.
- Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

Глава VI.

РЕФЛЕКСИВНОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ

- 6.1. Опосредование как человеческий механизм существования.
- 6.2. Психология причинного (естественного) опосредования.
- 6.3. Психология целевого (искусственного) опосредования.
- 6.4. Психология знакового опосредования.
- 6.5. Психология рефлексивного опосредования.

6.1. Опосредование как человеческий механизм существования

Величайшим достижением культурно-исторической парадигмы человека заключается, на наш взгляд, в открытии способа опосредования. С этой точки зрения, человек есть существо, способное к опосредованному существованию. Поэтому проблема онтогенеза человека как универсального субъекта, т. е. существа, способного предметом собственной деятельности делать собственную сущность – способ собственного существования, – это проблема создания ребенку непрерывной системы ситуаций необходимости опосредования. Только в этом случае непосредственным предметом ребенка будет его способ существования, так как “сущность есть как раз снятие всего непосредственного” [1, с. 267].

Благодаря Гегелю (и всей культурно-исторической традиции) человека необходимо рассматривать как существо опосредованное и “искусственное”, как существо создающее, а не просто воспроизводящее собственную сущность.

Это означает, что надо понимать и разделять действительность непосредственного и опосредованного существования, действительность естественного и искусственного существования, действительность человеческого и до-человеческого способов жизни. Сущность вообще, и сущность человеческого бытия Гегелем определяется через рефлексию, т. е. через способность отличать сущность от существования, способ существования от непосредственного процесса существования: "... отличие сущности от непосредственного бытия составляет рефлексия, её видимость в себе самой, и эта рефлексия есть отличительное определение самой сущности" [1, с. 265].

Такая фундаментальная способность человека отличать сущность от существования (другими словами, сводить процесс существования к его способу, и выводить существование из его способа) детерминирована самой реальностью существования предметного мира, который онтологически, по своей природе есть рефлексивная структура его реальной и его идеальной форм. Поэтому, исходная (изначальная) онтологическая рефлексивность предметного мира является онтологическим исходным основанием превращения опосредования как онтологической категории (как процесса существования) в опосредованность человеческого способа существования (внутреннюю рефлексивность человеческого способа существования). Таким образом, сознание как человеческий (рефлексивный) способ существования имеет глубокие онтологические корни как исходная и по своей природе присущая предметному миру его онтологическая характеристика.

Основываясь на гегелевско-марковском понимании человеческого сознания, можно утверждать, что сознание как опосредование есть внутренний способ выведения человеческой сущности (идеальной формы существования) из чувственности (реальной формы существования), и обратно, организация человеческой чувственности на основании её сущности (идеальной формы существования). Именно поэтому опосредование следует интерпретировать как установление равенства себя с самим собой. Это и есть истинное понимание рефлексии как внутреннего динамичного (т. е. самого находящегося в процессе собственного развития) способа установления отношения между собственной реальной формой существования и её идеальной формой, т. е. способа становления человека самим собой. В этом случае смысл говорить о субъектности, о человеке как субъекте возникает только тогда, когда человек рассматривается сам как основание самого себя, т. е. как существо, за счёт внутренней рефлексии порождающее собственное бесконечное становление в качестве универсального существа.

Гегелевское понимание человека как онтологического внутренне рефлексизирующего существа было полностью воспринято марксизмом и уже в дальнейшем опосредованность человеческого способа существования была положена в основу марксистского понимания "искусственно" природы человека. В этом смысле величайшим достижением культурно-исторической психологии стала конкретно-научная реализация гегелевско-марковского философского понимания опосредованной природы человека, выразившегося в понимании психологически внутреннего как культурно-исторически опосредованного. В связи с этим, можно сказать, что после Л.С. Выготского опосредование

как человеческий способ существования стало пониматься как отношение идеальной и реальной формы человеческого бытия.

6.2. Психология причинного (естественного) опосредования

Но опосредование как “искусственная” природа человека, может выражаться в несвойственных рефлексивной природе человека форме. Такой, не свойственной человеку форой выражения его опосредованного существования является, на наш взгляд, причинная детерминация человеческого существования.

Традиция рассматривать человека как причинно детерминированное существо ведёт своё начала со времён Аристотеля, который описывает четыре вида причин и, в связи с этим, критикует односторонность предшествовавших мыслителей, пытавшихся свести детерминацию к какому-то одному её виду. По мнению Аристотеля, причина есть условие и основание существования, в том числе и человеческого. “Вот каковы четыре вида причин, которые Аристотель находит у предшествовавших ему философов.

1. Материальная причина ($\upsilon\lambda\eta$, $\tau\omicron$ $\upsilon\lambda\omicron\upsilon\epsilon\tau\iota\mu\epsilon\nu\omicron\nu$), которая является субстратом всякого изменения, из которой возникают все вещи и в которую они разрешаются; это – первопричина ионийских физиков.
2. Та, откуда начало движения ($\omicron\theta\epsilon\nu$ η $\alpha\rho\chi\eta$ $\tau\eta\zeta$ $\chi\lambda\iota\nu\eta\sigma\epsilon\omega\zeta$), например, у Анаксагора.
3. Противоположная второй – конец движения или действия - $\tau\omicron$ $\omicron\upsilon$ $\epsilon\nu\epsilon\chi\alpha$ - “то, ради чего” что-либо совершается, или благо Платона (как конечная цель всякого генезиса и движения).
4. Форма, составляющая определенный вид вещи, сущность, у Аристотеля $\tau\omicron$ $\tau\iota$ $\eta\nu$ $\epsilon\iota\nu\alpha\iota$ ...” [2, с. 420].

Эта традиция причинного детерминизма была фундаментально использована и реализована, как известно, в психологической концепции С.Л.Рубинштейна. Для него принцип причинного детерминизма стал фундаментальным способ и единственной возможностью онтологизации человека как самодействующего субъекта. Его философская концепция онтологического человека базируется на фундаментальном понятии “взаимодействие” (понимаемого как взаимное воздействие), которое в качестве онтологического процесса позволяет С.Л.Рубинштейну обосновать человеческое существование как детерминированное внешним “причинением” одного сущего другим.

По своей внутренней сущности естественное — нерелексивируемое — отношение, причинная детерминация, распространённая на человеческое существование приводит к тому, что трансцендирующая универсальная природа человека не задумываясь сводится к движению молекул и атомов. В результате вместо высшего существа, способного не только преодолевать все конечные и бесконечные пределы своего существования, но и порождать свои собственные детерминанты, мы получаем примитивное природно-социально-адаптивное существо, непосредственно подчинённое любым спонтанным изменениям внешней среды (внешней ситуации).

Доведённый до абсурда, принцип причинной детерминации приводит к полному поглощению человека его социально-природной средой и, фактиче-

ски, его полного исчезновения как самостоятельного и самодостаточного существа. Такие результаты, которые неизбежны в случае абсолютизации причинного детерминизма и сведения к нему всех возможных типов детерминаций, являются порождением внутренней природы самой причины как конкретно определённого феномена и детерминирующего фактора.

Большое значение в этом случае играет тот факт, что под причиной, как правило, имеют в виду внешний объект, воздействие которого в качестве причины на другой объект описывается как выход внутреннего движения причины за её собственные, вещественно ограниченные пределы. Это внутренне движение причины, с одной стороны, есть способ воздействия на другой объект, а с другой, — есть способ её собственного воспроизводства. Именно в этом смысле С.Л.Рубинштейн вводит причинность в качестве онтологического процесса, что позволяет ему в дальнейшем описывать существование человека как его самодетерминацию.

Очень важным выводом, позволяющим понять психологическое содержание причины и причинения, является вывод о том, что причинение следствия есть процедура расчленения внутреннего самодостаточного и самовоспроизводящегося процесса-причины на её внутреннюю и внешнюю части. Таким образом, происходит как бы отслоение от внутреннего процесса-причины его внешних результатов так, что причинение выглядит как воспроизводство воспроизводящейся внутри самой себя причины в своём результате – следствии.

С.Л.Рубинштейн во многих своих произведениях неоднократно подчёркивал процессуальность причины. Это ему необходимо для того, чтобы естественным (непосредственным) образом онтологизировать человека, включить его как естественное существо в структуру бытия за счёт введения в цепь естественных причинно-следственных преобразований. В подтверждение этого мы можем сослаться на приведённый ниже текст, где он однозначно и недвусмысленно описывает причинно-следственное взаимодействие как непосредственный естественный процесс, включающий в себя вещь-причину, непосредственное причинение и вещь-следствие: “... причина выступает как процесс, а не только как вещь. Причина действует сначала в процессе внутри вещи (поддерживая, развивая его, как некая инерция процесса), затем происходит порождение следствия как выход процесса, движения, выступающего сначала внутри причины, вовне её в отделяющееся, обособляющееся от неё следствие. В какой-то мере это есть, по существу, внутренний закономерный ход единого процесса. Некоторый отрезок этого процесса выступает вещно как причина, и затем следующий оформляется вещно в виде относительно законченных этапов, звеньев единого процесса, отделяется от причины как её следствие. Причинность выступает, таким образом, как во времени протекающий процесс со своей внутренней закономерностью. Выделение причины и следствия необходимо связано с вещным предметным характером окружающего” [3, с. 28].

Приведённые выше рассуждения позволяют говорить о том, что причинно-следственные взаимодействия по своей природе являются непосредственными (естественными), в результате которых сам переход “причина-следствие” никогда не становится предметом опосредования, а, следовательно, предметом рефлексии и предметом осознания. Собственно говоря, парадигма человека как

непосредственного существа задаётся сразу, как только обозначаются причинно-следственные особенности детерминации его существования. Как известно, причинный характер детерминации является методологической основой субъектно-деятельностной концепции человека. В этом случае можно говорить о том, что субъектно-деятельностная концепция развития человека является концепцией человека как непосредственного (естественного) существа. В ней естественная природа человека задаётся единством его внешних и внутренних причин.

Характерной чертой естественной парадигмы человека является стремление рассматривать его существование как “действие”, “воздействие”. При этом самодетерминация понимается как воздействие на самого себя, причинение по отношению к самому себе. И тогда воздействие по отношению причины к самой себе, её собственная “инерция” самосохранения, инерция воспроизводства интерпретируется как рефлексия.

Теперь есть возможность отчётливо рассмотреть внутренних механизм причинения, его “естественную рефлексивность”. Здесь “естественная” рефлексивность (если можно так выразиться) выступает в качестве способа укоренения, утверждения самой причины в качестве неизменной, ставшей, не подвергающейся изменению в процессе причинения. В этом смысле “естественная” рефлексия есть средство самосохранения, самовоспроизводства, утверждения себя в качестве неизменной действительности.

Получается так, что в момент причинения причина выступает как нерелексивная, не способная к изменению действительность, а сам способ причинения есть продление, продолжение, перенос, воплощение причины-процесса в своём следствии-результате. Это всё означает, что главным законом причинной детерминации является сохранение качественной определённости причины в процессе её осуществления. Само же осуществление происходит как нерелексивный, непосредственный естественный (непосредственный) процесс воссоздания, воспроизводства самой причины. Причина в процессе причинения не становится своим собственным предметом, предметом преодоления, предметом рефлексии, предметом порождения. Поэтому главным законом причинной детерминации является закон самосохранения причины как детерминирующего фактора, а главным результатом этого закона является воспроизводство структуры причины в структуре следствия.

Всё это означает, что причинение есть способ воссоздания, воспроизводства тотальной структуры, построенной на принципе причинной детерминации. В этом случае если и можно вести речь о развитии, то развитие это происходит не в процессе причинения и не за счёт причинения. Поэтому причинную детерминацию никак нельзя рассматривать в качестве механизма развития, а тем более, в качестве механизма человеческого способа развития.

Тем не менее, причинная детерминация как человеческая форма жизни также является опосредованной, а, стало быть, рефлексивной. Но опосредованность эта в высшей степени своеобразная и специфическая. Особенность её заключается в том, что если в случае человеческой формы опосредования – рефлексивной детерминации - человек становится непосредственным предметом собственной деятельности (неважно, осознаёт он сам это или нет), а реф-

лексия всегда носит опосредованный, “искусственный” характер, т. е. человек детерминирован своей искусственной формой, которая им самим целенаправленно порождается, то в случае причинной детерминации человек не становится непосредственным предметом собственной деятельности, целенаправленно не производит своей идеальной формы, а непосредственной детерминантой его является его реальная форма — результат стихийного опредмечивания.

Поэтому в условиях человеческой жизни причинная детерминация - тоже опосредованная детерминация, специфика которой заключается в её спонтанной и нерелексивной форме. Такая спонтанность причинного опосредования отражена С.Л.Рубинштейном в понятии “внутренние условия”, в которых аккмулируются стихийно опредмечиваемые результаты (следствия) воздействия внешних причин на самого человека. После того, как следствия внешних воздействий приобретают устойчивую форму, они, в свою очередь, сами выступают в качестве вторичных причин. Возникновение вторичных внутренних причин (внутренних условий) приводит к возникновению рефлексии как их следствию. Причём под рефлексией С.Л.Рубинштейн понимает непосредственную форму отношения (чувства) внешних и внутренних причин.

Следует отметить, что в данном случае, в случае рефлекторной концепции человека, под “внутренним” понимается в буквальном смысле внутреннее пространство человеческой рефлекторной (нервной) системы, а не то пространство опосредований, как это понимается в культурно-исторической концепции человека. Понимание внутреннего как рефлекторной системы, расположенной внутри тела человека, приводит к тому, что оно оказывается принципиально нерелексируемым и принципиально непосредственным. Это значит, что в условиях естественной модели человека неизбежно предполагается наличие таких сфер человеческого существования, которые самим человеком никогда не смогут быть освоены и никогда не смогут стать произвольными. В связи с этим, никогда не сможет быть преодолена их естественность и их произвольность (натуральность). Это, собственно говоря, означает, что с точки зрения культурно-исторической психологии, причинно-детерминированный человек никогда не сможет вступить на путь собственно человеческого, т. е. культурного развития.

Спонтанная форма опосредования, тем не менее, позволяет говорить о самодетерминированности (самопричинении) человека. В этом случае человек понимается в спинозовском смысле как *causa sui*, т. е. причина самого себя. Такое рассмотрение человека позволяет говорить о самодвижении человека, о его саморазвитии.

Только необходимо иметь в виду, что и самодвижение, и саморазвитие представляют собой спонтанные и произвольные процессы изменения, в которых их участник и детерминирующий фактор - человек не способен преодолеть спонтанность, случайность и произвольность собственного существования. Это накладывает свой отпечаток на критерии развития и его психологическое содержание. Не случайно поэтому, в условиях причинной стихии развитие понимается скорее как любое изменение, нежели как качественное самозменение, а потому признаётся не особый и исключительный статус акта раз-

вития (как, например, событие), а его обыденность, неизбежность и ординарность.

В современных концепциях, построенных на причинно-следственной детерминации, осуществляются попытки обоснования человека как “носителя свободной причинности”. Поскольку разработанный в психологии причинный детерминизм до конца не отвечает на вопрос о психических механизмах происхождения такой “свободной причинности”. Выход видится в разработке понятия “причинная неадаптивность”, которая позволяет, по мнению авторов, принципиально решить главную проблему причинной детерминации, проблему происхождения цели как детерминирующей причины. Здесь также интенсивно используется спинозовское *causa sui*, но уже в несколько ином виде, нежели в рубинштейновском варианте причинно-следственного взаимодействия.

Мир причинно-следственной детерминации и человек как причинно детерминированное существо в нём, представляет собой представляет такую реальность, которая непрерывно воспроизводит себя в прежнем качестве, для которой развитие есть случайный и непрогнозируемый результат. Причинно детерминированный человек в причинно детерминированном мире есть существо, на долю которого выпало осознать собственную причинную детерминированность и признать (смириться) причинную детерминированность единственно возможным способом существования.

Поэтому высшим идеалом причиняемого человека является возможность и способность выбора причины, его детерминирующей. В этом заключается его идеал свободы, в этом заключён пафос человека – творца собственной жизни. Но такой человек не производит причин как человек, человеческим способом; они с ним случаются. Он не способен преодолеть причинный механизм своего существования, он не может сделать непосредственным предметом созидания главную причину – самого себя. Он не способен сделать предметом созидания никакую причину, в том числе социальную. Для него социальная причина есть тот барьер, та преграда, тот предел, который он как индивидуальный человек преодолеть не в состоянии.

Всё это проистекает из внутренней сущности самой причины как детерминирующего фактора. А суть её заключается в том, что причина – это прошлый сформировавшийся результат или сформированный процесс любого взаимодействия, прошлое меня самого, если я есть *causa sui*. Поэтому причинная детерминация – это всегда детерминация собственным прошлым результатом (процессом). Мир причинной детерминации – это мир прошлого результата и процесса в результате и процессе настоящем. Поэтому нельзя согласиться с американскими психологами в том, что детерминизм – это всегда только причинный детерминизм, но нельзя не согласиться и с тем, что причинный детерминизм – это детерминация собственным прошлым (а точнее, результатом и процессом собственной прошлой деятельности).

6.3. Психология целевого (искусственного) опосредования

Итак, человек как опосредованное существо, может выглядеть достаточно экзотически, когда в качестве детерминанты его по своей сути опосредованного существования выступает причина как его собственный прошлый ре-

зультат или процесс. В этом случае средством фиксации прошлого результата является вещь (культурная вещь; культура как вещь), а средством фиксации процесса является рефлекторный процесс (процессы высшей нервной деятельности).

Такое существование, если и характерно для человека, то только на его самых первых исторических и онтогенетических этапах и уж никак не выражает всей сути его опосредованного существования. В большей степени человеческая сущность опосредования выражена в форме целевой детерминации. На первый взгляд, целевая детерминация принципиально отличается от причинной, хотя бы тем, что это детерминация будущим. Но это только на первый взгляд.

О целевой детерминации известно уже со времён Аристотеля. Этот тип детерминации отличается от причинной принципиально. Принципиальность отличия заключается в том, что если причинная детерминация – это детерминация реальной формой человеческого существования (результатом или процессом), то целевая детерминация уже со времён Аристотеля понимается как детерминация идеальной формой, но идеальная форма понята здесь как причина, т. е. нерелексируемый и неопосредованный детерминирующий фактор. “Форма есть не только сущность вещи, но и ее внутренняя цель и вместе – та сила, которая осуществляет эту цель. Все возможное стремится к своему осуществлению, вся материя стремится к форме, к бытию, ибо бытие, действительность есть всеобщее благо. Поэтому форма является конечной целью, к которой стремится все существующее. Таким образом, в понятии формы или энергии совмещаются три нематериальные причины или начала Аристотеля: она есть, во-первых, сущность (το τι ἐστί); во-вторых, причина, от которой зависит движение, и наконец, в-третьих, она является как цель, как благо, к которому стремится все сущее” [2, с.428].

Именно поэтому, с нашей точки зрения, целевая детерминация рассматривается среди факторов причинения, она и объединена Аристотелем в один класс с ними. Но только, если в случае естественной причины результат (или процесс) есть естественная детерминация прошлым, то в случае цели как “искусственной” причины детерминация осуществляется как “искусственная” детерминация будущим. Здесь уже тенденция развития выражена абсолютно явно, а не так, как в случае естественной причины (неявно, скрыто), не так как в случае естественного причинения. Но так же, как в случае естественного причинения, детерминация есть детерминация результатом действия, но уже будущим, его концом: “Рассматривая различные виды причинности, Аристотель находит, что есть действия, которые обуславливаются не своим началом, а своим концом, и объясняются только из своего конца, составляющего их цель. ... Всякое разумное человеческое действие объясняется из своего конца, из своей цели. Отсюда новый вид идеальной или конечной причинности, новый вид причины — цель, *τελοῦς, το ου ενεχα* — “то, ради чего” совершаются различные действия” [2, с. 419]. Отсюда понятно стремление приписывать природе телеологичность, поскольку наличие в онтологической структуре её существования идеальной формы, “ориентирующей” её реальную форму в процессе осуществления, даёт основания для этого.

Несмотря на очевидность целевой формы детерминации и её ведущей роли в существовании человека, тем не менее, С.Л.Рубинштейн среди ведущих детерминант человеческого существования выделяет не её, а социальные факторы как более соответствующие человеческому способу существования детерминирующие факторы. Мотивированность и целесообразность, с этой точки зрения, являются вторичными по отношению к факторам социальной детерминации. И, в общем-то, это понятно, поскольку приняв за ведущий фактор детерминации её целевой – “искусственный” тип, придётся отказаться от естественно-причинной детерминации как всеобщей формы детерминации. Но тогда разрушается единая картина мира, базовым системным принципом построения которой, по С.Л.Рубинштейну, как раз и является принцип естественно-причинной детерминации.

Но цель сама по себе, так, как она понимается в культурно-исторической психологии, не представляет из себя ничего другого, кроме как искусственную причину. Причём, являясь идеальной формой деятельности (“искусственным”), но интерпретируемая в культурной психологии как образ будущего результата деятельности, она может быть только причиной, поскольку сама идеальная форма (по Л.С.Выготскому и А.Н.Леонтьеву) производится не человеческим индивидом и предметом его индивидуального целеполагания никогда не становится.

В этом смысле, отличаясь от естественной причины по своей природе (по способу происхождения – как “искусственная”, идеальная форма), он не отличается от неё по внутреннему механизму осуществления. Это тот же самый механизм причинно-следственного взаимодействия, который характерен и для естественного причинно-следственного взаимодействия. До тех пор, пока идеальная форма как детерминирующий фактор не станет предметом индивидуального порождения (преодоления и созидания), до тех пор механизм детерминации останется причинным, а способ человеческого существования останется адаптивным, воспроизводимым, в большей степени непосредственным и по существу нерелексивным, а опосредование будет носить характер по большей части опосредования формального.

По-видимому, понимая эту проблему, в современной психологии предпринимаются попытки поиска решения проблемы психических механизмов индивидуального порождения идеальных форм с тем, чтобы обосновать возможность существования “свободной причины”. В настоящее время наиболее перспективным является направление, как нам представляется, которое занято разработкой понятия “надситуативная активность”.

Но ещё раз следует обратить внимание на то, что решение проблемы, лежащей совершенно очевидно за пределами естественно-причинной детерминации и рефлекторной (естественной, непосредственной активности, ищутся способами причинной детерминации и средствами активности. Вполне логично, что исходным пунктом в этих поисках становится фундаментальное положение о спонтанности целеполагания и её недетерминированности актуальной ситуацией.

Под механизмом целеполагания (механизмом построения идеальной формы) принимается способ превращения избыточных возможностей преобра-

зования актуальной ситуации (избыточных для решения ситуативных задач способов деятельности) в предмет деятельности. На этом пути, как оказывается, возникает возможность обоснования возникновения новых целей, и, тем самым, обоснования возможности развития деятельности как её саморазвития.

Этот нестандартный ход построен на наличии избыточных возможностей деятельности, интерпретируемых автором как избыточные образы предметных условий деятельности. Эти избыточные возможности (образы условий деятельности) в результате решения ситуативных задач используются не все и накапливаются, тем самым, создавая фонд нереализованных возможностей. Следует, однако, подчеркнуть, что психологическим содержанием этих образов предметных условий, по существу, является знание причин, так или иначе актуально детерминирующих деятельность или могущих её детерминировать в будущем. Делая предметом деятельности эти нереализованные возможности, человек и осваивает собственные новые возможности, которые являются предпосылкой так называемой надситуативной активности. Реализация этих, до времени нереализованных возможностей, и есть акт осуществления надситуативной активности, т.е. акт развития самой деятельности.

Но если обратиться к тому, как эти избыточные возможности возникают, то мы не найдём ничего нового, по сравнению с уже нам известным. А именно, нереализованные возможности – это образы (идеальные формы) предметных условий. Тем самым, предполагается, что сама ситуация как предлагает варианты её актуального решения, так и заготавливает впрок решения выхода за свои пределы. Как же это может быть? Только вероятностным образом.

Таким образом, на поверку надситуативная цель, надситуативная активность – это причина и причинение, возникающее искусственно (как идеальная форма самой ситуации, как её образ, как образ условий действия, как неосуществлённый способ как образ ситуации). Способ действий человека при формировании надситуативной цели и надситуативной активности – делать предметом анализа свои спонтанные результаты.

Таким образом, так же, как и в случае естественной причинности, в случае её искусственного аналога детерминирующим фактором является прошлый результат, спонтанный прошлый результат деятельности (идеальной и реальной). В противном случае не было бы необходимости в самой надситуативной активности для объяснения механизмов развития. Но существенная разница всё же есть, и разница эта заключается в актуальности надситуативной активности. Именно актуальность (“здесь и теперь”) действия надситуативной причинности способствует, по нашему мнению, появлению новых, т.е. ещё не имевших место, не происходивших целей и результатов развития.

Проблема невыводимости новых целей из уже имеющихся решается за счёт актуального детерминизма, который осуществляется в форме переживания собственных возможностей действия как причин возникновения новых целей. И если какие-то проблемы при этом решаются, то возникают новые, может быть и более сложные. Одна из них — это проблема спонтанного человека. Если в свете актуальной детерминации новые цели не выводятся из предыдущих, а возникают фактически спонтанно из самой ситуации за счёт процедуры адаптации к ней, то и возникшие цели тоже не переносятся в своё будущее.

Складывается впечатление, что актуальный детерминизм – это способ существования вероятностного человека, будущее которого никак не связано с его же прошлым, а возникает хотя и в результате существования человека, но спонтанно и не в соответствии ни в какими сознательными прогнозами. Более того, само сознание задаётся стихией ситуации и потому должно носить исключительно спонтанный характер.

Акцентирование актуального характера детерминации (“здесь и теперь” причинного воздействия) вызывает вопросы по поводу природы такой причинности и её адекватности человеческому существованию, поскольку, на наш взгляд, речь не идёт о тенденциях (как настаивает автор), а на самом деле утверждается импульсивность и пан-вероятностный характер ведомого ситуацией непосредственного существования. Вернее, способ существования в данном случае опосредован актуальным результатом человеческой деятельности, который как раз и выступает в качестве его актуальной детерминации. Тем самым, человек утверждается как полностью зависимое от своего собственного результата существо, которое не способно даже своё результат сделать предметом онтологической порождающей рефлексии. А сама рефлексия как она интерпретируется автором, превращается из способа целеустремлённого практического качественного самопреобразования в способ мысленного восстановления (воссоздания) причинно-следственной цепочки уже осуществлённой деятельности и построение такой мысленной возможной цепочки в будущем. Т. е. чисто воспроизводящая, отражательная функция, предметом которой является не способ человеческого существования, а причинно-следственные цепочки.

6.4. Психология знакового опосредования

Итак, имеется несколько типов детерминации человеческого существования, которые, однако, все выражают его опосредованную сущность. Эта опосредованная (рефлексивная) заключается в том, что человек есть единственная детерминанта своего собственного существования. При этом каждый из этих типов детерминации по своему и в разной степени выражает опосредованную сущность человеческого существования.

ПРИЧИННОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ. Способ естественного опосредования человеческого существования его прошлой реальной формой (собственными прошлыми результатами существования или собственными прошлыми процессами существования). Средства причинной детерминации – культурные вещи и рефлекторные процессы

ПЕРЦЕПТИВНОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ. Способ перцептивного опосредования человеческого существования идеальной формой предметного мира (цель как перцептивный образ будущего результата). Средства детерминации – мотивы, цели и задачи и орудия.

ЗНАКОВОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ. Детерминация значениями (способами деятельности). Способ знакового опосредования идеальной формой деятельности (значение как образ деятельности и логика как средство её осуществления).

Открытие знакового опосредования индивидуальной деятельности стало историческим событием, подобным открытию предметной деятельности в фи-

лософии. По Л.С.Выготскому, психологическая сущность знакового опосредования заключается в превращении естественного (натурального и непроизвольного) поведения человека в поведение произвольное и управляемое. Но самым, на наш взгляд, важным и неожиданным положением для всей психологии развития стало положение Выготского о знаковом опосредовании как взаимодействии реальной и идеальной форм.

Одна из идей Л.С.Выготского, которая по разным причинам в полной мере так и не была воплощена в экспериментальную психологическую практику, была идея о знаковом опосредовании как способе перехода к новому принципу порождения собственного поведения. Для него знаковое опосредование всегда было способом самому человеку делать своё собственное поведение предметом изменения за счёт преодоления его естественности (непроизвольности и спонтанности).

Как известно, революционность культурно-исторической идеи Л.С.Выготского в психологии заключалась в том, что он перенёс гегелевско-марксовскую идею рефлексивного (опосредованного) человека, в конечном счёте, в экспериментально-психологическую практику психологии. Это дало ему основание утвердить в психологии в высшей степени необычную точку зрения о внешнем характере “внутренней” (психологической) природы человека. Человек рефлексивен и опосредован, именно поэтому его психика и весь его субъективный мир существует только в опосредованной (внешним образом организованной) форме. Именно поэтому столь велика для Л.С.Выготского (и для всей культурно-исторической психологии в целом) роль знака и знакового опосредования как человеческого способа порождения человеческого поведения.

Известный современный культурно-исторический психолог Б.Д.Эльконин, продолжая традиции культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, на самом деле, по нашему мнению, практически подготовил теоретическую основу для преодоления культур-историзма последнего. Известный своими исследованиями психологических проблем знакового опосредования, он впервые в отечественной культурно-исторической психологии предложил новое понимание идеальной формы, на самом деле принципиально отличающегося от понимания идеальной формы Л.С.Выготским.

Фактически, Б.Д.Эльконин занимается глубинными механизмами самого опосредования, а не его феноменологией, и поэтому непосредственным предметом его собственных исследований является сам переход трансцендирования и знак как средство его осуществления. Борис Данилович, с одной стороны, как приверженец идей Л.С.Выготского, и, с другой стороны, как реальный его критик, сам находится поэтому как бы “между” – между идеей опосредования как присвоения идеальной формы и идеей опосредования как порождения идеальной формы. Только этим можно объяснить парадоксальную, на наш взгляд, ситуацию, когда в своих реальных исследованиях он изучает феномен трансцендирования, который непосредственно обеспечивается порождением своих детерминант развития, т.е. непосредственно связан с порождением самим ребёнком собственных идеальных форм, и теоретическим обоснованием собст-

венных исследований, исходящим из несовременных уже идей присвоения идеальных форм.

Вот так выглядит ситуация со знаковым опосредованием в ряду других форм опосредования. На наш взгляд, из всего сказанного выше о рефлексивной природе человека, опосредовании как человеческом способе существования и трансцендировании как реальной форме человеческого существования, можно достаточно ясно представить себе перспективу дальнейших исследований опосредованной природы человека.

Эти исследования на наш взгляд, самым непосредственным образом связаны с понятием “рефлексивное опосредование”.

6.5. Психология рефлексивного опосредования

Идея рефлексивной формы опосредования (рефлексивного опосредования), её необходимость следуют из внутренней ограниченности причинной детерминации в вопросе объяснения рефлексивной (опосредованной) природы человека и адекватных способов её обеспечения в условиях индивидуального развития современного ребёнка.

Нам представляется очевидным вывод о внутренней ограниченности причинной детерминации, поскольку в ситуации причинно-следственного взаимодействия причина не становится предметом своего объекта воздействия. Главным выводом этого положения, которое побуждает нас искать иные типы детерминации, является то, что ни в процессе “активного причинения”, когда сам человек выступает в роли действующей (воздействующей) причины, ни в процессе претерпевания им самим действующей на него (воздействующей) внешней или внутренней причины, причина не становится предметом его рефлексии. Причина не становится предметом опосредования в силу своей нерефлексивной природы, в силу исходной независимости от того, на что она действует. Обратная связь не решает проблемы, поскольку не изменяет самой непосредственности (естественности и произвольности, спонтанности) причинения, будь это воздействие причины на следствие, или следствия на причину.

Опосредованная природа человеческой субъективности такова, что она не находится среди причинных цепей, какие бы ни были, а сама порождает эти причинные цепи как их всеобщее и необходимое начало. Для человека как универсального существа нет иных обоснования и объяснений, кроме него самого. Это положение является естественным следствием того факта, что человек – это идеальная форма природы, аккумулировавшая в человеке свои бесконечные возможности и локализовавшая их специально для этих целей в порождённых ею универсальных существах. Человек как возможность природы, как природа, способная действовать в соответствии со своей сущностью, как опосредованная сущность трансцендирования есть существо самоценное и самодостаточное. Он не является следствием каких-либо причин, он есть универсальная сила природы, порождающая собственные принципы, законы и механизмы.

В этом смысле представляет интерес оригинальная, но достаточно спорная позиция Б.Д.Эльконина на событие как феномен развития. Если можно безусловно согласиться с его недетерминированностью актуальной ситуацией,

то очень трудно согласиться с достаточно нечётко прописанной точкой зрения на недетерминированность события вообще. На самом деле, согласиться с ней нельзя, но можно её объяснить. Такое положение является следствием (и в этом смысле просто необходимо) основного тезиса культурно-исторической психологии Л.С.Выготского о том, что идеальная форма не порождается ребёнком, а им присваивается. Это “альфа” и “омега” психологической теории Выготского, её центральный и конституирующий момент. Без этого положения нет культурной психологии Выготского, потому что нет производителя идеальных форм.

Но если это так, то для присваивающего её ребёнка идеальная форма не имеет и не может иметь собственной истории происхождения. Она воспринимается им как причина, а как причина она истории своего происхождения иметь просто не может. Значит, идеальная форма в концепции Л.С.Выготского не несёт на себе истории своего происхождения, является знаком результата – способа функционирования, и, соответственно, не детерминирована собственной историей. Именно поэтому необходимо предположение о недетерминированности её возникновения в качестве реальной детерминанты человеческого развития. Что и делает Б.Д.Эльконин.

Как известно, идея свободного от причинного детерминизма человеческого существования является основной для экзистенциальной психологии. Но отрабатываемый в ней подход к человеку требует особого теоретического и соответствующего метода. Отравленная естественным детерминизмом психология отечественная психология ещё только на пути к принятию и пониманию не естественно научных ценностей.

Как далеки между собой, порой, бывают слова и дела показывает собственный экспериментальный опыт самого Льва Семёновича Выготского и порождённого им естественно-научного подхода в психологии. Чего стоит только одна фраза: “ ... невозможно представить себе, что предметом исследования может являться отношение вещи к самой себе ... ” [4, с. 12]. На наш взгляд, здесь выражена методологическая позиция на человека как предмет психологического исследования. И взгляд этот естественно-научный.

Нам представляется, что предметом психологии должен стать человек, способный видеть и преодолевать свои пределы. Человек в ситуации причинной детерминации существует в пределах, которые сам он не фиксирует и которые поэтому не делает предметом преодоления. Неважно, с какой точки зрения он изучается: рефлексорной или культурно- исторической. В первом случае его нерелексируемые пределы становятся определяющие его внешние или внутренние причины, во втором – идеальной формы. Эти пределы, эти его детерминанты и не могут стать его предметом до тех пор, пока они сами не будут существовать как собственная история происхождения. В причинах должно появиться то, что можно рефлексировать. А рефлексировать можно только способы происхождения, историю собственного возникновения, логику собственного развития. Не случайно и совершенно обоснованно поэтому Владимир Товиевич Кудрявцев упрекает Л.С.Выготского в преформизме, в грехе, который сам Л.С.Выготский искоренял в себе и в других. Как раз преформизм и

есть та самая неререфлексируемость собственных пределов, которая порождает и воспроизводит естественность существования человека.

Но есть проблема и с интерпретацией самого понятия “рефлексия”. Существует поистине огромная теоретическая и экспериментальная практика интерпретировать рефлексию исключительно в гносеологическом плане. По-видимому, это наиболее распространённое и наиболее употребляемое (если не единственно возможное) понимание рефлексии. В связи с этим, хотелось бы привести высказывания В.А.Левеева из его книги, изданной в те времена, когда он был ещё гражданином СССР: “Рефлексия в её традиционном философско-психологическом понимании – это способность встать в позицию “наблюдателя”, “исследователя” или “контролёра” по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям” [5, с. 10].

Все эти позиции “над ...” выражают распространённое понимание рефлексии как внешнее отношение человека к самому себе. Причём, это внешнее отношения стороннего наблюдателя, фиксатора и пр. , т. е. человека, изучающего и познающего самого себя. Но здесь речь не идёт о практике собственно порождения.

Другая версия рефлексии-исследования – это подобное же отношение к другому. Такая традиция гносеологизации рефлексии идёт ещё от Гегеля, и раньше. Похожим образом интерпретировал рефлексию и Пьер Тейяр де Шарден, но ценность его позиции для нас заключается в том, что он не выводил рефлексию из активности (как это, например, делается в рефлекторной концепции С.Л.Рубинштейна и в концепции надситуативной активности В.А. Петровского), а противопоставлял рефлексию активности. На наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания как в теоретическом, так и экспериментальном плане (в экспериментальном, пожалуй, особенно) и другое положение Пьера Шардена. Оно касается рефлексивной природы человека и проводится им, с нашей точки, логически образцово. Это положение о том, что человек по своей природе такое существо, которое предметом своей деятельности всегда имеет только себя. Оно представляет собой квинтэссенцию онтологического учения о рефлексивном человеке и непременно должно быть использовано в качестве теоретической и методологической основы при конструировании онтогенеза человека как универсального субъекта трансцендирования. Эта мысль П.Шардена в своё время (немного иронично) была практически повторена Фридрихом Ницше: “В сущности человек любит себя лишь собою в окружающем мире. ... Он очеловечил его: в этом суть всего”. Нам представляется, что вся глубина этих мыслей ещё ждёт своего адекватного понимания.

Широко известна позиция Виктора Франкла, которая имеет заметное влияние на умы современных психологов. Едва ли не первым, он начал утверждать в психологии идею человека, преодолевающего любые пределы, даже включая такие, как биологические и психические детерминанты его существования. Франкл связывает эту способность преодоления с рефлексией: “... свобода конечных существ, таких, как человек, является свободой в определённых пределах. Человек не свободен от условий, будь они биологические, психологические или социологические по своей природе. Но он свободен и всегда остаётся свободным занять определённую позицию относительно этих условий;

он всегда остаётся свободным изменить своё отношение к ним. Человек свободен подняться выше уровня соматических и психических детерминант своего существования. Тем самым он открывает новое измерение. Человек вступает в сферу нозического, отрицающего разделение соматических и психических феноменов. Он уже в состоянии занять позицию не только по отношению к миру, но также в отношении к самому себе. Человек – существо рефлексивно-способное даже отвергнуть себя” [6, с. 11]..

Эта идея человека, трансцендирующего свои собственные границы, не чужда и отечественным психологам, в частности Галина Анатольевна Цукерман, прекрасный экспериментатор в детской психологии, в одной из своих сравнительно недавних книг высказалась в том же духе, упоминая “могучую способность рефлексии – знание о границе собственных знаний, умений, возможностей. И способность выходить за эти границы” [7, с. 21].

Но ближе всего, как нам представляется, к истинному решению проблемы находится В.И.Слободчиков. Именно его идея об онтологическом статусе человеческого сознания стала центральной для нашей работы, а его онтогенетическая периодизация сознания является неким критерием для соотнесения нашей собственной периодизации с предложенной им. Для нас проблема рефлексии, сознания, рефлексивного сознания – это в первую очередь проблема особенностей человеческого способа жизни, т. е. проблема рефлексии как онтологической категории. Но рефлексия в психологии трансцендирования должна быть понята так, как её понимал Гегель, т.е. как “внутренний” способ взаимного превращения чувственной сферы человеческого существования и его рациональной сферы. Только так понятая рефлексия отвечает одному из главных требований нашей работы: найти такой способ преобразования, который позволил бы описать человека как существо, способное выводить, конструировать, выстраивающего самого себя из некого единого основания. Этот способ должен обеспечивать возможность воссоздания и воспроизводства человека на его единой, генетически исходной основе не только на уже сформированных уровнях развития, непрерывно воспроизводя сформированный способ существования, порождающий собственную, качественно определённую внутреннюю структуру соотношения реальной и идеальной формы (локальное трансцендирование), но и обеспечивая собственны генезис как качественное изменение самого способа существования (тотальное трансцендирование).

Рефлексия, понимаемая, как отношение происхождения идеальной формы из реальной, а реальной формы из идеальной, как внутренняя онтологическая рефлексия полностью удовлетворяет этому требованию. С этой точки зрения, онтологическая рефлексия должна пониматься как способ воссоздания целостности субъекта трансцендирования, как способ воспроизводства единства его идеальной и реальной формы.

Понимая онтологическую рефлексиию как способ собственного воспроизводства (как способ собственного существования), непрерывного воссоздания можно говорить о двух режимах такого воссоздания. Первый способ существования – это порождение реальных форм за счёт воссоздания идеальной формы. Это так называемая внешняя форма внутренней рефлексии. Предметом такой воссоздающей рефлексии является реальная форма, а идеальная форма и

само их генетическое отношение предметом воссоздающей рефлексии не становятся. В таком режиме жизни человек способен воспроизводиться, воссоздаться в качестве деятеля, но не способен делать предметом своей деятельности сам этот способ воссоздания. Мы имеем адаптивный (репродуктивный) режим существования, главной характеристикой которого является воспроизводство воссоздающей формы рефлексии. Во втором случае рефлексия является способом порождения идеальных форм. Это так называемая тотальная рефлексия, за счёт которой производится сама воссоздающая рефлексия. Если воссоздающая рефлексия – это способ порождения реальных форм, то тотальная рефлексия – это способ порождения самих идеальных форм. .

Мы считаем, что при построении концепции онтогенетического развития человека как субъекта трансцендирования непосредственным предметом должна стать онтологическая рефлексия как базовый психический механизм его существования.

Онтологическая рефлексия как психический механизм человеческого существования является адекватным теоретическим средством, позволяющим конструктивно разрешить проблему соотношения человека и социума в пользу человека. Благодаря онтологической рефлексии мы можем рассматривать человека не только как производящего самого себя, свой способ существования, свою жизнь, но с таким же успехом производящего и социум, и природу в целом.

Такая универсальная возможность порождения и самопорождения возникает у человека в связи с тем, что онтологическая рефлексия – это не только мощный способ онтологизации человека, непосредственного включения его в состав бытия как источника возникновения самого бытия (но не как естественного существа, что произошло в рефлекторной концепции психического развития, а как “искусственного”, рефлексивного существа, как субъекта онтологической рефлексии), но самое главное, что онтологическая рефлексия – это способ порождения самим человеком его собственных детерминант существования, какими бы они ни были.

Среди всех возможных детерминант существования человека и их различных типов, порождаемых самим человеком в результате осуществления онтологической рефлексии, необходимо, на наш взгляд, выделить особую детерминанту, имеющую решающее значение для существования человека в качестве субъекта трансцендирования. Речь идет о логике трансцендирования как детерминанте процессе трансцендирования.

Этот вывод о логике трансцендирования (о способе развития) как главной детерминанте трансцендирования (развития) следует из общих философских положений о развитии как историческом процессе. Развитие, понимаемое как саморазвитие, самодвижение, самоизменение не может существовать иначе, как исторический процесс. Т.е. как процесс, детерминантами которого являются он сам, его собственные результаты. И главный результат развития — его собственная логика, общий способ развития, его внутренняя закономерность осуществления. Тем самым, мы приходим к фундаментальному выводу, который заключается в том, что именно форма развития (способ развития, ло-

гика развития) есть тот главный фактор, который непосредственно определяет и задаёт весь конкретный ход его осуществления.

Значение открытия Л.С.Выготским взаимодействия реальной и идеальной форм человеческого существования как его внутреннего содержания заключается в том, что позволяет конструировать психические механизмы опосредования как психические механизмы порождения человеком идеальных форм (возможностей) собственного существования. Такой подход позволяет теоретически решить проблему механизмов включения человека в онтологическое пространство социума и природы в целом не как их пассивного и возможного составляющего элемента, но как существа, своими действиями порождающего мир, его и собственные возможности. В связи с этим, человек впервые в психологии приобретает предельную конкретность как порождающее мир, социум и самого себя универсальное существо не только на уровне абстрактных идей, но уже на уровне конкретных психических механизмов и практических способов организации. Всё это вместе взятое даёт основание говорить, что обновление мира (и самого человека) идёт изнутри самого человека, другими словами, изнутри самого осознавшего себя мира.

Сама возможность такого самопорождения, сама возможность существования в мире универсального человека задаётся онтологически, она возникает неизбежно с возникновением идеальной формы как обязательного составляющего компонента онтологической структуры мира. Таким образом, универсальный человек как субъект трансцендирования (идеальная форма мира) возникает неизбежно и закономерно как продукт развития самой природы, необходимый для перехода её к новому типу развития.

Специфика формирования советской психологии, как известно, привела к тому, что сознание как предмет психологических исследований разрабатывалось исключительно как гносеологическая категория, обеспечивавшая в предметной деятельности аспект отражения, а не порождения. Тем самым, исходное марксистское положение о сознании как онтологическом способе человеческого существования оказалось за пределами теоретических и экспериментальных психологических исследований, а сам человек изучался, в основном, как познающее, отражающее, гносеологическое существо. Постановка теоретической и экспериментальной проблемы универсального человека с необходимостью обращает нас к феноменам порождения, а не отражения и поэтому приобретает конкретно-психологическое значение содержание понятия “порождение”. Мы считаем, что в психологии порождение должно раскрываться как процесс познания, воссоздания и практического изменения способа существования самих вещей. Т.е. в материалистическом смысле (и.е. точки зрения самодетерминированности человека и предметного мира) порождение есть “осуществление” вещи на основании её собственных законов существования.

В этом смысле, человек как порождающее себя и свой предметный Мир существо, действует так, как действует сам предметный Мир, и поэтому известный тезис Фихте имеет совершенно материалистическое содержание в том смысле, что не только человеческое будущее будет таким, каким его помыслил человек, но что помыслить (т.е. произвести идеальную форму) человек может

лишь воспроизведя универсальные законы порождения идеальных форм самим предметным Миром.

Как мы уже отмечали, опосредование как человеческий способ существования бывает двух типов: рефлексия как способ порождения реальных форм полаганием в предметный мир его идеальных форм, и рефлексия как порождение самих идеальных форм. В первом случае мы имеем существование как реализацию возможностей (знаковое опосредование), во втором случае – существование как порождение возможностей. Первый случай – рефлексия как воспроизводство собственных возможностей (знаковое опосредование), второй случай рефлексия как производство новых возможностей (смысловое - рефлексивное - опосредование, т.е. трансцендирование как выход за пределы собственных возможностей).

По мнению Б.Д.Эльконина, субъектность как онтологическая характеристика порождающего своё поведение человека может и должна быть интерпретирована в терминах опосредования, психологическим содержанием которого является отношение идеальной и реальной форм предметного действия. При этом опосредование психологически представляет собой переход между идеальной и реальной формами предметного действия, преодоления границы старых возможностей в направлении созидания новых возможностей.

Спорными моментами в теоретической позиции Б.Д.Эльконина является положение о присвоении как механизме возникновения идеальной формы. Именно поэтому и в данном случае речь идёт об опосредовании как преодолении уже существующей границы, задаваемой внешней идеальной формой, а не о порождении этой идеальной формы, не о порождении собственной границы и способа её преодоления. Именно потому, что сохраняется приверженность исходным теоретическим положениям Л.С.Выготского, Б.Д.Эльконин не делает необходимого последнего логического шага – не предполагает необходимость порождения идеальной формы, а остаётся ещё под впечатлением магии авторитета Л.С.Выготского. Поэтому у него возникает необходимость в недетерминированности и, по существу, в чудесности события развития, поэтому у него опосредование – это способ передачи идеальной формы, а не способ её порождения.

Отправной точкой своей работы мы считаем следующее положение: в культурно-исторической психологии развитие как качественное изменение человеческого поведения (превращение натурального (естественного) и спонтанного) в культурное (“искусственное” и произвольное)) осуществляется как знаковое опосредование способа этого перехода. Средством такого перехода является знак, значением которого становится культурный способ собственно-го действия. В этом случае знак становится реальным психологическим средством порождения реальной формы поведения, поскольку воздействует на поведение своим значением и, тем самым, становится психологическим средством его организации. Это фундаментальное для культурно-исторической психологии положение, сформулированное Б.Д.Эльconiным на основании положения об идеальной форме Л.С.Выготского, открывает перспективы разработки опосредования не только как механизма присвоения идеальной формы, что чрезвычайно важно, но недостаточно для обеспечения условий формирования

субъекта трансцендирования. Необходима разработка опосредования как способа порождения идеальных форм.

Можно сказать, что, в принципе, задача уже наполовину решена. Необходимо доделать вторую половину решения. А именно, необходимо рассмотреть ситуацию развития не как ситуацию превращения ребёнком культурного образца в знак своего нового способа поведения (а именно так строится опосредование, по Б.Д.Эльконину, и именно этим оно отличается от знакового опосредования, по Л.С.Выготскому, где сама культурная форма отождествляется со знаком, а конструирование перехода между натуральной и культурной формами поведения, то есть конструирование самим ребёнком способа перехода, вообще выпало из поля зрения). По Л.С.Выготскому, знак как средство перехода берётся ребёнком уже готовым из культуры, по Б.Д.Эльконину знак как средство перехода конструируется самим ребёнком. Но и в том, и в другом случае знак есть средство присвоения готовой культурной формы поведения. Если по Л.С.Выготскому, культурный образец поведения — его идеальная форма — и знак как средство её присвоения существуют в культуре и оба присваиваются ребёнком, то по Б.Д.Эльконину, идеальная форма поведения существует как культурный образец, а вот знак как средство его присвоения конструируется самим ребёнком.

На наш взгляд, должна быть изменена сама логика перехода, логика опосредования. Основные положения её изменения таковы.

ПЕРВОЕ. Опосредование как способ существования присущ человеку всегда. У человека нет натурального этапа развития, а развитие должно пониматься как переход от одного способа опосредования к другому способу опосредования, т.е. как трансцендирование.

ВТОРОЕ. Необходимо рассматривать два способа существования: формальное опосредование как отношение между идеальной и реальной формами деятельности одного качества; рефлексивное опосредование как отношение между идеальными формами деятельности разного качества.

ТРЕТЬЕ. Трансцендирование осуществляется как переход от одной идеальной формы деятельности к другой идеальной форме деятельности, т.е. в форме рефлексивного опосредования. Предметом рефлексивного опосредования является способ происхождения идеальных форм предметной деятельности. Продуктом рефлексивного опосредования являются смыслы.

ЧЕТВЁРТОЕ. Конструирование акта рефлексивного опосредования, т.е. самого перехода от деятельности одного качества к деятельности другого качества, осуществляется в условиях отсутствия готовых образцов идеальных форм, средств и способов его осуществления.

ПЯТОЕ. Трансцендирование как сугубо индивидуальный переход может осуществиться только в условиях онтологического диалога с другим ребёнком (а не со взрослым, как это утверждает Л.С.Выготским и его последователями). Онтологический диалог (онтологическое общение) является способом разрешения предметной проблемы, которая выражается в несоответствии психологической сложности предметной ситуации и психологической сложности способа деятельности, сформированного у ребенка.

Приведённые выше пять методологических положений фактически описывают способ организации проблемной ситуации, способом разрешения которой является трансцендирование, т.е. конструирование идеальной формы предметной деятельности соответствующего уровня сложности и превращение её в соответствующую реальную форму.

Онтологический диалог называется онтологическим потому, что предметом онтологического диалога является способ существования, поэтому он и является средой возникновения и удержания идеальной формы нового уровня сложности как новой способности. Первоначально идеальная форма возникает в форме непосредственной связи общающихся учащихся. Схемой их онтологического общения является психологическая структура предметной проблемной ситуации, которая представляет собой структуру генетически исходного предметного противоречия. Предметом онтологического общения учащихся является воспроизводство структуры предметного противоречия как структуры (“схемы”) своего онтологического общения.

Первая попытка воспроизвести структуру общения более высокого уровня психологической сложности доступной учащимся и соответствующей их уровню развития структурой общения, переводит предметную проблему в психологический план. А именно, предметом индивидуальной деятельности становится отношение необходимого для решения предметной проблемы способа общения и индивидуальной деятельности каждого из них. Поэтому психологическим способом решения предметной проблемы становится генетическая рефлексия, т.е. превращение собственной индивидуальной деятельности более низкого уровня развития в индивидуальную деятельность более высокого уровня развития. Впервые этот способ возникает как рефлексивное (генетическое) отношение индивидуальной деятельности более низкого уровня сложности и совместной деятельности (онтологического общения) более высокого уровня сложности, которые в условиях онтологического общения актуально существуют **ОДНОВРЕМЕННО**.

Превращение совместной формы порождённой в общении генетической рефлексии в её индивидуальную форму – это и есть превращение новых общих возможностей в новые возможности индивидуальные. Применяв созданный в условиях и в результате онтологического общения способ генетической рефлексии к своей индивидуальной деятельности, учащийся, тем самым, осуществляет трансцендирование. Поскольку продуктом (рефлексивного опосредования, трансцендирования) является идеальная форма предметной деятельности, т. е. необходимый способ решения предметной проблемы, поэтому, преобразовав новую идеальную форму в реальную, учащийся может практически решить заданную вначале предметную проблему. Что и требовалось доказать.

Критерием успешности осуществления учебной ситуации, в результате которой возник новый способ рефлексивного опосредования и была сконструированная новая идеальная форма предметной деятельности, является способность учащихся решать класс предметных (и психологических) задач, которые до этого они решить не могли в принципе. Главным критерием отнесённости учебно-исследовательских задач к определённому классу служит не их предметная отнесенность, а их психологическая сложность, т. е. уровень сфор-

мированности (уровень сложности) рефлексивного опосредования как общего психологического способа (способности) решения класса проблемных ситуаций.

На практике этот критерий удобно применять, предлагая в контрольных частях образовательного процесса предметные задания того же уровня психологической сложности, но из другой учебной дисциплины (например, изучали физику, а на контрольной решаем задачи по химии).

Таким образом, онтологическое общение есть среда между-субъектной онтологической связи учащихся как непосредственно-чувственной среды возникновения новой идеальной формы. Способность к рефлексивное опосредование (сознание) возникает в онтологическом общении и существует между учащимися как их реальная чувственно-предметная связь (как говорил Л.С. Выготский – “реальное интерпсихическое”). Поэтому сознание как генетическое отношение между идеальными формами может возникать только между индивидуальной идеальной формой и совместной идеальной формой (индивидуальным сознанием и общим сознанием) и существовать как такое специфическое отношение учащегося к отношению между учащимися. В этом корень проблемы происхождения сознания (волшебная особенность онтологического общения в том, что главное в нём не отношение между учащимися, а отношение учащегося к отношению между учащимися).

Из сказанного ясно, что успех предприятия фактически полностью зависит от предметных ситуаций. Предметные ситуации должны воспроизводить логику усложнения предметного знания, а поэтому должны основываться на одном генетически исходном предметном противоречии, логика усложнения которого полностью определяет логику усложнения всей системы реальных проблемных предметных ситуаций – учебно-исследовательских задач.

Всё написанное нами относительно рефлексивного опосредования имеет непосредственное отношение только к одному онтогенетическому этапу, а именно, к этапу смысловой формы сознания. На самом деле, логика происхождения любой формы рефлексивного опосредования (а их несколько) – это логика превращения непосредственно-чувственной (реальной) формы деятельности в систему её идеальных форм. Мы уже отмечали, что структура реальных и идеальных форм предметной деятельности является критерием сложности деятельности и, одновременно, критерием сложности предметной ситуации, в которой деятельность осуществляется.

Исходя из наших представлений о процессе трансцендирования, рефлексивное опосредование (практика сознания) в своём онтогенетическом развитии проходит ряд этапов, среди которых следует назвать основные:

- ◆ рефлексивное переживание – эмоциональное переживание как чувственная форма рефлексивного опосредования (спонтанное сознание);
- ◆ рефлексивная интуиция - интуиция как бессознательная форма рефлексивного опосредования (интуитивное сознание);
- ◆ осмысление – порождение конкретных способов трансцендирования как сознательная форма рефлексивного опосредования (смысловое сознание);

- ◆ универсализация – порождение конкретных логик трансцендирования как универсальная форма рефлексивного опосредования (виртуальное сознание).

Каждая форма сознания представляет собой соответствующую её конкретному уровню сложности генетическую структуру, в которой всегда представлена базовая структура сознания как отношение реальной и идеальной форм деятельности.

Цитируемая литература

1. Гегель. Наука логики. М., 1990.
2. Кн. С.Н. Трубецкой. Курс истории древней философии. М.,1997.
3. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.,1997.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1987.
5. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.,1973.
6. Франкл В. Воля к смыслу. М.,2000.
7. Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов. М.,1994.

Литература, использованная при подготовке Главы VI

- Аббасов А. Сложность. Время. Синергетика: общетеоретический анализ проблем сложности и развития сложных систем. Баку, 1991.
- Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
- Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т.3. М., 1983.
- Гегель. Феноменология духа // Гегель. Система наук. Часть I. М.,1959.
- Гордеева О.В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1997. № 5. Сентябрь-октябрь.
- Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.,1986.
- Диалектическая логика. Т. 1, 2. Алма-Ата,1986, 1987.
- Кн. С.Н. Трубецкой. Курс истории древней философии. М.,1997.
- Кудрявцев В.Т. Психология развития человека (основания культурно-исторического подхода). Рига, 1999.
- Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.,1973.
- Лосев А.Ф. Проблема Символа и реалистическое искусство. М.,1976.
- Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
- Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону,1996.
- Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. СПб., 1994.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.,1973.
- Сиротский В.Е. Жизнь ученого и судьба науки: Пётр Яковлевич Гальперин // Современная высшая школа. Варшава. 1990. № 2 (70).
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
- Тейяр Де Шарден П. Феномен человека. М.,1987.
- Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. М.,1998.

- Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.
- Шабельников В.К. Психика как функциональная система. Алма-Ата, 1986.
- Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
- Шевцов А. Введение в общую культурно-историческую психологию. СПб., 2000.
- Шульц Д., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб., 1998.
- Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М., 1994.
- Эльконин Д.Б. Детская психология. М., 1960.

Глава VII.

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК МЕТОД ОРГАНИЗАЦИИ ОНТОГЕНЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

- 7.1. Существование другого как возможность моего собственного существования
- 7.2. Обмен как психологическое содержание общения
- 7.3. Межсубъектная природа субъектности
- 7.4. Общение как генетически исходное для происхождения человека отношение
- 7.5. Общение как онтологическая категория
- 7.6. Онтологическое общение как метод организации развития
- 7.7. Этапы усложнения психологической структуры онтологического диалога

7.1. Существование другого как возможность моего собственного существования

Психологическое содержание универсального человека может быть раскрыто только на основании идеи междучеловеческой сущности человеческого индивида. Универсальный человек не существует как отдельно взятое существо. Его сущность — между людьми, в пространстве человеческих отношений. И хотя в реальной конкретно-психологической практике идея междусубъектности на самом деле является далеко неочевидной, таким образом рассуждали и рассуждают многие психологи. В первую очередь, на наш взгляд, это относится к С.Л.Рубинштейну, который, который в своей неоконченной последней книге по сути дела сформулировала основные положения философско-психологической модели междусубъектной сущности универсального человека. В связи с этим, ярким, замечательным и выразительным образом является его самодостаточная фраза “человек – это люди” [1, с. 4], в ней в полной мере в сконцентрированном виде выражена по сути дела, концепция междусубъектного человека. Эта же идея положена в основу другой фундаментальной теории — культурно-исторической концепции Л.С.Выготского.

Вообще говоря, идея междусубъектности особенно характерна для культурно-исторической традиции, в которой общение является единственной формой онтогенетического становления культурно-исторического человека. Но, несмотря на это, наиболее целостно и законченно, развернуто и конкретно идея междусубъектной природы человека разработана, конечно, у С.Л.Рубинштейна. В данном случае не имеет значения, что междусубъектность он рассматривал с точки зрения причинного детерминизма, поэтому в его концепции универсального человека другой выступает в качестве условия (причи-

ны) моего существования. В данном случае важно совсем другое, а именно то, что едва ли не впервые в мировой психологии С.Л.Рубинштейн утвердил человека не как единичное существо, а буквально как “коллективного субъекта”.

Идея междусубъектности продолжает оставаться значимой и для современной психологии. В.И.Слободчиков, автор онтологической концепции сознания, на наш взгляд идёт дальше, утверждая, что человек является не столько условием (причиной) существования другого, сколько вообще является онтологической возможностью существования другого. Чрезвычайно важным в его концепции, на наш взгляд, является то, что эта возможность существования интерпретируется им как возможность трансцендирования: *“Человек по самой своей природе есть бытие для других. Человек есть существо, в природе которого мы находим стремление трансцендировать себя, стремление быть собой с другими”* [2, с. 171].

Эта позиция о *“другом”* как онтологическом условии моей возможности трансцендировать хорошо согласуется с основными положениями известной концепции онтологического диалога М.М.Бахтина. Особенно важными, на наш взгляд, являются положения о внешне-внутреннем характере онтологического общения, и о том, что человек не существует как отдельно взятый индивид, его существование – всегда на границе, на переходе, в пространстве трансцендирования.

7.2. Обмен как психологическое содержание общения

Принципиально не расходясь между собой во взглядах на значение общения, но расходясь во мнениях на психологическое содержание общения и соотношение его с деятельностью и активностью, представители различных психологических школ и направлений, тем не менее, разрабатывали это понятие как “обмен”, понимая по-разному психологическое содержание самого обмена и его средств им способов.

Исходной идеей, которая была “вложена” в понятие “общения” в рефлексивной концепции человеческой психики, была идея взаимодействия (взаимовоздействия) как категория, позволяющая описать способы существования любого субъекта и любого уровня сложности [1, с. 279]. В связи с этим, опираясь на фундаментальное для своей концепции понятие “взаимодействие” и принцип причинной детерминации, общение у С.Л.Рубинштейна – это взаимодействие (взаимовоздействие) субъектов, а универсальный субъект – это человек как результат бесконечного и непрерывного воздействия. В этом и заключается психологический смысл утверждения “содружество эмпирических субъектов”.

В современной литературе, отражающей идеи рефлексивной природы человека, мы находим развёрнутое и конкретизированное понятие общения, которое прописывается как “обмен”, который, по мысли авторов, является психологическим содержанием субъект-субъектного отношения: “... общение выступает как особая самостоятельная форма активности субъекта. Ее результат не столько преобразованный предмет (материальный или идеальный), сколько отношения человека с другими людьми. В процессе общения осуществляется не только обмен деятельностью, но и представлениями, идеями, чув-

ствами; проявляется и развивается система отношений “субъект-субъект(ы)” [3, с. 499]. В результате такого подхода общение, понятое как субъект-субъектное взаимодействие, превращается (“сводится”, как говорит автор “Экспериментальной психологии” В.Н.Дружинин) ни больше, ни меньше как к обмену воздействиями.

С нашей точки зрения, такую крайнюю точку зрения, особенно в свете обсуждаемой универсальной природы человеческого индивида, даже трудно комментировать. Почему-то оказывается сложным отказаться от такого понимания общения, и вот даже в оригинальной и очень интересной концепции надситуативной активности мы опять встречаем “общение-обмен” [4, с. 72]. В конечном итоге мы приходим к тому, что психологическим содержанием общения является трансляция одного своего личного опыта другому.

Культурно-историческая концепция исходит из иных методологических установок, потому в ней общение не является ортодоксальным (прямолинейным) причинно-следственным взаимодействием, но, тем не менее, является передачей культурного образца от взрослого ребенку: “Ребенок не выбирает значений для слова. Оно *ему даётся* (курсив мой – В.А.) в процессе речевого общения со взрослым. Ребенок не свободно стрит свои комплексы. Он находит их уже построенными в процессе понимания чужой речи. Он не свободно подбирает отдельные конкретные элементы, включая их в тот или иной комплекс. Он получает уже в готовом виде обобщаемый данным словом ряд конкретных вещей” [5, с. 152].

Ученик Л.С.Выготского, Д.Б.Эльконин, продолжая разработку психологического содержания общения как “обмена”, описывал психологическую ситуацию уподобления не как приспособление ребенка к физическим свойствам вещи, а как приспособление (и в результате — передачи и приёма, т. е. обмена) его действия к образцу действия взрослого человека. Поэтому чувственно-предметная форма совместного действия взрослого телом ребенка является не иначе, чем способом “передачи” действия взрослого ребенку. Таким образом, в культурно-исторической концепции опосредование осуществляется как обмен действиями между взрослым и ребенком, а средством, позволяющим осуществить такой обмен и передать действие, является либо орудие, либо знак.

Фактически, на понимании общения как обмена базируется весь экспериментально-генетический метод Л.С.Выготского, для которого общение было единственным возможным способом осуществить культурное развитие за счёт процедуры “вращивания”. Т.е. общение как интерпсихическая форма существования высшей психической функции по сути дела есть способ передачи ребенку знаков как культурных средств его собственного развития.

Одним из слабых звеньев культурно-исторической концепции, как известно. был акцент на его речевой форме, на общении как обмене значениями между сознаниями. Тот факт, что Л.С.Выготский не придавал серьёзного значения деятельности как онтологическому способу общения, а продолжал настаивать на решающей роли сознания, в своё время послужило поводом для разрыва между ним и его учениками (с так называемой харьковской группой, и лично с А.Н.Леонтьевым).

Для самого Л.С.Выготского до конца его жизни именно общение сознаний как процесс обмена значениями в условиях речевого общения оставалось “могучим двигателем” и решающим фактором психического развития. Современная культурно-историческая психология, которая, по нашему мнению, развивается под сильным влиянием идеи универсального человека, пытается решить проблему онтогенетических механизмов его становления, в основном, в рамках идей Л.С.Выготского. Один из вариантов такого решения, предлагаемый В.Т.Кудрявцевым, заключается в попытке иначе взглянуть на зону ближайшего развития и попытаться понять её как среду совместного развития ребенка и взрослого. Причём, ребёнку в таком “симбиозе развития” отводится важнейшая роль – генератора новых возможностей. В этом случае общение представляется как “развивающее общение”, смысл которого заключается в том, развитие творческих возможностей и ребенка, и, что особенно важно, взрослого, осуществляется на основании универсальных законов.

В.Т.Кудрявцев понимает развивающее общение как социально-творческую общность, основанную на обмене возможностями, правда, механизм возникновения новых возможностей и механизм такого обмена конкретно он не описывает. Нам представляется, что *реальная психолого-педагогическая перспектива у “развивающего общения” возможна в том случае, если оно будет понято как со-бытие, как онтологическая общность взрослого и детей.*

7.3. Междусубъектная природа субъектности

Когда мы говорим о междусубъектной природе человека, необходимо уточнить, что именно понимается под термином “человек”. Интерпретаций и толкований, как известно, возможно неограниченное количество, но для конструктивной работы нужна конкретность. Такой конкретностью для нас является понятие человек как “субъект предметной деятельности”. Причем, исходя из рефлексивной природы самой предметной деятельности, следует понимать человека как субъекта рефлексии.

Мы считаем, что именно рефлексивная природа человека, заданная категорией “предметная деятельность”, была непосредственным предметом философских исследования Гегеля и К.Маркса. Уже у Гегеля можно найти обоснование рефлексивной природы человека (разработку которой продолжил и воплотил в своём онтологическом методе К.Маркс) исходя из внутренней рефлексивности самой реальности. Таким образом, Гегель предполагал внутреннюю онтологически-рефлексивную структуру самого предметного мира, поскольку “реальность уже содержит в себе рефлексию” [6, с.217]. В связи с этим, есть все основания предполагать, что эта внутренняя рефлексивность самого предметного мира, самой реальности, онтологической структуры, описываемая Гегелем как рефлектированность в свое другое, есть не что иное как внутреннее рефлексивное отношение (рефлексивная связь) реальной и идеальной форм онтологической структуры самого предметного мира.

В связи с этим, открытая С.Л.Рубинштейном междусубъектная природа субъектности (т. е. способности к внутренней онтологической рефлексии) есть воплощение в человеческих способностях, в структуре человеческой деятель-

ности исходно рефлексивной структуры любой онтологической ситуации. Только в между субъектных отношениях могут воспроизводиться внутренние рефлексивные отношения реальности онтологической структуры предметного мира, поэтому рефлексивность как главное свойство человека как универсального субъекта (как субъекта рефлексии) может возникнуть только в общении, только между людьми.

В индивидуальной форме рефлексии нет оснований и нет возможности изменить сам способ рефлексирования, нет возможности человеку сделать предметом индивидуальной рефлексии самого себя. Это становится возможным только в условиях общения. Поэтому только общение есть среда развития как качественного изменения рефлексивного способа существования человека. Только в условиях общения (в условиях совместной деятельности) возникает рефлексия над самими нормами рефлексирования, над самим рефлексирующим “Я”. Только в общении рефлексирующее само “Я” способно стать предметом рефлексии. Это означает, что только в общении (в коллективных формах деятельности) следует искать источники возникновения новых норм и этапов, источники индивидуального развития.

Мы считаем, что объяснение между субъектной природы человеческой субъектности надо искать в природе деятельности. Будучи по своей природе рефлексивна, она порождает между субъектность и вытекающие из них общественные отношения. Это положение о рефлексивности и между субъектности предметной деятельности подтверждаются и современными исследованиями в области психологии развития. Так, например, многолетними исследованиями Б.Д.Эльконина, показана исходная двух субъектность предметного действия, которое никогда не является только субъект-объектным, но всегда одновременно и субъект-субъектно. Нам представляется, что после теоретических работ С.Л.Рубинштейна и Г.С.Батищева и соответствующих психологических исследований между субъектная природа человека (предметной деятельности) может считаться доказанной.

7.4. Общение как генетически исходное человеческое отношение

Признание особой важности общения для человеческого существования само по себе не гарантирует психологов от проблем. Эти проблемы известны: что важнее – деятельность или общение? Как конкретно соотносятся в структурном и генетическом плане деятельность и общение? Какова психологическая структура общения как ситуации развития? Каковы, всё-таки, психические механизмы общения вообще и развивающего общения, в частности? Что означает онтологический характер общения? И так далее.

Проблему общения каждый автор решает по-своему, в зависимости от своей методологической ориентации. В связи с этим чрезвычайно важным, на наш взгляд, является способ решения проблемы общения, предложенный С.Л. Рубинштейном. Этот способ непосредственно вытекает из его онтологических взглядов, которые заключаются в том, что человеческий мир – это взаимодействующие (общающиеся) сущности, включённые в систему человеческих отношений. При этом необходимо специально подчеркнуть, что понятие “общение” С.Л.Рубинштейн выводит из более общего понятия “взаимодейст-

вие”, сущность которого заключается во взаимодействии, в обмене воздействиями. Исходя из этого, он различает два типа человеческих взаимодействий (связь которых на едином основании так и не удалось теоретически обосновать на уровне психических механизмов. Ни С.Л.Рубинштейн, ни его последователи так и не обосновали единую основу этих отношений, поэтому до сих пор единство психики и деятельности более декларируется, нежели психологически обосновывается), — деятельность как отношение “человек – предметный мир” и общение как отношение “человек – человек”.

Эта теоретическая неясность хорошо видна в утверждении о том, что общение есть вид активности. Если вспомнить о том, что и деятельность в рефлекторной концепции трактуется как вид активности (иди форма активности), то специфика общения как субъект-субъектного отношения становится совсем непонятной. Интерпретация общения через совместную деятельность тоже не вносит ясности, поскольку тогда вообще проблема специфики общения и деятельности в теории снимается. Хотя на самом деле, в психологической реальности она действительно имеет место. В некоторых работах общение определяется через особое взаимодействие, когда предметом познания взаимодействующих субъектов становятся их психические свойства и качества. В этом случае общение носит вспомогательный характер, обеспечивающий возможность осуществления совместной деятельности.

Приведённые точки зрения в принципе связывает объективное утверждение вторичности общения по отношению к деятельности (взаимодействию, совместной деятельности, активности). В этом смысле сходную позицию имеют представители культурно-исторической концепции деятельности. Сам А.Н. Леонтьев явно и недвусмысленно утверждает первичность деятельности (отношения к предметному миру) и вторичность (производность) общения: “... не только отношения индивидов к предметному миру не существуют вне общения, но и само общение порождается развитием этих отношений” [7, с. 248].

Преимущественная роль деятельности, воздействия, активности по отношению к общению, на наш взгляд не является случайным. А тот факт, что представители конкурирующих (и конфликтующих) концепций разделяют в принципе общую точку зрения, говорит только о том, что идея функционирования (воспроизводства) как основного способа существования человека имеет ещё очень глубокие корни. Впрочем, К.Маркс, на которого так часты ссылки как раньше (когда не делать этого было не принято), так и сейчас (когда не сделав этого можно погрешить против истины), в своё время уже показал, что предметная деятельность начинается не с вещи, а с другого человека. Т.е. *первичным в предметной деятельности* как рефлексивном по своей природе человеческом отношении является не воздействие, а общение. Это значит только одно и это чрезвычайно важно - сущностью человека, его истинным способом существования (выражаясь языком Рубинштейна) является не действие-воздействие, а общение, о чём и говорят В.Д.Губин и М.К.Мамардашвили “Сущностью человека является общение. “Сущность человека, — писал М.К. Мамардашвили, комментируя Маркса, — не есть некий факт, который существовал бы сам по себе, а она есть в той мере, в какой человеческая личность поддерживает, воспроизводит и сохраняет общение. Если нет этого постоянно-

го поддержания и воспроизводства общения, то нет и человека. Есть просто животное” 8, с. 163]. В принципе такой вывод не должен считаться чем-то экстраординарным, поскольку в своих работах К.Маркс показал, что именно общающиеся между собой индивиды производят социум, а не наоборот. Об этом, собственно говоря, нам и напоминают в приводимой ниже цитате.

По сути дела, уже в самой культурно-исторической природе человека заложена его междусубъектная природа. Культурно-исторический человек как универсальный субъект не находит вокруг себя (а его возможности распространяются на весь предметный мир) ничего, кроме себя самого как исторического родового существа. Это положение является непосредственным следствием марксистской философии предметного человека и так же заложено в культурно-историческую психологию через знаково-символические системы и через общение как способ присвоения (и способ порождения) знаково-символических систем.

Именно поэтому психологической природой человеческого мира является субъект-субъектное отношение, общение. Он так устроен, такова его онтология. Сама культура (пространство людей и человеческих предметов, поскольку других в мире уже не бывает с возникновением человека, или, лучше и правильнее будет сказать, с возникновением *человеческого способа существования самой природы, человеческого способа существования предметного мира*) – первая и единственная “природа” универсального субъекта (в отличие от его естественного аналога, эмпирического субъекта, природой которого является естественная, до-человеческая причинность) – первичность междусубъектного отношения, его *диалогичность*.

Чрезвычайной важности выводом из изначальной онтологической диалогичности культурно-исторического пространства является тот факт, что онтогенетическое формирование человека как универсального субъекта (как рефлексивного субъекта) возможно только в условиях непосредственного прямого контакта с другими людьми, через непосредственное онтологическое общение, где сам человеческий предмет является лишь поводом и посредником для непосредственного диалога.

Нам представляется, что только теперь есть все необходимые предпосылки, чтобы определиться с деятельностью, как это ни может показаться странным, несмотря на то, что она является для нас основной категорией и что мы уже неоднократно пользовались ею как теоретическим средством. Всё-таки оставалась недоговорённость, определённая неясность и недопонимание её внутренней структуры. Сейчас, учитывая рефлексивную природу предметной деятельности и первичность её субъектной направленности, мы можем убедиться, что предметная деятельность есть предметное отношение к человеческому предметному миру (действие) и предметное отношение к другому человеку (общение). В этом единстве и исходной неразделённости ведущим является субъектный вектор.

Таким образом, совершенно очевидно, что онтогенез человека как универсального субъекта необходимо строить, исходя из первичности общения, а не познания (исходя из первичности субъект-субъектного отношения, а не субъект-объектного). Мы полагаем, что этот вывод должен кардинально изме-

нить наше представление об онтогенезе, поскольку можно показать (и это не должно являться неожиданностью), что даже культурно- историческая психология, для которой общение является ключевой категорией, отношение ребенок — взрослый понимает как изначально субъект-объектное.

7.5. Общение как онтологическая категория

В психологической проблеме общения как среды формирования универсального субъекта чрезвычайно важным является его онтологический статус. Об этом приходится говорить вновь и вновь потому, что в психологии широко представлена другая традиция, традиция понимать общение как гносеологическое отношение, как обмен (как обмен информацией, если информацию понимать широко), на приводящий непосредственно к изменению самого способа существования. Но поскольку онтологичность следует пониматься как способность изменять способ существования, постольку необходимо формировать соответствующее понимание общения – онтологического общения. Пример такого понимания мы можем найти у К.Маркса, особенно если принять во внимание нонсенсы его переводов на русский язык.

Как онтологическую категорию понимал общение и С.Л.Рубинштейн, раскрывая его психологическое содержание через категорию “взаимодействие. Прекрасным и глубоким по своему универсальному содержанию представляется нам понимание содержания онтологического общения, данное Г.С.Батищевым. Для него онтологическое общение является способом человеческого существования, способом осуществления его универсальной сущности, бытийной причастности индивидов друг к другу и всему миру. Это делает, на наш взгляд, реальным и технологичным решение психологической проблемы онтогенеза универсального человека. Это методологическое положение означает необходимость строить онтогенез как совместное существование, позволяет интерпретировать онтологическое общение как среду возникновения новых возможностей, новых способов существования. Поэтому и общественные отношения (как продукт онтологического общения, онтологического диалога) уже выступает в своём истинном качестве, не как внешней нормирующей силы, не как отчуждённой сущности, требующей освоения и присвоения, а как средством рефлексивной связи человека с действительностью всего предметного мира, как со своей. Всё это дёт нам основания разделить позицию Г.С.Батищева в противопоставлении онтологического общения и коммуникативной активности, не затрагивающей сущностные слои индивидуального существования, осуществляемой на поверхности человеческого существования и, по сути дела, лишь социально оформляющего его, вместо того, чтобы способствовать непрерывному его самоизменению.

7.6. Онтологическое общение как генетико-моделирующий метод

Мы приходим к убеждению, что единственно возможной средой и способом человеческого развития, непрерывного становления рефлексивным субъектом (универсальным субъектом), средой его непрерывного трансцендирования является онтологическое общение. Но принятие онтологического общения в качестве сущности человеческого существования является одновре-

менным признанием его в качестве метода самоизменения (метода самодвижения; метода “творческой самодетельности”), метода организации трансцендирования как ценности и смысла всего человеческого существования. Тем самым, мы приходим к необходимости отказаться от естественно-научного метода в пользу метода онтологического общения. Понятно, что это означает слишком много, поэтому ниже мы попытаемся обосновать своё решение.

Решение в отказе от естественной интерпретации человека и метода естественно-научного экспериментирования, в первую очередь, вызвано тем, что способом существования человека является внутренняя онтологическая рефлексия – сознание. оно существует и, соответственно, может изучаться только в ситуациях самоизменения, когда сам способ существования человека находится в ситуации изменения, когда человек преодолевает переход между одним и другим уровнем собственного существования. Метод естественно-научного эксперимента как наиболее адекватный представитель естественно-научной методологии, сложился совсем в других ситуациях и совершенно для других целей. Его классическая задача – это установление характера конкретной зависимости одной переменной от другой предполагает уже известной сам способ связывания (говоря математическим языком, функцию).

Но с психологической точки зрения исследуемое соотношение переменных есть выявление конкретного характера уже сложившегося (сформировавшегося) способа существования. Он и является непосредственным предметом естественно-научного исследования. Очевидность этого факта оставляет в тени менее очевидные вещи. А именно то, что предметом естественно-научного исследования является способ существования, а не способ его происхождения, не способ происхождения способа существования, т.е. не онтологическая рефлексия как сущность универсального субъекта.

Таким образом, естественно-научное исследование не предусматривает изучение способов происхождения самого способа существования, а только изучает конкретные особенности его осуществления в зависимости от конкретных условий, которые сами по себе сформировавшийся способ существования не изменяют. Это означает, что сущность человека – его онтологическая рефлексивность как истинный способ существования универсального человека, как способ преодоления функционирования и сложившихся способов адаптивности, остаётся и всегда будет оставаться за пределами естественно-научного метода в силу его собственной нерелексивной природы.

В этой классической ситуации экспериментирования (естественно-научного исследования) отсутствует рефлексия человека на свой сложившийся, сформировавшийся собственный способ существования, т.е. отсутствует самое главное для универсального субъекта – онтологическая рефлексия, порождающая новый способ существования. Духовность как всеобщий способ существования единичного (т. е. всеобщий способ развития единичного), таким образом, остаётся за пределами естественно-научного метода.

Ещё одна проблема связана с невозможностью изучения естественно-научным методом человека как целого. Это сложное и зачастую абстрактное понятие на самом деле имеет конкретное психологическое содержание. Оно опять-таки заключается в рефлексивной сущности человека. Поскольку пред-

метод естественного метода не становится сам переход от одного способа существования человека к другому, а исследуются конкретные особенности проявления уже сложившегося способа существования, то есть смысл говорить о том, что естественный метод не имеет собственным предметом целостного человека.

Психологически целостный человек задаётся его способом существования. Он является той генетической основой, тем единым основанием, которое, оставаясь единым и неизменным в конкретных ситуациях может проявляться совершенно по-разному. Если не освоить этот способ как общий, т.е. уметь выводить из него все возможные проявления человека, и не уметь сводить к нему все проявления человека, то это означает не понимать и принимать человека как целое.

В обычных исследовательских ситуациях так всегда и бывает: различные проявления человека (его поступки, оценки, действия, особенности общения, характер познавательных действий, привычки, его психофизиологические особенности и пр.), объективно имеющие общее основание – способ существования – на деле воспринимаются как различные качества, свойства, особенности, черты характера и пр., которые порой бывает затруднительно как-то связать воедино (не только окружающим, но и самому человеку).

Но есть особые ситуации, где человек не может не проявляться как целое. Это ситуации изменения способа существования, т.е. ситуации развития. Но их как раз естественный метод и не изучает, т.е. он не изучает человека как целое. Кроме того, самоценность человека как уникального существа, творящего себя и вместе с собой вечность, несовместима с причинно-следственным его описанием. Для универсального человека характерна другая детерминация – всей историей развития природы, собственной жизнью, логикой собственного развития. Универсальный человек тем и универсален в первую очередь, что не причины детерминируют его жизнь, а сама его жизнь является собственной детерминантой. Для универсального человека нет причин, его детерминирующих, он сам творит собственные детерминанты, он сам является детерминантой предметного мира.

Ещё одной проблемой естественного метода заключается в том, что его предметом является абстрактное всеобщее, а единичное не рассматривается в качестве его индивидуальной формы, единичное не рассматривается как порождающее начало всеобщего. Поэтому для естественного метода существует только всеобщее, в единичное есть только форма проявления всеобщего. Всеобщее своей силой порождает единичное, а не наоборот.

В силу своей природной рефлексивности, человеческая субъективность не познаваема в качестве объекта, поскольку объект существует как уже состоявшаяся рефлексия, как её результат, как свершившееся свойство. В изучении рефлексивного субъекта естественный подход не проходит. Как строить иной подход и что это за иной подход, и почему содержательно естественная методология неприемлема? Нам представляется, что ответы на эти вопросы можно найти в методологии современных психологических концепций, поскольку они создавались не для утверждения естественного метода, а для утверждения человека самоценного, универсального и онтологического.

Нам представляется, что метод онтологического субъекта С.Л.Рубинштейна, на первый взгляд, в наибольшей степени подходит для решения проблемы человека как рефлексивного субъекта. Но он имеет такие конкретнопсихологические особенности, которые подвергают сомнению его общеметодологические достоинства. Известна установка С.Л.Рубинштейна на всестороннее изучение человека во всех возможных существенных отношениях [1, с.261, с.385]. Возможность такого изучения обосновывается С.Л.Рубинштейном ссылкой на онтологический метод К.Маркса, заключающийся в том, что любое явление сущего в полной мере репрезентирует его собственную онтологическую структуру: “Непосредственно данное выступает как раскрывающее, обнаруживающее структуру сущего – такова феноменология принципиально нового типа; это метод Маркса как метод онтологии” [1, с. 112].

И здесь, в самом начале любого конкретного исследования и в самом начале формулирования собственного онтологического метода С.Л.Рубинштейн делает, на наш взгляд, спорное допущение об исходной онтологической двойственности человеческого способа существования: “Выявление этих двух основных отношений к миру – сознания и действия, чувственности и деятельности, познания, созерцания и преобразования как характеризующих специфический способ существования человека – его онтологию” [1, с. 343]. Это допущение фактически разделило человеческую сущность на две сферы: воздействующую на предметный мир (деятельность) и познающую предметный мир (психику). То, что психика рассматривается в качестве регулятора деятельности, не снимает проблемы единства психики и деятельности. Он решает проблему единства не нахождением их единого основания и выведения их обоих из него, а введением принципа единства деятельности и сознания (психики), который теперь призван связать изначально раздельные действительности (“модальности” как говорил сам С.Л. Рубинштейн).

Другой момент в его онтологическом методе, вызывающий серьёзное сомнение, заключается в его трактовке соотношения единичного, особенного и всеобщего, приведшее к серьёзным методологическим последствиям. По С.Л.Рубинштейну, отношение единичного к единичному есть способ проявления всеобщего. На наш взгляд, в этом положении есть две вещи, которые вместе принять не представляется возможным. Безусловно, отношение человека к человеку есть категоричальная основа для понимания сущности человеческого существования, но признание единичного как формы проявления всеобщего опять не только оставляет “за кадром” происхождение всеобщего (вернее, предполагает его независимую от существования единичного природу), но самое главное – утверждает человека в качестве эмпирического субъекта.

В концепцию Л.С.Выготского изначально была заложена иная логика, нежели та, которая реализована в концепции С.Л.Рубинштейна. Эта логика, по нашему мнению, в какой-то степени осуществилась позднее, в концепции учебной деятельности Д.Б.Эльконина - В.В.Давыдова. Но сам экспериментально-генетический метод и вся последовавшая за ним экспериментально-психологическая практика, несмотря на это, были сконструированы и осуществлены исходя из логики естественно-научного исследования.

Основная идея Л.С.Выготского, которая в полной мере так и не была реализована, заключалась в исторической сущности человека. Поэтому концепция онтогенетического развития человека задумывалась как воссоздание исторической логики происхождения и развития человеческой психики в истории развития общества и воссоздание её в процессе онтогенетического развития.

Этот метод, который должен был обеспечить такое воссоздание, сам Л.С. Выготский называл экспериментально-генетическим, хотя на самом деле то, что получилось в действительности можно назвать содержательно-генетическим с большой натяжкой (например, методика двойной стимуляции Выготского - Сахарова – это методика формирования формально-логического понятия, к логике развития отношения не имеющая).

Значительное влияние на нашу работу повлияла концепция онтогенетического развития Г.С.Батищева. Несмотря на то, что как таковая она ни автором, ни его оппонентами и сторонниками ещё не называлась, на наш взгляд, она является таковой по существу. Суть её заключается в том, что Г.С.Батищев опровергает известный, широко распространённый и давно применяемый в теории на практике тезис К.Маркса о том, что изменяя мир, деятельный человек *одновременно* изменяет и себя.

На самом деле, за одновременностью изменения мира и развития человека стоит неизбежность, обязательность, автоматичность развития. Это привело к тому, что развитие стало рассматриваться как обязательное следствие предметного преобразования, неизбежно осуществляющееся, и фактически все усилия теоретиков и практиков в педагогике и педагогической психологии были сконцентрированы на формировании предметных условий развития, молчаливо предполагая, что развитие ребёнка произойдёт автоматически при правильно организованной предметной ситуации. Интересно, что этот тезис некритически принимался повсеместно, несмотря на то, что никто из философов и психологов, включая К.Маркса, никогда его не обосновывал.

Таким образом, ситуация развития как особая, специальная ситуация, требует специальной организации и специальных усилий для своей реализации. Специфика человеческой ситуации развития заключается в том, что она не только рефлексивна (что само по себе не возникает автоматически из одних только предметных преобразований), а что она в двойной степени рефлексивна. Т.е. развитие может произойти тогда, когда сам по себе рефлексивный способ существования человека становится предметом рефлексии. Отсюда следует, что организации таких в двойной степени рефлексивных ситуаций нереплексивный естественно-научный метод не подходит.

К сожалению, другой метод – гуманитарный, который позволяет исследовать рефлексивную по своей природе человеческую субъектность (субъективность) на сегодняшний день является скорее проблемой, нежели реальным научным средством.

Специфической особенностью гуманитарного метода, в корне отличающей его от естественно-научного, является то, что средством изучения другого является собственное изменение исследователя. Это даёт возможность сделать предметом исследования не абстрактное всеобщее как некое над над-

единичное, над-индивидуальное, а непосредственно единичное как формы происхождения всеобщего.

Предметом гуманитарного эксперимента впервые становится сам переход, сам процесс опосредования, сам процесс созидания ребёнком этого опосредования, в котором и проявляется, и возникает рефлексивная сущность человека. В этом смысле естественно-научный эксперимент вообще не рассматривал процессы становления, а исследовал уже возникшие и функционирующие формы человеческого поведения. И экспериментально-генетический метод Л.С.Выготского не может здесь служить примером гуманитарного эксперимента, поскольку его предметом был процесс употребления знака, а не процесс порождения знака самим ребенком.

Таким образом, мы приходим к выводу, что адекватным психологии развития (а точнее, психологии трансцендирования, предметом которой является проблема самостоятельного выхода ребёнка за собственные пределы за счет самостоятельного создания пространства опосредования и его знаково-символических средств) методом является метод построения опосредования, но не можем согласиться с Б.Д.Элькониным в том, что это экспериментально-генетический метод Л.С.Выготского. Нам представляется, что задача самостоятельного построения опосредования самим ребенком, а не применение им присвоенных из культуры средств и способов – это принципиально новая задача.

В результате мы приходим к выводу, что методом конструирования ситуаций трансцендирования должно стать *онтогенетическое общение как способ производства способного к онтологической рефлексии человека*.

Положение о междусубъектной природе человека в психологии универсального субъекта следует понимать несколько необычно, а именно, таким образом, что источником моего развития является не моё отношение к другому, а нечто другое в междусубъектном отношении. На первый взгляд, это утверждение выглядит довольно странным, поскольку принято понимать межличностную природу именно как отношение к другому человеку. Например, как в концепции культурного диалога Л.С.Выготского, или в концепции онтологического (онтического) диалога у М.М.Бахтина, или в концепции Мартина Бубера.

Но всё же, этим другим, кроме другого человека, в онтологическом диалоге является сам диалог как неразличимо общая среда способа трансцендирования, преобразования одного способа опосредования в другой. Таким образом, в онтологическом диалоге индивид *одновременно* существует как бы в двух жизнях: в своей настоящей жизни (как, собственно, индивид как таковой) и в своей будущей жизни (как создатель онтологического диалога). Одновременность существования и в прошлом, и в будущем — специфическая черта онтологического общения.

В конструировании онтологического диалога как метода организации трансцендирования (способа изменения индивидуальных способов опосредования) мы исходим из следующих положений.

1. “Внутренняя” структура человека как рефлексивного субъекта представляет собой; а. идеальную форму предметной деятельности, б. реальную форму предметной деятельности, в. средства взаимного опосредования

идеальной и реальной формы. Идеальная форма деятельности представляет собой возможность практического осуществления деятельности; реальная форма представляет собой процессы и результаты практического осуществления деятельности; средства опосредования представляют собой пространство человеческого предметного мира, с одной стороны, непрерывно воссоздаваемого в результате опосредования, а с другой стороны, являющегося источником возможности опосредования.

2. Уровень сформированности способа опосредования (внутренней рефлексии) выражается в способности воспроизводить свой опосредующий предметный мир в процессе превращения идеальной формы деятельности в реальную, и наоборот.
3. Внутренняя рефлексия как способность к опосредованию есть способность превращать идеальную форму деятельности в реальную, и наоборот за счёт воспроизводства человеческого опосредующего предметного пространства.
4. Человек существует как человек, как внутренне рефлексивное существо пока он способен осуществлять опосредование, пока им самим воспроизводится его собственное опосредующее его деятельность предметное пространство (предметный мир опосредования).
5. Источником опосредования является проблемная ситуация, побуждающая создавать и воссоздавать средства опосредования, а не использовать уже готовые.
6. Воспроизводство способа опосредования есть рефлексивное функционирование. Развитие есть изменение способа опосредования и осуществляется оно как трансцендирование.
7. Человек один не в состоянии изменить способа внутренней рефлексии, не в состоянии сделать предметом рефлексии собственный способ опосредования (способ внутренней рефлексии).
8. Для изменения способа опосредования необходимо ситуация онтологического отношения, т.е. рефлексивного отношения генезиса, связывающего два способа опосредования. Таким отношением не может быть субъект-объектное отношение, т.е. отношение человека к собственному средству опосредования, к своему продукту опосредования, к предмету своего опосредующего пространства, поскольку предметное средство есть способ опредмечивания воссоздаваемого способа, а не способа его генезиса. Предметное средство есть “знак” уже ставшего способа, возникшего и функционирующего (воспроизводящегося). Предметное средство (“знак”) есть уже ставший способ опосредования, а его собственная история в предметном средстве не опредмечивается.
9. Этот способ первоначального возникновения “знака” и есть трансцендирование, т.е. переход от одного способа опосредования к другому, от одного “знака” - к другому.
10. Если сформированный и воспроизводящийся способ опосредования принять за предел возможности опосредования, то трансцендирование способа опосредования есть преодоление своего собственного внутреннего предела, преодоление своих конечных (актуальных) внутренних возможно-

стей. Человек, способный делать предметом деятельности собственный способ опосредования (собственное сознание), есть субъект трансцендирования.

11. Следовательно, трансцендирование есть отношение способов опосредования. Оно возможно только как отношение между субъектами опосредования, как сущностное общение людей, как онтологический диалог равноправных рефлексивных субъектов.
12. Главной задачей онтологического диалога является вместе сконструировать способ трансцендирования, после этого сделать его индивидуальной собственностью каждого и, применив на практике, реально осуществить трансцендирование как изменение собственного способа опосредования (т.е. изменив собственный способ существования).
13. Структура онтологического диалога представляет особую такую психологическую структуру, характерной особенностью которой является то, что индивидуальная рефлексия (опосредование) осуществляется как трансцендирование, т.е. как отношение индивидуальной и диалоговой форм опосредования. Именно это обстоятельство, характерное только для онтологического общения (онтологического диалога), даёт возможность организовать предметную ситуацию как рефлексивную ситуацию, психологическим предметом которой является изменение индивидуального способа опосредования.

Психологическая «схема» онтологического диалога

Исходя из схемы онтологического диалога (см. выше), Я и не-Я (другой как моё другое) в структуре онтологического диалога **одновременно** находятся сразу в двух пространствах: индивидуальном и диалоговом. Рефлексия из индивидуального в диалоговое, и обратно есть трансцендирование.

Замечательной психологической особенностью онтологического диалога является то, что он является одновременно пространством актуальных и потенциальных возможностей. Актуальные возможности представлены индивидуальной формой деятельности, а потенциальные существуют в диалоговой форме деятельности.

Но если актуальные возможности могут существовать и существуют в индивидуальной форме, то потенциальные возможности (общие возможности) существуют только в диалоговой форме. Поэтому после успешной организации онтологического диалога и возникновения потенциальных возможностей в диалоговой форме, необходима специальная процедура “индивидуализации” общих потенциальных возможностей. Это, на наш взгляд то, что Л.С.Выготский называл интериоризацией.

Но индивидуализация – это не присвоение новых возможностей, возникших независимо от самого рефлексивного субъекта. Особенность онтологического диалога заключается в том, что новые возможности создаются самими общающимися субъектами, а предметом индивидуализации являются не только новые возможности как идеальная форма диалоговой деятельности, ставшая идеальной формой индивидуальной деятельности, но сам способ её происхождения – способ трансцендирования. Поэтому онтологический диалог – это си-

туация трансцендирования, в результате которой не только возникает новая идеальная форма, но и новый способ трансцендирования. Этапы усложнения способа трансцендирования и являются онтогенетическими этапами становления человека как субъекта трансцендирования.

Специфическая особенность метода онтологического общения (онтологического диалога) заключается в том, что ДРУГОЙ в онтологическом диалоге (сначала это — взрослый, а затем – взрослый и другой ребенок в диалоге, организуемом взрослым) является таким же необходимым условием для развития ребёнка, как и он сам для развития другого. Поэтому онтологический диалог есть развивающаяся среда, где каждый является условием развития другого, и каждый развивается, благодаря другому.

Особенность онтологического диалога заключается в том, что он возможен только тогда, когда каждый его участник делает предметом своей индивидуальной деятельности сам диалог, т. е. само отношение участников диалога, само отношение деятельностей, само отношение сознаний. А это значит, что онтологический диалог возможен только как непрерывное самоизменение всех его участников, средством которого является их взаимное отношение, которое создаётся самими участниками в процессе их онтологического диалога.

Метод онтологического диалога заключается в организации такого взаимного отношения учащихся друг к другу, когда непосредственным предметом индивидуального отношения каждого становится не структура предметного мира, не деятельность другого участника, а само отношение их индивидуальных деятельностей (а внутри него – отношение их индивидуальных сознаний).

Это означает, что в условиях социально организуемого онтогенеза – образовательного процесса — предметом онтологического диалога становится не культурный образец деятельности, и даже не способ передачи-присвоения культурного образца (идеальной формы), а способ порождения идеальной формы. Идеальная форма – это способ изменения сознания (конкретный способ трансцендирования), возникающий в процессе обозначения, предметным воплощением которого является диалоговый знак (диалоговая культура), а способом существования – диалоговый смысл. Поэтому, если в культурно-исторической концепции Л.С.Выготского у учащегося на возникает задачи исследовать сам способ происхождения идеальной формы, а предметом исследования и освоения является сама ставшая идеальная форма, взятая готовой из культуры как образец воспроизведения, то для нас проблема происхождения идеальной формы есть действительная проблема, которая является живым источником непрерывного трансцендирования как самодетерминированного развития и принципом организации персонифицированного образования.

Поэтому трансцендирование всегда есть культуропорождение, и культуропорождение есть всегда трансцендирование. Культуропорождение есть способ создания идеальной формы способа трансцендирования, который является способом превращения одной реальной формы деятельности (сознания) – в другую реальную форму. Трансцендирование есть онтологическая категория, поскольку оно есть способ изменения способа существования человеческого индивида.

Структура онтологического диалога как структура акта трансцендирования (акта развития сознания) возникает в результате воссоздания онтологическим общением (онтологическим диалогом) структуры генетически исходного предметного отношения (имеющую как вектор воспроизводства, так и вектор производства себя на новом качественном уровне). Для этого в первую очередь необходимо эту структуру (включающую её собственную логику развития) знать, чтобы иметь возможность практически организовать трансцендирование в условиях образовательного процесса. Это методологическое знание, необходимое для организации онтологического диалога, берётся из истории развития конкретной предметной области, конкретного предметного знания. Т. е. из истории культуры.

Таким образом, структура генетически исходного предметного противоречия становится методологической и методической основой организации онтологического диалога. Воспроизводя своим онтологическим общением (онтологическим диалогом) структуру предметного противоречия, учащиеся, тем самым, воспроизводят общий способ развития предметного знания как целого, а тем самым, воспроизводят общий способ решения проблемы трансцендирования, т.е. проблемы онтогенетического происхождения сознания как содержания предметной деятельности. Предметной средой существования сознания является знаково-символическая среда, а способом его существования является смысл.

Способ происхождения индивидуального сознания (индивидуальный способ трансцендирования), первоначально существующий только в условиях непосредственного онтологического общения, в дальнейшем “отрывается” от внешнего диалога и приобретает способность к самостоятельному существованию (осуществлению). Превращение трансцендирования в условиях диалога в самостоятельное трансцендирование знаменует завершение акта индивидуального развития, т. е. формирование нового способа трансцендирования (рефлексивности; сознания).

Подобная схема развития разработана и широко используется для организации учебных ситуаций в рамках концепции учебной деятельности. Но её характерной особенностью является тот факт, что генетически исходное предметное противоречие (“абстрактное”; идеальная форма) как способ организации совместной деятельности учащихся, возникает извне как образец для воспроизведения. Источником таких культурных образцов служит культура, что полностью соответствует основным теоретическим положениям культурно-исторической концепции Л.С.Вygотского.

В нашем случае онтологическое общение (онтологический диалог) организуется на основании “абстрактного” (идеальной формы), создаваемой самими учащимися. В связи с этим, проблемная ситуация служит средством порождения идеальной формы, а не её присвоения и воспроизведения. В этом суть и существенное отличие онтологического общения от совместной деятельности.

В разработке понятия “онтологическое общение” мы исходим из предположения о том, что в любом возрасте у ребёнка имеет место рефлексивная способность (сознание), т.е. способность создавать пространство идеальных форм, выводя их из непосредственно-чувственной формы деятельности. Проблема

заключается в том, что наличная рефлексивная способность может измениться, т.е. произойти акт развития, только в специально организованном онтологическом диалоге. Это значит, что мы на деле, реально признаём исходную рефлексивность и наличие сознания у ребенка с момента его физического возникновения, но одновременно признаём необходимость онтологического общения для развития этой способности. Эта способность у каждого ребенка на каждом онтогенетическом этапе находится на различном уровне сформированности, но у каждого она есть. Это есть исходный пункт нашей концепции онтогенеза как трансцендирования.

С этой точки зрения, преподавателю (учителю) в первую очередь необходимо определить уровень сформированности этой рефлексивной способности и затем, в соответствии с ним строить персонифицированный образовательный процесс. С учетом того, что рефлексивная способность – это особая способность, возникающая (изменяющая качество) только в ситуации онтологического общения, образовательная ситуация – это всегда ситуация онтологического общения. Это означает, что предметной основой для осуществления метода онтологического общения является усложняющееся предметное знание, логика усложнения которого задаётся логикой усложнения предметного противоречия. Именно в этих предметных условиях становится возможным применение метода онтологического общения как средства развития рефлексивной способности каждого учащегося.

Попадая в проблемную ситуацию, учащиеся организуют онтологическое общение и вместе создают способ развития собственного сознания (трансцендирования) как способ особого отношения из индивидуальных сознаний к их диалоговому сознанию. Результатом трансцендирования становится новый уровень сформированности рефлексивности (новая форма сознания), главным критерием оценки которого является способность решать предметные задачи нового уровня сложности.

7.7. Этапы усложнения психологической структуры онтологического диалога

Выбор онтологического диалога в качестве метода конструирования ситуаций трансцендирования предполагает необходимость разработки его психологической структуры, поскольку именно она должна стать принципом организации онтогенетических ситуаций трансцендирования. На сегодняшний день структура онтологического диалога в необходимой степени не разработана и в некотором смысле является проблемой, как и многие психологические параметры, касающиеся общения вообще.

Поскольку гуманитарный подход к исследованию психологических особенностей онтогенетического развития человека заключается с тем, что основным способом исследования является совместное конструирование общей ситуации трансцендирования как изменения способов существования, постольку гуманитарное исследование есть, по сути дела, онтологический диалог равноправных и суверенных субъектов, который осуществляется на всём протяжении онтогенетического развития, без исключения. *Особенностью гуманитарного исследования в форме онтологического диалога является то, что его ре-*

зультатом является изменение способа существования обоих участников диалога, причём каждый из них является необходимым условием такого изменения для другого

Особенностью психологической структуры общения, являющегося жизненной средой становления детей (учащихся) в процессе онтогенеза является то, что она, как правило, представляет собой взаимодействие взрослого и ребёнка, результатом которого становится усвоение (присвоение) ребёнком образцов культуры, которые транслирует взрослый. При этом общение выполняет роль необходимого условия эффективного присвоения ребёнком опыта предыдущих поколений. Для психологов и педагогов ведущая роль взрослого в учебном общении настолько очевидна, что в педагогике и педагогической психологии закрепились как наиболее распространённая (если не единственная) схема общения как взаимодействие взрослого с ребёнком (модификации этой базовой схемы, предполагающие активную роль самих учащихся на отдельных этапах обучения, коллективные формы организации и пр. на самом деле не изменяют её принципиально. Культурный образец возникает и контролируется всегда учителем, неважно какая конкретно схема активизации учебного процесса используется). Такая традиционная схема взаимодействия взрослый - ребёнок имеет смысл и безусловно оправдана в ситуациях присвоения (в которых она и родилась). Поскольку присвоение не предполагает порождения культурного образца присваивающим его ребёнком, а предполагает передачу, трансляцию, репродукцию этого образца взрослым (учителем), то отсюда очевидно, что иной базовой схемы общения при усвоении и быть не может.

Другое дело ситуация трансцендирования, которая, напротив, не просто предполагает, а реально основана на созидании самим ребёнком собственной идеальной формы (которая в случае присвоения берётся в готовом виде из культуры). Очевидно, что ситуация трансцендирования предполагает творчество, причём не такое “имитационное творчество”, под которым понимается “творческий подход” к процессу усвоения (попросту говоря, творчество в подражании присваиваемой идеальной форме), а настоящее творчество ребёнком своих новых возможностей (идеальной формы), до этого времени у него отсутствовавших. В этом случае структура взрослый – ребёнок уже не удовлетворяет возникающим требованиям и должна быть заменена на структуру онтологического диалога самих детей, организуемого взрослым. Причем, значение самого взрослого в организации онтологического диалога и роль его в непосредственной организации онтологического диалога постоянно снижается.

Таким образом, онтологическое общение есть особый способ отношения, особый “диалог” между учащимися. Это такой диалог, в результате которого изменяется сам способ существования (форма сознания) каждого из участников диалога. ***Онтологический диалог – это такое отношение между людьми, в результате которого изменяется внутренняя рефлексия (способ опосредования), порождаются новые возможности решений новых проблем, которые ранее не могли быть решены, строятся новые смысловые пространства собственной жизни.***

Возможность такого движения от одних способностей к другим, от одних возможностей к другим заключается в том, что онтологический диалог сам

строится как трансцендирующее сообщество, как непрерывно трансцендирующая среда общения, в условиях которой только и возможно формирование индивидуальной способности к непрерывному трансцендированию. Это означает, что процесс онтогенетического развития должен строиться на принципах, учитывающих необходимость задания таких форм сотрудничества, таких “событийных общностей” (говоря словами В.И.Слободчикова), которые должны побуждать и способствовать человеческому индивиду трансцендировать их, создавать и преодолевать любые формы общения, любые формы совместной деятельности.

Онтогенез универсального субъекта есть непрерывный процесс трансцендирования и поэтому “надо понимать, что в своём развитии личность должна перейти рамки любой коллективности за исключением коллектива, способного трансцендировать в бесконечной всеобщей форме” [9, с. 76]. Возможность организации таких трансцендирующих общностей задаётся их исходным всеобщим противоречием формы (структуры адаптивного опосредования) и содержания (структуры рефлексивного опосредования). Как мы уже отмечали выше, в онтологическом диалоге предметом индивидуальной деятельности каждого становится сам диалог как совместная форма их будущих индивидуальных возможностей.

При конструировании психологической структуры онтологического общения, мы исходим из положения об опосредованном характере человеческой деятельности. Деятельность как целостная структура непрерывно воспроизводится за счёт опосредования (внутренней рефлексии), которая является способом превращения реальной формы деятельности в её идеальную форму, и наоборот. В процессе осуществления внутренней рефлексии (в процессе опосредования) происходит порождение “знакового” пространства, “значением” которого становится сам способ опосредования. Таким образом, порождаемое опосредованием “знаковое” предметное пространство, с одной стороны, означает, т.е. приобретает “значение” способа опосредования, а с другой, является источником этого способа, действующим как психологическое средство и позволяющее человеку воссоздавать его в проблемных ситуациях. Воссоздание сложившегося способа опосредования в условиях сложившегося “знакового” предметного пространства означает функционирование человека как субъекта опосредования.

Таких стабильных уровней функционирования в онтогенезе имеется четыре: рефлексивное переживание как спонтанная форма опосредования; рефлексивная интуиция как интуитивная форма опосредования; осмысленная рефлексия как логическая форма опосредования; трансцендирующая рефлексия как универсальная форма опосредования.

Кроме четырёх основных (базовых) уровней функционирования опосредования, имеют место четыре переходные формы (промежуточные уровни), в которых возникают (порождаются) новые способы опосредования (новые формы внутренней рефлексии): спонтанное трансцендирование как способ преобразования возможности спонтанного опосредования в спонтанное опосредование; интуитивное трансцендирование как способ преобразования спонтанного опосредования в интуитивное опосредование; смысловое трансценди-

рование как способ преобразования интуитивного опосредования в смысловое опосредование; виртуальное трансцендирование как способ преобразования смыслового опосредования в универсальное опосредование.

Логика онтогенетического развития как логика трансцендирования есть общий способ перехода с одного уровня развития опосредования (внутренней рефлексии) на другой. Этот способ осуществляется в условиях онтологического диалога, поэтому переходные периоды развития способа опосредования (трансцендирования) являются в то же время периодами (уровнями) сформированности онтологического диалога.

Но онтологический диалог не является единственно возможной формой общения, необходимой для осуществления онтогенетического трансцендирования. Наряду с онтологическим диалогом, который необходим на переходных этапах для организации трансцендирования, имеет место адаптивный диалог, осуществляющийся в условиях сформированной структуры опосредования. Если задачей онтологического диалога является создание новых способностей, новых способов опосредования, новых форм внутренней рефлексии, и онтологический диалог осуществляется как переход с одного уровня сложности структуры деятельности (индивидуальная форма деятельности) на другой (диалоговая форма деятельности); то задачей адаптивного общения является освоение этих новых способностей и перенесение их на все возможные сферы собственной деятельности, а осуществляется адаптивное общение на одном уровне сложности, следовательно, возможен только между людьми (идеальными формами) одного уровня развития.

Исходя из наличия четырёх стабильных и четырёх переходных уровней сформированности способа опосредования (внутренней рефлексии), мы выделяем соответствующие им четыре уровня сформированности структуры онтологического диалога и четыре уровня сформированности адаптивного общения. Переход с одного онтогенетического этапа развития на другой связан с преобразованием онтологического диалога в адаптивное общение, или адаптивного общения в онтологический диалог. Начинаться онтогенетическое развитие должно с эмоциональной формы онтологического диалога (так же, как и любой новый этап онтогенетического развития должен начинаться с соответствующей формы онтогенетического диалога).

Онтогенетические этапы развития учебных общностей как среды формирования рефлексивного субъекта

1. ПЕРВЫЙ этап развития ОНТОЛОГИЧЕСКОГО диалога. Эмоциональный онтологический диалог.

Задача: освоение природной способности - рефлексивного чувственного переживания как способности к сенсорной деятельности.

Задача освоения природной – рефлексивного переживания – способности возникает в условиях сенсорной рефлексивной проблемы: противоречие между необходимостью иметь возможность вообще ощущать и реальной сенсорной деятельностью.

В результате решения сенсорной проблемы осваивается общая способность к сенсорной (оценивающей наличие или отсутствие порядка) деятельности как общий способ порождения сенсорных возможностей, а также осваивается способность воссоздавать идеальные формы предметного мира (“порядки”) и на их основе оценивать по критерию порядка пространство реального предметного мира.

Продуктом рефлексивного переживания является идеальная форма сенсорной деятельности (возможность ощущать; возможность осуществлять сенсорную деятельность).

Эмоциональный онтологический диалог осуществляется как достраивание самим ребёнком (под руководством взрослого) собственно сенсорной деятельности до способности к сенсорной деятельности. Способ достраивания и последующего воссоздания - рефлексивное переживание как форма опосредования.

Эмоциональный онтологический диалог (как первый онтологический диалог) осуществляется на одном уровне сложности, но ребёнок одновременно осуществляет деятельность в двух, отличающихся по содержанию пространствах: в пространстве индивидуальной формы сенсорной деятельности и в пространстве диалоговой формы сенсорной деятельности. Отношение индивидуальной формы деятельности сенсорного уровня сложности к диалоговой форме деятельности сенсорного уровня сложности есть отношение эмоционального трансцендирования. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, ребёнок **достраивает** сенсорную деятельность сенсорным пространством её возможностей (идеальной формой) и, тем самым, **актуально формирует** свой первый - чувственный – уровень развития.

2. **ПЕРВЫЙ** этап развития **АДАПТИВНОГО** общения. **Эмоциональное познавательное общение.**

Задача: создание (порождение) полного пространства возможностей сенсорной познавательной деятельности (пространства её идеальных форм) за счёт осуществления познавательного переживания как способности к сенсорному адаптивному опосредованию.

Задача создания полного пространства сенсорных познавательных возможностей – формирования чувственного познавательного переживания как общей сенсорной познавательной способности – возникает в условиях сенсорной познавательной проблемы: противоречие между необходимостью сенсорным способом адаптироваться в предметную среду и конкретной сенсорной возможностью.

В результате решения сенсорной познавательной проблемы осваивается общая познавательная способность как общий способ порождения сенсорных образов (чувственное познавательное переживание), одновременно осваивается способность воссоздавать сенсорные образы предметного мира (“порядки”), и на их основе оценивать по критерию порядка пространство реального предметного мира.

Продуктом чувственного познавательного переживания является сенсорный образ пространства (идеальный образ спонтанного пространства). Эмоциональное познавательное общение осуществляется как достраивание самим ребёнком (под руководством взрослого) пространства возможностей собственной сенсорной деятельности в результате обмена идеальными формами между ребёнком и взрослым за счёт их присвоения и формирования общей способности ребёнка к сенсорному познанию. Это становится возможным в результате формирования общего пространства возможностей ребёнка и взрослого, которое впоследствии осваивается каждым ребёнком в качестве пространства собственных сенсорных возможностей.

Способ достраивания пространства сенсорных возможностей и последующего их воссоздания – обмен и присвоение идеальных форм сенсорной деятельности за счёт осуществления познавательного переживания как возможности обмена и присвоения.

Эмоциональное познавательное общение (как первый познавательный диалог) осуществляется на одном уровне сложности. Ребёнок осуществляет сенсорную познавательную деятельность в двух, не отличающихся качественно, пространствах: в пространстве индивидуальной формы сенсорной познавательной деятельности и в пространстве совместной с взрослым формы сенсорной познавательной деятельности. Отношение индивидуальной формы сенсорной познавательной деятельности к совместной форме сенсорной познавательной деятельности есть отношение обмена между ребёнком и взрослым идеальными формами (возможностями) как способ эмоциональной адаптации. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, ребёнок **достраивает** идеальное пространство возможностей сенсорной деятельности (пространство идеальных форм) и, тем самым, **формирует** свою собственную общую познавательную сенсорную способность.

3. **ВТОРОЙ** этап развития **ОНТОЛОГИЧЕСКОГО** диалога. **Интуитивный онтологический диалог.**

Задача: конструирование и освоение новой интуитивной способности – интуитивной онтологической рефлексии как способности к перцептивной деятельности.

Задача конструирования новой – интуитивной – способности возникает в условиях перцептивной рефлексивной проблемы: противоречие между необходимостью структурно упорядочивать предметное пространство и возможностью только ощущать наличие или отсутствие порядка.

В результате решения перцептивной проблемы возникает новая способность к перцептивной (структурно упорядочивающей) деятельности как общий способ порождения перцептивных возможностей (способов структурирования пространства = перцептивных образов), а также осваивается способность воссоздавать идеальные формы структурированного предметного мира (“структуры”) и на их основе структурировать пространство реального предметного мира.

Продуктом самой интуитивной онтологической рефлексии является идеальная форма перцептивной деятельности (возможность осуществлять перцептивную деятельность).

Интуитивный онтологический диалог осуществляется как конструирование самими детьми (под руководством взрослого) способа перехода от способности к сенсорной деятельности (рефлексивного переживания как эмоциональной формы опосредования) к способности к перцептивной деятельности (интуитивной рефлексии как интуитивной формы опосредования).

Интуитивный онтологический диалог (как и любой онтологической диалог) осуществляется сразу на двух уровнях сложности, каждый ребёнок одновременно осуществляет деятельность в двух, отличающихся по сложности пространствах: в пространстве индивидуальной формы сенсорной деятельности и в пространстве диалоговой формы перцептивной деятельности. Отношение индивидуальной формы деятельности сенсорного уровня сложности к диалоговой форме деятельности перцептивного уровня сложности есть отношение интуитивного трансцендирования. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, ребёнок **добраивает** собственную деятельность интуитивным пространством её возможностей и, тем самым, актуально переходит на следующий - интуитивный – уровень собственного развития.

4. **ВТОРОЙ** этап развития **АДАПТИВНОГО** общения. **Интуитивное познавательное общение.**

Задача: создание (порождение) полного пространства возможностей перцептивной деятельности (пространства идеальных форм перцептивной деятельности) за счёт осуществления познавательной интуиции как способности к перцептивному познавательному опосредованию.

Задача создания полного пространства перцептивных возможностей – формирования о познавательной интуиции (интуитивного адаптивного опосредования) как способности к перцептивному познанию – возникает в условиях перцептивной познавательной проблемы: противоречие между необходимостью перцептивной адаптации в структурированное предметное пространство и конкретной перцептивной возможностью.

В результате решения перцептивной познавательной проблемы осваивается общая перцептивная познавательная способность как общий способ порождения перцептивных образов (познавательная интуиция), осваивается способность воссоздавать перцептивные образы предметного мира (“структуры”) и на их основе структурировать реальное пространство предметного мира.

Продуктом познавательной интуиции является перцептивный образ пространства (идеальный образ структурированного пространства).

Интуитивное познавательное общение осуществляется как добраивание детьми в условиях познавательного общения (под руководством взрослого) пространства возможностей собственной перцептивной деятельности в результате обмена её идеальными формами между собой за счёт их при-

своения, и формирования у каждого ребёнка общей способности к перцептивному познанию. Это становится возможным в результате формирования общего пространства возможностей обоих детей, которое впоследствии осваивается каждым ребёнком в качестве пространства собственных перцептивных возможностей.

Способ достраивания пространства перцептивных возможностей – обмен и присвоение идеальных форм перцептивной деятельности за счёт воспроизводства познавательной интуиции как возможности обмена и присвоения.

Интуитивное познавательное общение осуществляется на одном уровне сложности. Ребёнок осуществляет перцептивную познавательную деятельность в двух, не отличающихся качественно, пространствах: в пространстве индивидуальной формы перцептивной познавательной деятельности и в пространстве перцептивного общения с другим ребёнком. Отношение индивидуальной формы перцептивной познавательной деятельности к совместной форме перцептивной познавательной деятельности есть отношение обмена идеальными формами (возможностями) между детьми как способ интуитивной адаптации в структурированный предметный мир. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, ребёнок **достраивает** идеальное пространство возможностей перцептивной деятельности (пространство идеальных форм перцептивной деятельности) и, тем самым, **формирует** свою собственную общую познавательную перцептивную способность.

5. **ТРЕТИЙ** этап развития **ОНТОЛОГИЧЕСКОГО** диалога. **Рефлексивный онтологический диалог.**

Задача: конструирование и освоение новой логической способности – смысловой онтологической рефлексии как способности к понятийной деятельности.

Задача конструирования новой способности (способности осмысления) возникает в условиях мыслительной рефлексивной проблемы: противоречие между необходимостью логически упорядочивать целостный предметный мир и возможностью только структурно упорядочивать предметное пространство.

В результате решения мыслительной проблемы возникает новая способность к логической (логически упорядочивающей) деятельности как общий способ порождения мыслительных возможностей (способов логического упорядочивания целостного предметного пространства = мыслительных образов), а также осваивается способность воссоздавать идеальные формы логически упорядоченного предметного мира и на их основе логически упорядочивать реальное предметное пространство.

Продуктом самой смысловой онтологической рефлексии является идеальная форма мыслительной деятельности (возможность осуществлять мыслительную деятельность).

Рефлексивный онтологический диалог осуществляется как конструирование самими детьми (под руководством взрослого) способа перехода от

способности к перцептивной деятельности (интуитивной рефлексии как интуитивной формы опосредования) к способности к мыслительной деятельности (смысловой рефлексии как осмысленной формы опосредования).

Рефлексивный онтологический диалог (как и любой онтологической диалог) осуществляется сразу на двух уровнях сложности, каждый ребёнок одновременно осуществляет деятельность в двух, отличающихся по сложности пространствах: в пространстве индивидуальной формы перцептивной деятельности и в пространстве диалоговой формы мыслительной деятельности. Отношение индивидуальной формы деятельности перцептивного уровня сложности к диалоговой форме деятельности мыслительного уровня сложности есть отношение смыслового трансцендирования. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, ребёнок **достраивает** собственную деятельность смысловым пространством её возможностей и, тем самым, актуально переходит на следующий - смысловой – уровень собственного развития.

6. **ТРЕТИЙ** уровень развития **АДАПТИВНОГО** общения. **Рефлексивное познавательное общение.**

Задача: создание (порождение) полного пространства возможностей мыслительной деятельности (пространства идеальных форм мыслительной деятельности) за счёт осуществления познавательной рефлексии как способности к формально-логическому опосредованию.

Задача создания полного пространства мыслительных возможностей – формирования познавательной рефлексии (означающего адаптивное опосредования) как способности к логическому познанию – возникает в условиях формально-логической познавательной проблемы: противоречие между необходимостью логического способа адаптации в целостное предметное пространство и конкретной мыслительной возможностью.

В результате решения формально-логической познавательной проблемы осваивается общая мыслительная познавательная способность как общий способ порождения мыслительных образов (формальных понятий) – формальная логика, осваивается способность воссоздавать перцептивные образы предметного мира (мир как целое) и на их основе гармонизировать реальное пространство целостного предметного мира.

Продуктом формальной логики является мыслительный образ целостного пространства (формальное понятие как идеальный образ целостного предметного пространства).

Рефлексивное познавательное общение осуществляется как достраивание самим ребёнком (под руководством взрослого) пространства возможностей собственной перцептивной деятельности в результате обмена её идеальными формами между детьми за счёт их присвоения, и формирования общей способности каждого ребёнка к перцептивному познанию. Способ достраивания пространства перцептивных возможностей – обмен и присвоение за счёт воспроизводства познавательной интуиции как возможности обмена и присвоения. Это становится возможным в результате фор-

мирования общего пространства возможностей обоих детей, которое впоследствии осваивается каждым ребёнком в качестве пространства собственных мыслительных возможностей.

Способ достраивания пространства мыслительных возможностей – обмен и присвоение идеальных форм мыслительной деятельности за счёт воспроизводства формальной рефлексии как возможности обмена и присвоения.

Интуитивное познавательное общение осуществляется на одном уровне сложности. Ребёнок осуществляет перцептивную познавательную деятельность в двух, не отличающихся качественно, пространствах: в пространстве индивидуальной формы перцептивной познавательной деятельности и в пространстве совместной формы перцептивной познавательной деятельности. Отношение индивидуальной формы перцептивной познавательной деятельности к совместной форме перцептивной познавательной деятельности есть отношение обмена идеальными формами (возможностями) между детьми как способ рефлексивной адаптации в целостный предметный мир. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, каждый ребёнок **достраивает** идеальное пространство возможностей перцептивной деятельности (пространство идеальных форм перцептивной деятельности) и, тем самым, **формирует** свою собственную общую познавательную мыслительную способность.

7. **ЧЕТВЁРТЫЙ** уровень развития **ОНТОЛОГИЧЕСКОГО** диалога. **Виртуальный онтологический диалог.**

Задача: конструирование и освоение новой, виртуальной, способности – трансцендирующей онтологической рефлексии как способности к деятельности по порождению смыслов.

Задача конструирования новой способности (способности порождения любых возможностей) возникает в условиях виртуальной рефлексивной проблемы: противоречие между необходимостью порождать новые логики трансцендирования и возможностью только логически упорядочивать целостный предметный мир.

В результате решения виртуальной проблемы возникает новая способность к трансцендирующей (порождающей логики трансцендирования) деятельности как общий способ порождения виртуальных возможностей (способов порождения логик трансцендирования = виртуальных образов), а также осваивается способность воссоздавать идеальные формы виртуального предметного мира и на их основе осуществлять различные варианты трансцендирования реального предметного пространства.

Продуктом самой трансцендирующей онтологической рефлексии является идеальная форма виртуальной деятельности (возможность осуществлять виртуальную деятельность).

Виртуальный онтологический диалог осуществляется как конструирование самими детьми способа перехода от способности к мыслительной деятельности (осмысленной рефлексии как логической формы опосредова-

ния) к способности к виртуальной деятельности (трансцендирующей рефлексии как виртуальной формы опосредования). Рефлексивный онтологический диалог (как и любой онтологической диалог) осуществляется сразу на двух уровнях сложности, каждый ребёнок одновременно осуществляет деятельность в двух, отличающихся по сложности пространствах: в пространстве индивидуальной формы мыслительной деятельности и в пространстве диалоговой формы виртуальной деятельности. Отношение индивидуальной формы мыслительной деятельности к диалоговой форме виртуальной деятельности есть отношение виртуального трансцендирования. Осваивая его как собственную индивидуальную способность, ребёнок **достраивает** собственную деятельность виртуальным пространством её возможностей и, тем самым, актуально переходит на следующий - виртуальный – уровень собственного развития.

8. **ЧЕТВЁРТЫЙ** уровень развития **АДАПТИВНОГО** общения. **Виртуальное познавательное общение.**

Задача: создание (порождение) полного пространства возможностей виртуальной деятельности (пространства идеальных форм виртуальной деятельности) за счёт осуществления познавательной трансцендирующей рефлексии как способности к виртуальному адаптивному опосредованию. Задача создания полного пространства виртуальных возможностей – формирования познавательной трансцендирующей рефлексии (виртуального адаптивного опосредования) как способности к универсальному познанию – возникает в условиях виртуальной познавательной проблемы: противоречие между необходимостью универсальной адаптации в виртуальный трансцендирующий мир и возможностью формально-логической адаптации в целостный предметный мир. В результате решения виртуальной познавательной проблемы осваивается общая виртуальная познавательная способность как общий способ порождения виртуальных образов (виртуальная познавательная логика), осваивается способность воссоздавать виртуальные образы трансцендирующего мира (“логики трансцендирования”) и на их основе осуществлять практическое трансцендирование реальное возможное к трансцендированию предметного мира. Продуктом трансцендирующей познавательной рефлексии является виртуальный образ трансцендирующего пространства (идеальный образ трансцендирующего пространства).

Виртуальное познавательное общение осуществляется как достраивание детьми в условиях виртуального познавательного общения пространства возможностей собственной виртуальной деятельности в результате обмена её идеальными формами между собой за счёт их присвоения, и формирования у каждого ребёнка общей способности к виртуальному познанию. Это становится возможным в результате формирования общего пространства виртуальных возможностей обоих детей, которое впоследствии осваивается каждым ребёнком в качестве пространства собственных виртуальных возможностей.

Способ достраивания пространства виртуальных возможностей – обмен идеальными формами виртуальной деятельности и присвоение их за счёт воспроизводства познавательной трансцендирующей рефлексии как возможности такого обмена и присвоения.

Виртуальное познавательное общение осуществляется на одном уровне сложности. Каждый ребёнок осуществляет виртуальную познавательную деятельность в двух, не отличающихся качественно, пространствах: в пространстве индивидуальной формы виртуальной познавательной деятельности и в пространстве виртуального познавательного общения с другим ребёнком. Отношение индивидуальной формы виртуальной познавательной деятельности к совместной форме виртуальной познавательной деятельности есть отношение обмена идеальными формами виртуальной деятельности (её возможностями) между детьми как способ рефлексивной трансцендирующей адаптации в трансцендирующий предметный мир. Осваивая общее пространство виртуальных возможностей как собственное индивидуальное пространство возможностей, каждый ребёнок **достраивает** идеальное пространство своих возможностей виртуальной деятельности (пространство идеальных форм виртуальной деятельности) и, тем самым, **формирует** свою собственную общую познавательную виртуальную способность.

Цитируемая литература

1. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.,1997.
2. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
3. Современная психология. М.,1999.
4. Петровский В.А. Личность в психологии. Ростов-на-Дону,1996.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. М.,1982.
6. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука Логика. М.,1974.
7. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т.2. М.,1983.
8. Губин В.Д. Онтология. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1998.
9. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова М.,1981.

Литература, использованная при подготовке Главы VII

- Батишев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
- Ватин И.В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону,1984.
- Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.,1986.
- Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
- Диалектическая логика. Т.2 . Алма-Ата,1987.
- Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб., 2000.
- Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата,1991.
- Кудрявцев В.Т. Психология развития человека (основания культурно-исторического подхода). Рига, 1999.

- Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.,1980.
- Лисина М.И. Проблема онтогенеза общения. М.,1986.
- Психология и новые идеалы научности (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. №5,1993.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
- Современная психология. М.,1999.
- Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.,1994.

Библиография

1. Аббасов А. Сложность. Время. Синергетика: общетеоретический анализ проблем сложности и развития сложных систем. Баку, 1991.
2. Абдильдин Ж.М. Диалектика как методология научного познания. Алма-Ата,1981.
3. Абишев К.А. Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата,1975.
4. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М.,1973.
5. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.,1980.
6. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. М.,1977.
7. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.,1991.
8. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М.,1989.
9. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985.
10. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Сводный отчет. Декабрь, 1995.
11. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Приложение 1. Обзор организации и управления образованием. Декабрь, 1995.
12. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Приложение 3. Обзор базового образования. Декабрь, 1995.
13. Азиатский Банк Развития. ОТП: 2308-КАЗ Техническая помощь по обзору сектора образования и профессиональной подготовки // Приложение 4. Обзор высшего образования. Декабрь, 1995.
14. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М.,1985.
15. Активные методы обучения и качество подготовки специалистов в вузе. Межвузовский сборник научных трудов. Л.,1990.
16. Анализ и классификация педагогических технологий в СССР и зарубежных странах. Л.,1991.
17. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М.,1980.
18. Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.,1961.
19. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.,1968.
20. Андреев И.Д. Основы теории познания. М.,1959.

21. Аристотель Стагирит. 384/383-322/321 г.г. до Р.Х. // Краткая философская энциклопедия. М.,1994.
22. Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.,1984.
23. Артемьева Е.Ю. Природа элементов семантического слоя субъективного опыта // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
24. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
25. Батищев Г.С. Неисчерпаемые возможности и границы применимости категории деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
26. Берн Эрик. Введение в психиатрию и психоанализ ля непосвященных. СПб., 1991.
27. Бернс Хьюберт В.. Стандарты в высшем образовании // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М.,1991.
28. Бехтерев В.М. Объективная психология. М.,1991.
29. Библер В.С. Мышление как творчество. М.,1975.
30. Бойер Эрнест Л. Школы Америки: в чем их призвание, их предназначение // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М.,1991.
31. Брайан Саймон. Общество и образование. М.,1989.
32. Братусь Б.С. Психология личности в контексте мировоззрения // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
33. Брушлинский А.В. Главное – это взаимодействие человека с миром // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
34. Брушлинский А.В. Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
35. Брушлинский А.В. Ответ на возражения и недоумения // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
36. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. - В.,1996.
37. Ватин И.В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону,1984.
38. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям. М.,1982.
39. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.,2000.
40. Выготский Л.С. Собрание сочинений. В 6 тт. М., 1982 - 1984.
41. Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. От амебы до робота: модели поведения. М.,1987.
42. Габай Т.В. Учебная деятельность и ее средства. М.,1988.
43. Галиев Т. Системный подход к интенсификации учебного процесса. Алматы, 1998.
44. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1976.
45. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1999.
46. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 2000.
47. Гальперин П.Я. Метод “срезов” и метод поэтапного формирования в исследованиях детского мышления // Вопросы психологии. 1966. № 4.

48. Гальперин П.Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.,1985.
49. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959. С.441-469.
50. Гальперин П.Я. // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
51. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.,1984.
52. Гегель. Лекции по истории философии // Гегель. Сочинения. Т. VIII, IX. М.,1932.
53. Гегель. Наука логики // Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.,1974.
54. Гегель. Феноменология духа // Гегель. Система наук. Часть I. М.,1959.
55. Герд А.Я. Избранные психологические труды. М.,1953.
56. Гончаров Н.К. Педагогическая система К.Д. Ушинского. М.,1974.
57. Гордеева О.В. Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н. Леонтьева) // Вопросы психологии. 1997. №5.
58. Давыдов В.В. О месте категории деятельности в современной теоретической психологии // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
59. Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М.,1972.
60. Давыдов В.В. Да, нам необходима монистическая теория человеческого бытия // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
61. Давыдов В.В. О понятии развивающего обучения // Педагогика.1995.№ 1.
62. Давыдов В.В. Проблема деятельности как способа человеческого бытия и принцип монизма // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
63. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.,1986.
64. Давыдов В.В. Состояние и проблемы исследований учебной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
65. Давыдов В.В., Андронов В.П. Психологические условия происхождения идеальных действий. Вопросы психологии,№5,1979.
66. Деловые игры и методы активного обучения. Часть I. Челябинск, 1992..
67. Джакупов С.М. Психология познавательной деятельности. Алма-Ата,1992.
68. Джиффорд Бернард Р., Стоддарт Триш. Педагогическое образование: реформа на словах или на деле? // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М.,1991.
69. Реале Д., Антисери Д. Западная философия: от истоков до наших дней. Т. 1 Античность. СПб, 1994.
70. Диалектика познания / Под ред. проф. А.С. Кармина. Л.,1988.
71. Диалектическая логика Т. 1. Общие проблемы. Категории сферы непосредственного. Алма-Ата,1986.
72. Диалектическая логика. Т. 2. Категории сферы сущности и целостности. Алма-Ата,1987.

73. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М.,1983.
74. Дулина Н.В., Щеглова Г.Б. Оценка подготовки инженера методами социологии // Деловые игры и методы активного обучения. Часть I. Челябинск, 1992.
75. Ждан А.Н. История психологии. М.,1997.
76. Журинов М. (Министр образования РК). Некоторые проблемы высшего образования Республики Казахстан, повышение качества подготовки специалистов // Вестник высшей школы Казахстана. 1996. №3.
77. Занков Л.В. Избранные педагогические труды. М.,1990.
78. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1986.
79. Запорожец А.В. // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
80. Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности и психология действия // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
81. Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. // Вопросы философии. 1977. № 7.с.109-126.
82. Злобин Н.С. Деятельность – труд – культура // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
83. Злобин Н.С. Терминологическая разногласия и (или) концептуальные расхождения // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
84. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса. М.,1960.
85. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М.,1984.
86. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
87. Ильина Т.А. Педагогика. М.,1984.
88. Ильясов И.И. Структура процесса учения. М.,1986.
89. Касавин И.Т. Определить деятельность в контексте исследовательской задачи // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
90. Касавин И.Т. Деятельность и рациональность // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
91. Касавин. И.Т. Рациональные границы и перспективы человеческой деятельности // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
92. Категории мышления и индивидуальное развитие. Алма-Ата,1991.
93. Келле В.Ж. Деятельность и общественные отношения // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
94. Келле В.Ж.. Продолжение разговора // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
95. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М.,1983.
96. Концепция гуманитарного образования в Республике Казахстан. Алматы, 7 июля 1994.
97. Концепция содержания образования общеобразовательной школы Республики Казахстан // Утверждена Коллегией Министерства образования № 2/1 от 17 февраля 1994.
98. Коршунов А.М. Творчество и отражение в историческом познании. М.,1984.

99. Коссаковски А., Ломпшер И. О концепции деятельности в педагогической психологии // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
100. Костюк Г.С. Избранные психологические труды. М.,1988.
101. Коул Майкл. Культурно-историческая психология. М.,1997.
102. Краткая философская энциклопедия. М.,1994.
103. Краткая философская энциклопедия. ~ 300 г. до Р. Х. М.,1994
104. Краткий психологический словарь. М.,1985.
105. Краткий психологический словарь-хрестоматия / Под ред. Платонова К.К. М.,1974.
106. Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура. М.,1984.
107. Лекторский В.А. Специфика теоретико-познавательного исследования в системе диалектического материализма // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
108. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.,1980.
109. Лекторский В.А., Швырев В.С. Теория познания, онтология, мировоззрение. Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
110. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. М.,1981.
111. Леонтьев А.А. "Вершинная" психология и перспективы исследования деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
112. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. М.,1983.
113. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.,1975.
114. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.,1979.
115. Леонтьев А.Н. Основные процессы психической жизни (1940) // Философия психологии. М.,1994.
116. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории развития советской психологии (1976) // Философия психологии. М.,1994.
117. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9.
118. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности (1969) // Философия психологии. М.,1994.
119. Леонтьев А.Н. Проблемы психологии деятельности (Дискуссия о проблемах деятельности) 15.11; 28.11; 05.12.1969г.) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990..
120. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.,1981.
121. Леонтьев А.Н. Психологическая характеристика деятельности (1949) // Философия психологии. М.,1994.
122. Лисина М.И. Проблема онтогенеза общения. М.,1986.
123. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.,1984.
124. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.,1976.
125. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.,1956.

126. Маркс К., Фридрих Э. Избранные сочинения. В 9 тт. М., 1985 - 1987.
127. Маркус Филип Н.. Доказательство ухудшения стандартов образования // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М., 1991.
128. Марченко И.П. Какой руководитель нам нужен. М., 1993.
129. Материалистическая диалектика. М., 1981. т. 1.
130. Материалистическая диалектика как общая теория развития. М., 1982. т. 1.
131. Материалистическая диалектика. М., 1984. т. 4.
132. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
133. Менчинская Н.А. Проблема учения и умственного развития школьника. М., 1989.
134. Мясищев В.Н. Психология отношений. М., 1995.
135. Мячин Ю.Н. Системно-целостная концепция развития. Оренбург, 1992.
136. На пути к новой школе. М., 1988.
137. Научное творчество / Под ред. С.Р. Микулинского и М.Г. Ярошевского. М., 1969.
138. Немов Р.С. Словарь // Психология. Учебник для педагогических вузов. Кн. 1. М., 2000.
139. Никифоров А.А. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
140. Никифоров А.Л. Общее и индивидуальное в деятельности // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.
141. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М., 1999.
142. Обухова Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1981.
143. Обучение и развитие / Под ред. Л.В. Занкова. М., 1975.
144. Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов. / Под ред. Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А. М., 1981.
145. Одаренные дети / Под ред. Г.В. Бурменской и В.М. Слущкого. М., 1991.
146. Павлов Т. Теория отражения. М., 1949.
147. Патляева Ю.Ю. К анализу сложных форм опосредования индивидуальной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М., 1990..
148. Пейперт С. Переворот в сознании: дети, компьютеры и плодотворные идеи. М., 1989.
149. Петровский А.В. Развитие личности и проблема ведущей деятельности // Вопросы психологии. 1987. № 1.
150. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. М., 1996. т. 2.
151. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся педагогическим специальностям М., 2000.
152. Петровский В.А.. Личность в психологии. Ростов-на-Дону, 1996.
153. Пидкасистый П.И. Формирование умений и навыков учебного труда в процессе обучения школьников / Сб. научн. трудов. М., 1981.
154. Плотников Ю.К. Спорить – значит искать истину // Деятельность, теория, методология, проблемы. М., 1990.

155. Полторацкий А., Швырев В. Знак и деятельность. М.,1970.
156. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.,1976.
157. Проблема субъекта и объекта в истории философии и в современной науке. Воронеж, 1974.
158. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.,1997.
159. Психологические возможности младших школьников в усвоении математики / Под ред. В.В. Давыдова. М.,1969.
160. Психологический словарь / Ред. коллегия: В.В. Давыдов и др. М.,1983.
161. Психология / Под ред. В.В. Богословского. А.А. Степанова. М.,1981.
162. Психология. Словарь. М.,1990
163. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.,1973.
164. Рубинштейн С.Л. Проблема сознания и деятельности в истории советской психологии // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
165. Рубинштейн С.Л. Проблемы способностей и вопросы психологической теории // Тезисы докладов на I съезде общества психологов. М.,1959. Вып. 3.
166. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира // С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
167. Рубинштейн С.Л. О личности // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
168. Рубинштейн С.Л. О мышлении // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
169. Рубинштейн С.Л. О сознании // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
170. Рубинштейн С.Л. О философских основах психологии. Ранние рукописи К. Маркса и проблемы психологии. 1959 // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.,1973.
171. Рубинштейн С.Л. Основные положения теории сознания // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
172. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.,1940.
173. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. В 2 тт. М.,1989.
174. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
175. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.,1959.
176. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. Вопросы психологической теории // Рубинштейн С.Л. Избранные философско-

- психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.,1997.
177. Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса 1934 // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.,1973.
  178. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.,1997.
  179. Рубцов В.В., Марголис А.А., Гуружапов В.А. Культурно-исторический тип школы // Вопр. психологии. 1994. № 5.
  180. Савицкий И. (Прага. Европейский Центр по свободному времени и образованию). Философия образования для XXI века: кризис образования – необходимость принципиально новых воззрений // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №1(69).
  181. Сагатовский В.Н. Категориальный контекст деятельностного подхода // Деятельность: теория, методология, проблемы. М.,1990.
  182. Сагатовский. Деятельность: монизм любой ценой или полифония? С чем нельзя согласиться ... // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
  183. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.,1988.
  184. Свидерский В.И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л.,1964.
  185. Симондс Ричард, Вибэ Джеймс. Электронные средства и процесс обучения. // Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М.,1991.
  186. Сиротский В.Е. Жизнь ученого и судьба науки: Петр Яковлевич Гальперин // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №2(70)
  187. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. М.,1995.
  188. Словарь // Общая психология. Учебник для педагогических институтов / Под ред. А.В. Петровского. М.,1976.
  189. Словарь // Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов / Под ред. Богословского В.В., Ковалева А.Г., Степанова А.А. М.,1981.
  190. Словарь // Психология / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.,1981.
  191. Словарь // Психология / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.,1990.
  192. Словарь иностранных слов. М.,1989.
  193. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.,1995.
  194. Современная психология. М.,1999.
  195. Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М., Бишкек, Екатеринбург, 1996.
  196. Сойфер В. Где лучше учат - в США или в России? // Известия. 1995. 15 сентября.
  197. Стеценко А.П. О роли принципа предметности в теории деятельности (критика “извне” и критика “изнутри”) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
  198. Суд над системой образования / Под ред. У.Д. Джонстона. М.,1991.

199. Судаков. К.В. Тайны инстинкта. М.,1967.
200. Талызина Н.Ф. Формирование познавательной деятельности учащихся. М.,1983.
201. Теория познания / Под ред. В.А. Лекторского и Т.И.Ойзермана. М.,1991.
202. Трубецкая С.Н. Курс истории древней философии. М.,1997.
203. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси., 1961.
204. Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека.
205. Философская энциклопедия. В 5 тт. М., 1962 - 1971.
206. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.,1981.
207. Философский словарь. 3-е изд. / Под ред. М.М. Розенталя. М.,1972.
208. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В.В. Давыдова М.,1981.
209. Флейвелл Джон Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М.,1967.
210. Формирование учебной деятельности школьников / Под ред. В.В. Давыдова, И. Ломпшера, А.К. Марковой. М.,1982.
211. Фролов Ю.П. От инстинкта до разума. М.,1947.
212. Хайдеггер Мартин. Время и бытие. [Письмо о гуманизме]. М.,1993.
213. Хонин С.Т. Индивид как субъект жизнедеятельности. Куйбышев, 1990.
214. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.,1982.
215. Швырев В.С. Деятельность – открытая система // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
216. Швырев В.С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность, теория, методология, проблемы. М.,1990.
217. Швырев В.С. Теория познания и методологический анализ науки // Гносеология в системе философского мировоззрения. М.,1983.
218. Шердаков В.Н. Г.С. Батищев: в поисках истины пути и жизни // Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб., 1997.
219. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.,1995.
220. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.,1994.
221. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.,1960.
222. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.,1989.
223. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. М.,1974.
224. Эльконин Д.Б. // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы. М.,1990.
225. Якунин В.А. Педагогическая психология. СПб., 1998.
226. Януш Генцицкий (Институт педагогических исследований). Францишек Янушкевич (Институт научной политики и высшего образования Республики Польши). Польские проблемы в сфере образования: перспективы, варианты и обоснование реформы. // Современная высшая школа. Международный журнал. Варшава. 1990. №1(16)7.
227. Ярошевский М.Г. История психологии. М.,1985.
228. 25.07.1997. President Clinton`s Commitment to Education and Training.
229. Don Closson. Education Reform. File: ///A/ ed-refrm.html. 25.07.1995.

230. Garold Stivenson (psychologist). Conservative Chronicle, 1994, Oktober, 22,
231. Nasa Education Strategy Program Principles.
<http://deimos.uscd.edu/KidSat/eddocs/strategy.html> Educational Strategy.
<http://www.cirrcles.org/Round3/Curric/edstrat.html>. 13.06.1997.
232. The White House. Office of the Press Secretary. <File:///A/Pres-on-trng.html>.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	1
1.1. Развивающийся мир и человек в нём	4
1.2. Предметная культура как среда жизнедеятельности человека	32
1.3. Человек как универсальный субъект	36
1.4. Психология современного образования	46
1.5. Некоторые выводы	53
ГЛАВА II. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	60
2.1. Краткий очерк истории деятельностного подхода в психологии	60
2.2. Предметная деятельность как философская категория	73
2.3. Предметная деятельность и активность	99
2.4. Предметная деятельность как психологическое понятие	109
ГЛАВА III. РЕФЛЕКТОРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (рефлекторная концепция происхождения человеческой психики)	133
3.1. Субъект активности как онтологическое понятие	133
3.2. Логика онтогенеза человека как субъекта активности	164
3.3. “Внешние причины через внутренние условия” как адаптивный механизм онтогенеза субъекта активности	193
ГЛАВА IV. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (объектно-деятельностная концепция человеческой психики)	205
4.1. Человек как субъект присвоения	205
4.2. Логика онтогенеза человека как субъекта присвоения	224
4.3. Интериоризация как механизм культурно-адаптивного опосредования	266
ГЛАВА V. ПСИХОЛОГИЯ И ЛОГИКА ОНТОГЕНЕЗА ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ	281
5.1. Человек как субъект трансцендирования	281
5.2. Восхождение от абстрактного к конкретному как логика онтогенетического развития	292
5.3. Чувственность как исходная форма онтогенетического развития	304
5.4. Сложность как психологический критерий развития	306
ГЛАВА VI. РЕФЛЕКСИВНОЕ ОПОСРЕДОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ	315
6.1. Опосредование как человеческий механизм существования	315
6.2. Психология причинного (естественного) опосредования	317
6.3. Психология целевого (искусственного) опосредования	321

6.4. Психология знакового опосредования	325
6.5. Психология рефлексивного опосредования	327
ГЛАВА VII. ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ КАК МЕТОД ОРГАНИЗАЦИИ ОНТОГЕНЕТИЧЕСКОГО ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЯ ...	337
7.1. Существование другого как возможность моего существования	337
7.2. Обмен как психологическое содержание общения	338
7.3. Межсубъектная природа субъектности	340
7.4. Общение как отношение гегзиса субъектности	342
7.5. Общение как онтологическая категория	344
7.6. Онтологическое общение как метод организации развития	345
7.7. Этапы усложнения структуры онтологического диалога	354
БИБЛИОГРАФИЯ	365

Учебное издание

Агеев Валентин Васильевич

**Психология трансцендирования
(введение в проблему)**

*Выпускающий редактор В.Сейтқұлова
Компьютерная верстка Б.Яғалиевой*

ИБ № 1634

Подписано к печати 29.04.2002. Формат 60x80 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч-изд. л. 23,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1885. Цена договорная.
Издательство «Казак университети» Казахского национального университета
им.аль-Фараби. 480078 г.Алматы, пр.аль-Фараби, 71, КазНУ